

ЭДГАРТ АЛЬТШУЛЕР

Еврей по папе.

Эдгарт Альтшулер

Еврей по папе

Beit Nelly
media

Тель-Авив
2024

Эдгарт Альтшулер
ЕВРЕЙ ПО ПАПЕ

Дизайн обложки
Александра Янковская
Компьютерная вёрстка
Анна Шпац

Израиль, 2024 — 540 с.

ISBN 978-965-561-389-6

© Эдгарт Альтшулер, 2024

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Beit Nelly Media, 2024.

О себе

Я, Альтшулер Эдгарт Бенционович, родился в 1939 году в г. Ростове-на-Дону в малообеспеченной еврейской семье: папа — инженер, мама — домохозяйка. Папа ушёл на фронт и прошёл боевым офицером всю войну, мама с двумя маленькими детьми (у меня ещё был старший брат Михаил 1934 года рождения) ценой своего здоровья эвакуировала нас в г. Сталинабад (Душанбе). Без офицерского аттестата папы, который нас на время потерял, мы просто умирали с голоду (мама работала уборщицей), но добрые люди приютили и даже отдали нам для проживания свой погреб.

После войны мы вернулись в Ростов, в разграбленную квартиру. Сохранилось только пианино «Красный Октябрь», на котором играл, когда приезжал в Ростов, папин двоюродный брат профессор Арон Соломонович Бубельников, декан факультета Ленинградской консерватории.

Мы с братом окончили замечательную среднюю школу №49 при Ростовском педагогическом институте: брат в 1952 году получил серебряную медаль, а я в 1957 году — золотую.

В 1963 году после окончания Новочеркасского политехнического института я был распределен на работу

ассистентом в Норильский вечерний индустриальный институт (НВИИ) (в настоящее время Государственный Заполярный Университет). Через полгода с семьёй получил десятиметровую комнату в коммунальной квартире с жуткими соседями: один освободился из лагеря после восьми лет заключения, второй, до нашего знакомства, имел пятнадцать лет каторжных работ. Этот сосед каждый раз, когда ему жена не давала водки, грозился нас зарезать, так как он «не может с жидами входить в одну дверь». Слава Богу, всё обошлось: старые норильчане помогли, чтобы он получил от лагерных авторитетов «малю», которая спасла наши жизни.

НВИИ возник в 1961 году на базе уникального Норильского горно-металлургического техникума (1944 года создания), в котором преподавали заключённые: члены-корреспонденты, профессора, доктора наук и т. д. К моему приезду институтский дух высокой науки и культуры находился в самом зените. В 1967 году меня, несмотря на Шестидневную войну в Израиле, с двухмесячной задержкой, приняли в очную аспирантуру Московского горного института, в котором я, на полгода раньше положенного срока, защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в Норильск.

В 1970 году стал исполнять обязанности декана одного из двух инженерных факультетов НВИИ. По всей видимости, оказался самым молодым деканом Советского Союза, так как все заведующие кафедрами, в два раза старше меня по возрасту и прошедшие (каждый своё) фронт, лагеря и работу на Норильском комбинате, объявили мне бойкот: дважды проваливали на выборах декана факультета. Тем не менее, когда Учёный совет, наконец, избрал меня деканом, я проработал на этой должности шестнадцать лет. В 1983 году меня, при пяти кандидатах, тайным голосованием коллектив института избрал ректором, но

партийные власти Норильска меня ректором не утвердили. С 1988 года и до отъезда из Норильска в 1991 г. в Израиль работал заведующим кафедрой.

В 1987 году в Москве защитил докторскую диссертацию по теме, связанной с обеспечением безопасной эксплуатации электроустановок в условиях многолетней мерзлоты. В 1988 году получил звание профессора. В результате моих с коллегами усилий в Норильске была создана единственная в мире научная школа по токам в вечной мерзлоте, занимавшая по площади приблизительно 50% территории бывшего Советского Союза. На базе Норильского горно-металлургического комбината нами были организованы и проведены пять всесоюзных конференций, в том числе два выездных заседания секции Научно-технического совета АН СССР. В 1980 году стал Лауреатом премии Министерства высшего и среднего образования СССР, а в 1985 году за научную и общественную деятельность был награждён дирекцией Норильского комбината золотым дипломом.

В 1991 году вместе с семьёй уехал в Израиль. С 1992 по 2005 годы, вплоть до выхода на пенсию, работал в группе советников главного инженера Государственной электрической компании Израиля. За вклад в развитие израильской энергетики в мою честь были посажены в районе Хайфы тринадцать деревьев — по одному дереву за каждый проработанный в компании год. По результатам деятельности в компании мной была написана на иврите и издана книга, вышедшая уже вторым тиражом «Обеспечение безопасной эксплуатации электроустановок среднего и высокого напряжения Израиля» (для служебного пользования).

Помимо производственной деятельности, активно все годы жизни в Израиле занимался общественной работой — был президентом Союза учёных-репатриантов Израи-

ля (с 1996 по 2011 годы), объединявшем около пятнадцати тысяч учёных из бывшего Советского Союза и стран СНГ. В 2021 году избран действительным членом Европейской академии естественных наук и награждён орденом «Корона». В этом же году был включён в Российскую еврейскую энциклопедию.

С выходом на пенсию стал заниматься литературным творчеством. В 2018 году в Москве вышла моя первая книга «Жизнь как подвиг», посвящённая узникам страшного Норильского исправительно-трудового лагеря. В 2020 году в этом же издательстве в Москве была опубликована моя вторая книга «Декан», носящая в некоторой степени автобиографический характер. В этом году в Израиле выходит моя третья книга, посвящённая любви и дружбе между людьми.

Я счастливо женат, имею двоих детей, четырёх внуков и двух правнуков.

*С уважением,
Эдгарт Альтшулер*

*Посвящается светлой памяти нашего
любимого сына, безвременно
ушедшего из жизни*

От автора

Прожив более пятидесяти лет в СССР, я никогда не задумывался над тем, что евреи могут быть разной сортности. Для меня такого понятия не существовало, так как еврей, в моём восприятии, это умный, интеллигентный, образованный человек, родители которого имеют еврейские корни. Тем более никогда не возникало желания выделить какую-нибудь группу евреев и противопоставить её другой.

Известно, что до сегодняшнего дня значительная часть евреев рассеяна по миру и проживает в разных странах, несмотря на то, что в середине двадцатого века было принято решение собрать их на Святой земле в государстве Израиль, который защищает не только его армия, но и сам Господь Б-г. Тем не менее оказалось, что этому решению препятствуют два обстоятельства: во-первых, не все евреи хотят переезжать в Израиль, а во-вторых, у властей сегодняшнего Израиля исчезло желание приглашать на постоянное местожительство русскоговорящих евреев.

Последнее вызвано тем, что евреи из России, пройдя в своей жизни через страшные испытания кровопролитными войнами, социализмом и советскими концлагерями, позволили себе создать смешанные браки. В связи с этим у русскоязычных евреев в настоящее время возникла дилемма: либо продолжать жить там, где им угрожает опасность, либо прорываться, в полном смысле этого слова, в «кошерный» Израиль, тратя на это годы.

К сожалению, несмотря на колоссальный вклад евреев в мировую науку, технику, искусство, литературу, отношение к ним во многих странах продолжает желать лучшего. Евреи, соблюдая законы государств, где они постоянно живут, далеко не всегда позитивно воспринимаются окружающими народами, а антисемитизм стал будничной, постоянно присутствующей в средствах массовой информации грязной и злобной темой. Более того, нечистоплотные правители некоторых стран мира стараются разыграть еврейскую карту, позволяющую выпустить пар из своего народа путём натравливания его на евреев.

В фантастическом романе «Еврей по папе» автор предлагает создать в удалённом от всего мира уголке планеты современный город-сад под стеклянной крышей, который будет надёжным домом для евреев всего мира.

На пути к мечте

Автор нового романа Эдгарт Альтшулер — известный ученый, в начале советских шестидесятых — молодой специалист в краю суровых полярных ночей и светлых умов ученых, со временем — декан Норильского индустриального института.

Выдающийся педагог, доктор технических наук, профессор Эдгарт Бенционович учил и воспитывал необходимых всякому большому хозяйству инженеров. Наделенный литературным даром, он не мог не видеть «боковым зрением» протекавшую неподалеку «параллельную» жизнь эков сталинского Норильлага. Среди засланных в эту вымерзшую до дна тундру были профессора, доктора наук, академики... «С легкой руки» этих мучеников вырос уникальный промышленный гигант СССР – Норильский горно-металлургический комбинат. Вокруг него образован сюжет первого романа Эдгарта Альтшулера «Жизнь как подвиг», изданного в Москве в 2018 году.

Там же увидел свет через несколько лет и второй его роман «Декан», ставший продолжением первого и посвященный коллективу Норильского института — «сборной Советского Союза по высшему образованию», как называет его автор.

Жанр третьего романа, который вы держите сейчас в руках, я бы определил как «роман мечты». В мире нет справедливости, и надежда на нее кажется утраченной. Тем более удивительна царившая в лагерных бараках духовная атмосфера, благодаря которой люди сохраняли свою человеческую сущность.

Более чем три десятилетия жизни в Израиле принесли Эдгарту Альтшулеру известность на литературном поприще. Земля Обетованная обладает магической силой и наделяет ею людей творческих. Я готов назвать немало авторов, до репатриации никогда не писавших ни стихов, ни прозы. А в Израиле они обрели новый голос, создали великолепные произведения, которые были замечены и по достоинству оценены. Член Союза русскоязычных писателей Израиля Эдгарт Альтшулер — один из таких.

Я не стану пересказывать сюжет его новой книги. Обращу лишь читательское внимание на то, как автор вслушивается, всматривается в наш мир и пытается его выразить по-своему. Попытка понять себя иногда равнозначна попытке понять Бога и с ним согласиться.

Думаю, сегодня писатели обрели настоящий рай для творчества, свободного от идеологических пут. Каково было выпутываться из них, спросите у представителей минувшей эпохи. Произведения Эдгарта Альтшулера дышат свободой, незашоренностью, и оттого это романы реализованной мечты.

Нет, я не стану пересказывать сюжет нового романа — право потянуть за первую ниточку и до последней страницы не оторваться от умно сплетенного клубка принадлежит читателю. Не удержусь только от упоминания об одном еврее — узнике Норильлага, известном в свое время герое войны. Он дал сыну замечательный совет: «Если тебя оскорбили, бей сразу, чтоб свалить одним ударом».

Сын воспользовался отцовским заветом. С этого и началась его непростая жизненная дорога к благословенному утверждению чести и достоинства.

Леонид Финкель,

*Почетный председатель
Союза русскоязычных писателей Израиля*

Пролог

Вячеслав Васильевич Панкратов сидел после насыщенного рабочего дня, опёршись на колесо своей машины, и грелся на солнышке.

Сегодня, 15 июля 1985 года, ему исполнилось пятьдесят пять лет. Он не ждал поздравлений, подарков, а тем более речей в честь своего юбилея по причине того, что никто об этом не знал. Дата рождения, как он считал, была выбрана родителями не совсем удачной — середина лета: никого из друзей в городе нет — кто в отъезде, кто на даче. Да и сам Слава находился, как правило, в ведомственном лагере.

А вчера вечером, как будто в компенсацию всех несостоявшихся именин, он получил официальное письмо из Федеральной службы исполнения наказаний РСФСР. В письме сухим казённым языком сообщалось, что в связи с окончанием срока заключения Панкратову В. В. полностью отменяется режим конвоирования.

Какое конвоирование? О чём они пишут? Уже четыре года он, руководитель огромного проекта федерального уровня, ездит самостоятельно по тундре на личном вездеходе.

Интересно другое — на что он эти пятьдесят пять лет потратил: восемнадцать — детство и юность в Москве, шесть — учёба в Берлинском технологическом университете, тринадцать — жизнь и работа в израильском киббуце, пятнадцать — исправительно-трудовые лагеря специального назначения России: пять — шарашка под Москвой, десять — опытно-конструкторское предприятие на Крайнем Севере.

Где-то потерялись три года, так как не получается в сумме пятьдесят пять? Ну, конечно, он не учёл всякие переезды, переходы, этапы, а главное, два года административного ареста в Ростове-на-Дону, где готовил обоснование проекта «Город будущего». Начальник управления КГБ по южному округу РСФСР полковник Скворцов лично изучил все эскизы, относящиеся к данному проекту, и, в конце концов, после тщательной экспертизы в подмосковной шарашке, дал разрешение на его выполнение.

Кстати, по советским законам, мужчины, проработавшие в районах Крайнего Севера более десяти лет, имеют право в пятьдесят пять выходить на пенсию. А у него только с этого года начинается отсчёт трудового стажа. Наверное, он один на всю тундру такой чудак.

*Настоящее счастье — здесь и сейчас.
Оно не имеет никакого отношения к
прошлому и будущему.*

Ошо, индийский философ

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Подвиг на века

1.1

Был обычный осенний вечер 24 сентября 1968 года: тёплый, безветренный, немного влажный. Гудели автомобили, звенели трамваи, громко трещали птицы. Воздух был напоён запахом прелых листьев, которые шуршали под ногами возвращающихся домой после рабочего дня людей. Дворники в белых фартуках вышли в вечернюю смену на улицы Ростова-на-Дону и аккуратно сметали с тротуаров напавшую за день листву.

Вдруг на пути дворника Денисова возникла фигура немолодого, в добротном костюме, человека, который непод-

вижно сидел на тротуаре, привалившись спиной к стенке здания финансово-экономического института.

— Гражданин, здесь нельзя сидеть! Поднимайтесь и идите домой!

Фигура на голос дворника никак не среагировала.

— Вы что, не слышите меня? Быстренько вставайте!

Когда снова ответа не последовало, Денисов прикоснулся к руке сидящего на тротуаре. Она была холодной. Не теряя времени, Денисов зашёл в здание института.

— Федотыч, — обратился он к швейцару, с которым ежедневно пил чай, — позвони в милицию и скажи, что рядом со входом в институт лежит мёртвый человек. Нужно забрать.

— Тебе это надо, Василий? С милицией не связывайся! Обошёл его и дальше пошёл махать метлой.

— Ты что, Федотыч? Да у него орденская планка на полгруды. Посодют меня и тебя за недонесение важной информации. Бегом звони!

Приехавший через десять минут старший оперуполномоченный милиции капитан Быков сразу установил личность лежащего на улице гражданина. В правом внутреннем кармане пиджака лежало его служебное удостоверение с отметкой «Особые полномочия»:

«Выдан Рожанскому Исааку Марковичу, 1921 года рождения. Начальнику специального строительномонтажного управления Норильского горно-металлургического комбината. Разрешён допуск ко всем объектам Норильского комбината без ограничения.

Начальник службы ООК полковник Данилов В. И.»

В левом кармане пиджака умершего лежал бумажник с солидной суммой денег и коробочка с леденцами. Капитан Быков достал из планшета блокнот, что-то в нём написал и вручил вырванную страницу врачу скорой помощи, которая приехала почти одновременно с ним.

- Как ваша фамилия? — спросил Быков у врача.
- Доктор Ващук.
- Значит так, доктор Ващук. Немедленно доставить покойника в специальный бокс морга медицинского института. Вскрытие трупа не проводить до особого распоряжения. Я об этом в записке заведующему боксом написал. Вам всё понятно?
- Понятно.
- Выполнять. Да, и скажите, какая причина смерти гражданина Рожанского? Хотя приблизительно?
- По-моему, инфаркт, но точно можно будет сказать только после вскрытия.
- Хорошо. Вы свободны.

1.2

Возвратившись на своё рабочее место, капитан Быков позвонил начальнику Кировского отдела милиции Ростова-на-Дону полковнику Скоморохову по прямому телефону. В трубке раздалось короткое «Да».

— Товарищ полковник. Капитан Быков. Разрешите обратиться?

— Обращайтесь.

— Вернулся сейчас с вызова. Имею информацию, которую обязан доложить вам лично.

— Жду вас у себя через двадцать минут.

Через двадцать минут капитан Быков стоял на пороге кабинета полковника Скоморохова.

— Разрешите войти?

— Входите, капитан.

— Сегодня на дежурном вызове, в 17 часов 35 минут, мной обнаружен рядом со зданием финансово-экономического института труп начальника Специального строительного-монтажного управления Норильского

горно-металлургического комбината Рожанского Исаака Марковича. Труп, по моему указанию, доставлен службой скорой помощи в специальный блок морга Ростовского мединститута. Жду ваших указаний.

— Присядьте, капитан. Правильно, что вы мне напрямую доложили об этой неприятности. Норильский комбинат — ведущее предприятие стратегического значения Советского Союза, а значит его кадры — весьма серьёзные люди. Думаю, нам следует немедленно предпринять следующие шаги. Записывайте:

Первое. Составить и отослать в адрес дирекции Норильского комбината на нашем служебном бланке сообщение о смерти сотрудника комбината.

Второе. Дать указание моргу Ростовского мединститута поместить труп Рожанского в бокс длительного хранения. Всё-таки люди летят с Крайнего Севера. Кстати, причина смерти установлена?

— Предполагается инфаркт.

— И третье. Докладывать мне лично о результатах работы по данному происшествию ежедневно. Вам понятно?

— Так точно, товарищ полковник.

— Выполняйте.

1.3

В два часа дня 25 сентября 1968 года из канцелярии директора Норильского горно-металлургического комбината в приёмную начальника Норильского строительного комплекса федерального значения Калмыкова Владимира Дмитриевича поступило факсовое сообщение следующего содержания:

Директору Норильского комбината.

С глубоким прискорбием сообщаем, что вечером 24 сентября сего года скорпостижно скончался в Ростове-на-Дону (предположительно от инфаркта) сотрудник вашего комбината Рожанский Исаак Маркович.

Прошу сообщить предполагаемые вами действия.

Начальник Кировского отдела милиции
Ростова-на-Дону,
полковник Скоморохов

Сообщение подготовил
старший оперуполномоченный
капитан Быков

На факсовом сообщении стояла резолюция директора Норильского комбината:

Начальнику комплекса тов. Калмыкову В. Д.

Главному бухгалтеру комбината тов. Свиридову П. С.

Срочно выполнить необходимые мероприятия по подготовке и проведению похорон тов. Рожанского И. М.

Это был тот редкий случай, когда секретарь Калмыкова зашла в кабинет своего начальника без стука. Варвара Семёновна молча положила ему на стол полученную из канцелярии директора комбината бумагу и без приглашения села напротив него.

— Что это? — спросил Владимир Дмитриевич секретаря и опустил вниз глаза.

— Читайте, — тихо сказала Варвара Семёновна.

— Не может быть, — тихо произнёс Калмыков.

— Не может быть! — громко, на весь огромный кабинет, прокричал Владимир Дмитриевич. — Он был последний. Последний! Я остался один!

Опустив голову на кулаки, Калмыков зарыдал.

Варвара Семёновна, которая знала всех друзей Владимира Дмитриевича, тоже тихо заплакала. Она первой пришла в себя: вернулась в приёмную, налила из графина четверть стакана воды и накапала тридцать капель валерьянки. Потом снова вошла в кабинет Калмыкова, плотно закрыв за собой дверь, и уже другим голосом сказала:

— Владимир Дмитриевич, выпейте, пожалуйста. У вас сегодня много дел.

— Какие у меня могут быть сегодня дела? У меня сегодня нет никаких дел. Умер человек — совесть всех политических заключённых Норильска.

Было видно, что известие о смерти Исаака его просто «убило», но Варвара Семёновна продолжала говорить.

— Владимир Дмитриевич, прежде всего, позвоните жене. Вам сразу станет легче, разделив с близким человеком это большое горе. Во-вторых, скажите мне, пожалуйста — на кого заказывать авиабилеты в Ростов: жена Вера Рожанская — раз, ваш помощник Валерий Иванович — два. Всё или вы ещё кого-то хотите послать?

— Нет, не всё. Ещё я.

— Ну зачем вам, Владимир Дмитриевич, самому лететь? Зачем?

— А как же, Варвара Семёновна? Исаак — мой близкий друг ещё с лагерных времён. Он мне столько раз жизнь спасал.

— И всё-таки...

— Нет. И разговора быть не может.

— Хорошо. Тогда я в группу на вылет включу юриста управления Сурина. Не возражаете?

— Нет, не возражаю.

1.4

Беатрис была дома и сразу ответила по телефону:

- Слушаю вас.
- Это я.
- Володя, что у тебя с голосом? Что случилось?
- Случилось. Исаак умер.
- Как умер? Где?
- В отпуске. В Ростове. Я должен туда лететь.
- Подожди, не горячись. Зачем тебе самому лететь?

Пошли с Верой толкового сопровождающего.

— Нет, должен я. Дело серьёзное — может понадобиться привезти тело в Норильск и похоронить с почестями. Это легенда Норильска. Второго такого человека здесь не было и не будет.

— Ну, не знаю. Подумать надо.

Но тут Владимир Дмитриевич резко перебил жену.

— Тут думать не о чем. Вопрос в другом. Как сообщить Вере о смерти Исаака: приехать мне к ней домой или перехватить после работы прямо на улице? Может, ей будет не так больно.

— Не могу сказать, дорогой, как лучше. А давай я поеду с тобой — женщина более мягко, более деликатно может всё это сделать.

— Хорошо, я через час за тобой заеду.

Когда Владимир Дмитриевич вошёл в свою квартиру, на нём лица не было. Бледный, без перчаток и шапки, которые забыл в машине.

— Володя, давай я тебе налью рюмку коньяка, а то ты на себя не похож.

— Нет, нельзя прийти выпивши к людям в такой момент.

— Можно, не то у тебя возникнет, не дай Б-г, спазматическая реакция сердца, и ты, совсем не вовремя сляжешь.

— Я сказал: нет! Бутылку возьму с собой.

Дверь на звонок открыла сама Вера.

— О, гости дорогие, заходите. То-то у меня сегодня нос чесался. Да вы проходите. Чего топчетесь у порога?

После того, как она расцеловалась с Беатрис и Владимиром Дмитриевичем, все прошли в большую комнату. На звук голосов выскочили из своей комнаты двое мальчишек, а из кухни вышла в переднике мама Веры.

— Как хорошо, что вы пришли. Мы только собирались обедать. Теперь составите нам компанию, — засуетилась Вера, почувствовав, что не просто так, в середине рабочего дня, пришёл к ним такой начальник, как Калмыков.

— Мама как раз сварила пельмени, — продолжала она.

— Да вы присаживайтесь, Владимир Дмитриевич. В ногах правды нет. Присаживайтесь.

— Верочка, можно тебя на минутку в другую комнату, — прошептала Беатрис ей на ухо и, взяв под руку, увела от мамы.

Через несколько минут в квартире Рожанских было страшно находиться. Плакали и кричали все: каждый в своей комнате, на свой лад, своим и не своим голосом. Никто никого не уговаривал, не успокаивал, не утешал.

Владимир Дмитриевич сидел в большой комнате один. Его глаза были полны слёз, но плакать уже не хотелось. В голове мелькали разные эпизоды его с Исааком лагерной жизни, встречи с друзьями в бане, многочасовые беседы на разные темы.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, когда из дальней комнаты вышли Вера и Беатрис. Владимир Дмитриевич подошёл к Вере, крепко её обнял и громким начальственным тоном сказал:

— Верочка, держись. Мы с тобой. Вечером позвоню. Скажу, когда вылет самолёта в Ростов. И, прошу тебя, ни о чём не волнуйся. Всё сделаем, как положено.

1.5

Вечером того же дня, на личном бланке Генерального директора Норильского строительного комплекса федерального значения Калмыкова Владимира Дмитриевича, в адрес начальника Кировского отдела милиции Ростова-на-Дону полковника Скоморохова поступило факсовое сообщение следующего содержания:

В связи со скоростижной кончиной тов. Рожанского И. М., рейсом 1206 Норильск-Москва (стыковочный рейс 567 Москва-Ростов), вылетает комиссия в составе:

1. Калмыкова В. Д. — генерального директора комплекса.
2. Сурина С. П. — главного юриста комплекса.
3. Степанова В. И. — помощника генерального директора.
4. Рожанской В. Ю. — жены умершего Рожанского И. М.

Прошу подтвердить получение факса.

Помощник генерального директора комплекса
Степанов В. И.

Получив факс из Норильска, полковник Скоморохов вызвал к себе своего заместителя по кадрам подполковника Крыжевского:

— Виктор Андреевич, внимательно прочитай факс, который мне сейчас принесли. Как ты считаешь, что за фигура — Генеральный директор Норильского строительного комплекса федерального уровня?

— Не могу точно сказать, товарищ полковник, но всё, что связано с Норильском, всегда очень серьезно. Может,

этот Калмыков, имеющий личный бланк, числится в ранге заместителя министра? Не знаю. Надо подумать.

— Знаю-не знаю, это не разговор. Формулирую задачу:

1. Встретить вам лично комиссию из Норильска в аэропорту города Ростова-на-Дону.

2. Забронировать в гостинице «Центральная» три номера: люкс — 1, одноместный — 1, двухместный — 1.

3. Предоставить комиссии служебный транспорт повышенного класса.

4. Организовать специальное сопровождение на всё время пребывания в Ростове.

— Сделаем.

— Да, и вот ещё что. Дело находится на контроле у начальника областного управления милиции генерала Смирнова. Всё понятно?

— Так точно.

— Выполнять.

— Есть.

1.6

По прибытии самолёта в аэропорт Ростова-на-Дону группа из Норильска разделилась: Сурин и Степанов поехали в гостиницу, а Вера Рожанская и Владимир Дмитриевич Калмыков, в сопровождении подполковника Кружевского, — в морг Ростовского мединститута. Владимир Дмитриевич пытался уговорить Веру отложить опознание до утра:

— Верочка, может, завтра поедем в морг? Всё-таки целый день летели, устали...

— А ты думаешь, Володя, что я без этого засну? Нет, лучше сегодня...

— Я просто боюсь, что ты не выдержишь такой нагрузки.

— Выдержу. Поехали.

В морг Ростовского мединститута вела многоступенчатая крутая каменная лестница. Владимир Дмитриевич шёл для страховки первым. Несколько раз при спуске ему казалось, что Вере требуется помощь, но она молчала. Наконец, они достигли нулевого этажа. Подполковник Крыжевский объяснил гостям, что специальные боксы находятся справа от лестницы. На двери должна висеть табличка «Вход по специальному разрешению». Там их ждут. Перед дверью в специальное отделение Вера ледяной рукой крепко схватила ладонь Владимира Дмитриевича и больше не отпускала. Последние несколько шагов к двери она сделать сама не смогла — её силой тянул Калмыков.

Толкнув дверь, они оказались в небольшом зале с четырьмя столами, на двух из которых, накрытые простынями, лежали трупы. Под столами располагались сетки, где хранились завязанные узлом вещи покойного. Вера инстинктивно бросила взгляд на дальний стол и увидела, что узел с вещами, расположенный на сетке, перевязан жёлтым шарфом Исаака. В этот момент она потеряла сознание.

Владимир Дмитриевич подхватил Веру на руки и вынес из прозекторской в коридор морга, где к ним сразу подошёл человек в белом халате.

— Доктор Смирнов. Не волнуйтесь, у нас такое бывает. Вы провели опознание?

— Нет, не успели. Жене покойного стало плохо.

— Тогда вы сами пройдите в зал, и вам покажут покойного, а я пока приведу женщину в чувство.

— Но это его жена.

— А вы кто?

— Друг семьи.

— Покойного знаете?

— Обижаете. Я с ним в одном бараке провёл много лет.

- Ну и чудно. После опознания распишитесь за неё.
  - А с Верой что?
  - Женщину мы с помощью санитаров поднимем на свежий воздух. После такого глубокого обморока ей, как минимум, час нужен покой.
  - Можно спросить?
  - Слушаю вас.
  - Что показало вскрытие?
  - Вскрытие показало, что у покойного был шестой инфаркт. На моей практике ничего подобного не припомню. Это был, по всей видимости, человек высочайшего мужества.
- Владимир Дмитриевич промолчал, только снова защипали глаза.
- А где вещи и документы покойного?
  - Всё получите наверху по описи. Там на улице, рядом с нашей лестницей, есть коптёрка. Паспорт у вас с собой?
  - Да.
  - Ну и прекрасно. Не забудьте согласовать с нами дату похорон. Мы должны успеть сделать покойника молодым.

1.7

Быстро стемнело, всё-таки осень. Получив из окошечка коптёрки документы Рожанского И. М., а также деньги и связку ключей, Владимир Дмитриевич сел в служебную машину, которую закрепили милицейские власти Ростова за группой Калмыкова. Туда уже принесли в казенном мешке вещи покойного.

Он специально сел на второе сиденье рядом с уже пришедшей в себя Верой.

— Володя, ты Исаака Марковича видел? — шёпотом спросила Вера. Почему-то она назвала покойного мужа полным именем и отчеством.

- Да, видел.
- Ну как он выглядит?
- Как всегда. Мужчиной с большой буквы.
- В каком смысле?
- В прямом — такой же красивый, каким и был при жизни.
- А я не смогла.
- Ну и пусть, Верочка, он в памяти твоей останется живым.

Из машины, остановившейся у входа в гостиницу «Центральная», вышла убитая горем женщина в чёрном пальто и чёрных перчатках. Ёе бережно поддерживал Владимир Дмитриевич Калмыков.

— Верочка, я понимаю твоё состояние, но ты можешь уделить мне пять минут внимания?

— Нет, Володя, сегодня не могу.

— Дело в том, что решение вопроса, который я хочу тебе задать, не требует отлагательства. Завтра утром я встречаюсь с начальником управления милиции Ростовской области генералом Смирновым и должен дать ему ответ, где мы собираемся хоронить Исаака Марковича. В Ростове или везём в Норильск?

— Я подумую.

— Хорошо. Я к тебе зайду через полчаса.

Вера лежала на кушетке в номере, накрывшись гостиничным пледом, и молчала. Рядом с кушеткой, наклонившись к ней и весь обратившись в слух, уже час сидел на стуле Калмыков. Он не торопил её с ответом, но, чтобы ускорить принятие решения, первым нарушил молчание:

— Смотри, Верочка, хочу открыть тебе небольшой секрет: Норильский комбинат — это особое, и по замыслу и по исполнению, предприятие. Его могли построить в экстремальных условиях Крайнего Севера только заключённые. Больше никто.

— Почему?

— Потому что у них был стимул — побыстрее освободиться из лагеря и уехать домой. На комбинате в те годы работала система зачётов — за каждую правительственную награду снимали часть срока. Чем высшего достоинства награда, тем на большее число месяцев и даже лет уменьшался срок заключения.

— А какое это имеет отношение к Изе?

— Самое прямое. У Исаака Марковича было наибольшее, среди работающих на комбинате заключённых, количество орденов и медалей. Он выдающийся человек и заслуживает похорон в Норильске со всеми почестями. С целью быстрого и грамотного оформления документов для транспортирования тела в Норильск я привёз с собой юриста и своего помощника. Это первый вариант.

— А какой второй?

— А второй вариант — мы хороним Исаака Марковича на ростовском кладбище, рядом с его родителями. Тебе, Верочка, решать.

1.8

Вера среагировала на предложения Калмыкова мгновенно, не раздумывая, как будто была заранее к ним готова.

— Конечно, здесь, Володя. В Ростове. Там, где Исаак Маркович родился, учился. Рядом с папой и мамой.

Калмыков не ожидал такого быстрого и эмоционального ответа от Веры, но понимая её состояние, не стал спорить. Через несколько минут она сама, как бы оправдываясь за своё решение, продолжила говорить.

— Понимаете, Владимир Дмитриевич, — вдруг она перешла на вы, — у меня умер муж, но осталась семья — двое детей и старенькая мама. Без Исаака Марковича жизнь в Норильске для нас бессмысленна. Значит надо уезжать на материк. А куда я уеду, если Изя будет похоронен в Норильске?

— Верочка, в Норильске есть прекрасные учителя, современная медицина. Будь уверена, я о вас позабочусь.

— Извините, Владимир Дмитриевич, что ловлю вас на слове, но я хотела, чтобы вы о нас позаботились здесь, в Ростове.

— Каким образом?

— Дело в том, что когда родители Исаака Марковича умерли, а он сам находился в Норильском лагере, их жилплощадь забрал себе райисполком. После освобождения из лагеря Изя обратился к ним с письмом о возвращении жилплощади, но ему просто внаглую отказали в прописке.

— Какая была у родителей квартира?

— Двухкомнатная. Правда, с соседями.

— Это неважно. Как звали родителей Исаака Марковича?

— Папа — Марк Матвеевич Рожанский, а мама — Циля Моисеевна Рожанская. Но это может быть не точно, так как еврейские имена и отчества в оригинале отличаются от того, как они произносятся.

— Ну, ты молодец, Верочка. Всю картину перевернула с ног на голову, — пошутил Калмыков.

— И ещё. На кладбище существуют книги регистрации покойников, где всё точно записано, — пропустила шутку Вера.

— Не волнуйся, Верочка. Я завтра встречаюсь с генералом Смирновым. У него есть ко мне производственные вопросы, так что обсудим и твою проблему. А сейчас отдохни. Если что будет нужно — звони в любое время. Я в номере 208. Тебе всё понятно?

— Всё. Спасибо.

— Тогда до завтра.

Но рано утром Веру разбудил другой телефонный звонок. Сначала в трубке раздавались непонятные звуки типа вздохов и восклицаний. Потом они сменились всх-

липываниями и, наконец, раздалась нормальная человеческая речь.

— Ох, какое горе! Какое горе! Это горе для всех евреев!

— Кто вы, уважаемый, и что за причитания?

— Это Яник из Центральной синагоги, что на Газетном. Мне наш ребе сказал, что я должен быть первым, кто разделит с вами такое большое горе, мадам Рожанская. Вот я так рано и позвонил.

— Какой Яник и при чём ко мне ваше учреждение? Можете внятно объяснить?

— Конечно, но для этого нам надо с вами встретиться. Когда это можно сделать?

— Никогда, мне сейчас не до встреч.

— Вы напрасно сердитесь, мадам Рожанская. Вас Вера зовут?

— Не важно.

— Очень важно. Мы всё про вашу семью знаем. Божьим был человеком Исаак Маркович. Его нужно похоронить по нашим еврейским обычаям.

— Оставьте Бога себе, Яник. Мой муж был глубоко неверующим человеком.

— Не говорите так о Боге, мадам Рожанская! Нельзя!

— А зачем вы сейчас подсовываете ему Бога? Где вы были, вместе со своим Богом, когда его били, оскорбляли, унижали? Он перенёс шесть инфарктов, прошёл все круги советского ада...

— Мы всегда думаем о наших братьях.

— Думать — не делать. Всё. И прекратите мне звонить, не то я обращусь в милицию.

— Хорошо, мадам Рожанская. Мы знаем, что полковники милиции стоят перед вами навытяжку.

— Это не ваше дело. До свиданья.

Вера резко положила трубку и последних слов Яника уже не слышала.

1.9

После разговора с настырным незнакомым человеком, назвавшимся Яником, Вера уже не могла заснуть. Она лежала с полными слёз глазами и пыталась вспомнить, когда и где увидела первый раз своего дорогого Исаака.

— Наверное, это было на планёрке у начальника цеха. Он был один заключённый из всех начальников смены. Сидел Исаак Маркович, как правило, в самом конце большого стола. Никогда ни в какие разговоры, если не спрашивали, не вступал. Обращались к нему все уважительно по имени-отчеству: «Исаак Маркович», но иногда, в пылу обсуждения, по лагерному погонялу: «Офицер».

И поплыли перед её глазами картины старого Норильска, а в ушах — звон кандалов и лай собак.

— Был он выше среднего роста, крепкого телосложения, с русой короткой бородой и седой головой. Сразу запоминался его спокойный и внимательный взгляд. Если бы Вере не шепнули, что он еврей, можно было по внешнему виду принять его за латыша. Но имя-отчество, написанное карандашом на дверях каптёрки, не оставляло сомнения, что он не её земляк.

Содержался Исаак Маркович в каторжном бараке, так как был осуждён на двадцать пять лет строгого режима по очень тяжёлой статье. Работал, как правило, в первую смену, но регулярно оставался на вторую, возвращаясь в барак только переночевать. Вера влюбилась в него сразу и без оглядки. Пытаясь обмануть себя, чтобы не встречаться с ним на работе, она даже выходила в ночную смену. Но это было бесполезное занятие: в тот день, когда не видела Исаака в цеху, шла на дорогу, по которой утром гнали с собаками колонну каторжников. Он был всегда правофланговый. Прикованный цепью к своей пятёрке, вёл всю колонну: задавал темп движения, отгонял сторо-

жевых собак, останавливал колонну в связи с какой-либо чрезвычайной ситуацией. В колонне всегда стояла мёртвая тишина, только был слышен за много километров вперёд, топот бегущих людей.

Иногда Вере казалось, что она Исаака не достойна: наткнулась случайно, и скоро его отберут. Мама говорила, что их вера предписывает жениться на еврейке. Во всяком случае, родители не одобрили бы его выбор.

Потом сердилась на себя и строго одёргивала, продолжая рассуждать: «А что еврей, даже горжусь. Настоящий еврей — это источник света и ума. Некоторые хвастаются своим еврейством, некоторые тяготятся, а Исаак об этом никогда ничего не говорит. На таких, как он, мир стоит, и все люди это отлично понимают».

1.10

Весь день Яник следил за Верой. Не отставал ни на шаг. Получив жёсткий отпор, не знал, как к ней ещё раз подойти. Сегодня вечером он должен доложить ребе результат общения с Верой, и поэтому следует срочно что-то предпринять.

К сожалению, она из своего гостиничного номера с утра никуда не выходила, но в районе четырёх часов дня неожиданно вызвала лифт и спустилась в лобби. Там присела на близкое ко входу кресло, кого-то ожидая.

— Извините, мадам Рожанская, что снова беспокою. Это Яник. Мы с вами говорили сегодня утром по телефону.

— Говорили, и я всё вам сказала. Что вы ещё от меня хотите?

— Хочу убедить, что вашего мужа нужно похоронить на еврейском участке ростовского кладбища с соблюдением всех требований Бога, а не просто так.

— У каждого — свой Бог, уважаемый.

— Бог один. Наш еврейский Бог.

— Я не знаю, о каком Боге вы говорите, но для меня Богом был муж — сильный, умный, порядочный человек, которого я очень любила и беззаветно верила в него.

— Мы в этом не сомневаемся, мадам Рожанская. Но сейчас он по пути на небо, чтобы предстать перед Богом. Мы его должны к этой встрече подготовить.

— Кто это мы? Он мой и только мой, уважаемый. Поселился в моём сердце навечно и никуда оттуда, пока я жива, не уйдёт.

— Так вы, мадам, окончательно не хотите, чтобы Исаака Марковича похоронили на еврейском кладбище как настоящего еврея, а не среди всяких гоев?

— Не поняла ваш вопрос?

— А что тут понимать: он должен лежать в могиле среди своих, а не среди непонятно кого!

— Это кого вы «непонятно кем» называете? Людей, которые прошли войну, лагерь, голод, разруху, плен? На своих плечах вынесли все тяготы тяжелейшего времени? Да как у вас язык поворачивается такое мне говорить? А ну пошёл вон отсюда, гнида паршивая, и больше ко мне не подходи. Ты понял?

— Понял, понял.

1.11

На встречу с начальником областного управления милиции генерал-лейтенантом Смирновым Калмыков приехал точно, как было договорено по телефону. Зайдя в приёмную и увидев, как резко поднялся со своего места в приветствии выполняющий секретарские обязанности майор, Калмыков понял, что его ждут.

— Проходите, пожалуйста.

Майор открыл перед гостем тяжёлую дверь в кабинет начальника управления. Из-за стола вышел молодой генерал-лейтенант и пошёл навстречу Калмыкову.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич.

— Здравствуйте, товарищ генерал.

— Можно без «генерал». Просто Леонид Петрович. Спасибо, что откликнулись на моё приглашение. Хотя повод, как мне известно, по которому вы приехали в наш город, весьма печальный. Прошу прощения, кем вам приходится покойный Рожанский?

— Близким другом и даже больше. Мы с ним в Норильском лагере на одной полке через перегородку лежали.

— Да, это серьёзная жизненная ситуация. Я вас прекрасно понимаю, Владимир Дмитриевич. Так вы его в Ростове будете хоронить или в Норильске?

— Мы бы хотели увезти тело в Норильск и там со всеми почестями предать земле, но жена возражает.

— Почему?

— Она считает, что её на севере после смерти мужа ничего не держит. У Исаака Марковича осталось двое детей. Они должны жить на «материке» и получить хорошее образование. Плюс старенькая мама, здоровье которой требует серьёзного внимания.

— Можете коротко рассказать о Рожанском?

— Думаю, коротко не получится, но попробую. Исаак Маркович прошёл за свою короткую жизнь все круги ада: плен, побег, штрафную роту, Норильлаг, каторжную тюрьму. В Норильск попал в 1946-м, осуждённый на 25 лет строгого режима. В 1948 году, когда по приказу Сталина были созданы каторжные бараки, мы с ним и познакомились. Он герой нашего лагерного прошлого. Благодаря таким, как Исаак Маркович, построен Норильский комбинат.

— На когда назначены похороны? — вдруг перебил Владимира Дмитриевича генерал.

- Похороны назначены на завтра. На четыре часа.
- На каком кладбище?
- На северном. Сразу после похорон я улетаю в Норильск, но в Ростове остаётся мой помощник, который доведёт до конца всё, что связано с оградкой и памятником.
- Если какая-нибудь помощь будет от нас нужна, пусть обращается лично в мой секретариат.
- Понятно. Заранее благодарю за поддержку. Но у меня остался, если позволите, Леонид Петрович, ещё один вопрос.
- Слушаю вас внимательно, Владимир Дмитриевич.
- Я думал его решать из Норильска несколько позже, когда у семьи Исаака Марковича утихнет боль от потери главы семьи, но сейчас, пользуясь случаем, хочу его с вами обсудить.
- Излагайте.
- Дело в том, что семья Исаака Марковича после его смерти должна куда-то выехать из Норильска. Они прожили на Крайнем Севере более двадцати лет.
- А почему вы обращаетесь ко мне?
- По мнению моего юриста, это должен быть Ростов-на-Дону. Во-первых, Исаак Маркович здесь родился, а во-вторых, отсюда ушёл на фронт. Закончил войну в звании гвардии капитана Советской Армии.
- Логично. И дальше что?
- А дальше, Леонид Петрович, в 1956 году он был полностью реабилитирован и восстановлен в партии. Тем не менее, в возвращении жилплощади умерших родителей в Ростове-на-Дону, где сам жил до войны, горисполком отказал.
- Ну, вы и молодец, Владимир Дмитриевич. Всё так аргументированно, по полочкам разложили, что возразить нечего. Собирайте документы, будем рассматривать этот вопрос.

— В принципе, всё готово. Со мной в Ростов приехал юрист, который в курсе всех дел, связанных с семьёй Рожанских.

— Вот это да. Если в Норильске все такие хваткие, деловые и настойчивые, как вы, то не зря Норильский комбинат гремит по всему Советскому Союзу.

— Думаю, что все.

— Ну, тогда пусть ваш юрист обсудит детали этого дела с моим помощником.

— Хорошо. Спасибо.

1.12

Поздно вечером в номере Владимира Дмитриевича раздался телефонный звонок.

— Товарищ Калмыков?

— Да.

— Вас беспокоит майор Малышев — помощник генерала Смирнова.

— Слушаю вас.

— Леонид Петрович просит разрешить ему лично участвовать в церемонии захоронения одного из руководителей Норильского комбината. Подскажите, пожалуйста, последнюю должность Рожанского для надписи на траурном венке.

— Пожалуйста. Рожанский Исаак Маркович, 1921 года рождения, гвардии капитан, командир десантного батальона, начальник Специального строительно-монтажного Управления Норильского горно-металлургического комбината. Передайте мою благодарность генералу Смирнову.

— Спасибо, товарищ Калмыков. У меня всё. До завтра.

Калмыков сразу набрал телефон своего помощника.

— Хорошо, что я вас застал, Валерий Иванович.

— Слушаю вас, Владимир Дмитриевич.

— У нас на завтра всё готово?

— Да. Прощание с покойником будет только при погребении. Сергей Петрович контролирует ситуацию в морге, а я — на кладбище. По поводу захоронения и оплаты, я с директором кладбища обо всём договорился. Документы при мне.

— Хорошо. Теперь, Валерий Иванович, слушайте меня внимательно. Первое. Так как в похоронах будет принимать участие сам генерал Смирнов, то нужно обеспечить стойки для нескольких дополнительных венков. И второе. Согласуйте с майором Малышевым место и время поминок. Мероприятие должно быть не больше часа. Не забудьте, что мы вечером с Верой Юстусовной улетаем в Норильск. Вы с юристом Суриным остаётесь в Ростове. Всё понятно?

— Понятно.

— Доброй ночи.

— Спасибо.

Когда Валерий Иванович утром незаметно подошёл к месту захоронения Исаака Марковича, яма уже была наполовину вырыта и из неё раздавались голоса двух землекопов.

— Слышь, Колян, ты не знаешь, для кого могилу роём?

— А чего спрашиваешь?

— Да директор уже два раза прибегал смотреть, как у нас идут дела.

— И чего?

— Как чего? Он из своего кабинета, кроме как в сортир, никуда не выходит.

— Не знаю. Посмотри дощечку.

— Какой-то еврей. Рожанский...

— Не может быть. Они своих на 8-м квартале хоронят. Как будто там земля другая.

- Может быть, и другая. А ты заметил, что ментов на кладбище — полная поляна?
- Заметил. И чего?
- Чего? Чего? Быстренько сбегай к Клавке в бухгалтерию. Она должна знать, кого хоронят и кто заплатил? Через двадцать минут первый землекоп вернулся.
- Ну что Клавка сказала?
- Сказала, что сегодня погребут на нашем кладбище большого норильского авторитета.
- Да ты чего? Евреи тоже в авторитете бывают?
- Значит, бывают, раз вокруг такая суета.
- А от чего он помёр?
- Говорят, крепко нажрался и ночью башкой в стенку влетел на Ворошиловском проспекте.
- Ну дела, Колян!
- Вот такие дела. Только ты лишнего не болтай! Не то прихватят нас обоих!

1.13

К двум часам дня квартал, где была вырыта могила для захоронения Исаака Марковича, был полностью оцеплен ростовской милицией, а без пятнадцати четыре на северное кладбище прибыл сам генерал-лейтенант Смирнов с большой свитой старших офицеров. Ростовское кладбище никогда не видело такого скопления милиции на одной площадке, да ещё в таких высоких чинах.

Ровно к четырём часам дня из морга привезли богато отделанный красной и чёрной материей гроб с покойником. Исаак Маркович выглядел в гробу как живой, но абсолютно седой. Ему было неполных 47 лет. Вопреки страхам Веры, что будет мало цветов, могила была завалена цветами. По углам могилы, на высоких штативах, красовалось шесть венков:

- Дорогому, вечно любимому папе, мужу и зятю от безмерно скорбящей семьи Рожанских,
- От дирекции Норильского горно-металлургического комбината,
- От руководства и производственного коллектива Норильского строительного — монтажного федерального комплекса,
- От Ростовского областного управления милиции,
- От Ростовского областного комитета ветеранов войны,
- От администрации северного кладбища Ростова-на-Дону.

Ближе всех к могиле стоял бледный, как бумага, Калмыков. Он, не отрываясь, смотрел на покойника. Наконец, отвёл от гроба глаза и поднял руку. Стало тихо и холодно.

— Мы сегодня провожаем в последний путь героического человека, несгибаемого борца со злом и насилием — Исаака Марковича Рожанского. Я знал его с 1946 года. Он пришёл в Норильск со страшным послевоенным этапом, состоявшим, в основном, из изменников родины, бандеровцев и бандитов.

Владимир Дмитриевич полез в карман за платком, вытер почему-то только губы и продолжил говорить.

— В это время в Норильском лагере всем заправляли уголовники. Но с приходом Исаака Марковича началась у политических заключённых другая жизнь. Власть паханов и ножей в лагере закончилась.

Он опять полез в карман за платком. Было такое впечатление, что ему тяжело говорить, и он, доставая из кармана платок, просто выигрывает время.

— Благодаря Исааку Марковичу Рожанскому многие узники, в том числе и я, остались живы. Сегодня я потерял большого друга, дорогого, очень близкого мне человека. Я потерял отца.

Калмыков замолчал. Продолжать выступление у него уже не было сил. И тут неожиданно взял слово гене-

рал-лейтенант Смирнов. Он снял головной убор и тихим голосом, не соответствующим его командной должности, стал говорить:

— Уважаемая Вера Юстусовна, уважаемые представители славного города Норильска! Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины норильчанина-ростовчанина Исаака Марковича Рожанского. Я не случайно, вместе со своими друзьями и коллегами, пришёл проводить в последний путь этого замечательного человека. Нашего земляка, отдавшего большую часть своей непростой жизни заполярному Норильску. Я пришёл сюда и затем, чтобы коллективной памятью вспомнить свою мать, Светлану Фёдоровну Смирнову. Будучи невинно осужденной в 1938 году, она отбывала свой срок в Норильском исправительно-трудовом лагере и погибла в 1944 году, вместе с ещё девятью женщинами, выполняя какие-то работы за зоной. Все эти женщины, возвращаясь в лагерь, попали в чёрную пургу, сбились с дороги и замёрзли. В те годы в Норильске людей не хоронили. Их просто по весне закапывали в мёрзлую землю. К сожалению, до сегодняшнего дня я не знаю, где это место, и там нет никакого памятника.

На кладбище стояла мёртвая тишина.

— Сейчас, стоя рядом с могилой гвардии капитана Рожанского, боевого офицера и ветерана труда, замечательного отца и друга, обещаю, силами нашего Управления, взять под контроль захоронения всех политических заключённых сталинской эпохи на всех кладбищах Ростовской области. Слава герою.

Последним выступил директор северного кладбища.

— Прежде всего, приношу свои искренние соболезнования семье покойного. По договорённости с представителями семьи, администрация северного кладбища обязуется выполнить в ближайшее время перезахоронение

останков родителей покойного Исаака Марковича Рожанского и предоставить для совместного погребения с сыном участок в центре нашего кладбища.

Вечером того же дня Вера Рожанская и Владимир Калмыков вылетели в Норильск.

1.14

Сидя рядом в самолёте, Вера и Калмыков между собой почти не общались. Вера всё время плакала, а Владимир Дмитриевич сразу уснул. За последние три дня ему удавалось отдыхать не больше четырёх-пяти часов в сутки. Желание выполнить всё намеченное, ничего не пропустить и не перепутать, вымотало его полностью. Хорошо, что Калмыков взял с собой своего помощника Валерия Ивановича, который практически весь день крутился на кладбище.

Сейчас Валерий Иванович остался в Ростове, чтобы захоронить на одном участке тела Исаака Марковича и его родителей, выполнить все работы по сооружению ограды, подготовить и согласовать со всеми ответственными организациями, до своего отъезда в Норильск, эскиз памятника. Денег, как сказал ему Владимир Дмитриевич, ни на какие работы не жалеть.

Вера, в отличие от Калмыкова, заснуть не могла. Перед глазами проплывала вся её жизнь, чётко разделённая на до и после знакомства с Исааком. Родилась в 1924 году в Таллине в семье старшего офицера Генерального штаба Эстонской республики. Получила под неусыпным контролем мамы полное домашнее образование. Владела несколькими европейскими языками. Окончила Тартуский университет по экономической специальности. Выйдя замуж по большой любви за условно-досрочно освобождённого политического заключённого Рожанского, была безмерно счастлива.

В этой жизни, кроме семьи, её больше ничего не интересовало. Исаак Маркович карьерно рос и через несколько лет после выхода из лагеря стал главным инженером, а затем и начальником специального строительно-монтажного управления. Им выделили большую трёхкомнатную квартиру на главной улице Норильска. В 1956 и 1963 годах Вера родила двух прекрасных сыновей. Старший Марк был копия отца — высокий, плотный, черно-волосый, самостоятельный и принципиальный мальчик. Младший Витас, флегматичный, белотелый блондин, типичный эстонец, вечно висел на маме. Мальчики между собой не дружили: темпераментный Марк не воспринимал слабого и инфантильного младшего брата, а тот и не претендовал на участие в компании старшего.

Когда Марк был маленький, Исаак Маркович не имел возможности, в силу служебных обязанностей, уделять сыну много внимания. Но ситуация кардинально изменилась, когда тот достиг десяти лет. Теперь, как только появлялось свободное время, отец его проводил со старшим сыном: вместе ездили на рыбалку, ходили на охоту, даже отправлялись вдвоём на несколько дней в опасные лыжные походы.

Марка очень тянуло к отцу, просто не мог дождаться, когда тот придёт с работы. Исаак отвечал тем же. Складывалось впечатление, что отец, оказавшись в возрасте двадцати одного года на фронте, а в двадцать пять — в Норильском каторжном лагере, не додурачился, не допрыгался, как говорила мама. Когда отец и сын оставались одни, они соревновались во всём: бегали наперегонки, боролись до победы, купались в проруби, стреляли по мишеням.

В тундру ездили — летом на мотоцикле, зимой на снегоходе. Компания с сыном полностью устраивала Исаака Марковича: во-первых, не нужно пить спиртного, чтобы

не спровоцировать лишний раз хроническую язву желудка, а во-вторых, давала возможность поговорить на любые, самые острые темы. А этих тем, по большому счёту, было две:

- что такое война,
- за что сидел в лагере.

Разговор, как правило, начинался, когда оба забирались вечером в один спальный мешок. Марк ложился так, чтобы говорить отцу на левое ухо, так как в одной из драк с ворами Исаака полоснули ножом по лицу. Был задет нерв, после чего он не мог широко открывать рот, громко смеяться и плохо слышал.

1.15

Устроившись уютно в спальном мешке и согревшись, Марк однажды спросил отца:

- Папа, а почему тебя все боялись в лагере?
- Кто тебе сказал?
- Пацаны во дворе говорят.
- Не боялись, а старались со мной не связываться.
- Почему?
- Потому что я всегда сдачи давал.
- А если на тебя нападали сразу несколько человек?
- Всё равно давал сдачи. Меня этому в специальной школе обучали.
- А если человек был больше тебя и выше? — не отставал от отца Марк.
- Выше, больше — это его проблемы. Кстати, чем больше размерами человек, тем он более уязвим, потому что менее поворотлив и ловок.
- Папа, а можешь научить меня этим приёмам?
- Конечно, могу, но ты ещё маленький.
- Почему маленький? Я уже в пятом классе.

- Всё равно маленький.
- Но обижают детей в любом возрасте?
- Это верно.
- Ну вот.
- Хорошо. Завтра я тебе кое-что покажу. А теперь спи.
- На следующий день, перед тем как начать вечером физическую разминку, Исаак Маркович спросил сына:
- А скажи, Марк, зачем тебе нужны особые приёмы?
- Чтобы меня в школе все боялись.
- В школе тебя должны не бояться, а уважать.
- И всё-таки, папа, научи.
- Смотри, сын, приёмами, которые я тебя покажу, следует пользоваться только в чрезвычайных ситуациях. Например, на войне, в лагере, когда возникает опасность для жизни.
- Ну, на войне — понятно. А в лагере зачем?
- В лагере бывает пострашней, чем на войне. На войне понятно, в какой стороне враг, в какой друг. А в лагере не знаешь, откуда может прийти беда.
- И что делать? Как защищаться?
- Самое главное — всегда сохранять чувство собственного достоинства.
- Я не понял, что это такое?
- Не дать никому сесть себе на голову.
- Тоже не понял.
- Ну, это в переносном смысле. Просто нельзя никому в жизни позволять себя унижать, оскорблять, давать возможность поднимать на тебя руку, а тем более бить.
- Каким образом не позволять?
- Вот для этого я и хочу научить тебя нескольким приёмам. Только ты мне сейчас дашь слово, что никогда их не используешь без крайней необходимости. Даёшь слово?
- Даю. А как узнать, папа, что наступила крайняя необходимость?

— Это я, сын, не могу тебе подсказать. Должны сработать твои голова и тело. Но помни: эти удары очень опасны как для того, кто их наносит, так и для того, кто их получает.

1.16

Сегодня отец и сын проснулись очень рано. Ещё не было пяти. Над озером стоял лёгкий туман и тишина. Иногда где-то что-то ухало, крикало, гукало и опять тишина. Вылезать из спального мешка не хотелось и, чтобы продлить удовольствие, они стали тихо разговаривать.

— А можно тебя, папа, спросить?

— Спрашивай.

— Несколько дней назад меня мальчик из нашего класса обозвал евреем. Это что такое?

— Это не что такое, а кто такой.

— Не понял твоего ответа, папа.

— А мой ответ такой: он тебя не обозвал, а назвал.

— Снова не понял.

— Дело в том, что ты, я и Витас — евреи. Это умный гордый народ, к которому мы имеем честь принадлежать.

— Так мне не надо на этого мальчика обижаться?

— Конечно нет. Он, например, русский, а ты еврей. Есть много народов на земле, и они по-разному называются. Поэтому на слово «еврей» следует реагировать с достоинством, а не лезть сразу в драку. Другое дело, если ты почувствовал, что он тебя этим хочет оскорбить. Тогда разбирайся с ним по полной программе.

На следующее утро отец и сын пошли ловить рыбу. Весь день они были заняты разными делами, но вечером, забравшись в спальный мешок, Марк напомнил отцу о вчерашнем разговоре.

— Я помню, сынок, наш разговор накануне, но я должен быть уверенным, что ты выполнишь слово, которое от тебя требую.

— А как ты поймёшь, что я это слово в будущем сдержу?

— Пойму, но не спеши мне его давать, пока не почувствуешь внутреннюю необходимость.

— Хорошо, согласен.

— Ну, тогда слушай. В удар, который я тебе когда-нибудь покажу, ты должен научиться вкладывать не только физическую, но и эмоциональную силу. Только тогда он выполнит поставленную тобой задачу.

— А почему ты его когда-нибудь мне покажешь, а не сегодня?

— Потому что ты должен для этого удара быть внутренне готов. Его использовать несколько раз нельзя — он выполняется только один раз. Это во-первых. А во-вторых, этим ударом ты должен смертельно покалечить противника. Если у тебя такой цели нет, то этот удар применять не следует.

Исаак Маркович задумался и замолчал. А через минуту продолжил:

— И учти, бить человека всегда нужно ниже пояса: в печень, пах, колено. Эти места, как правило, менее всего защищены. Стремление ударить противника в лицо или скулу — эффектное, но не эффективное действие. К тому же, если человек неплохо владеет приёмами бокса, он всегда от этого удара может закрыться, уклониться, и ты просто потеряешь инициативу.

— Ну и наконец, третье. Этот удар, дорогой сын, нужно отрабатывать всю жизнь, чтобы его суметь выполнить в любой обстановке мгновенно, на автомате.

Однажды Вера увидела, чем Исаак занимается со старшим сыном. Со стороны это выглядело обычной игрой, но Вера своим материнским чутьём уловила, что

в этом заложен какой-то другой смысл. Вечером она спросила у мужа:

— Изя, зачем ты учишь ребёнка каким-то странным приёмам?

— Потому, что он еврей.

— Не поняла. Что это значит?

— А то, что ему предстоит нелёгкая жизнь. Он должен уметь защитить себя и свою семью.

— У каждого человека есть семья, и что каждый должен уметь такое делать?

— Здесь идёт речь не о каждом. Здесь имеется в виду только еврей. А вот, как ты правильно сказала, каждый на земле должен знать простую истину — еврея трогать нельзя. Всё. Точка.

— И снова не поняла. Что в таком случае будет?

— А будет очень плохо. Еврейский народ создан Творцом не для издевательств и истребления, а для примера, какими должны быть настоящие люди.

1.17

В аэропорту Норильска Веру и Калмыкова встречало много людей, приехавших на нескольких автобусах. Всё это организовала секретарь Владимира Дмитриевича, обзвонив всех, знавших Исаака Марковича по работе на Норильском комбинате и Норильскому лагерю. Отдельной группой стояла мама Веры с двумя внуками и Беатрис. Когда Вера и Калмыков вышли из самолёта, то они сразу бросились к ним. Все обнимали и целовали Веру, плача навзрыд и пытаясь что-то сказать. Владимир Дмитриевич тактично стоял в стороне, ожидая когда на него обратят внимание. Первой оторвалась от Веры Беатрис. Она обняла мужа и тихо спросила:

— Страшно было?

— Да, очень. И тяжело. А откуда столько людей?

— Это Варвара Петровна пригласила всех на поминки в кафе. Она со мной посоветовалась и я дала добро. Я знала, что тебе будет приятно.

— Спасибо, дорогая. К встрече с такой неожиданной смертью никто не может быть готов. Поэтому людям нужно облегчить душу.

— Правильно. А душа Исаака Марковича принадлежит всем, кто его знал и любил.

В кафе было накрыто несколько десятков столов, сдвинутых вместе буквой П. В середине стола села семья покойного Исаака Марковича и супруги Калмыковы. В зале уже было больше двухсот человек, а люди всё шли и шли. Минут через двадцать Владимир Дмитриевич поднялся со своего стула и наступила тишина.

— Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Вчера в Ростове-на-Дону было предано земле тело замечательного человека Исаака Марковича Рожанского. Мы с Верой приехали в этот город впервые, никого там не знали, но провожали своего земляка в последний путь тысяча людей. Исаак Маркович был честным, умным, глубоко порядочным человеком, который всегда беды людей пропускал через своё большое сердце. Недаром врачи сказали, что он за свою короткую жизнь перенёс шесть инфарктов. В семье нашего, на вечные времена, друга растут двое сыновей. Но это не сироты, оставшиеся без отца. Это наши норильские дети, которых мы обязуемся материально и морально поддерживать. Уверен, что они вырастут такими же прекрасными людьми, каким был их отец. Светлая ему память.

Выпив по рюмке водки, люди, тихо переговариваясь, сидели за столом и ждали команды выпить по второй, когда со своего места поднялся неизвестный никому монтажник Матвеев из управления, которым руководил Исаак Маркович.

— Извините, люди, что попросил слово, но отмолчаться мне совесть не позволяет.

После этого вытер рукой нос и продолжил.

— Это было 19 ноября 1949 года. На всю жизнь запомнил эту дату, потому что второй раз родился. В тот день я на стройке повредил ногу. Нога распухла так, что ступить не могу и в ботинок не влезает. Колонну каторжников, как обычно, гнали с собаками в лагерь. Я был в шестой пятёрке, скованный руками с другими заключёнными. Меня просто под руки тянули мои товарищи. Они и передали правофланговому в первой пятёрке, что в колонне есть раненый.

Он снова остановился и снова вытер нос рукой.

— По лагерному уставу, охрана должна была меня пристрелить и вынуть из пятёрки, чтобы не мешал движению. Но правофланговый остановил всю колонну. К нему подбежал старший по конвою с пистолетом в руке, стал на него кричать и угрожать. Но правофланговый ему спокойно сказал: «За больного зэка отвечаешь головой». Так вот, правофланговым был человек, за которого мы сейчас пьём — Исаак Маркович Рожанский. Получается, я живой и сижу с вами, а его нет. Это неправильно и несправедливо. Красивый был душой человек. Земля ему пухом.

Весь зал встал и в полной тишине выпил вторую рюмку за упокой достойного человека.

1.18

Марк страшно обиделся на маму за то, что она его не взяла в Ростов попрощаться с отцом. Он же не Витас, не ребёнок. Ему уже почти тринадцать лет. Сын не только не подошёл к ней поздороваться, когда она вышла из самолёта, но и на поминках не сел с ней рядом. Вера так по

этому поводу расстроилась, что, когда поминали Исаака, не могла ни есть, ни пить.

Приехав домой, она позвала Марка в другую комнату.

— Присядь, сыночек, поговорить надо.

— Не о чём мне с тобой говорить, мама. Ты предательница.

— Не горячись, Марк. Ты сейчас очень напоминаешь отца — такой же принципиальный и обидчивый. Я тебя не взяла с собой на похороны папы, так как оставила за хозяйина в семье. Чтобы ты мог, если было бы нужно, в тяжёлую минуту помочь бабушке и младшему брату. Ты с честью выполнил это задание, за что тебе моё огромное материнское спасибо.

— Наша бабушка могла бы спокойно со всеми делами справиться и без меня.

— Могла, но так ей было спокойней и надёжней. Ты согласен со мной, сыночек?

— Согласен.

— Вот и хорошо. А теперь я хочу с тобой, как со старшим сыном, посоветоваться. Сегодня я получила от тёти Лены из Ростова телеграмму соболезнования, в которой она просит написать ей о наших планах на будущее, после смерти папы.

— Какие планы, мама? Я пока даже не представляю, как мы без папы будем жить. К этой ситуации нам ещё нужно долго привыкать. Во всяком случае, до окончания школы, а это ещё четыре года, мы должны жить в Норильске.

— В общем, будем жить как прежде: я буду работать, ты учиться, Витас ходить в детский сад. И вот что — ты должен записаться в секцию восточных единоборств. Вы там с папой, за моей спиной, занимались какими-то приёмами. Теперь ты будешь их совершенствовать, но уже с профессиональным тренером.

— А деньги ты откуда возьмёшь на всё это, мама?

— Владимир Дмитриевич сказал, что мне, как вдове ветерана войны и труда с двумя маленькими детьми, Норильский комбинат будет ежемесячно материально помогать до вашего полного совершеннолетия. Так что, думаю, выкрутимся.

Глава 2. Скворцов и его семья

2.1

В новый кабинет Скворцов перешёл совсем недавно, когда был назначен начальником особого управления Комитета государственной безопасности по работе с эмигрантами Южного округа России с центром в Ростове-на-Дону. Округ был небольшой, но очень беспокойный. В него входили Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский край, а также частично Закавказье и Дагестан. Особую активность в последнее время проявляли грузинские, азербайджанские и дагестанские евреи, в то время как в Ростовской области и Ставрополье ситуация была более-менее спокойна. А ещё управление называлось еврейским потому, что занималось, в основном, еврейской тематикой: отказники, демонстранты, диссиденты, подпольные кружки, самиздат и разная другая жизнь желающих уехать в Израиль.

Кабинет начальника управления Скворцова был необычной пятиугольной формы за счёт того, что одна из внешних стен располагалась на пересечении двух улиц. В пятом нестандартном углу стоял журнальный столик с двумя креслами, за которым полковник обсуждал, под

кофе с коньяком, важные государственные дела. В управлении знали, что в «пятый угол» просто так попасть нельзя — нужно заслужить. Но если попал, то должен будешь в определённое время что-то конкретно отработать, о чём тебя поставит в известность необщительный, суховатый помощник полковника Скворцова майор Вавилов.

Идея организации нового управления зародилась у Скворцова ещё в конце 50-х годов, когда он был простым следователем отдела контрразведки Гомельской комендатуры. В эти годы большое количество рассматриваемых дел было связано с изменой родине, службой в немецкой армии, пособнической деятельностью фашистам. Последним занималось местное население, проживающее во время войны на оккупированной территории, сильно не любившее советскую власть и желающее на этой деятельности хоть что-то заработать. Как правило, это были безграмотные, обозлённые обыденной жизнью, люди.

Но однажды к Скворцову пришло агентурное донесение, в котором сообщалось, что на подконтрольной ему территории служит офицер Красной армии, еврей, в жизни которого был целый букет преступлений перед советской властью: невыполнение оперативного задания в тылу врага, плен, работа на немцев в должности старшего по бараку, побег из лагеря, штрафной батальон и т. д. Этим офицером был гвардии капитан, кавалер многих боевых орденов Советского Союза Рожанский Исаак Маркович.

Прибывший в Гомель летом 1945 года для получения в Особом отделе контрразведки Западного военного округа своих документов, оставленных перед заброской в тыл врага, Исаак Маркович был приглашён утром следующего дня на разговор к следователю военной прокуратуры.

— Гвардии капитан Рожанский по вашему приказанию прибыл.

- Садитесь, капитан, — жестом указал следователь.
- Гвардии капитан, — поправил его Рожанский.
- Это уже не имеет значения. Вы арестованы и я, следователь Скворцов, буду вести ваше дело.
- Какое дело?
- Большое и серьёзное. Сдайте табельное оружие и имеющиеся при вас документы.
- На каком основании?
- Вот ордер на ваш арест. Хотите ознакомиться?
- Нет, не хочу.

2.2

Разговор между следователем Скворцовым и арестованным Рожанским не получался. Арестованный или односложно отвечал на вопросы следователя или просто молчал. Прочитав анкетные данные арестованного, не требующие подтверждения, следователь перешёл к вопросам:

- В 1942 году вы были командиром разведгруппы?
- Нет, я был руководителем диверсионной группы.
- Какие задачи были поставлены перед группой?
- Осуществить, вместе с местными подпольщиками, ряд крупных диверсий на особо важных объектах Польши.
- Каких объектах?
- Эту информацию мы должны были получить от руководителей подполья.
- Почему с ними не встретились?
- Приземлились не в указанном квадрате.
- По какой причине?
- Из-за сильного ветра. Отнесло в сторону, значительно западнее условленного места.
- Сколько человек было в группе?
- Трое. Я и два бойца.

- Сколько человек приземлилось?
- Все, но при приземлении нарвались на патруль полевой жандармерии.
- И что произошло?
- Одного бойца убили, меня сильно контузило и ранило в голову.
- А третий участник группы?
- Его никак не задело, и он присоединился ко мне.
- Зачем?
- Чтобы выполнить полученное задание.
- Он знал, что вы офицер?
- Да, знал.
- А что еврей?
- Думаю, что нет.
- Какой национальности были бойцы?
- Это имеет какое-либо значение?
- Да, имеет.
- Погибший был русским, а живой — татариним.
- Почему он вас не выдал в лагере для военнопленных?
- Потому что был порядочный и честный человек.
- Вы с ним после побега из лагеря встречались?
- Нет.
- Почему?
- Не знаю.
- Он же вам жизнь спас?
- Не знаю.
- Тогда я вам скажу. Он погиб на Воронежском фронте в 1944 году.

2.3

В течение первых двух недель следователь Скворцов проводил допрос арестованного Рожанского ежеднев-

но по шесть и более часов в день. Следователь работал по системе Гунтмахера — вопрос повторялся в десятках вариантов, с различной интонацией голоса, требованием углубить второстепенную деталь, дать объяснения отдельному факту в разной временной последовательности.

После того как уводили заключённого, Скворцов ещё долго сидел, обдумывая и анализируя его ответы, стараясь найти несоответствие или неточность, чтобы предъявить ему на следующий день. В принципе, Рожанский не отрицал и не оспаривал предъявленных обвинений, но каждый раз умудрялся вывернуть всю информацию таким образом, что нередко приходилось оправдываться самому Скворцову. Обвиняемый ни разу не пытался возложить ответственность на кого-то другого, не старался обелить себя дополнительной информацией или фактом. Высокий, физически крепкий, он сидел часами с ровной спиной на низенькой табуретке, глядя прямо в глаза следователю.

— Скажите, Рожанский, вы задумывались когда-нибудь, после наших бесед, сколько лет строгого режима можете получить?

— Нет.

— Почему?

— А смысл какой?

— Как какой? В любой мере наказания есть пределы — нижний и верхний. В моей воле использовать при вынесении приговора тот или иной уровень.

— Ну, а я при чём. Ваше право — вы и думайте.

— А вам, значит, всё равно.

— Нет не всё равно, но думать можно о прошлом, а о будущем-только загадывать. Я этого делать не умею.

— А знаете, Рожанский, вы у меня жалости не вызываете.

— Что так?

— Не знаю. По всей видимости, потому что вы, как настоящий еврей, всё время хотите быть верхней картой в колоде.

— Что делать, если меня так родители воспитали.

— Это, верно, не ваша вина, но подумать об этом стоит. Конвой, уведите арестованного.

2.4

Разбирательство дела Рожанского, длившееся более семи месяцев, подходило к концу. Для Скворцова, в принципе, было понятно, каким приговором оно должно закончиться. И всё-таки что-то не давало его завершить. Советоваться с коллегами, чей когнитивный уровень мышления не превышал средней школы, Скворцову не хотелось, и он решил на эту тему поговорить с мамой, которая, обладая удивительной интуицией, имела по каждому вопросу своё оригинальное мнение.

Этот шаг, с одной стороны, был чреват необходимостью выслушивать от мамы всякую дребедень, в том числе и надоевший рассказ о том, как она из двух оболтусов (имелись в виду муж и сын) сделала одного главным врачом психиатрической клиники, а другого — следователем областной прокуратуры. Но с другой, у мамы была редкая способность сходу давать психологическую оценку незнакомым людям, безошибочно определяя их внутреннюю сущность.

И на этот раз, посмотрев на фотокарточку Рожанского, вынутую из его следственного дела, Эсфирь Соломоновна сразу безапелляционно заявила:

— Упёртый, самовлюблённый человек с большим горором. Такой будет гнуть свою линию до конца и везде искать правду.

После этих слов на её лице появилась гримаса брезгливости и полного безразличия к тому, что собирается рассказывать сын.

— Открою тебе, мама, один секрет. Он тоже еврей, как и мы.

— Кто это мы?

— Я и ты.

— А ты, вообще, при чём? Ты крещёный. И вообще, мы живём среди русских людей, и национальность у тебя, как это во всём мире принято, определена по отцу.

— Да нет, дорогая моя мамочка, у евреев по матери. Я это в серьёзных книжках читал.

— Это ты старые книжки читал, а сейчас ситуация в мире изменилась: в мать можно залить всё, что угодно, и для этого мужчина вообще не нужен. Сейчас из одной пробирки накапают одно и то же двадцати женщинам — вот у тебя двадцать сестёр и братьев. Они могут много раз пережениться между собой и нарожать кучу идиотов, но это никого не волнует.

— Ну что ты такое, мама, говоришь?

— А то и говорю. Меня, по молодости, один подлец, тоже, кстати, еврей, бессовестно обманул. Я из-за него, после тяжёлого аборта, шесть лет не могла родить. Так что напугали бабушку баней.

— И что?

— А то, сынок, поверь мне, евреи — такие же люди, как все, только активней, хитрее и предприимчивей. У них за плечами богатый опыт подобного поведения предков в течение многих веков.

— И их за это ненавидят?

— А ненавидят их за то, что везде стараются вперёд всех успеть. У них больше всех в мире денег, домов, самолётов, наград и ещё всякой ерунды. А главное, что они всем подряд суют под нос свои достоинства, чем ещё больше раздражают окружающих.

2.5

История отрицательного отношения Эсфирь Соломоновны к евреям уходила в далёкое прошлое. Фира, как её все дома называли, родилась в еврейской семье среднего достатка в Румынии. Папа, неплохой провизор, имел в городе Констанца свою частную аптеку. Мама нигде не работала, воспитывая трёх детей — одну девочку и двух мальчиков.

Чересчур любознательная и не по годам активная, Фира требовала к себе повышенного внимания. В связи с этим папа определил восьмилетнюю дочь в женский коммерческий лицей со строгим распорядком дня, где она получила неплохое образование. Однако в шестнадцать лет симпатичная, вполне физически сформировавшаяся, Фира влюбилась в студента юридического факультета Бухарестского университета и забеременела. Родители приложили серьёзные моральные и материальные усилия, чтобы ей по-тихому сделали аборт, но дочь была всё равно отчислена из лицея.

Так как об этом факте вскоре узнала вся маленькая Констанца, папа продал за скромные деньги аптеку и переехал с семьёй в небольшой городок под Одессой. Там восемнадцатилетнюю Фиру быстренько, по её требованию, выдали замуж за начинающего врача Ивана Петровича Скворцова и помогли ему устроиться на работу в психиатрическую клинику, где он со временем дослужился до главного врача. Вскоре в семье Скворцовых родился ангельского вида мальчик — голубоглазый, белокурый, с ямочками на щеках. Когда в роддоме Фире показали новорожденного сына, она почему-то заплакала и тихо, как будто сама себе, сказала:

— Вот я и отомстила этим жидам.

Рождение по всем внешним признакам русского сына, названного Виктором, превратило Фиру в ярую антисе-

митку. Она перестала дружить с еврейскими девочками, отказывалась готовить еврейские блюда и даже выходить к еврейским гостям, которые приходили на праздники к её родителям. Дошло до того, что Фира попросила родителей говорить с внуком только на русском языке, не вставляя в разговор никаких слов на идиш.

Этот принцип общения сохранялся, пока ребёнок не ходил ножками, и его жизненное пространство ограничивалось детским манежем. Но когда Виктор стал покидать комнату, Фира решила разъехаться с родителями и жить своей семьёй. На все уговоры мужа остаться, она отвечала категорическим отказом.

— Фирочка, любимая моя, мы не потянем съёмную квартиру. У нас нет денег, чтобы её оплачивать.

— Я пойду работать.

— Куда? Кем? У тебя даже нет среднего образования.

— Буду преподавать французский язык детям местной интеллигенции. Я учила его много лет в лицее и весьма прилично знаю, но с родителями жить не хочу.

Иван Петрович понимал, что его жена серьёзно больна. У неё была тяжёлая послеродовая травма, которую силами местной медицины, а тем более призывами к здравому смыслу, устранить нельзя. Приходилось просто терпеть её выверты и соглашаться со всеми просьбами.

2.6

Но дело не ограничивалось декларациями со стороны Фиры и скандалами с родственниками. Она решила окончательно и бесповоротно завершить свои еврейские страдания — принять православие и перейти в христианскую веру. К сожалению, посоветоваться было не с кем: муж в очередной раз призывал одуматься и не делать глупостей, а с родителями на эту тему говорить было бесполезно.

В одно из воскресений, когда муж был дома и мог следить за ребёнком, Фира пошла в местную церковь, чтобы встретиться с батюшкой. Батюшка был достаточно молодой, лет сорока, человек с ухоженной короткой бородкой и пушистыми ресницами, из-за которых смотрели на мир умные серые глаза. Он не спросил у Фиры, по какому поводу она пришла, а только посмотрел в свой карманный ежедневник и сказал, что готов с ней поговорить в следующее воскресенье.

— Что вас беспокоит, сестра моя? — начал он тихим голосом. Свободного места в церкви не было и потому они сидели очень близко друг другу в углу небольшого тёмного зала. — Второй выходной, как я вижу, вы проводите в суете и угнетении себя.

— Мне жить не даёт, батюшка, чувство, что я постоянно всех, и себя в том числе, обманываю, — тоже тихо ответила Фира.

— Очень глубоко и проникновенно сказано, но не совсем понятно. Потрудитесь пояснить.

— Я чистокровная еврейка. И по папе, и по маме, а еврейкой быть не хочу. Во мне всё протестует против этого.

— Прежде всего, перестаньте волноваться и скажите, как вас звать, уважаемая?

— Фира. Фира Скворцова.

— Нет такого имени у евреев, госпожа Скворцова.

— Простите, почему нет?

— Потому что у евреев есть имя Эсфирь, а не Фира, — жёстким тоном ответил священник. — И ещё. Быть еврейкой — это не результат лотереи, где вам достался какой-то необыкновенный номер. Так решил Всевышний, дав вам еврейских родителей. Поэтому вы должны своё еврейство нести с гордо поднятой головой.

— Да не в родителях дело.

— А в чём?

- Я потеряла веру в человеческую порядочность.
- Красиво сказано, — усмехнулся священник. — Продолжайте.
- С самого детства родители мне внушали: муж у тебя должен быть только еврей.
- Понятно. И что?
- А то, что, следуя их наказу, я полюбила еврейского юношу, а он меня обесчестил и бросил. После вынужденного аборта и грандиозного скандала в семье, меня выгнали из коммерческого лица.
- С какого курса?
- За год до окончания.
- Очень плохо. И дальше что?
- А дальше родители были вынуждены уехать из прежнего города сюда. Здесь я, им назло, вышла замуж за русского парня, от которого родила ребёнка. Ребёнок — чистый ангел, и я его очень люблю.
- Ну и в чём дело? — уже раздражённо спросил священник. Разговор на неопределённую тему его несколько утомил.
- Дело в том, что я живу двойной жизнью: с родителями — еврейка, а с мужем — русская. Родители называют его не по имени, а гоем. Контакт между собой они не находят, а я посередине. Вот пришла к вам за советом: как мне развязать этот гордиев узел.
- Молодой священник сидел и молчал. В своей практике он ещё не сталкивался с подобной ситуацией. Разбираться в семейном межнациональном конфликте, да ещё что-то конкретно советовать этой молодой уставшей женщине с тёмными кругами под глазами, он не мог. Да и не хотел.

2.7

Он встал и, извинившись за то, что ненадолго её оставит, ушёл. То ли, в самом деле, хотел поразмышлять наедине над этой проблемой, то ли с кем-то посоветоваться, но вернулся минут через сорок с довольным видом.

— Ну что, Эсфирь, успокоились?

— Да, — тихо ответила она.

— Тогда продолжим. У вас, уважаемая, есть три варианта решения своей проблемы. Первый — оставить всё, как есть, и продолжать метаться между родителями и мужем. Но здесь я не ручаюсь за психическое состояние вашего сына, так как его контакты с обеими конфликтующими сторонами до добра не доведут. Второй — перейти вашему мужу в иудаизм, но в условиях нашего маленького городка это нереально. И, наконец, третий — принять православную веру и окрестить сына.

Священник сделал небольшую, но глубокомысленную паузу.

— Вы живёте в России, уважаемая, муж у вас русский человек и поэтому процесс вашего перехода в православие пройдёт, я думаю, совершенно безболезненно. Тем более что есть веская причина — сохранить семью и вырастить хорошего сына. Подумайте. Меня всегда вы здесь найдёте.

Разговор с мужем у Фиры был простым и коротким. Во имя сына, которого Иван Петрович Скворцов обожал, они, не споря, пришли к соглашению по третьему варианту. В один из назначенных дней семья Скворцовых пришла в местный христианский приход и выполнила все требуемые для присоединения к церковной общине требования: окрестила сына путём ритуального погружения в святую воду и записала Эсфирь Соломоновну в церковную книгу под именем Ефросиньи Семёновны. С её

родителями супруги Скворцовы решили эту проблему не обсуждать, зная заранее все мизансцены скандала: папа начнёт громко кричать и обзывать всех подряд паршивыми гоями, а мама будет подсказывать папе броские слова и периодически падать в обморок.

Единственная опасность этой ситуации исходила от двухлетнего сына Виктора, который, естественно, не понял, по какому поводу его какой-то бородатый дядька несколько раз окунул в бочку с холодной водой, и он мог пожаловаться бабушке. Правда, была слабая надежда на то, что, если некоторое время не водить сына к родителям, он забудет, что с ним произошло.

Свой переход из иудейства в христианство Фира перенесла исключительно спокойно и через несколько недель с удовольствием отзывалась на имя Фрося. Никаких душевных мук она при этом не испытывала. Наоборот, почувствовала, что их отношения с мужем стали более тёплыми и доверительными.

2.8

С годами Фрося не только привыкла к своему новому имени-отчеству, но и забыла старые. Переход в христианство привёл к очень большим изменениям в её жизни: поменялись выражение глаз, цвет лица, улыбка. Она стала носить, вместо разного фасона шляпок, платки, завязывая их, на манер местных женщин, сзади на затылке. Фрося забыла о причёсках, коротко подстригая себя сама. В связи с тем, что много времени она проводила внутри церковного помещения в молитвах, у неё полностью поменялся выговор. Её просто нельзя было отличить от русских прихожанок.

Батюшка, заметив послушание и прилежность Фроси, назначил её старостой женской половины прихода. Но

Ивану Петровичу не нравилась активная религиозная трансформация жены, и он, как-то незаметно, переселился жить в больницу, объясняя свои действия тем, что у него, как у главного врача, возросла производственная нагрузка.

Единственное, что объединяло Ивана и Фросю в редкие часы общения — размышления о будущем сына. В этих разговорах не было ничего предметного, так как Виктор ни в чём себя особо не проявлял. Учился в школе по всем предметам хорошо, но отличником не был. Мамин темперамент в сочетании с рассудительностью папы не привели сына к личностному расцвету, но внешне мальчик выглядел очень привлекательно: светлые волосы, высокий лоб, серые глаза, прямой нос. По совету учителя физкультуры, Виктор начал посещать гимнастическую секцию и стал обладателем хорошей фигуры. Тем не менее, при такой внешности и физических данных, ему во многих серьёзных ситуациях не хватало характера и решительности.

Тема внука и его будущего волновала не только родителей Виктора, но и бабушку с дедушкой. Они до определённого времени молчали, стараясь не вступать в конфликт с зятем. Тем не менее, когда внуку исполнилось двенадцать лет, бабушка, в один из визитов дочери, задавала ей вопрос:

— Фира, нашему внуку на следующий год нужно делать бар-мицву. Это не простое дело! Нужно решить целый ряд вопросов: договориться с синагогой, сделать разные покупки, снять помещение, приготовить приглашения. Что ты по этому поводу думаешь?

— Я не знаю. Нужно посоветоваться с Ваней.

— С кем, с кем? Ты что говоришь? Советоваться с гоем о том, в чём он абсолютно не разбирается? Ну, ты нас насмешила.

— Мама, папа. Это не шутки. Иван Петрович работает главным врачом большой психиатрической больницы. Член партии. У него могут быть большие неприятности по работе.

— Ну и что?

— Как ну и что? А если его отстранят от должности? Что мы будем делать, на что жить?

— Дочечка наша дорогая, таких «Ваней» у тебя может быть в жизни много, а еврейский внук у нас один. Тебе понятно?

— Понятно.

— Ну, тогда решай эту проблему и побыстрее.

2.9

В один из выходных Фрося решила передать мужу разговор о Викторе, который состоялся с родителями.

— Ваня, я недавно была у мамы с папой. Они интересуются, что мы думаем делать с Витей? Ему на следующий год тринадцать лет.

— Не понял. Ты о чём?

— О том, что еврейский мальчик проходит в тринадцать лет обряд бар мицвы и становится мужчиной.

— Да, но он сейчас не еврей.

— Стал не евреем, но раньше был.

— А кто это знает?

— Как кто? Мои родители.

— Значит нужно что-то сделать, чтобы они успокоились.

— Что сделать?

— Не знаю. Нужно подумать.

Разговор с женой целый день не выходил у Ивана Петровича из головы.

И вдруг его осенило. К одному из больных в его клинике нередко приезжает сын — старший офицер нахимовского военно-морского училища в Новороссийске. В это училище

принимают воспитанников с 5-го по 11-го класс с правом внеконкурсного поступления по окончании училища в любое высшее военное учебное заведение. Вечером он этой идеей поделился с женой.

Фрося всю ночь проплакала, а наутро согласилась с предложением мужа. Во-первых, Виктор переходит на полное государственное обеспечение, что было достаточно весомым фактором для их скромного бюджета. Во-вторых, родителям она расскажет, что в школе Виктора дразнят жидом, и переезд в Новороссийск, где его никто не знает, оградит бедного мальчика от дальнейших преследований. Через два года внезапно умер дедушка, а за ним скоро ушла из жизни бабушка.

Виктор регулярно приезжал к родителям на каникулы. Физически развитый, подтянутый, дисциплинированный, в военной форме, он на всех производил прекрасное впечатление. Целыми днями Виктор проводил с мамой, так как папа был всегда на работе, что позволяло Фросе обсуждать с ним многие интересные вопросы.

— Сыночек, расскажи, как ты учишься? Какие тебе предметы нравятся больше, а какие меньше?

— Учусь легко. А из предметов мне больше всего нравятся история и математика.

— Почему эти, а не другие?

— История очень поучительна, а математика не допускает всяких пустых рассуждений.

— Молодец, чётко, как военный, отвечаешь. Ну, а что вы делаете в свободное время?

— В свободное время занимаемся спортом, читаем книжки, поём в хоре, играем в шахматы. Правда, командиры очень стараются, чтобы его было у нас как можно меньше.

— Это они делают для вашей же пользы.

— Наверное, но нагрузка у нас, мама, очень большая.

— Это хорошо, сыночек, чтобы разные глупости в голову не лезли.

Но Фрося тоже зря время с сыном не теряла. Она подробно рассказывала Виктору о христианской религии, особых правилах послушничества, святых книгах. Особое внимание уделяла церковным обычаям и праздникам, стараясь показать сыну такую сторону жизни, чтобы он проникся любовью к христианству и духовности. Параллельно мама внушала сыну, что евреи не только распяли Христа и споили русский народ, но и на протяжении многих веков активно препятствовали распространению в мире христианской религии.

Но однажды на экскурсии по какому-то святому месту, её пятнадцатилетний сын по-взрослому, как курсант военного училища, заметил:

— Мама, а ты можешь мне дать установку, как правильно к евреям относиться, чтобы призвать их к порядку?

— Это у тебя, сыночек, не получится, потому что евреи очень хитрый и изворотливый народ. Понаписали множество вредных книг и заставляют всех читать. За эту коварную деятельность их ненавидят не только на Руси, но и в других странах.

— Понятно, мама, ну а что если их отделить от других народов, чтобы не оказывали на всех своего гадкого влияния?

— А как это сделать? Они везде, во всех науках, во всех ремёслах. Куда не плюнь — там еврей.

— Получается, люди с этим природным бедствием сами справиться не в состоянии?

— Получается так. Для решения этой сложной проблемы нужна помощь нашего всемогущего Бога.

2.10

В 1938 году Виктор Иванович Скворцов окончил с отличием Новороссийское военно-морское училище. Такой диплом давал право поступать без экзаменов в любое высшее военное учебное заведение Советского Союза. Когда папа, мама и сын сели за праздничный обед в честь успешного завершения учёбы, сразу начался разговор о том, где продолжать образование. Сначала были сплошные шуточки, а потом обсуждение приняло серьёзный характер:

— Ну что, сын? — начал беседу Иван Петрович. — Какие у тебя соображения по поводу дальнейшей учёбы?

— Пока никаких.

— Может пойдёшь по моим стопам? Станешь военным врачом — всю жизнь на всём готовом, одет, обут и зарплата приличная. Не как у меня на гражданке, хоть и главный врач.

— Нет, папа, не хочу. Во-первых, мне с детства не нравятся больничные запахи, а во-вторых, каждая профессия откладывает на человека определённый отпечаток.

— Что ты говоришь, а я не знал!

— Ну, теперь будешь знать, — со смехом ответил Виктор.

— А кого ты, сыночек, сейчас имел в виду?

— А вот кого. Был у нас в отряде один воспитатель — очень строго следил за чистотой и порядком. По этому поводу всё время ко всем привязывался: то покрывало на кровати морщит, то пуговицы на курточке не блестят, то ботинки плохо начищены. При этом через каждые полчаса бегал в туалет руки мыть, хотя ни за что не брался. Мы однажды взяли и закрыли туалет, так он чуть головой не поехал.

— Ты прав, сын. Я тоже за собой иногда кое-что интересное замечаю. Помнишь чеховскую палату № 6?

— Ну это, папа, для любой профессии характерно, не только для врачебной.

— Конечно. И тем не менее, на какой-то специальности всё равно тебе нужно остановиться.

— Подожди, Ваня. Не торопи ребёнка. Может ты, сыночек, хочешь принять духовный сан? Ты знаешь, какие красивые встречаются священники в своём одеянии? Глаз не оторвёшь.

— Ну да, мама, мне ещё этого не хватало — всю жизнь бороться с усмирением своей плоти.

— Да уж не скажи — бороться! Я вижу, как это занятие, совсем по-мирски, у них происходит. Так что не переживай.

— Нет, не хочу. Зачем мне жить двойной жизнью.

— А что ты сам хочешь? К чему у тебя лежит душа? — продолжала выпытывать мама.

— Пока ещё не решил. Во всяком случае, к медицине меня точно не тянет. А вот юридическими науками я бы, например, занялся.

— Не спеши с выбором профессии, сыночек, не спеши. Подумай хорошенько, прежде чем принять такое решение. Эта область деятельности насквозь пропитана еврейским духом. Только с их многовекторными мозгами и умением доказывать, что белое — это чёрное, евреи чувствуют себя здесь комфортно. А ты со своей честностью и папиным правдолюбием непременно свернёшь себе шею.

— Откуда ты знаешь, мама?

— Оттуда. Вокруг дедушкиной аптеки всегда крутились какие-то тёмные личности. Тебе с ними было бы явно не по пути.

— А мне, наоборот, кажется, что юриспруденция — это серьёзная, чёткая и ответственная специальность, в которой главенствует закон. Юристы храбро стоят на страже его выполнения.

— Ну, Витюша, ты такой детский сад, что я диву даюсь.

— Может быть, мама, я и детский сад, но в этой жизни всем придется крутиться.

— Смотри сам, сыночек, мы тебя с папой предупредили, а дальше — уже твоё личное дело.

— Ладно, дорогие мои родители, я подумаю.

— Подумай, Витюша, подумай.

Летом 1940 года Виктор Скворцов поступил на следственный факультет Военного университета Министерства обороны в Ленинграде. А через два года по ускоренной из-за войны программе получил направление на должность младшего прокурора Западного военного округа. Психоневрологическая клиника под руководством главного врача Скворцова, в связи с приближением немецких войск к Черноморскому побережью, была эвакуирована в одну из республик Средней Азии. После войны клиника без потерь вернулась в свой город.

Вместе с клиникой возвратилась из эвакуации и жена главного врача Ефросинья Семёновна Скворцова. Она возобновила посещение христианской церкви, выполняя большую волонтерскую работу, но одновременно часто посещала могилы родителей, похороненных на еврейском квартале городского кладбища.

2.11

На могилу своего мужа, Фёдора Ивановича Филиппова, Елена Исааковна ходила каждую пятницу. Придёт с утра и гостует до самой темноты. Несколько раз покушает вместе с мужем, расскажет, как неделю провела и обязательно о чём-нибудь посоветуется. А в конце дня поменяет воду в банке, поставит свежие цветочки и идёт навестить могилу своего старшего брата Марка с женой.

Умерли они один за другим через два года после того, как получили сообщение, что их сын, Исаак Маркович Рожанский, осуждён по 58 статье за измену родине на двад-

цать пять лет каторжных работ и отбывает наказание на Крайнем Севере в Норильском лагере строгого режима. От них ещё потребовали, чтобы они одну из двух комнат своей квартиры отдали райисполкому, так как их осуждённый сын потерял право на бронь жилплощади в квартире родителей. Но Марк, герой Гражданской войны, грудью встал против этого несправедливого решения, не пустив проверяющую комиссию на порог своего дома. Со временем власти по поводу квартиры от них отстали, но в захоронении на Аллее Славы, Марку Исааковичу, было отказано.

Когда Елена Исааковна Филиппова пришла, как обычно в пятницу, навестить могилу своего брата с женой, то очень удивилась от того, что увидела на этом месте. Вместо высокого обелиска из чёрного мрамора с красиво написанными фамилиями брата и невестки, зияла яма, подготовленная для следующего захоронения. С целью выяснить, что произошло с могилой близких людей, Елена Исааковна обратилась в администрацию кладбища.

Рабочий день уже закончился, и она застала в конторе только секретаршу, которая была занята печатанием на машинке.

— Извините, что отвлекаю, но я не нашла сегодня могилу своего брата Марка Исааковича Рожанского и его жены.

Услышав еврейскую фамилию, секретарша сразу сориентировалась и, не отрываясь от печатания, бросила пожилой женщине:

— Исчерпывающую информацию о ваших родственниках может дать Яник. Он где-то около нашей конторы обретается.

Яника Елене Исааковне не пришлось долго искать — он сидел на каменном заборе и лузгал семечки.

— Это вы Яник? — обратилась она к молодому человеку затрапезного вида.

- Ну я. А что мадам хотела?
- Я хотела узнать, куда девалась могила моего брата с женой?
- А кто будет ваш брат, позвольте спросить?
- Марк Исаакович Рожанский.
- О, эта гойская семья...
- Неправда, у моего брата была семья чисто еврейская.
- Вы что-то путаете, молодой человек.
- Мадам, Яник ничего никогда не путает. Мало того, что я потерял на ваших родственниках приличные деньги, я ещё получил нагоняй от ребе за то, что упустил хорошего клиента.
- Ничего не поняла. Вы можете толком объяснить, что произошло?
- Конечно, могу. Яник всё может, но, во-первых, мадам, уже темнеет, и я не могу проиллюстрировать свой трогательный рассказ картинками на местности. А во-вторых, повествование займёт много времени, а мне сегодня очень некогда.
- Я готова вас выслушать. Мне некуда торопиться.
- Зато у меня рабочий день, мадам, закончился.
- Но вы всё равно сидите целый день без дела на заборе.
- Это вам очень показалось, мадам. Яник без дела никогда не сидит.
- И что вы предлагаете?
- Подходите сюда завтра к девяти часам утра, и мы продолжим нашу увлекательную беседу. Кстати, не забудьте взять немножко денег с собой.
- Это сколько?
- Я знаю? Всё зависит от глубины обсуждения интересующей вас темы, мадам.

2.12

На следующее утро Елена Исааковна, как и договаривалась с Яником, пришла к девяти часам утра на кладбище. Он уже сидел на заборе в том же месте и в той же позе. Как будто никуда со вчерашнего вечера не уходил и даже тут ночевал.

— Спасибо, что вы вовремя, мадам, пришли.

— Пожалуйста.

— Хотите здесь говорить или вас сразу отвести на место, которое вы ищете?

— Давайте пойдём на место.

— Пожалуйста, мадам. Любой каприз — за ваши деньги! Кстати, общение со мной вам обойдётся в десять рублей.

— Могу предложить, уважаемый, только пять. У меня, к сожалению, больше нет.

— Из уважения к вам, мадам. А скажите, вы еврейка?

— Да, а что?

— Ничего. Я так и подумал.

— Давайте, Яник, приступим к делу.

— Конечно, конечно. Вы идите за мной, а я вам буду потихоньку рассказывать, в чём тут дело. Так вот, печальное это зрелище.

— О чём вы говорите, молодой человек?

— О том, что третьего дня здесь хоронили некоего Рожанского Исаака Марковича. Выделили ему участок аж на три места с учётом родителей, могилы которых вы вчера не нашли.

Услышав имя и фамилию племянника, Елена Исааковна рухнула на землю. У неё всё поплыло перед глазами. Она выпустила из виду Яника, который, не оглядываясь, шёл впереди и что-то продолжал говорить.

Почувствовав неладное, Яник обернулся и увидел, что пожилая женщина, шедшая за ним, валяется между могилами.

— Что с вами, мадам?
— Вызовите врача!
— Врача на кладбище нет. Только я могу, если разрешите, вам помочь. Но это вам будет стоить дополнительные деньги.

— Я согласна.

В результате манипуляций Яника Елена Исааковна пришла в себя. В синагоге, где, в основном, он проводил время, нередко возникали ситуации, когда людям пожилого возраста становилось плохо. Тогда приглашали ребе, и он этим людям своеобразным образом помогал.

— Как вы это делаете, господин ребе? — спросил однажды Яник.

— Очень просто. Я заставляю человека, попавшего в неприятную ситуацию, подумать вместе со мной о чём-то хорошем, светлом, радостном. И он приходит в себя.

— А как его заставить?

— Если честно служишь Богу, Яник, а не болтаешься без толку, он тебя научит.

2.13

Рядом с тремя свежими могилами, засыпанными цветами, они остановились. Крепившаяся до этого Елена Исааковна стала в голос рыдать. Опереться было не на что, и, чтобы она не упала, Яник её аккуратно поддерживал.

— Почему мне ничего не сообщили? — непонятно к кому обращаясь, громко говорила Елена Исааковна. — Ведь я с Изей несколько дней назад говорила. Он заходил ко мне попрощаться перед отъездом в свой проклятый Норильск. Как же сообщить жене, забыла как её звать?

— Да все уже в Норильске знают, мадам. Оттуда целая делегация приезжала, вместе с вашей Верой.

— Да-да, Вера.

— Похоронили бы Исаака Марковича как нормального еврея, где положено, а то устроили из этого партийный митинг.

— Какой митинг? Что вы, Яник, говорите?

— Настоящий. Даже не представляете, мадам, сколько здесь было милиции. Все при параде, с цветами. А старший их — большой генерал — кепку снял и речь говорил.

— О чём говорил? При чём тут милиция?

— А где мы с вами стоим, — старался закончить свой рассказ Яник, — будет памятник вашим родственникам стоять. Так их начальник объявил на всё кладбище.

— Что же мне ничего никто не сказал?

— Во-первых, у всех было много других дел, кроме того, чтобы вас искать, мадам. А во-вторых, у вас другая фамилия.

— Это правда.

— Извините, мадам, но мне кажется, что свои десять рублей я уже отработал. Если будут вопросы — не стесняйтесь обратиться. Всё-таки мы не чужие люди.

— Спасибо, молодой человек. Я вам дам десять рублей.

— И не волнуйтесь — с этой могилы ни один цветочек не украдут. Она под полным ментовским контролем.

Яник куда-то ушёл, а Елена Исааковна осталась одна, совершенно не понимая, где находится и каким образом здесь оказалась. Плакать почему-то расхотелось, но всё было как в тумане. Сама врач, она не могла обозначить своё состояние: летаргия, помешательство, сомнамбулизм? Всё наяву или ей кажется?

А в голове роилась масса вопросов:

— Почему на этом участке три могилы, когда их должно быть, как на старом месте, только две?

— Откуда взялась могила Изи? Ведь она с ним попрощалась перед отлётом в Норильск?

— Когда же он и где умер?

— Может, он уехал в Норильск и вернулся в Ростов, забыв сделать что-то важное? Так часто бывает в пожилом возрасте.

— Он, наверное, вернулся, чтобы кому-то отомстить, и его за это убили.

— А зачем вернулся?

— Вернулся отомстить. Он был страшно зол на советскую власть. Обзывал всё руководство страны ворами и негодяями. Кричал, что здесь хорошо живут только проходимцы и лавочники, а в государстве процветает кумовство и делячество.

— Я ещё сказала, что ему с Крайнего Севера уезжать никак нельзя — снова получит двадцать пять лет тюрьмы. А он мне ответил, что после посещения Ростова, не собирается вообще это делать.

— Потом Изя вспомнил героическую жизнь моего мужа Пети и свои фронтовые годы. В конце визита, уже одевшись и собираясь уходить, сказал, что на войне было проще и понятней: немцы — враги, и их нужно убивать, а здесь каждый второй фашист и антисемит, только их трудно в толпе рассмотреть.

В конце разговора, не поцеловавшись со мной, Изя сильно хлопнул дверью и ушёл.

— Нужно мне сегодня написать Вере письмо — пусть объяснит, что происходит. И почему меня, родную тётю, даже на похороны не пригласили? Очень обидно и Изю жалко.

2.14

Елена Исааковна уже час бесцельно металась по участку захоронения: то венки поправит, то цветы переложит. Потом неожиданно схватила первый попавшийся под руку букет цветов и стала им подметать проходы между могилами.

Окончательно устав от всего, что на неё сегодня навалилось, она села прямо на рыхлую землю и заплакала. Тут снова появился Яник с маленькой скамеечкой в руке:

— Я смотрю-смотрю, а вас нигде нет. Ну, думаю, что-то случилось. Сядьте, пожалуйста, на скамеечку. У вас стаканчик есть?

— Есть.

— Дайте сюда. Я вам сейчас водички принесу.

Яник посадил Елену Исааковну на скамеечку и сбегал за водой.

— Я даже не представлял, уважаемая, что вы так расстроитесь из-за моей болтовни. А хотите, я вас к ребе отвезу?

— Нет, не хочу.

— Зря. Он вам всё подробно расскажет и научит, как дальше себя вести. Денег платить больше не надо. Вы уже за всё заплатили. Хотите?

— Нет, не хочу.

— А что вы хотите?

— Хочу домой. Очень устала.

Яник, шаркая ногами, молча ушёл в сторону конторы, но через полчаса вернулся.

— Как вас звать?

— Елена Исааковна.

— Ну вот, вполне приличное имя и отчество, а ведёте себя непонятным образом.

— Спасибо за комплимент.

— Пожалуйста. Я для вас, мадам, нашёл милиционера.

— Зачем мне милиционер?

— Дежурного милиционера. Это совсем разные вещи. Через час за ним приедет машина. Сменщика привезёт.

— И что дальше?

— А милиционер отвезёт вас домой. Ну, всё, я побежал. Приятно было с вами познакомиться.

— Спасибо.

Елена Исааковна вернулась домой опустошённая и очень уставшая. Из отрывочной информации Яника и его активной коммерческой деятельности она поняла, что на прошедшей неделе умер её племянник Исаак. В Ростов на похороны приезжали из Норильска его жена Вера и ещё какие-то большие люди. Так как возможности похоронить сына вместе с родителями не было, то решили все три могилы выполнить на новом месте и сделать единый памятник. Она сидела и думала — что же ей дальше делать:

«Исаак в последний визит оставил свои почтовые реквизиты, но позвонить в Норильск для меня очень дорого. А что если я завтра, по горячим следам, дам телеграмму? Правда, это несколько дороговато, но зато надёжнее, чем письмо. В телеграмме выражу глубокое соболезнование и пожелание скорого свидания в Ростове-на-Дону».

С этими мыслями Елена Исааковна провалилась в глубокий сон.

2.15

А через несколько дней после отправленной телеграммы Елена Исааковна решила всё же написать жене Исаака Марковича письмо.

Дорогая Верочка!

К сожалению, с опозданием узнала о том, что 24 сентября умер Изя. Я не обижаюсь, что родной тётке, единственной близкой родственнице в моём лице, вовремя не сообщили об этом трагическом событии. Понимаю, что у вас на тот момент не было моего адреса и номера телефона, хотя я его Изе накануне дала. Ну да ладно, не будем считаться!

Дело в том, что я, по всей видимости, была последней, кто его видел живым. Это было примерно в четыре часа

дня, когда он пришёл ко мне попроситься. Мы с ним попили чай и душевно поговорили. Вечером в этот день он улетал в Москву, а потом в Норильск. Настроение у него было ужасное. Из его высказываний я поняла, что после всех попыток в течение месяца устроиться на работу в Ростове-на-Дону, где родился и вырос, он везде получил отказ из-за того, что еврей. Он не скрывал своего возмущения антисемитским отношением к нему людей, которые не пережили и сотой доли того, что выпало на его долю. Ему — герою войны, жертве сталинского правосудия, заслуженному строителю — было очень обидно. Изя выглядел плохо и ушёл от меня в подавленном состоянии. Остальное вам известно.

Дорогая Верочка, Изя со мной говорил о вашем желании уехать с севера, и я искренне вас в этом поддерживаю. Хватит, вы там прожили больше двадцати лет. Он также мне рассказал о том, что его, как осуждённого на большой срок по политической статье, лишили много лет назад ростовской прописки и права наследовать родительскую квартиру.

Позавчера я была на могиле мужа и обнаружила, что Изя, вместе со своими родителями, похоронен на Аллее Славы и Доблести. Этот факт открывает вам многие двери и позволяет успешно решить ряд проблем с вашим переездом в Ростов. Так как Изя, мой родной племянник, то вы можете претендовать на мою квартиру после моей смерти в компенсацию той, которую у вас несправедливо отобрали. Напишите, какие нужно подготовить, с моей стороны, документы, и я это сделаю.

Обнимаю,
ваша тётя Лена

Когда из школы пришёл сын Марк, Вера показала ему письмо.

— Смотри, сыночек, что я получила сегодня от тётки Лены из Ростова.

— А кто это, мама?

— Это младшая сестра нашего дедушки Марка, в честь которого тебя назвали.

— Письмо хорошее, но мне непонятно, мама, почему нашего папу никуда не брали на работу в Ростове? В Норильске его постоянно хвалят в газете и по радио. Даже по телевизору показывали.

— В письме тётка Лена написала, что это антисемиты, которые не любят евреев.

— Ну тогда пусть все евреи едут в Норильск работать, где нет этих мерзких антисемитов.

У Веры первый раз за много дней после смерти мужа появилась на губах улыбка. Ведь правильно, оказывается, в народе говорят: «Устами младенца...»

Глава 3. Валерий и Марк

3.1

Возвратившись после похорон мужа в Норильск, Вера полностью погрузилась в проблемы семьи — старенькая мама плюс двое детей. Младший Витас иногда вспоминал папу и начинал плакать, но старший Марк продолжал сохранять дистанцию в отношениях с ней, демонстрируя тем самым, что своё отсутствие на похоронах отца он не простил. Мама Веры видела переживания дочери, как та осунулась и на глазах превратилась в старушку. Она часто слышала по ночам плач дочки, которая что-то причитала сквозь слёзы о любимом муже, но ни с какими утешениями не приставала.

А через год из Ростова пришло от тёти Лены письмо, в котором она сообщала Вере, что Ростовский горисполком восстановил право семьи Рожанских на доленое участие в бронировании жилплощади. При этом её освободили, как ответственного квартиросъёмщика, от оплаты за лишние квадратные метры.

На днях поздно вечером позвонил по телефону Владимир Дмитриевич Калмыков.

— Верочка, добрый вечер, ты ещё не спишь?

— Нет, Володя. Жду Марка.

— А где он так поздно?

— Ведёт в школе три раза в неделю кружок самообороны. Говорит, что на его занятие собирается около тридцати мальчишек 5–6-х классов.

— Ну, молодец. Надо с ним как-нибудь на эту тему поговорить. А я хочу тебя обрадовать.

— Чем, интересно?

— Сегодня подписали коллективный договор, по которому наше предприятие обязуется выплачивать семье умершего кадрового специалиста, в которой остались несовершеннолетние дети, пятьдесят процентов его ежемесячного заработка.

— Не может быть.

— Как это не может? В этом месяце уже получишь хорошую прибавку.

— Банкет — с меня.

— Само собой. Поэтому и звоню, чтобы не забыла.

— Обижаешь, Володя.

— Ну всё, обнимаю.

— Пока.

Положив трубку, Вера поспешила на кухню сообщить хорошую новость маме:

— Мамочка, мы за Изю будем теперь получать хорошие деньги. Так что проблему с брюками для Витаса легко решим.

— Ну, замечательно, — радостно откликнулась мама.

— А то ничего из одежды Марка Витасу не подходит.

В ответ Вера расхохоталась.

— Это же надо — от одних родителей получились совершенно разные по всем параметрам дети.

Когда Вера ушла к себе в комнату, мама ей вслед прошептала:

— И судьбы у них будут, естественно, совершенно разные.

3.2

В 1974 году Марк Рожанский окончил среднюю школу в Норильске, и семья решила, что пора уезжать с Крайнего Севера на материк. Наиболее реальным и разумным был переезд из Норильска в Ростов-на-Дону, где у них была бронь на трёхкомнатную квартиру тёти Лены. К этому времени Елена Исааковна крепко сдала и из дома не выходила. К тому же она, естественно, прекратила ухаживать за могилами близких, что её очень расстраивало. Перед отъездом из Норильска Калмыков вручил Вере письменное подтверждение комбината о том, что до исполнения восемнадцати лет её младшему сыну Витасу она будет ежемесячно получать пятидесятипроцентную выплату зарплаты мужа, но без районного коэффициента.

На семейном совете решили, что Марк пойдёт по стопам отца и будет поступать в Ростовский инженерно-строительный институт на специальность «Промышленное и гражданское строительство». Вступительные экзамены в институт он сдал успешно и около доски объявлений, на которой были вывешены списки студентов первого курса, радостный Марк познакомился с парнем, который был зачислен с одинаковым баллом в его группу.

— Поздравляю, коллега, Марк Рожанский, — и первым протянул парню руку. — Будем вместе постигать строительную науку.

— Взаимно, Валерий Федорцов. А ты местный? — спросил Валерий.

— Местный, — с улыбкой ответил Марк, — если не считать, что только три месяца назад переехал из Норильска в Ростов.

— Ого, из каких широт приехал учиться. А я из Воронежа. Ночь переспал — и дома.

— Может, встретимся вечерком. Пообщаемся? — спросил у Валерия Марк.

— Нет, не могу. Нужно ещё устроиться в общежитие, пока все нормальные места не разобрали.

— Ну, давай. — Они пожали руки друг другу и разошлись в разные стороны.

Прежде чем пойти домой и обрадовать маму, что его приняли в институт, Марк решил посмотреть институтский спортивный комплекс. В Норильске он тренировался в спортзале каждый день. Это для него было как почистить зубы: если не успевал сделать днём, то обязательно шёл туда вечером. Он был членом сборной города по боксу, и время его тренировки было не ограничено. Два раза в неделю Марк работал с тренером, в остальные дни тренировался самостоятельно. Он попытался увлечь спортом своего младшего брата Витаса, но тот не захотел этим заниматься.

На одной из дверей комплекса было написано «Боксёрский зал». Марк постучал, и за дверью раздался громкий голос: «Открыто».

— Заходи, не стесняйся, — сказал улыбаясь грузный человек пожилого возраста. — Ты что-то хотел?

— Хотел познакомиться. Я Марк Рожанский

— Да ты что? А я тебя уже два дня жду. Поступил?

— Да, поступил.

— Ну и прекрасно. Ты шёл по спортивному списку, с нашей страховкой. Институту мастера спорта очень нужны.

— Это как?

— А так. Мы контролировали через деканат результаты твоих экзаменов, но ты и без нашей помощи прекрасно справился. Так что приступай к тренировкам.

— Сегодня не могу. Домой должен идти.

— Ну, тогда завтра. Подходи к часам четырёх. Составим расписание твоих тренировок. Меня Анатолий Васильевич зовут.

— Спасибо. До свидания.

3.3

Учебная группа Марка была разношёрстной: от ребят, окончивших сельские школы, до выпускников элитных школ. Из 25 студентов в группе было 11 девочек. Через неделю после начала занятий куратор группы, преподаватель кафедры физики, Василий Иванович Мороз, попросил всех задержаться:

— Уважаемые товарищи! 10 сентября наш факультет, по распоряжению декана, выезжает на сельскохозяйственные работы по сбору картофеля на полях Семикаракорского района Ростовской области продолжительностью один месяц. Всем собраться у главного входа в 8 часов утра. Рекомендуемый список вещей, которые следует взять с собой, я сейчас напишу на доске.

Пока Василий Иванович писал на доске, в группе, как в школе, был полный балаган: шум, крики, смех, шутки. Молодые, весёлые, жизнерадостные, они использовали любую возможность наладить первые контакты между собой, как того требовал возраст. Но когда преподаватель повернулся к аудитории лицом, всё стихло.

— Переписали?

— Нет, — хором ответила группа.

— Хорошо, даю вам пять минут, так как у нас для обсуждения есть ещё два вопроса. Нужно выбрать бригадира и счетовода.

— Так у нас есть староста группы Света Макарова? — влез в разговор самый шумный парень по имени Слава.

— Нет. Света пусть будет в вашей группе счетоводом, а бригадиром должен быть, по моему опыту, крепкий парень. Деревенские ребята понимают крепкое словцо и ещё кое-что.

— Ну тогда этот парень. — Слава указал на Марка. — Он мастер спорта.

— По какому виду спорта? — спросил Василий Иванович.

— По боксу.

— Очень хорошо. Ты не возражаешь?

— Не возражаю.

— Вот и хорошо. Вперёд, друзья!

После собрания Марк зашёл к тренеру.

— Здравствуйте, Анатолий Васильевич, 10 сентября я уезжаю на картошку со своей группой.

— Ты, Марк, не едешь. Я договорился с деканом, что сборная института по боксу остаётся в городе и готовится к первенству области общества «Буревестник» в середине октября.

— Нет, я обязан ехать. Меня ребята выбрали бригадиром. Да вы не беспокойтесь, Анатолий Васильевич. Я и в колхозе буду серьёзно тренироваться.

— Ну, смотри — не подведи.

— Не подведу.

Анатолию Васильевичу нравился Марк — обязательный, трудолюбивый, открытый парень. В принципе, как тренер он ничему научить уже не мог — просто этот парень его в мастерстве перерос. А то, что Марк будет сам тренироваться в колхозе, тренер не сомневался.

3.4

Марк без проблем справлялся с ролью бригадира, работая полный рабочий день со всеми наравне. Особенно его все стали уважать, после инцидента на второй день, когда под вечер к ним заявили три прилично выпивших местных головореза.

— Слышь, парнишка, — обратился к первому попавшемуся на их дороге студенту здоровый детина в розовой рубашке, расстёгнутой до пупа. — Подгони-ка нам тройку городских тёлочек. Не обидим.

- Не понял, что вы хотите?
- Старшего кликни.
- Хорошо. Я сейчас бригадира позову.
- Зови кого хочешь, только побыстрей.

Дом, в котором расположились студенты, был сезонным общежитием механизаторов. Большую его часть занимал гараж сельхозтехники, не используемой в настоящее время. В меньшей части — расходящиеся «распашонкой» два открытых помещения. В одном обосновались девочки, в другом — мальчики. Женскую половину занавесили простынями, а мужская осталась открытой для обзора. Вбежавший с улицы студент нашёл глазами Марка и закричал на весь дом:

- Бригадир, там три местных мужика тебя требуют.
- Кто такие? Зачем? — спросил Марк, на ходу одевая майку.
- Не знаю. Они пьяные.

Несколько человек вместе с Марком вышли на деревянное крыльцо.

— Что надо? — остановившись в дверях и загораживая всем остальным выход, спросил Марк.

- А тебе хлопец не сказал?
- Нет.
- Нам надо трёх телок на всю ночь. По червонцу за шкурку.

— А ну пошли вон отсюда, ублюдки! — крикнул Марк на весь двор.

— Что ты сказал, черножопый? — спросил детина в розовой рубашке и пошёл, раскинув руки, на Марка.

Марк спустился с лестницы, жестом показав всем остальным студентам оставаться в доме. Через несколько минут на грязном участке двора перед домом лежали три бездвиженных тела.

- Ещё раз придёте — убью. Всё понятно?

На вопрос Марка никто не ответил, но тела зашевелились.

Когда все стали собираться спать, Василий Иванович вышел покурить на крыльцо и позвал за собой Марка.

— Слышишь, бригадир, иди сюда. Нужно надёжно со стороны гаража закрыть в дом дверь. Не исключено, что они ещё придут.

— Не придут. Гарантирую, — усмехнувшись, ответил Марк.

— Придут. Я сам деревенский и знаю их повадки. И вот ещё что: дверь с крыльца держится на честном слове. Её уже не отремонтировать — только менять. Поэтому этот вход мы должны с тобой сегодня ночью вместе охранять: полночи ты — полночи я. Согласен?

— Согласен.

— Ну, тогда садись. Поговорим за жизнь.

3.5

Василий Иванович достал из брючного кармана пачку дешёвых сигарет без мундштука и закурил, выдыхая дым в другую сторону от Марка, понимая, что ему неприятен курящий собеседник.

— Скажи, Марк. где ты так лихо научился драться?

— Секцию бокса с детства посещал.

— Да нет, уважаемый. Судя по тому, как ты разобрался с этой бандой местных хулиганов, тут секцией не пахнет. Кто-то тебе преподавал эту науку на более высоком уровне.

— С папой любил в паре поработать.

— Вот это другое дело. А ты ростовский или приезжий?

— Больше приезжий, наверное, чем местный. Мы с мамой живём в Ростове только три месяца.

— А до это где жили? Где ты вообще родился?

— В Норильске. Там и прожил всю жизнь до Ростова.

— В Норильске? Как вас туда занесло? Интересный зигзаг. А ну, давай поподробней!

— А что тут интересного?

— Давай-давай. Не стесняйся. То-то я видел сегодня, как надо подонков жизни учить. Нам сегодня всё равно до утра сидеть, а завтра что-нибудь придумаем.

— Ну ладно. Только я всё поверхностно знаю. Что-то от родителей слышал, а о чём-то сам догадался.

— Рассказывай, не тяни.

— Отец родился в 1921 году в Ростове. В начале войны окончил высшее командное училище в Ленинграде, а после этого прошёл курсы специальной подготовки. В 1942 году был заброшен во главе диверсионной группы за линию фронта, но неудачно приземлился и попал к немцам в плен. Оттуда бежал, перешёл линию фронта и пришёл к своим. За невыполнение задания в тылу врага и плен был разжалован до рядового и приговорён к расстрелу, который был заменён штрафным батальоном. Искупил вину и дошёл до Берлина в звании гвардии капитана с возвращением всех боевых наград. В 1945 году был арестован контрразведкой и приговорён к двадцати пяти годам лагерей строгого режима. Срок отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере. В 1956 году был реабилитирован, но из Норильска не уехал. Работал начальником строительно-монтажного управления.

— Он живой?

— Нет, умер. Поехал в отпуск в 1968 году в Ростов и здесь умер от разрыва сердца.

— И вы поэтому переехали из Норильска в Ростов?

— Отчасти — да. Так как он отсюда уходил в армию, то нам здесь восстановили прописку.

— А кто отец был по национальности?

— Еврей.

— А мать?

— Мама русская. Вернее, наполовину русская, наполовину эстонка.

— А я подумал по тому, как дрался, что ты армянин или грузин.

— А что разве евреи не умеют драться?

— Я как-то на эту тему не думал.

— Жаль. Да не дай Бог кому-либо связаться с евреями! Костей, точно, не соберёт!

— А ещё дети в семье есть? — перевёл на другую тему разговор Василий Иванович.

— Есть брат, младше меня на семь лет. Он ещё в школе учится. Спортом совсем не интересуется. С утра до вечера какие-то глупые книжки читает и молчит.

3.6

— А теперь я тебе кое-что про себя расскажу, — загадочно начал Василий Иванович, — только ты ничему не удивляйся. Что будет не совсем понятно — спрашивай.

— Внимательно слушаю.

— Родился в южном Закарпатье в 1940 году в цыганском таборе. Мой отец через полгода подрвался на mine, когда табор переходил из Румынии в советскую Украину. Мать тащила меня на себе по горам и лесам, пока я не пошёл своими ногами. Правда, с этого момента стал воровать. Никто из цыган не считал это пороком. Наоборот — даже хвалили, когда что-то проделывал удачно. Я бы дальше продолжал жить в таборе и воровать, если бы не началась война.

— И что изменилось с войной в образе вашей жизни?

— Ничего, кроме того, что цыган, так же как и евреев, немцы начали отлавливать, где только могли, и убивать.

— Понятно, а что дальше?

— А дальше, моя мама, понимая, что далеко убежать со мной не сможет, отдала меня в хорошую украинскую семью, и я стал Василий Иванович Мороз. А когда подошло время получать паспорт, приёмные родители рассказали мне, кто я такой на самом деле. В память о своих настоящих родителях я написал в графе национальность «цыган». Поэтому третий год не могу защитить кандидатскую диссертацию и всё хожу в ассистентах.

— Значит мы, Василий Иванович, с вами представляем близкие по судьбе и по духу возрождения народы?

— К сожалению, нет. По судьбе, может быть, да, так как и евреев, и цыган всё время преследуют и притесняют, а по духу нет. Евреи потеряли во время войны примерно одну треть своего народа, а цыгане — четверть. Но евреи сразу начали активно созидать, восстанавливаться, а цыгане продолжают разрушаться.

Василий Иванович достал из пачки очередную сигарету и закурил.

— А вообще, евреи, по многим параметрам, ближе к русским, чем к цыганам.

— Вы это серьёзно, Василий Иванович, или шутите?

— Более чем.

— Первый раз в жизни слышу такую версию. А нельзя ли немного поконкретней?

— Можно.

Тут Василий Иванович замолчал — может, думал, зачем ему с каким-то мальчишкой откровенничать, а может, почувствовал в Марке серьёзного человека, с которым можно посоветоваться? Было непонятно, но он продолжил говорить.

— Если быть исторически честным, то в основе православия лежит иудаизм. Это раз. Если отнять у русского человека бутылку с водкой, то он не хуже еврея может работать, в особенности руками. Это два. И третье — русский

человек, по своей натуре, добрый, отзывчивый, прямой прекрасно понимает, что более преданного друга, чем еврей, в мире нельзя найти. Объединившись, они горы могут свернуть — в России, полной несметных богатств, половина страны просто стоит пустой. А евреи, со своей жизненной хваткой, могут помочь превратить её в цветущий край.

— А с цыганами у евреев только судьба сходная. Так я вас понял?

— Так, но это сходство, может, скоро закончится.

— По какой причине?

— Евреи скоро найдут мудрое решение своим проблемам.

— Да, Василий Иванович, глобально мыслите.

— Спасибо.

Ночное дежурство, связанное с охраной дома, Василий Иванович ещё несколько дней не отменял, только теперь в этом участвовали все ребята. Местные хулиганы больше к студентам в гости не приходили. В деревне говорили, что одному из них Марк сломал ногу, у второго было сотрясение мозга, потребовавшее его госпитализации в районную больницу. Третий хулиган отделался лёгкими ушибами.

3.7

Время в колхозе пролетело незаметно. Марк, через совместную работу и проживание в течение месяца, основательно познакомился со всеми ребятами и девочками в группе. Стал авторитетным человеком, к мнению которого прислушивались. Когда Василий Иванович куда-то отлучался, он оставался за старшего в отряде и никто не возражал. Марк не раз вспоминал рассказы отца, как непросто приходилось ему в Норильском кааторжном лагере. Как он на собственной шкуре сполна

почувствовал несправедливость и жестокость советских законов, требующих от человека стать маленькой песчинкой, лагерной пылью, желанием которого, а тем более здоровье, никого не интересовали. Даже когда он болел, а это было очень редко, никто из заключённых не посягал на его роль.

Отец рассказывал, что власть в лагере была всегда воровская, все «хлебные» должности принадлежали ворам и ими же контролировались. Но в отсек, где жили четверо политических, чтобы не нарваться на отца, бесстрашного и сильного, бандиты заходить побаивались. Исаак был единогласно выбран правофланговым в колонне каторжников, который отвечал перед лагерной администрацией за порядок и справедливость. Он был одним из лагерных «авторитетов», не позволявших лагерному жулью издеваться над заключёнными и заниматься мародёрством. Боевой офицер — прошедший всю войну, фашистский плен и советский лагерь, он внушал своему сыну: потерять человеческое достоинство — дело нескольких минут, а чтобы сохранить его, нужны годы.

Всех студентов группы, где учился Марк, совместная работа в колхозе объединила и сдружила. Пропали стеснение и недоверие, стали более тёплыми дружеские отношения. Единственно кого Марк, в полном смысле этого слова, в колхозе потерял, так это своего первого знакомого в институте и товарища по группе Валерия Федорцова, который объявился только на третий день.

— Ты где был? — спросил у него недовольным тоном Марк.

— А ты что за начальник? — огрызнулся Валерий.

— Я не начальник. Я бригадир. Поэтому поставлю тебе в ведомости три нерабочих дня.

— Ставь, что хочешь. А где Василий Иванович?

— Не знаю.

А через час к Марку подошёл Василий Иванович и спокойным тоном сказал:

— Слышишь Марк, не горячись. Я разговаривал с Федорцовым. Он, оказывается, трудится в клубе. Помогает заведующему подготовить колхозную самодеятельность к районному смотру. Заведующий клубом написал мне записку с просьбой освободить Федорцова от сельскохозяйственных работ. Думаю, нам следует помочь труженикам села.

— Василий Иванович, вы руководитель — вам решать, — ответил Марк. — Только я ему, как бригадир, буду продолжать ставить вместо рабочих дней нули.

— Это хорошо, Марк, что ты такой принципиальный, но в жизни тебе ещё не раз предстоит столкнуться с нестандартной ситуацией. Так что сбавь немного обороты.

3.8

Марк не очень переживал по поводу конфликта с Федорцовым, но осадок от того, что Валерий старается, как говорил отец, «объехать всех на кривой кобыле», остался. Тем не менее, через некоторое время всё забылось и дружеские отношения возобновились. Правда, общались они мало и коротко: Марк, как появлялось свободное время, бежал в спортзал покататься, а Валерий — к пианино. Но однажды после занятий, Валерий подошёл к Марку и спросил:

— Ты в субботу вечером занят?

— Нет, свободен. А что?

— Приходи в актовЫй зал. Я буду участвовать в праздничном концерте.

— Хорошо, а где пригласительный билет?

— Я тебе его завтра принесу. Но учти — рядом с тобой будет сидеть моя любимая девушка. Ты удели ей внимание, пока я буду выступать. Не возражаешь?

— Нет, конечно. А как её звать?

— Даша. Дарья Рубцова. Она учится в нашем институте, но на другом факультете.

— На каком?

— Сантехническом. Ну, пока.

— До завтра.

На следующий день перед входом в актовЫй зал стояла такая большая толпа людей, что Марк попал в зал за несколько минут до начала вечера. Его место было свободным, а рядом сидела скромно одетая девушка.

— Здравствуйте, я Марк. Приставлен к вам охранять, пока они изволят быть занятыми на сцене.

— Благодарствую. Я Даша. Поставлена ими в известность о вашем предназначении. Присаживайтесь, пожалуйста.

— На все утexas, сударыня, нам отпущено только первое отделение концерта.

— Ну что ж. Как говорится, за неимением гербовой, пишем на простой.

Они только успели проговорить шуточный текст, как открылся занавес и начался концерт, в котором Валерий, через несколько номеров, исполнил на рояле два прелюда Шопена. В перерыве между отделениями он сразу появился, так что поговорить Марку и Дарье в этот вечер уже больше не пришлось.

— Спасибо, Марк, за чётко выполненное поручение. Надеюсь, что к ней никто не приставал?

— Никто, кроме меня.

— Ну, ты не в счёт. Вот твой билет. Ты сидишь, дружище, через два ряда от нас.

— Спасибо.

— А сейчас я Дарью забираю. Уж больно мы соскучились друг по другу. Так что не обессудь.

— Всего хорошего, — успел ответить Марк.

3.9

Возвращаясь домой с концерта на троллейбусе, Марк с тоской смотрел в окно. Он сегодня впервые в жизни соприкоснулся с необыкновенной, чудесной, притягательной девушкой. Ему захотелось быть вместе с ней долгие-долгие годы.

— Ты о чём, парень?

— О девушке, которая сидела рядом со мной на концерте.

— Это о Даше, что ли?

— Да, о Даше.

— И чем она тебя поразила?

— Даже не знаю, чем? Наверное, глазами — чистыми, с пушистыми ресницами?

— Глазами? Да она на тебя ни разу и не взглянула.

— Не знаю. А ещё у нее необыкновенный голос. Особенно, когда смеётся.

— О чём ты?

— О смехе. Удивительно, но она смеётся более низким голосом, чем говорит. Это невероятно.

— Как ты это заметил? Ты всего-то несколькими предложениями с ней обменялся.

— Да, несколькими. Ну и что?

— А то. Со Светкой Парамоновой в Норильске почти год дружил. Часами ходил с ней по улице, а голоса не помню.

— Значит, не хотелось запоминать. А вообще что ты так засуетился, Марк? Видел, какими глазами она на Валеру смотрела?

— Видел.

— Ну и всё. Забудь. А то будешь теперь самоедством заниматься и придумывать всякие нереальные ситуации.

— А чем мне ещё, по-твоему, заниматься? Морды бить всем подряд с утра до вечера?

— Бей, пока получается. А там видно будет.

— Ладно. И всё-таки, зачем она пошла учиться на сантехнику? Такая красивая девушка...

— Родители, наверное, связаны с этим делом. Специальность — не фонтан, но зато вечная. Во все времена требуется.

— Ладно. Выходи, мечтатель. Твоя остановка.

3.10

Марк встречался с Валерием редко, так как Валерий демонстративно на занятия не ходил, просиживая ежедневно часами за пианино в красном уголке факультета. Он не скрывал, что учится в институте по настоянию родителей, считавших, что музыкант — не специальность для мужчины. Они требовали, чтобы Валерий сначала получил диплом инженера, а после этого занимался чем угодно, в том числе и музыкой.

Естественно, что с посредственными оценками стипендию Валерий не получал, но всё равно жил на широкую ногу: курил дорогие сигареты, обедал в ресторане, одевался у спекулянтов. Высокопоставленные родители: отец — управляющий строительным трестом, мать — врач, посылали сыну каждый месяц приличные деньги. В Ростовском инженерно-строительном институте отца Валерия знали хорошо: он регулярно принимал на практику студентов этого вуза и предоставлял деньги для выполнения хоздоговорных работ на предприятиях своего треста. Благодаря положению отца, на пропуски Валерием занятий и слабые знания деканат факультета смотрел сквозь пальцы.

За весь год Марк видел Дашу два раза и всегда в компании с Валерием. Первый — зимой, когда они шли по занесённой снегом парковой аллее, о чём-то разговари-

вая между собой и никого не замечая вокруг. Второй — в пустом актовом зале института: Валерий сидел на сцене и играл на рояле, а Даша в зале его внимательно слушала.

И тем не менее, когда Марк вспоминал Дашу, у него на весь день портилось настроение. Мимолётный, буквально несколько минут, разговор с ней на институтском вечере превращался в его воображении в необыкновенный роман с продолжением. Марк старался подавить в себе пустое романтическое увлечение Дашей, но не всегда, к сожалению, у него это получалось. А в мозгу крутились и не отпускали мудрые слова отца:

— Дорогой сын, никогда не копайся в прошлом. Поверь мне, там ничего, кроме неприятностей, нет.

— Почему ты так говоришь, папа?

— Потому что мгновения радости и счастья всегда быстро проходят. Задерживаются только плохие воспоминания.

3.11

Следующая встреча Марка и Даши произошла летом в конце четвёртого курса, когда все студенты разъехались на вторую технологическую практику. Валерий её проходил в Воронеже на предприятии отца, а Марк остался в Ростове и работал бетонщиком на строительстве городского узла связи. Даша тоже не захотела уезжать из города и числилась на практике в проектной институте.

Всем казалось, что дружеская связь между Валерием и Дашей оставалась по-прежнему крепкой и надёжной: он несколько раз в неделю ей звонил, и они подолгу разговаривали. Но сегодня рано утром зазвонил телефон у Марка:

— Марик, доброе утро. Это Валерий.

— Привет, Валера.

— Извини, что беспокою. Третий день не могу дозвониться до Даши. Дома никто не отвечает. Не знаю, в чём дело.

— Ну что за беда? Ещё раз позвони.

— Да нет, тут что-то не то. Ты бы не мог к ней зайти? Она в центре города живёт, угол Энгельса и Семашко. Пятиэтажное здание. Номер дома, к сожалению, не помню. Пусть она мне срочно перезвонит.

— Хорошо, зайду. Мне это не трудно.

— Спасибо, дружище. Только обязательно возьми с собой паспорт.

— Зачем?

— Это режимный дом горкома партии. Туда без документов не пускают.

Вечером того же дня Марк пошёл выполнять поручение Валерия. На входе в холле дома сидел за столом милиционер, который сразу поднялся навстречу Марку.

— Извините, молодой человек, вы к кому?

— К Даше Рубцовой.

— Она вас приглашала? Знает о вашем визите?

— Нет, не знает.

— Тогда подождите. Я должен её спросить.

Милиционер набрал нужный номер телефона. К телефону кто-то подошёл.

— Извините, Мария Васильевна. К Даше внизу гость. Она его желает видеть или нет?

— Одну минутку. Сейчас узнаю. Даша, подойди, пожалуйста, к телефону.

— Слушаю.

— Дарья Сергеевна, к вам гость.

— Дайте ему трубку, пожалуйста,

— Здравствуйте, Даша. Это Марк Рожанский. Выполняю поручение Валерия. Он не может к вам дозвониться.

— Здравствуйте, Марк. Поднимайтесь ко мне на лифте. Третий этаж, квартира пять. И передайте охраннику трубку.

Марк подошёл к лифту и загляделся. Такое великолепие он видел впервые в жизни: внешне лифт был отделан светлым деревом, а внутри всё в зеркалах и никеле. Скоростной и бесшумный. При закрытии дверей стёкла затемнялись.

На пороге квартиры номер пять его встречала Даша.

— Вы молодец, Марк, что пришли. Нас не было три дня дома. Уезжали на дачу, а сообщить Валерию об отъезде я не успела.

— Извините, Даша, туфли снимать?

И тут она стала громко смеяться. Марк на неё удивлённо посмотрел.

— Что-то не так сказал? Я все годы, с рождения, жил в Норильске. Так там это обязательно.

— Зачем? Без обуви человек, в особенности женщина, теряет свою привлекательность.

— Понимаете, Даша, Норильск — не Ростов. Заходя на севере в квартиру, человек может на полу или на ковре наступить. Подошвы оттаивают и оставляют мокрые пятна. Это во-первых. А во-вторых, попадая в помещение с мороза, ноги требуют тепла, и поэтому человек без разрешения снимает обувь.

— Снова не поняла: зачем ковры класть на пол? Их, как правило, русские люди вешают на стены.

— На севере очень холодные полы. Люди их утепляют коврами, прежде всего, для маленьких детей.

— Что же мы, Марк, стоим на пороге? Идёмте в мою комнату. Только следуйте за мной, а то заблудитесь.

3.12

Квартира Даши была необычной: большая, даже неизвестно, сколько комнат, дубовый паркет, красивые двери с медными ручками, хрустальные люстры и ковры. Везде ковры.

— Ты не стесняйся, Марк. Проходи. Кроме домработницы на кухне, в доме никого нет.

— Я не стесняюсь. Просто такой квартиры, как у тебя, я в жизни не видел. Хотя жил не в бедном краю.

— А это мой блок, — пропустила Даша последнюю фразу Марка и повернула ручку одной из дверей.

Комната была метров сорок. Напротив двери стоял цветной телевизор на ножках, а рядом — небольшое кабинетное пианино. Около окна, наполовину закрытого тяжёлой бордовой шторой, примостились два кресла и журнальный столик. Все стены были заставлены стеллажами с книгами. В конце комнаты виднелись кровать, большое зеркало и шкаф. Даша быстро прошла вперёд, на что-то нажала — и посередине комнаты опустилась металлическая перегородка, закрыв спальное пространство.

— Чай, кофе, мороженое? — спросила она весёлым тоном.

— Нет, спасибо, ничего не надо. Мне нужно идти домой — мама без меня не обедает.

— Вы вдвоём с мамой живёте?

— Нет. Ещё есть брат, младше меня на семь лет. Никого не слушает. Недозревший ковбой.

— А, простите, папы у тебя нет?

— Папа умер. Был в отпуске в Ростове и скончался от разрыва сердца. Здесь и похоронен.

— Что ты говоришь? Какой ужас. Ты же, как мне рассказывал Валерий, откуда-то с Севера?

— Да. Я родился и школу окончил в Норильске.

- Это где?
- Так трудно объяснить. Если бы была карта, я бы показал, где находится этот город.
- Карта есть, но она в учебной комнате.
- Это что такое?
- Это место, где мы с братом готовили, когда учились в школе, уроки.
- Не понял?
- У меня есть старший брат. Его комната рядом с моей. Мы погодки. В следующем году он оканчивает военную академию в Ставрополе.
- Очень интересно.
- А пошли мы в школу, — продолжила Даша говорить, — в один год и учились в одном классе. Я была маленькая, болезненная. Мама за меня очень боялась, а он всегда защищал.
- Интересная история. Так где у вас карта?
- Идём, покажу.
- В учебной комнате стояли два обычных стола и несколько стульев. Была также большая доска, как в нормальной школе, и полка с книгами. На одной стене комнаты висела карта мира, на другой — карта СССР.
- Ну, вот он — Норильск. Немного за Полярным кругом. Видишь?
- Вижу. И что там люди делают? Зачем в Норильске жить?
- Жить просто так, в самом деле, не нужно. Там нужно тяжело работать. Но это отдельный большой разговор.
- Марк, я очень хочу побольше узнать о Норильске.
- Зачем, Даша?
- Когда я была маленькая, мы жили в Перми. Это тоже на севере. Ты должен мне рассказать о Норильске.
- Не знаю, я очень занят. Тренировки, соревнования, занятия...

- Нет, хочу. Всё. За тобой — Норильск.
- Ладно. До свидания.
- Пока.

3.13

Валерий и Даша, где бы вместе ни появлялись, всегда держались за руки. Не говоря уже о том, что она часами просиживала рядом с Валерием, когда он занимался музыкой. Но весь следующий день Марк был под впечатлением от посещения её квартиры. То, что Даша ему нравится, он никогда не отрицал, но в этом плане ничего и не надумывал. Всё-таки встречается с его товарищем.

- А что, в принципе, вчера произошло?
- Да ровным счётом ничего.
- Как это ничего? Одну минуточку, давай разбираться.
- Давай.
- Я зашёл в подъезд, и охранник позвонил в квартиру Даши, чтобы выяснить — ждут ли они гостей или нет?
- Ответила по телефону домработница.
- Правильно, но она сразу передала телефонную трубку Даше.
- Всё верно.
- И Даша уже тебя пригласила подняться на пятый этаж в квартиру номер пять на лифте.
- А с этого места поподробней.
- Пожалуйста. Она могла бы поблагодарить тебя за информацию о Валере и, ничего не объясняя, не приглашать в квартиру?
- Могла, но думаю, что эти объяснения предназначены не мне, а ему, если он ещё раз позвонит.
- Согласен, но она вдруг вся заискрилась и настойчиво стала приглашать подняться к ней именно тебя.

— Ну и что? Это говорит только о том, что Даша хорошо воспитана.

— О нет, уважаемый. Девушки далеко не всегда готовы пригласить домой малознакомого парня: не то настроение, не так одета, нет должного порядка в комнате. Да мало ли что?

— Согласен.

— Вот. А она почему-то очень настаивала, понимая, что такая ситуация может не повториться.

— Что ты выдумываешь?

— Мне так показалось.

— Конечно, показалось. И всё равно не пойму, что из этого может быть?

— Да ничего.

— Э, нет. Дальше она тебя не отпускала домой. Прямо заставила дать слово, что ты ещё раз с ней встретишься и расскажешь о своём Норильске. Как будто жить без этого нельзя.

— И какой вывод?

— Да никакой. Где я, а где она? Сельский пацан на городских танцах.

— И что делать?

— Да ничего не делать. Забудь!

— Но я же обещал!

— Забудь, говорю тебе, и всё.

Звонок Валерия не заставил себя долго ждать. Вечером он снова позвонил Марку.

— Привет, дружище. Ну, ты выполнил мою просьбу?

— Да, я виделся с Дашей.

— Как виделся? Где?

— Я ей позвонил со входа в дом, где милиционер сидит, и она меня пригласила к себе.

— И дальше что?

— Ничего. Она показала свою учебную комнату, и я ушёл. Мама меня ждала к обеду.

- Так и ушёл?
- Так и ушёл.
- Ну ладно. Спасибо.
- Пожалуйста.

3.14

Но нужно было знать Валерия. На следующий день он ночным поездом приехал в Ростов и сразу с вокзала позвонил Даше.

— Цыплёнок, привет. Я в Ростове. Страшно хочу тебя увидеть. Ты несколько дней не отвечала по телефону, и я не находил себе места.

— И поэтому ты подослал ко мне Марка?

— Я никого не подсылал. Просто хотел удостовериться, что с тобой всё в порядке.

— Удостоверился?

— Да. Так когда мы увидимся?

— У меня на сегодня намечено столько дел, что даже не знаю. Ладно, давай в четыре на нашей скамеечке в городском саду.

— С Энгельса или с Пушкинской?

— Ты что, Валерочка, меня проверяешь? Конечно, с Энгельса. Только в шесть часов мне нужно быть дома.

— Хорошо, Цыплёнок, до встречи.

Валерий был шокирован холодным разговором с Дашей.

— Неужели в изменении отношения ко мне какую-то роль играет этот костолом?

— Не может быть. Марк годится только на роль вышибалы в привокзальном ресторане.

— Почему ты его, всё-таки, обозвал костоломом? Он боксёр.

— Это одно и то же.

— Ладно. Сейчас только девять утра. Что делать до четырёх? А не пойти ли мне в кино, да ещё на две серии?

— Хорошая идея. Отвлекусь от того, что может сам себе надумал.

С опозданием на семь минут, хотя она прямо напротив городского сада живёт, пришла Даша.

— Ну, как дела, дорогой?

— Всё хорошо, кроме того что я тебя целую неделю не видел. Ты же знаешь, что я без тебя жить не могу.

— Думаю, ты зря сублимируешь.

— А это что ещё за жаргон, Даша?

— Это не жаргон, а вполне цивилизованное слово.

— И что оно означает?

— Сублимация — это способ не сойти с ума от какой-либо неприятности и не впасть в агрессию.

— Этому тебя, случайно, не Марк научил?

— Да нет, — рассмеявшись, ответила Даша. — Он вообще был у меня всего несколько минут. Спешил на обед к маме.

— У них мама всегда на первом месте.

— У кого это «у них»?

— У евреев.

— И правильно. У меня тоже. Папу я неделями не вижу.

Так что ничего странного.

Они расстались без четверти шесть, а в семь часов вечера Валерий позвонил Марку. Тот сам подошёл к телефону.

— Привет, Марк.

— Привет. Ты откуда звонишь?

— Из Ростова.

— Да ты что? Когда приехал?

— Сегодня утром и сейчас уезжаю назад.

— А чего приезжал?

— Хочу спросить: тебя Даша больше не приглашала к себе в гости?

— Приглашала.

— Зачем?

- Чтобы я ей рассказал о Норильске.
- Понятно. У меня к тебе просьба, Марк. Ты повремени немного со встречей. Я тоже хочу послушать твой рассказ.
- Хорошо. Подожду.
- Ну, будь здоров.
- Пока.

ЧАСТЬ 2

Глава 4. Тоска по Норильску

4.1

1 сентября... Начало занятий на последнем пятом курсе. Марк обходил ребят из своей группы, чувствуя их крепкое дружеское пожатие руки, пока не дошёл до Валерия.

— Здоров, Шопен. Как настроение? Что это у тебя такое вялое рукопожатие, как у барышни?

— Ничего хорошего.

— Почему? Чего раскис?

— Ты ещё спрашиваешь? Да я после твоего визита к Даше окончательно с ней разошёлся: на звонки она не отвечает, встречаться со мной не хочет. Не твоя ли это работа, дружок?

— Нет, не моя. Я с ней тоже, после того как выполнил твоё поручение, больше не виделся.

— И по телефону не говорил?

— Нет, не говорил.

— Честно?

— Ну, ты, Валера, как Гаврик. Помнишь?

- Нет, не помню.
- Ну, когда он сказал Петьке: «Жри землю, что не врешь».
- Марк легонько толкнул Валерия в плечо, вроде как извиняясь за сравнение с босяком Гавриком.
- А я уже подумал, что вы за моей спиной закрутили краковяк. Извини, если обидел.
- Да нет, не обидел. Ну что, успокоился?
- Нет, не успокоился. Даша у меня из головы не выходит.
- Так пойди и поговори с ней. Женщины любят, чтобы их уговаривали и клялись в любви до гроба.
- А ты откуда знаешь, что такие советы даёшь?
- Знаю.
- Не верю. Из-за своей любви к мордобою, ты, поди, ни с одной девушкой не встречался.
- Книжки надо читать. Жалостливые. Там всё написано.
- В книжках нет описания того, что с нами происходит. Каждый сам топчет дорожку к алтарю.
- Это верно. А ты знаешь, Валера, у меня появилась идея, как нам собраться втроём — ты, я и Даша.
- Что за идея?
- Когда я был у Даши дома, я ей обещал когда-нибудь рассказать о Норильске. Она очень заинтересовалась.
- А я тебе скажу — почему? Даша в детстве жила на северном Урале. А там зима и морозы, как у вас.
- Понятно. А давай я ей позвоню и приглашу в гости. Мама собирается двадцать четвёртого сентября организовать вечер памяти моего папы.
- А почему двадцать четвёртого?
- В этот день исполняется 10 лет со дня его скоропостижной смерти. Кстати, он умер и похоронен в Ростове на Северном кладбище.

— Нет, Марк, как-то неудобно. Эта дата связана с семейной скорбью, воспоминаниями о близком человеке, а тут мы придём.

— Почему неудобно? Удобно. Ведь проводят вечера памяти известным писателям, артистам, спортсменам.

— Известным людям — да. А это просто твой папа.

— Мой папа в Норильске был самым знаменитым узником Норильлага. Он организовал и возглавил самооборону политических заключённых от уголовников, которых в лагере было десятки тысяч. Это спасло многих от верной гибели.

— Что ты говоришь? Вот это да! Очень интересно послушать о таком человеке.

4.2

Марк предложил отметить годовщину смерти отца не только потому, что сам хотел встретиться с Дашей, но и для того, чтобы рассказ о Норильске из его уст не выглядел пустой похвалой. Он гордился своим отцом и искренне любил город, в котором родился и провёл восемнадцать лет жизни. Более того, был уверен, что на такое мероприятие обязательно прилетят из Норильска гости.

Обидное замечание Валерия о девушках Марк оставил без ответа, так как, в самом деле, кроме нескольких прогулок с одноклассницей по вечернему Норильску, ни с кем больше не встречался. И тем не менее, некоторые впечатления детства о норильских женщинах у него, всё-таки, были.

До того как Марк пошёл в школу, он жил с родителями в пятиэтажном доме с комнатами гостиного типа — гостинках. Единственное отличие гостинок от общежития заключалось в том, что все комнаты имели свой санузел, а на входе не сидела вахтёрша. На каждом этаже было не

менее тридцати комнат и длинный полутёмный коридор, в котором, когда родители были на работе, Марк с друзьями проводил всё свободное время. В коридоре не только было теплее, чем в комнате, где дуло изо всех щелей, но и интересней. Здесь перед его глазами разворачивалась настоящая картина жизни.

Однажды перед сном Марк спросил у отца:

— Папа, а почему у нас на этаже дяди часто дерутся? И тёти тоже.

— Понимаешь, сынок, это когда они после тяжёлой работы напьются водки.

— А зачем пьют водку?

— Хороший вопрос, но ты ещё очень мал чтобы понять, почему они это делают.

— Ну почему мал? Я смогу понять, если ты мне объяснишь на языке моего возраста.

— Ладно. Я попробую. Только десять минут, не то нас мама будет ругать.

— Хорошо.

— Ну, так вот. Мы живём с тобой в особенном городе, где очень холодно. На улице не погуляешь, особенно зимой, а зима у нас длинная.

— Правильно. Поэтому я играюсь с ребятами только в коридоре. Правда, иногда выхожу на улицу.

— Совершенно верно. После работы, на которой люди очень устают, нужно отдыхать. Если человек образованный, то он читает книги, играет в шахматы, как мы с тобой, ходит в кино. А если без образования, то, как правило, он пьёт водку.

— А почему же они дерутся?

— По разным причинам: иногда на всех водки не хватает, иногда из-за девушек.

— Это как?

— Ну, например, двум мальчикам нравится одна девочка. Вот они друг друга толкают, спорят. У вас ведь тоже такое бывает?

— Конечно, бывает, — авторитетно подтвердил Марк.

— Вот видишь! А теперь спи. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Марк согласился с папой, что бывают дяди, которые тяжело работают, вечерами не читают интересные книжки и не играют в шахматы, а пьют водку. Но почему так плохо ведут себя тёти — он не понял. Вид пьяных, небрежно одетых, дерущихся и ругающихся матом женщин, многие из которых были в норильском лагере, оставил у маленького ребёнка тяжёлое впечатление на всю жизнь.

4.3

Несколько дней Марк вынашивал идею отметить десятую годовщину смерти папы и, наконец, решил посоветоваться по этому поводу с мамой. Выбрав время, когда она была более-менее свободна от домашних хлопот, Марк спросил:

— Скажи, пожалуйста, мама, я правильно посчитал, что в конце сентября этого года исполняется десять лет, как умер папа?

— Правильно. А почему ты об этом, сыночек, спрашиваешь?

— Дело в том, что в следующем году я оканчиваю институт. Мне, как и всем однокурсникам, предстоит распределение на работу, и неизвестно, где я в это время буду. Поэтому предлагаю отметить десятилетие со дня смерти папы в этом году.

— Хорошая мысль. Конечно, я согласна — посидим, поговорим, вспомним папу и нашу непростую жизнь в Норильске. Я по этому поводу приготовлю хороший ужин.

— А можно, мама, я приглашу своих друзей? Пусть они послушают, какой наш папа был герой.

— Конечно, пригласи.

Марк сначала задумывал это мероприятие, как повод помирить Дашу и Валерия, но сейчас у него созрел совсем другой план. Он до сих пор не мог забыть, как его, большого мальчика, не взяли на похороны папы. Владимир Дмитриевич Калмыков много раз рассказывал, как папу провожали тысячи людей во главе с начальником всей милиции Ростовской области генералом Смирновым.

— Мама, напомни, пожалуйста, каким образом собралось столько людей на похороны папы?

— Дело в том, что утром в день похорон, было по ростовскому радио выступление Владимира Дмитриевича Калмыкова. Он рассказал о нашем папе, его фронтовой жизни, Норильском каторжном лагере, трудовых заслугах. И ещё он сказал, что если бы твоего отца хоронили в Норильске, то собрались бы десятки тысяч людей. А так его, по всей видимости, будут провожать в последний путь в Ростове только несколько человек. Вот тогда незнакомые люди — ветераны войны, бывшие заключённые, их родственники и друзья — откликнулись на призыв Калмыкова собраться, чтобы отдать дань уважения своему заслуженному земляку.

На следующий день Марк позвонил в Норильск Калмыкову и рассказал о своём плане отметить десятилетие со дня смерти отца. Владимир Дмитриевич не только с благодарностью принял приглашение приехать в Ростов, но и пообещал активно участвовать в проведении этого мероприятия. В канцелярии генерала Смирнова приняли информацию о проведении дня памяти гвардии капитана Рожанского Исаака Марковича и сказали, что сообщат об этом генералу Смирнову.

4.4

Предложение Марка Вера решила обсудить с младшим сыном Витасом, которому недавно исполнилось пятнадцать. Мальчик был непростой, избалованный, не знавший, в силу материального достатка в семье, слова «нет».

Несколько дней назад у Веры с Витасом состоялся неприятный разговор, который закончился обидой на сына. На вопрос, кем ты собираешься себя записать по национальности при получении паспорта, он, не задумываясь, ответил:

— Эстонцем, как дедушка.

— Это твоё право, — заметила мама, — но объясни — почему?

— Что почему?

— Почему эстонцем, а не русским, как я, или евреем, как папа?

— Потому что ни русских, ни евреев не люблю. Хочу принадлежать к арийской расе.

— Тебе кто-то посоветовал или ты своими мозгами дошёл до этой гениальной мысли?

— Сам.

— Ну ладно. Не будем опережать события.

Сегодня, когда Марк ей сообщил о своём желании организовать вечер памяти папы, Вера сразу подумала о Витасе. Наверняка, он будет против, но говорить с ним в любом случае надо. Вечером, когда Витас вернулся с гуляния, Вера села за стол напротив сына:

— Как дела?

— Мама, ты каждый день задаёшь мне один и тот же глупый вопрос.

— А ты каждый день мне грубишь.

— Я где-то читал анекдот: «Кто такой демагог?»

— Ну и кто?

— Демагог — это человек, который на вопрос: «Как живёшь?» начинает рассказывать, как он живёт.

— Хорошая шутка.

— Это не шутка, мама, — это жизнь.

— Молодец, сыночек, маму жизни учишь. Но я не об этом хочу с тобой поговорить.

— А о чём?

— В конце сентября исполняется десять лет со дня смерти нашего папы.

— И что?

— Марк хочет организовать вечер воспоминаний.

— А я причём? Я его почти не помню: приходил домой какой-то дядька, когда я уже спал, и уходил, когда я ещё спал. В выходные он, как правило, с Марком уезжал на охоту или рыбалку. Вот и все мои впечатления от общения с папой.

— Нет, не все. Он тебя очень любил. Когда ты маленький был, он с тобой много гулял, игрался.

— Ну не помню я эти еврейские сюсюканья.

— Зачем ты так о папе говоришь? Он герой.

— Да какой он герой? Вот наш дедушка — заместитель министра обороны Эстонии, который умер в лагере от голода, он герой.

— Нельзя делить людей на героев и не героев только потому, что один остался живой, а другой умер.

— А делить всех, кто погиб, на евреев и неевреев, можно? Короче, мама, не буду я в этом шабаше участвовать. Спасибо за ужин.

4.5

Своим материнским чутьём Вера не только чувствовала коренные изменения, происходящие с Витасом, но и постоянно находила этому подтверждение. Недавно она обнаружила на его книжной полке эстонско-русский сло-

варь и тоненькую тетрадь, в которой он пробовал себя в эстонском языке. Вера несколько лет училась в эстонской школе и без особого труда прочитала короткие предложения, с написания которых Витас начал изучать эстонский язык. Их было, многократно написанных, всего два: «Я не люблю Россию. Я люблю Эстонию», «Приходит время, когда мы очистим Эстонию от русских и евреев».

В принципе, этим глупым лозунгам была три копейки цена, но страшно, что Витаса в эту сторону тянет. Не исключено, что кто-то его в националистическом плане постоянно настраивает и подзуживает. Для того чтобы хоть приблизительно установить этого «кого-то», Вера пошла на хитрость. Когда сын вернулся с вечерних гуляний, она за ужином между прочим спросила:

— Витас, ты не передумал поехать на зимние каникулы в Москву — посмотреть столицу нашей Родины? В это время там будет ещё и розыгрыш кубка мира по баскетболу среди студенческих команд.

— Нет, не передумал. С удовольствием поеду.

— Мне знакомая в турагентстве предложила две дешёвые путёвки, но я не могу оставить бабушку одну. Придётся отказаться.

— Ну зачем, мама, отказываться? Я предложу твою путёвку своему другу Севе. Он тоже хотел поехать.

— Хорошо, я завтра поговорю в агентстве на счёт путёвок, а ты приведи Севу к нам домой. Мне нужно знать, с кем ты собираешься поехать на экскурсию в Москву?

— Договорились. Завтра он не может, а послезавтра мы придём.

Витас привёл своего друга познакомиться с мамой через два дня. Сева приехал в Ростов из Львова год назад в связи с переводом отца на службу в Северокавказский военный округ. То, что они были оба новенькие в классе, их подружило. Сева был блондин небольшого роста

с серыми острыми глазками, которыми сразу обшарил всю квартиру. В отличие от немногословного Витаса, весь вечер он рассказывал о себе и своей семье. Информации было мало, но Вере не понравилось, что он всё время, независимо от обсуждаемой темы, говорит о деньгах.

— А кто у тебя родители, Сева? Чем занимаются? — спросила Вера.

— Папа военный, а мама преподаёт историю в седьмых классах. Она и меня учила в львовской школе. Правда, в классе говорила одно, а дома — совсем другое. Иногда просто противоположное.

— А что другое?

— Другое. Про власть, наших кремлёвских руководителей, политику партии и правительства. Папа её всё время ругает за это, а она продолжает заниматься антисоветской пропагандой.

Чтобы сменить тему, Вера спросила у гостя:

— А чем ты увлекаешься, Сева? Что тебя интересует, помимо школьных занятий?

— Вот как раз школа, с её убогими и пустыми занятиями, меня меньше всего интересует.

— А что интересует?

— Люблю читать зарубежную литературу, самиздат. Только вы меня не выдавайте. Я, правда, знаю, что вы сами из бывших репрессированных, но всё равно.

— Зачем мне тебя выдавать, если ты с моим сыном дружишь?

— Не знаю, но папа говорит, что в нашей непростой жизни нельзя никому доверять.

— Ну ладно, Сева. Пошли, я тебя провожу домой, а то ты сегодня очень разболтался, — вдруг вступил в разговор Витас.

— Я думаю, твой друг пойдёт домой один, — жёстко сказала мама. — Уже поздно, чтобы кого-то провожать.

— Ладно. Севка, до завтра.

А на следующий день вечером Вера сказала Витасу, что экскурсия в Москву отменяется, так как, оказывается, кроме путёвки, нужно покупать страховку, а у неё на это денег нет.

4.6

Все в семье Рожанских, за исключением Витаса, с нетерпением ждали дня, когда соберутся люди, чтобы отметить десять лет со дня смерти отца и мужа. Решение всех организационных вопросов взял на себя Марк, а за подготовку стола отвечала Вера. Когда мама спросила Витаса, чем он может помочь, тот грубо ответил:

— Мы с бабушкой к еврейской части нашей семьи никакого отношения не имеем.

— Стыд какой, — заметила Вера. — Ты хоть бабушку сюда не приплетай, идиот доморощенный.

Накануне из Норильска прилетел Калмыков. Шумный, энергичный, он сразу из Ростовского аэропорта позвонил Вере и сказал, что у него есть замечательный сюрприз, о котором никто не догадывается.

— Владимир Дмитриевич, скажите, а то я ночь не буду спать.

— Такой сюрприз, Верочка, стоит одной бессонной ночи. Не скажу.

Сбор гостей был назначен на три часа дня, но перед этим Калмыков решил посетить кладбище и возложить цветы на могилу Исаака Марковича и его родителей. И хотя он отлично знал всю композицию захоронения, так как Норильское строительно-монтажное управление оплатило все расходы — от проекта памятника до сооружения, Владимир Дмитриевич остался очень доволен тем, что увидел: посередине площадки стоял большой

бюст Исаака Марковича из чёрного мрамора со всеми наградами, а по обеим сторонам от него — в половину размера бюста — были выполнены памятные надгробия из того же материала мамы и папы. Территория площадки позволяла похоронить ещё нескольких близких им людей.

Валерий заехал за Дашей на такси и они первыми приехали по указанному адресу. Марк только успел их познакомиться с мамой (Витаса, как всегда, не было дома), как шумной компанией ввалился Калмыков. За ним проглядывал высокий, спортивного вида молодой парень с необыкновенно интересным лицом. После того как гости перещеловались с Верой и Марком, Владимир Дмитриевич голосом Левитана объявил:

— Знакомьтесь, это наш молодой друг еврейско — эскимосского происхождения по имени Илья. Сын Клавки и Файвуса, выполненный в одном эксклюзивном экземпляре. Илья владеет практически всеми языками народов Севера, мастер спорта СССР по лыжному спорту. По образованию инженер — металлург.

Вера от неожиданности опустила на стул — она видела этого юношу в Норильске один раз десятилетним мальчиком, когда Клавка с сыном приходили к ним посоветоваться по какому-то вопросу с Исааком Марковичем. А сейчас перед ней стоял взрослый человек с восточным разрезом глаз и европейским цветом лица.

— Быть этого не может. — И она бросилась обнимать и целовать Илью.

— А как мама? Она жива? Как себя чувствует?

— Хорошо. Живёт вместе с нами. Нянится с двумя внуками.

— Боже мой, боже мой, — причитала Вера, вытирая слёзы.

4.7

Быстро рассевшись вокруг заставленного всякими блюдами и тарелками стола, слово взяла Вера.

— Спасибо, дорогие друзья, что в такой день к нам пришли. Мне сейчас трудно говорить. Я скажу несколько слов попозже.

— Ну что ж, — инициативу сразу перехватил Владимир Дмитриевич.

— Позвольте мне, как самому взрослому за этим столом, произнести самый простой тост:

— За здоровье всех присутствующих и за память об отсутствующих. Прошу всех встать и выпить.

— Этот тост, — продолжил Владимир Дмитриевич, — должен был сегодня сказать старший рода Рожанских — Исаак Маркович. Мы собрались, чтобы вспомнить великого, не побоюсь этого выражения, человека. Я, как его близкий друг, произнёс эти слова. С Исааком Марковичем мы прошли в самое страшное для нашей страны время весь путь человеческих страданий. Это был умный, мужественный, надёжный человек. Доброго здравия на небесах! Он этого заслужил.

После этих объединяющих всех присутствующих слов обстановка за столом стала совсем другой — доброй и открытой. Все дружно начали закусывать, тем более что северные гости привезли с собой массу вкусных экзотических продуктов — оленью колбасу, копчёную рыбу, медвежье мясо, северного гуся и всяких других разносолов.

— А сколько людей сегодня в Норильске живёт? — робким, не свойственным ему голосом, спросил Валерий.

— Около трёхсот тысяч, однако желающих приехать в Норильск на работу очень много. В настоящее время мы никого на наше предприятие не принимаем — не позволяет жилищный фонд комбината.

— Большой город, но он в три раза меньше по числу жителей, чем Ростов, — заметил Валерий.

— Наверное. А где вы учитесь, молодые люди?

— В Ростовском инженерно-строительном институте, — ответил за всех Валерий.

— У нас работают выпускники вашего института. Все они герои. Работать в строительстве на Крайнем Севере, при экстремальных климатических условиях, — это настоящий подвиг. Вы побыстрее заканчивайте институт и тоже к нам приезжайте. Не пожалеете.

Но Марк не прислушивался к разговору между Калмыковым и Валерием. Он сидел рядом с Дашей, которая отделяла его от сокурника. Сидел так близко, как никогда не сидел ни с одной женщиной. Количество гостей из-за Ильи получилось больше, чем рассчитывали они с мамой, и Марк, как хозяин дома, примостился на табуретке, которая еле поместилась между стульями, на которых сидели Даша и мама.

И тем не менее, дело было не в тесноте — он готов был испытывать такие неудобства вечно, так как своим бедром соприкасался с бедром Даши. Неожиданно плотный контакт с девушкой его мечты захватил Марка настолько, что он не мог ни пить, ни есть. Ему даже показалось, что между ним и Дашей проскочила искра.

Марк в своём сознании был сосредоточен только на ощущении рядом сидящей с ним девушки и вообще не слышал, о чём говорят за столом. Вывел его из этого непонятного состояния вопрос, который задала Владимиру Дмитриевичу сама Даша.

— А скажите, пожалуйста, какие черты характера воспитывает в человеке Крайний Север?

— Это вы задали мне, красавица, очень трудный вопрос, но я постараюсь на него ответить. Наверное, сильную волю, умение преодолевать любые трудности, а главное, ценить людей и уметь дружить.

- Вы тоже были заключённым, как папа Марка?
- Да, но такой, как Исаак Маркович, был в лагере один. Он совершенно ни на кого не походил — сильный, смелый, добрый, решительный человек. Я ему, да и не только я, обязан жизнью.
- Вы можете рассказать об этом более подробно?
- Хорошо, но это займёт время.
- Мы за этим и пришли. Прошу вас.

4.8

Владимир Дмитриевич начал свой рассказ необычно тихим голосом, как о чём-то очень сокровенном и личном.

— Это был конец 1948 года. Сталин решил, что заключённые, осужденные по политическим статьям, так называемые каторжные, недостаточно сурово наказаны. Поэтому требуется на всей территории Советского Союза ужесточить условия их содержания. С этой целью в Норильском исправительно-трудовом лагере, в соответствии с указанием вождя, целый ряд бараков был перестроен. Перестройка заключалась в том, что на окнах бараков были поставлены мощные железные решётки, деревянные двери заменены на стальные, закрывающиеся по приходу этапа на несколько замков до утра. Была ликвидирована всякая возможность получать посылки и письма. Введён строгий запрет на любые покупки в лагерном ларьке. Каторжные использовались на самых тяжёлых работах без ограничения длительности рабочего дня.

В этом месте Калмыков остановился. Молча налил себе рюмку водки и залпом, без закуски, выпил.

— После войны в Норильском лагере, за счёт прибытия бывших военнопленных, стало намного больше политических заключённых. Но и уголовников разного уровня

бандитской квалификации, в том числе бандеровцев и владимировцев, прибавилось. Понимая, что теряют власть, уголовники несколько приутихли, но ненадолго. Чувствовалось, что они готовят большую и кровавую провокацию.

— В тот вечер на вахте знакомый вертухай, снимая с меня кандалы, шепнул, что сегодня ночью в нашем бараке будет массовая резня политических. Точное время, правда, неизвестно, но что-то ближе к утру.

Улучив удобный момент, я эту информацию передал Исааку Марковичу, авторитет которого в бараке был непререкаем. Подумав немного о готовящейся провокации, Исаак мне ответил:

— Когда потушат в бараке свет, мы с тобой, Володя, поменяемся местами. При этом из своего ватника и других подсобных средств ты сделай фигуру, похожую на мою. Сам притрись к стенке барака и замри. Это первое. Второе — аккуратно передай информацию нашим ребятам. Пусть они тоже сделают всякие рокировки для дезориентации нападающих. И третье — никому не спать и никакого оружия не применять.

Утром, прибывшее в бунтующий барак руководство лагеря, обнаруживало семь трупов уголовников. Найденные орудия убийства указывали на то, что все они были сделаны самими ворами. Резонансное дело, грозившее увеличением сроков политическим заключённым, было закрыто за недостаточностью улик.

Владимир Дмитриевич замолчал и все сидящие за столом думали, что он закончил свой грустный рассказ. Но тут его лицо осветилось улыбкой.

— В настоящее время в Норильске проводятся официальные соревнования молодых боксёров севера России. Зная многолетнюю волонтерскую деятельность Исаака Марковича Рожанского, благодаря которой его два подопечных вошли в сборную Российской Федерации по боксу,

Норильский комбинат обратился с ходатайством в Норильский спорткомитет о присвоении этим соревнованиям имени Исаака Рожанского. Я привёз две памятные медали, которыми хочу, от имени руководства Норильского спорткомитета, наградить его сыновей.

4.9

Марк хотел подняться со своего стула и стоя принять от Калмыкова награды в честь отца, но не смог. Какая-то неведомая сила не позволяла ему это сделать, удерживая на стуле. Он понимал, что производит тяжёлое впечатление на окружающих, улыбался и благодарил, но оторвать себя от Даши не получалось.

И тут она, почувствовав конфуз Марка, спросила у Владимира Дмитриевича:

— А скажите, пожалуйста, это серьёзное происшествие как-то ощутимо повлияло на поведение уголовников?

— Хороший вопрос. На самую суть проблемы обратили внимание.

— Спасибо.

— Конечно, был. С этого дня уголовники категорически отказывались находиться в одном бараке с политическими. Это была лагерная революция. Все её участники чувствовали себя героями, а Исаак Маркович стал для меня самым близким другом.

— А в общеполитическом плане — что это дало? — неожиданно задал вопрос Валерий.

— В каком смысле?

— Как всё это повлияло на каторжный режим в лагере?

— Никак не повлияло, но Сталин получил обратный результат тому, на что рассчитывал.

— Не совсем понятно. Если можно, поясните, пожалуйста, — попросил Валерий.

— Во-первых, во всех каторжных бараках возникло организованное движение сопротивления сталинскому режиму. Воровской власти в норильском лагере пришёл конец. Заключённые создавали свои подпольные организации и выбирали серьёзных руководителей. В нашем бараке, как вы уже догадались, руководителем организации единогласно был выбран Исаак Маркович. Ну и во-вторых, в Норильлаге начали выпускать газету, а также листовки, прокламации и другой разъяснительный материал, со всей силой взорвавший изнутри Норильский лагерь во время самого крупного восстания заключённых в СССР, связанного со смертью Сталина в марте 1953 года. Вот так.

4.10

Страстное выступление Владимира Дмитриевича Марк слушал, чувствуя что не может на нём сосредоточиться: то ли потому, что многое из его рассказа знал, то ли из-за неземного соседства Даши. Оно его не отвлекало, нет. Оно просто больше ни о чём не позволяло думать. Самое удивительное состояло в том, что Даша не старалась отодвинуться от Марка, не пыталась сделать вид, что его прикосновение неприятно и что это не следует делать. Она просто никак себя не проявляла, но его состояние было как после тяжёлого многораундного боя с противником, которому он, несмотря на все усилия, проиграл по очкам.

Мама что-то подкладывала ему на тарелку. Даша улыбалась. Владимир Дмитриевич, прилетевший из Норильска в Ростов за тысячи километров, продолжал рассказывать о папе. А голова Марка была забита тем, что сейчас, после этого необыкновенного вечера, Валерий пойдёт провожать Дашу, будет её обнимать, целовать. Потом они помирятся. И всё это он сделал собственными руками.

«Зачем ему это надо? Из каких соображений? Неужели из чувства ложного товарищества, которое привил ему отец? Нет, отец говорил о другом. А может, так повлияла на него жизнь на Крайнем Севере?»

В это время мама толкнула его локтем в бок.

— Марк, очнись. К тебе обращается Владимир Дмитриевич.

— Извините, задумался.

— Я спрашиваю: ты уже полностью адаптировался на материке?

— Да, уже пятый год здесь живем. Потихоньку привыкаю, правда, здесь народ немного другой.

— Лучше, хуже?

— Жижее. В смысле — слабее.

— Это точно. А то давай после института к нам назад, в Норильск?

— Нет-нет, — замахала руками Вера.

— Ну и зря. Я помню, как после лагеря нам внушали — создавайте семью, рожайте детей. А с кем создавать? Женщин в Норильске практически не было. Да и дел было невпроворот.

— А сейчас?

— А сейчас город — красавец: еда, транспорт, спортивные и культурные учреждения. Главное — у людей есть деньги.

— А при чём тут деньги? — удивлённо спросил Марк.

— Как при чём? Количество детей — функция денег: игрушки, книги, спортивные секции, кино, театр, путешествия — всё стоит денег.

— Правда?

— А как же? Детей нужно учить, развивать их кругозор, заниматься ими с утра и до вечера. Вот тогда будет толк. Как ваши родители это делали, несмотря на всю занятость.

— Это верно. Но годы всё равно никого не пощадили.

— Как это не пощадили? Ещё как пощадили. Посмотри на свою маму — красавица.

Все сидящие за столом дружно захлопали.

— А папа? Твой папа, Марк? Такой мужчина был один на весь Норильск! К сожалению, в силу своего характера, прожил за свою жизнь несколько жизней, и не выдержало сердце.

Калмыков вдруг оглянулся по сторонам и воскликнул:

— А что же мы про Илью забыли? Мальчик через всю страну летел, чтобы увидеть семью Исаака Марковича.

— Ой, стыд какой! — запричитала Вера. — Такой стеснительный парень. Сидит и молчит. А ну, давай, Илья, рассказывай о себе, о маме, о своей интересной жизни. Давай!

4.11

Гости вдруг заговорили все разом, перебивая друг друга, но Вера их осадила и призвала к тишине:

— А позвольте мне всё-таки сказать несколько слов о своём муже Исааке Марковиче, прежде чем Илья начнёт рассказывать о себе и отвечать на ваши вопросы. В 1945 году я закончила краткосрочные курсы нормировщиков при Норильском комбинате и была направлена на работу в механический цех Большой обогатительной фабрики. Начальником одной из смен работал высокий, спортивного вида человек с посеребрёнными сединами волосами, который мне сразу очень понравился. Я так в него влюбилась, что не могла дожидаться следующего утра, чтобы снова увидеть.

— А ты знала, Верочка, что он был самый тяжкий среди нас? — первым спросил Калмыков.

— В каком смысле «тяжкий»?

— Имел самый большой срок заключения. Двадцать пять лет плюс пять — поражения в правах.

— Нет, не знала. Но это всё равно в моём отношении к нему ничего бы не изменило. Ну ладно, давайте сейчас вернёмся к Илье, а точнее к его родителям.

— Ты их обоих знала? — опять перебил её Калмыков.

— Обоих. С Синоптиком, папой Ильи, была знакома с 1946 года. Его привёл ко мне начальник цеха и сказал, что будет моим помощником по обработке информации. А Клаву я узнала значительно позже, когда она уже была замужем за ним.

— В каком это году было?

— В году пятьдесят втором. Володя, ну не перебивай, а то мне трудно вспоминать.

— Хорошо. Не буду. Только последний вопрос: как ты сама оказалась в Норильске?

— В 1940 году арестовали папу — он был заместителем министра обороны Эстонии — и отправили в Норильск, а точнее в лагерь на озере Лама. Это недалеко от Норильска, километров двести пятьдесят. Ну, мы с мамой поехали за ним. К сожалению, нам не разрешили приближаться к этому лагерю. Во время войны все его заключённые, в том числе и мой папа, погибли от голода. А вообще, давайте выпьем — это же не панихида, а вечер памяти о замечательных людях. И кушайте, пожалуйста, дорогие гости! Ведь не зря хозяева старались.

После такого искреннего призыва Веры гости стали активно закусывать, как будто ждали специального напоминания хозяйки. А минут через двадцать Владимир Дмитриевич, как тамада, попросил Веру продолжить свой рассказ.

— С вашего позволения, — начала Вера говорить, — немного дополнительной информации о Синоптике. Когда я его впервые увидела, это был маленький, худенький, глу-

боко несчастный и, как мне показалось, больной человек. В страшном 1948 году, по требованию какого-то начальника, его даже не перевели в каторжное отделение, а оставили в бараке с уголовниками. Приходил на завод в общей колонне заключённых, хотя был осуждён по политической статье. Ты что-нибудь ещё знаешь о нём, Володя?

— Знаю.

— Расскажи, пожалуйста.

— Могу, только это будет не короткий рассказ. Если что скажу не так, поправьте меня.

4.12

Владимир Дмитриевич начал рассказ об отце Ильи с необычной для него задушевностью и теплотой:

— Мы находились с Синоптиком несколько лет в одном бараке, но никогда не разговаривали друг с другом. Он общался только с Исааком Марковичем. Синоптик был удивительным человеком, непохожим ни на кого в норильском лагере. Он обладал великолепной памятью и редкими паранормальными способностями, позволяющими предсказывать погоду. С учётом этого природного дара и получил кличку Синоптик.

Владимир Дмитриевич сделал паузу, как будто что-то вспоминал, и ослабил на шее галстук. — Если я ничего не путаю, он пришёл в Норильск с этапом 1940 года и на него сразу обратил внимание уголовный авторитет Хряк, включив в список своих самых приближённых людей. Ситуация «крышевания» продолжалась лет восемь, пока Синоптиком не заинтересовался один из выдающихся учёных, тоже заключённый, профессор Буров. Он решил, по договорённости с руководством Норильского комбината, перетащить его в свой опытно-исследовательский цех. Хряк этого не стерпел, поставил Синоптика на карточный кон и проиграл.

— Ну и что с того, что проиграл? — спросил Марк.

— А то, что тем самым Синоптик лишился персональной охраны Хряка. На него теперь мог, по воровским законам, играть, кто хотел. В конце концов, кто-то бы его обязательно и убил, но Норильскому комбинату он бы ни в коем случае не достался.

— Снова непонятно. Он же продолжал находиться на зоне?

— Правильно, но Норильский комбинат обеспечить ему безопасность на зоне не мог и поэтому решил спрятать Синоптика в тундре. В сопровождении двух военнослужащих его отправили на метеоточку. Здесь жанр повествования о Синоптике меняется на 180 градусов. Кстати, Илья, ты по отчеству как записан?

— Файвусович.

— Правильно, потому что Синоптика, на самом деле, звали Файвус.

Владимир Дмитриевич налил себе водки и, без тоста выпив, стал снова говорить.

— За этой метеоточкой, когда там не было дежурного персонала, присматривала местная женщина Клава, к которой был с давних пор равнодушен старший конвоир.

— И здесь начинается роман? — с улыбкой спросил Марк.

— Не совсем, но можно сказать и так. Старший конвоир, мало того что, в силу советского воспитания, ненавидел политических заключённых, так ещё узнал, что Файвус еврей. С этого дня он каждый день стал его бить и морить голодом. Файвус безропотно принимал свою судьбу и не оказывал никакого сопротивления. А когда конвоир заметил, что Клава стала ухаживать за умирающим зэком, решил из ревности его вообще прикончить. Спасло Файвуса от гибели то обстоятельство, что оба охранника попали под снежную лавину и погибли.

— В самом деле детектив, — заметил Марк. — И дальше что?

— А дальше Файвуса полуживым вернули на зону. Так как он, по лагерной легенде, «замочил» двух вертухаев, то стал её героем. Клаву приняли на работу санитаркой в лагерную больничку, и она народными средствами выходила Файвуса. Через год Файвус вышел из лагеря. Клава вышла за него замуж, и родился Илья, который присутствует сегодня собственной персоной за нашим столом. Теперь все вопросы к нему.

4.13

До этого Илья не участвовал в разговоре. Сидел с отрешённым видом за столом, как будто шла речь не о его отце, а о постороннем человеке. Во всяком случае, по его непроницаемому лицу и узким, почти закрытым от природы глазам, ничего нельзя было определить. Но когда Владимир Дмитриевич торжественно объявил, что теперь все вопросы должны быть адресованы ему, глаза Ильи заблестели.

— А какие могут быть ко мне вопросы? Вы уже, дядя Володя, всё рассказали и мне нечего добавить.

— Как это нечего? Да у тебя биография покруче, чем у Маугли. Сколько ты, знаешь языков, помимо русского?

— Точно не скажу, но, думаю, девять-десять. Правда, это языки северных народов и на них, кроме отдельной группы людей, никто в мире не говорит.

— Правильно, но это разные языки?

— Разные.

— А теперь согласишься, что это не только языки разных народов, но и их культура, обычаи, традиции, еда, одежда, способы выживания в экстремальных условиях Крайнего Севера.

- Согласен.
- Поэтому давай рассказывай — все уже приготовились слушать тебя, а ты отказываешься.
- Я не отказываюсь. Просто не уверен, насколько это будет всем гостям интересно.
- Гарантирую, что будет. Не стесняйся. Ты уникальный человек — достойный книги Гиннеса.
- Ну, это вы, дядя Володя, перехватили.
- Может и перехватил, но по существу.
- Ладно, уговорили. Итак, как все уже поняли, мой папа мог не только определить погоду на несколько дней вперёд, но и безошибочно вычислить её основные параметры.
- Да что ты говоришь? — удивился вслух Валерий.
- Да. Кроме того, у него была феноменальная память. Стоило ему прочесть любой текст один раз в жизни, чтобы через много лет его почти дословно воспроизвести.
- Вот это здорово! — снова прокомментировал слова Ильи Валерий.
- А теперь хочу сказать несколько слов ещё об одной способности папы — он видел многие события на перспективу. В начале пятидесятых годов, по рекомендации профессора Бурова, руководство Норильского комбината поручило папе подготовить служебную записку, в которой он должен был обосновать целесообразность создания научно-исследовательского института «Медико-биологические проблемы человека на Севере». Основной задачей этого института было не только оценить во времени отрицательное влияние климатических условий Крайнего Севера на человека, но и разработать серьёзную программу по обеспечению его здоровья.
- А чем занимался твой папа, Илья, когда вышел из лагеря? — задал, больше для гостей, чем для себя, вопрос Марк.

— Он ещё несколько лет проработал в архиве Норильского комбината и со своей потрясающей памятью был просто незаменим. Папа один заменял в структуре самого большого в ГУЛАГе норильского архива крупный библиографический отдел.

4.14

Во второй половине вечера всё внимание было уделено Илье. Вопросы о его родителях сменились на вопросы о нём самом. Сначала он стеснялся рассказывать, но его устыдил Владимир Дмитриевич:

— Илья, люди тебя спрашивают не из праздного любопытства, а из желания побольше узнать о том страшном времени, которое напрямую пришлось пережить твоим родителям и тебе.

— Понимаю, но если я ничего из того времени не помню? Вы хоть дайте какую-нибудь наводку.

— Ладно. Я попробую с другой стороны. Кого ты из папиных друзей помнишь?

— Исаака Марковича. Он приводил Марка к маме на укол. Мы с ним во что-то играли, а в конце чуть не подрались.

— А меня помнишь? — спросил Калмыков.

— Помню. Родители часто о вас говорили. А однажды вы приехали на большой машине и куда-то нас с мамой увезли.

— Ну вот. А теперь я кое-что к твоему скромному рассказу добавлю. Из четырёх политических заключённых, которых свела судьба в одном бараке — твоего отца, Исаака Марковича, Васильева и меня, остался в живых на сегодняшний день только я.

— А мама Клава и тётя Вера?

— Можно, конечно, прибавить твою маму и тётю Веру к нашей группе, но они были за зоной и всех ужасов её не

пережили. Их мнение о событиях, связанных с Норильским лагерем, несомненно представляет интерес, но не обладает конкретикой и убедительностью.

— Извините, дядя Володя, но я тоже родился, когда зону уже закрыли, — продолжал отбиваться от вопросов Илья.

— Неважно, в Норильске остались люди, которые хорошо помнят эти времена. Ты с ними или с их детьми, безусловно, много раз в жизни встречался.

— Хорошо, я расскажу о нескольких эпизодах, но сразу прошу извинить, если будет что-то не так.

— Ладно, если будет не так — поправим.

— Папу я помню плохо, — начал говорить Илья. — Я его видел считанное число раз, так как постоянно жил в стойбище у бабушки. Жизнь в стойбище была настолько интересной и многообразной, что меня вообще в город не тянуло. Тем не менее, иногда я приезжал к родителям в Норильск, хотя там мне было просто скучно. Мама всё время была занята больным папой и практически от него не отходила.

— Но ты что-то всё-таки помнишь о папе? — не отступал от него Владимир Дмитриевич.

— Помню. Он всегда лежал в кровати, а когда я приезжал — брал меня к себе и с закрытыми глазами, как слепой, ощупывал. И ещё помню, много всяких интересных сказок рассказывал. Я больше никогда не слышал ничего подобного.

— Ну вот, хоть какая-то информация появилась. А то ничего не помню, ничего не знаю. Легче всего так ответить.

— А вот я ещё вспомнил нашу легендарную собаку Ветру. Я ей жизнью обязан.

— Так расскажи об этом.

— С удовольствием.

4.15

Илья начал каким-то необычным тихим голосом, что ещё больше прибавило интереса у слушателей.

— Ветру, в самом деле, знал весь Норильск. Во всяком случае те, кто прошёл зону. Она, в полном смысле этого слова, воспитала меня: следила за распорядком дня, кормила, защищала, а главное везде сопровождала. Чтобы ничего Ветру от меня не отвлекало, мама договорилась с местным зоотехником, и тот сделал ей операцию, после которой она не могла рожать. Но если бы он даже ничего не сделал, я всё равно был бы для неё объектом постоянного внимания и любви.

— Это произошло в конце ноября. Какого года не помню, но я был ещё маленький, в школу не ходил. Жуткий мороз, полярная ночь. Мама везла меня из Норильска в стойбище завёрнутым в одну большую шкуру вместе с больным папой. На последнем отрезке дороги папе стало плохо. Он начал задыхаться, а через некоторое время у него пошла горлом кровь.

— Клава, остановись, — обратился папа громким голосом к маме. — Мне что-то неважно. Я до стойбища не дотяну.

Мама гикнула и собаки замедлили бег. Потом они сами завернули нарты в небольшую ложбинку и остановились.

— Нам нужно возвратиться в город, — продолжал через силу, но уже тихо папа. — Шаман мне не поможет. Он с этим просто не справится.

Мама молча вышла из саней, вытащила папу из тулупа и увидела, что весь воротник его телогрейки в крови. Естественно, кровь просочилась внутрь всей одежды и дошла до нижнего белья, вызвав дополнительное охлаждение тела.

Чтобы меня не разбудить, хотя я не спал, мама приблизила губы к уху папы и прошептала:

— Чупик, держись. Насчёт шамана я поняла, но до стойбища уже близко. Километров сорок.

— Клава, не спорь со мной. Поворачивай назад.

— Я не могу это сделать. Нам обязательно нужно передать Илью маме. Мы через несколько дней летим с тобой в Красноярск.

Но папа её уже не слышал — у него начался диабетический обморок. Решение пришло к маме мгновенно: она выпрягла из последней пары собак Ветру, отвязала от задней лаги небольшие хозяйственные санки и аккуратно положила туда меня, предварительно завернув в свой тулуп. Потом встала на колени, обняла за шею Ветру и что-то минут пять ей тихо шептала. Собака не шевелилась, как будто запоминала слово в слово наказ хозяйки. Не вставая с колен, мама обратилась ко мне:

— Сыночек мой единственный, золотой. Ты уже большой мальчик и сейчас поедешь вместе с Ветрой к бабушке один. Без меня и без папы. Ничего не бойся. Я всё время с тобой.

Видно было, что Илье трудно рассказывать эту историю, но он продолжил:

— Мама несколько раз обмотала верёвками санки и меня, закутанного в тулуп, а затем крепко привязала концы верёвок к шлейке Ветры. Тщательно проверила все крепления и, что-то громко крикнув на понятном Ветре языке, хлопнула хлыстом. Через несколько минут санки со мной пропали в темноте полярной ночи. Она ещё несколько минут постояла на дороге, мысленно провожая меня с Ветрой, потом резко развернула упряжку собак на сто восемьдесят градусов и легла на моё место, чтобы папа в дороге не замёрз. До Норильска было порядка пяти часов езды, которые мама в голос проплакала.

4.16

Все гости тихо сидели под впечатлением рассказа Ильи, сознавая ничтожность проблем, которые им приходится каждый день решать, по сравнению с тем, что они услышали. Первым пришёл в себя Калмыков:

— Фантастическая ситуация, никогда ничего подобного не слышал. А что ещё, Илья, ты можешь рассказать о родителях?

— Мама всю жизнь в нашей семье была и за маму, и за папу. Работала на нескольких работах. Поэтому зимой я жил в интернате, а летом — в стойбище у бабушки.

— Что мама сейчас делает?

— Она уже на пенсии. Тем не менее, каждый день чем-то занята. Весь дом на ней. Жена у меня кандидат технических наук, преподаёт в Норильском индустриальном институте. Я тоже закончил этот институт и работаю на Норильском комбинате.

— А как дальше сложилась жизнь вашей семьи, Илья? Что стало с Ветрой? — поинтересовалась Вера.

— Наша любимая собака в 1967 году, в возрасте 16 лет умерла. Похоронили мы с мамой Ветру в овраге, рядом с папой, хотя бабушка очень возражала.

— Почему?

— Сказала, что их посещают разные духи, которые между собой не дружат. Но мама всё равно сделала, как хотела.

Марк внимательно слушал Илью, хотя хорошо его знал по Норильску. Какое-то время они даже учились в одной школе, а потом посещали секцию бокса у одного тренера. Но когда начали выступать «по юношам», Марк остался в секции классического бокса, а Илья перешёл на восточные единоборства. И тем не менее, то, что сегодня он услышал, его поразило и ещё раз убедило в том, что в Норильске живут неординарные люди.

— Илья, ещё что-нибудь расскажи о папе, — тихим голосом попросил Марк.

— Не знаю, что ещё. Папа был человеком, о котором можно говорить весь вечер, и всё равно до конца не рассказать. Он умер от рака мозга и диагноз поставил себе сам. Могу только добавить, что папа до конца жизни имел светлую голову: он сумел грамотно описать свою болезнь и подробно объяснить результаты всех консилиумов, которые они с мамой прошли. Более того, он предложил методику лечения, которой воспользоваться не успел. А когда до смерти оставалось меньше года, папа написал книгу «Заметки с того света». В ней он рассказал о многих удивительных ситуациях, в которых перебивал за свою короткую жизнь, но книга пока не опубликована.

— Ну, с книгой, Илья, не сомневайся, будет всё в порядке. А за рассказ тебе большое спасибо. Особое спасибо за папу твоей маме, — сказал под аплодисменты Владимир Дмитриевич.

Вечер подходил к концу. Все были очень довольны встречей с интересными людьми из Норильска, когда Владимир Дмитриевич снова поднялся.

— Позвольте мне сказать на прощание ещё несколько слов. Я всегда с большим уважением относился и отношусь к своим друзьям, но лагерные друзья — совсем другая статья. Я даже не могу это состояние объяснить обычными словами, так как здесь присутствуют другие эмоции, другие ощущения, другое восприятие жизни.

У всегда улыбающегося, оптимистичного, жизнерадостного Калмыкова задрожал голос, но он с большим усилием над собой продолжил говорить.

— Лагерная дружба может быть только честной, искренней и настоящей. Друзья там — это твоя спина, твоя опора, твоя вера в то, что ты доживёшь до светлого будущего,

когда откроются ворота и выйдешь на свободу. Без этих чувств нельзя было прожить те времена.

И тут снова Калмыков сделал длинную паузу, но закончил мысль.

— Сегодня, благодаря усилиям и настойчивости Марка, мы встретились и вспомнили добрым словом нашего большого друга — Исаака Марковича Рожанского. Я вас всех обнимаю и желаю всего наилучшего.

Последней фразой Калмыков вернул Марку хорошее настроение и уверенность в себе. Он подошёл к Валерию с Дашей и сказал:

— А давайте погуляем все вместе по ночному Ростову. Покажем моему дорогому земляку Илье наш город. Ведь и у нас в Ростове есть чем блеснуть.

4.17

Был тёплый осенний вечер, по всей видимости, похожий на тот, когда умер Исаак Маркович. Гости и хозяйева вышли на улицу. Расставались как родственники или старые друзья, обнимаясь и целуясь — настолько тема, которую сегодня обсуждали в доме Рожанских, за несколько часов сблизила совершенно разных людей. Владимир Дмитриевич с Верой пошли гулять по главной улице Ростова, а молодые свернули в сторону набережной Дона. Марк предусмотрительно поменялся местами с Ильёй, чтобы тот шёл рядом с Дашей, так как с другой стороны её нежно и уверенно поддерживал под руку Валерий.

Илья оказался очень интересным молодым человеком. По ходу разговора выяснилось, что он не только говорит практически на всех языках народов Севера, но и понимает язык животных.

— А как ты этому научился? — робко спросила Даша.

— Этому нельзя научиться. Это у меня с рождения. А тренировала меня бабушка.

— В каком смысле — тренировала?

— В прямом. Она имитировала звуки, а я должен был отгадать, кто это. Потом бабушка стала усложнять задачу: заставляла меня вкладывать в вопрос к животному какой-нибудь смысл и слушать его ответ. Для этого упражнения она выбрала базовое, самое распространённое на Севере, животное с которым мы имеем дело с раннего детства.

— И что это за животное? — спросил Валерий.

— Для нашего региона — это олень. Научившись говорить с оленем, можно переходить и к другим животным — волкам, лисам, зайцам, куропаткам. А потом по аналогии с ними разговаривать со всеми представителями животного мира севера.

— А охотиться тебе, Илья, приходилось?

— А как же. Мужчина в тундре без ружья — это не мужчина. Он, прежде всего, охотник: должен хорошо ходить на лыжах, причём без палок, уметь читать окружающую природу (состояние снега, рельеф местности, вид растительности), чувствовать изменение погоды, ну и, конечно, отлично стрелять. Поэтому у него всегда в руках, вместо лыжных палок, ружьё.

— А давайте поищем на набережной Дона тир, и нам Илья продемонстрирует своё искусство, — предложил Валерий.

— Хорошо, что ты ещё, Валера, не захотел посмотреть, как боксирует Марк, — заметила Даша.

— Ну, морду кому-нибудь набить — небольшая заслуга, — резко ответил Валерий.

— В настоящее время тир найти в городе — не простая задача, — подключился к разговору Марк.

— Придётся поискать милиционера и его спросить, ибо тир, как мне рассказывал один бывший заключённый, имеет для нашей милиции многофункциональное назначение.

А когда они, наконец, сами нашли тир, полусонный хозяин по привычке шуточно сказал:

— Какая цена мишени, мужики? Что будем заказывать?

— А что у тебя, дядя, есть? — спросил Илья.

— Нижний ряд — по рублю. Верхний из четырёх мишеней — по червонцу.

— Давай верхний.

— Сколько хочешь пулек?

— Четыре.

Илья легко справился с заданием и получил четыре приза — детскую машинку, губную гармошку, игрушечный пистолет и расчёску.

— А что у тебя, папаша, есть подороже?

— Есть у меня один серьёзный приз — красивая говорящая кукла. Пятьдесят рублей.

— Открой эту мишень.

— Сколько пулек дать тебе, пацан?

— Одну.

Мишень представляла собой пятимиллиметровую чёрную кнопку в плохо освещённом месте. Хозяин с хитрой ухмылкой её открыл, а Илья, почти не целясь, поразил.

— Ну, ты молодец. Уже год никто эту куклу не мог выбить.

Он снял с полки куклу и подал Илье.

— Спасибо, уважаемый, за куклу, а все остальные призы оставь себе.

— Слушай, а где ты так научился стрелять?

— В Норильске.

— Это где?

— Тебе это надо, мужик? Далеко и очень холодно.

— Когда холодно?

— Всегда, дядя, всегда.

— А деньги там всем платят за меткую стрельбу? Я тоже умею хорошо стрелять.

— Конечно, платят. Приезжай.

Компания молодых людей со смехом направилась к двери. А выйдя на улицу, Илья с улыбкой вручил куклу Даше, за что она его поцеловала в щёчку.

4.18

После посещения тира настроение у молодых людей заметным образом улучшилось. Как будто они сделали какое-то полезное общее дело. Так бывает, когда на твоих глазах произошло что-то хорошее, хотя в этом ты даже никакого участия не принимал: помогли старику перейти улицу, спасли котёнка, который залез в трубу, присутствовали при тушении пожара. И хотя уже был одиннадцатый час, никому расходиться не хотелось.

— Илья, а когда ты уезжаешь? — спросил Марк.

— Завтра в семь утра.

— Так быстро. Почему?

— Некому с детьми сидеть.

Ответ Ильи был такой простой и неожиданный, что все дружно стали смеяться. Трудно было представить этого высокого спортивного парня, не пасующего даже при встрече с волком, в роли няньки.

— Друзья мои, а вы чувствуете запах жареного мяса, причём хорошего? — громко спросил Илья.

— Нет, — первым ответил Марк, который за ужином, увлёкшись рядом сидящей Дашей, почти ничего не ел.

— Ну как же! Где-то, чуть больше пятисот метров, жарят мясо.

— Правильно, там есть ресторан «Волна». Я однажды в нём был. А как ты его учуял, Илья? — спросил удивлённым тоном Марк.

— Это разве расстояние? Хороший охотник звуки и запахи в тундре чувствует за несколько километров.

— И что из этого следует? — снова спросил Марк.

— А то, что дикий зверь бежит со скоростью порядка пятидесяти километров в час. Нельзя, чтобы он тебя застал врасплох. Тогда самый лучший карабин не спасёт.

— А тогда для чего нужна на охоте собака? — спросил Валерий.

— Хороший вопрос, Валера. Без собаки нельзя. Она значительно раньше хозяина чувствует любую опасность.

Вопросы, ответы, шутки, взаимные подкалывания — прекрасная компания. Никто не обратил внимания на то, что уже давно Илья стал её центром. Его рассуждения, замечания, оценки вызывали удивление и восхищение — как будто это был не двадцатилетний молодой человек, а какой-то умудрённый опытом старик, проживший длинную жизнь и побывавший во многих непростых ситуациях.

Вот и сейчас Илья неожиданно для всех заявил:

— А сейчас мы зайдём в ресторан, и я вас угощу мясом собственного приготовления.

— Нет-нет, Илья, мы в ресторан не пойдём! — резко возразила Даша.

— Почему? — обиженным тоном спросил Илья.

— Потому что мы студенты, и у нас нет денег на ресторан.

— Понятно, но я тоже не Дюпон. Обещаю, вам это ничего не будет стоить.

— Тем более. Не хватало, чтобы ты ещё за всех заплатил.

— Да нет. Никто не будет ничего платить. Стойте здесь и ждите, когда вас позовут.

4.19

Илья зашёл в ресторан «Волна» со служебного входа и сразу, минуя небольшой коридор, очутился на кухне, где находились трое мужчин и одна женщина.

- Привет, коллеги, — громко произнёс Илья.
- Присутствующие на кухне прекратили работать и с удивлением повернулись в сторону непрошенного гостя.
- Привет, — за всех ответила женщина. — Что скажешь?
- Зашёл познакомиться.
- Да ты чё? Не попутал берега?
- Не попутал. Я шеф-повар Чукотки.
- Да ты чё. Всей Чукотки?
- Не всей. Половины. На запах пришёл. Жареным мясом вкусно пахнет.
- И чё?
- Вот зашёл посмотреть, кто так вкусно готовит и обмениваться опытом.
- Чё у тебя за опыт?
- Оленя могу зажарить на вертеле и подать с грибным соусом, кабанчика молодого засолить, медвежатинку приготовить с брусничным гарниром. А из северной рыбы могу сотворить всё, что хочешь. На любой вкус.
- Ну, заходи, чукча. Маруся я — старшая по кухне.
- Но я не чукча. Я эскимос.
- А что, есть какая-то разница?
- Конечно, есть. Вот ты шашлык готовишь не так, как я.
- Может я лучше?
- Не думаю. Ты кусок мяса берёшь вилкой с раздаточной доски, а нужно его доставать прямо из кастрюли, пока он не стёк. И рукой. В кастрюле мясо мариновать с сухой прошлогодней травкой, которая отдаст ему свои последние соки. А ты, как я вижу, используешь молодую зелёную петрушку, которая даёт запах, но никак не влияет на вкус.
- Ух ты! А попробовать нашего мяса не хочешь?
- Вообще, некогда мне, но запах вашего мяса понравился.
- Так заходи.

— Но я не один — с друзьями.

— Ну, так зови друзей. Мы столик для вас накроем и ещё поговорим.

Когда Илья вышел на улицу, он никого не увидел. И тут его громко окликнул Марк.

— Илья, мы здесь. Даша звонит по телефону.

— Алё, это дежурный?

— Капитан Васильев слушает, — ответил кто-то по громкой связи.

— Это Даша. Свяжитесь с папой и скажите ему, что я задерживаюсь. Пусть не волнуется.

— Будет выполнено.

— Спасибо.

— Ну что, мои дорогие друзья! — заорал Илья. — Приглашаю вас на отличные шашлыки.

— Как, сразу на шашлыки?

— Конечно. Столик уже готов.

Хозяева ресторана провожали компанию во главе с Ильёй как старых друзей. Илья обещал новым знакомым не только написать рецепты приготовления северных блюд, в особенности рыбных, но и прислать посылочку с экзотическими травками.

А после посещения ресторана «Волна» Марк поехал провожать в аэропорт Илью, и Валерий вздохнул с облегчением, что, наконец, остался с Дашей наедине.

4.20

Илья возвращался в Норильск, полный приятных впечатлений. Он ни на минуту не сомневался, что правильно поступил, поехав на два дня в Ростов. Правда, для этого ему пришлось, с помощью мамы, долго убеждать жену в гениальности папы и уникальности Исаака Марковича Рожанского, но поездка удалась.

— И почему ты так считаешь?

— Потому что, во-первых, отдал дань уважения человеку, который не раз протягивал руку помощи моему отцу, а во-вторых, услышал много интересного и приятного о своих родителях. Ну и в-третьих, познакомился с замечательными ребятами — друзьями Марка.

— А мне кажется, что не это главный результат твоей поездки.

— А какой?

— За два дня поездки у тебя исчезло чувство ущербности, которое не давало тебе много лет нормально жить.

— Какая ещё ущербность?

— Такая, что ты родился в заброшенном глухом стойбище, не обозначенном ни на одной карте мира. Что в месте, где ты вырос, люди до сегодняшнего дня не знают, что такое телевизор, современный театр, модный костюм, телефон.

— Правильно. Не знают, но зато они знают много чего другого.

— И всё-таки, как же в таком случае получилось, что вчера в компании студентов известного в стране, как сказал Владимир Дмитриевич, вуза, я чувствовал себя вожаком, лидером, интересным человеком? Чем это можно объяснить?

— Тем, что твоя нестандартная жизнь в стойбище значительно отличается от любой городской.

— Открыл Америку. А конкретно — в чём это отличие?

— В умении принимать самостоятельное решение, брать ответственность на себя и ничего не бояться.

— Красиво сказано.

— А что? Я уже в десять лет сам перегонял по тундре стадо оленей в сто и более голов.

— Это да. Но нужно всегда помнить, что на Крайнем Севере, за любую, даже самую мелкую ошибку можно заплатить жизнью.

И тут Илья вспомнил эпизод, в котором мама открылась ему с совершенно неизвестной стороны.

К нашим соседям по квартире в Норильске каждый день приходили друзья, которые регулярно устраивали шумные попойки, драки, ломали мебель в коридоре, сорили. Папа в то время был уже в очень плохом состоянии, а когда терпение у мамы закончилось, она выгнала всех пьяных гостей из квартиры.

Через некоторое время мы с мамой вышли из подъезда и увидели, что мужики, которых она выгнала из квартиры, стоят на улице, явно нас ожидая. Мама мгновенно спрятала меня за свою спинку, а сама выхватила из сумки ненецкий хлыст, представляющий собой короткое кнутовище и длинную плеть, заканчивающуюся тяжёлым свинцовым шариком. Удар хлыстом может не только нанести травму животному и человеку, но при умелом пользовании отбиться даже от стаи волков. Этим хлыстом аборигены обычно управляют собачьей упряжкой.

Когда плеть со свистом пролетела над головами бандитов, они все сразу разбежались. Я стал уговаривать маму научить меня пользоваться хлыстом, но она мне жёстко ответила — после десяти лет.

Сейчас я виртуозно владею этим искусством самообороны и могу попасть свинцовым шариком в спичечный коробок на расстоянии до семи метров. Хлыст всегда при мне.

Глава 5. Убийство

5.1

Помахав Илье рукой и убедившись, что тот пошёл со своей группой пассажиров на посадку в самолёт, Марк направился в сторону междугородней трассы. Аэропорт был за городом. Денег на такси не было, а автобус только через полтора часа. Оставалась слабая надежда доехать до центра Ростова автостопом.

Ещё было темно, всё-таки конец сентября, но краешек неба уже порозовел. Начинался новый день, не похожий на очень насыщенный прошедший: гости из Норильска, а главное, загадочная Даша.

— Ну ладно, всё, что связано с Норильском, понятно, а причём тут Даша? Что же вчера произошло и откуда она появилась в моей жизни?

— Друг ты мой Марк. Она всегда была. Просто Валерий своими агрессивными действиями всех убедил, что место рядом с Дашей занято навсегда.

— А почему, в таком случае, вдруг появилось у меня желание это оспорить? Ведь я знаю, что Валерий по отношению к Даше имеет серьёзные намерения и не скрывает их.

— Вот, наверное, поэтому и появилось.

- Это не ответ.
- Согласен, но все окружающие люди в эту легенду верят и стараются молодым людям не мешать.
- Почему им? Наверное, Валерию?
- Может, только Валерию, так как мнение Даши никому не известно.
- Ладно. Не морочь себе голову, Марк. Время покажет. Воспользовавшись своим ключом, он вошёл в квартиру. Мама и брат ещё спали. Пять часов утра. Неслышно пройдя на кухню, Марк открыл холодильник и налил себе стакан молока. Отломив от батона любимый хрустящий краешек, с удовольствием поел.
- Надо что-то с Витасом делать, — вдруг подумал Марк о брате, осторожно пробираясь к своей кровати. — Шляется каждую ночь с какими-то подозрительными типами, а потом школу просыпает. И вообще, стал каким-то гадким фашистиком: читает всякую хрень, одевается как идиот, а главное, учит с утра до вечера эстонский язык.
- А вообще спать не хочется. Да и чего ложиться, если через несколько часов нужно встать? В моём возбуждённом состоянии заснуть нет никаких шансов.
- Почему?
- Потому что за прошедшую ночь полностью изменилась, как говорил папа, жизненная дислокация.
- И что из этого следует? Категорически не хочу видеть Валерия. Он мне после вчерашнего дня, с его претензиями на исключительность, стал противен.
- Да ты не волнуйся. Валерий такой барин, что после сегодняшней бессонной ночи в институт не придёт.
- И что?
- А то, что тебе нужно сегодня встретиться с Дашей, когда Валерия в институте нет. Вполне реальная ситуация.
- Как это встретиться?

— Так и встретиться. Вроде случайно. Можешь даже ей что-нибудь сказать?

— Что сказать?

— Не знаю. Разное. В книгах пишут, что влюблённый мужчина всегда порет чушь.

— Ну, успокоил.

— Не успокоил, а поддержал. Ты же сам сказал, что влюбился.

— Кому сказал?

— Себе и сказал. А вообще, парень, ты определись в отношении к этой девушке или у тебя ничего вообще не получится.

— Ладно, я подумаю.

— Подумай, а ещё лучше — попробуй проверить себя. Может, это тебе всё причудилось?

Но думать Марку долго не пришлось. После занятий во двор инженерно-строительного института заехала чёрная машина и забрала вышедшую из главного корпуса Дашу.

5.2

Валерий появился в институте только на следующий день. А в обеденный перерыв он и Даша пришли, взявшись за руки, в студенческую столовую. Марк сделал вид, что их не заметил и, быстро покушав, ушёл на тренировку. Тем не менее, он попал в поле зрения Даши, и она во время еды спросила у Валерия:

— Ты сегодня Марка видел?

— Нет. Я пришёл прямо к обеду и в группу не заходил.

— Чего так? Не поговорил с Марком о вечере, который он для нас устроил, о его гостях? Я получила большое удовольствие от норильчан. Очень интересные люди.

— По моему, ты больше удовольствия получила от того, как Марк к тебе прижимался.

— Ты что, дурак, Валерий? Во-первых, ты этого не мог видеть, а во-вторых, этим замечанием ты меня просто оскорбил.

— Ну что ты, Дашенька, обиделась! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Просто я не могу видеть рядом с тобой никого постороннего.

— Чего так? Боишься, что не выдержишь сравнения?

— Да нет. Не хочу тебя подвергать искушению.

— Другими словами, ты не хочешь предоставить мне самой сделать выбор. Считаешь, что неотразим и выиграешь любой конкурс.

— Где-то так.

— Вот видишь, всё-таки правильно я назвала тебя дураком, потому что ты им и являешься.

— Ну зачем ты меня, любимая, оскорбляешь?

— А затем, да будет тебе известно, что мужчина, если он только мужчина, а не тряпка, всё время обязан подтверждать своё звание. На протяжении всей жизни должен восхищать и удивлять женщину.

— Да неужели?

— Представь себе, уважаемый. А ты думаешь, сыграл для женщины одну мазурку, и она твоя?

— Ну почему одну мазурку? Можно ещё пару прелюдов.

— Ну, вот что, Валера. Не теряй время на встречи со мной. Найди себе барышню, для которой ты будешь исполнять одно и то же каждый день. А меня оставь в покое — я весь твой репертуар уже выучила наизусть. И больше не звони мне, пожалуйста! Я предупрежу дежурного, чтобы тебя со мной не соединяли.

— Дашенька, я наложу на себя руки, если ты от меня уйдёшь.

— Со своим телом ты можешь делать всё, что хочешь. Меня это уже не интересует.

Даша встала из-за стола, резко отодвинув стул, и, не оглядываясь, пошла к выходу из столовой.

5.3

В четверг, 3 ноября 1978 года, секретарь Ростовского горкома партии Сергей Александрович Рубцов возвращался около семи часов вечера с работы домой. Здание горкома партии и его дом были расположены на центральной улице Ростова-на-Дону напротив друг друга, в пяти минутах ходьбы. Шёл он медленной походкой, не торопясь, стараясь как можно больше насладиться воздухом осеннего вечера, когда ему неожиданно преградил дорогу молодой человек:

— Здравствуйте, Сергей Александрович, позвольте вас задержать на минутку. Я Валерий Федорцов. Был несколько раз у вас дома.

— Да, Валерий, я вас узнал. Вы приходили к моей дочери в гости. Что вас заставило остановить меня на улице?

— Прошу извинить — очень деликатный вопрос.

— Что за вопрос?

— Дело в том, что я собирался на днях сделать предложение вашей дочери.

— Ну и делайте. Будем рассматривать, — шутивно ответил Рубцов.

— К сожалению, мы с ней на днях поссорились.

— Бывает. Так в чём всё-таки, вопрос, молодой человек?

— А вопрос состоит в том, что ваша дочь предпочла вместо меня студента нашего курса Рожанского Марка — сына бывшего заключённого Норильского лагеря, осуждённого на двадцать пять лет каторжных работ. Я посчитал своим долгом...

— Разберёмся, — резким тоном произнёс Сергей Александрович и продолжил движение.

Валерий попытался вслед ему ещё что-то сказать, но кто-то жёстко взял его за руку и тихо произнёс:

— Идите своей дорогой, молодой человек.

Зайдя в квартиру и даже не раздеваясь, Сергей Александрович набрал по внутреннему телефону своего помощника:

— Николай Николаевич, подготовьте мне, пожалуйста, к понедельнику полную справку о студентах пятого курса Ростовского инженерно-строительного института Рожанском Марке и Федорцове Валерии. Почтой не пользуйтесь. Всё.

5.4

С третьей пары занятий студентов всех курсов Ростовского инженерно-строительного института сегодня, 5 ноября 1978 года, отпустили домой. В восемнадцать часов должно было состояться в актовом зале института торжественное собрание, посвящённое шестьдесят первой годовщине Великой октябрьской социалистической революции. Во втором отделении — выступление студенческого театра эстрадных миниатюр, на который всегда невозможно было достать билеты.

Валерий, как активный участник художественной самодеятельности института, сидел в одном из первых рядов. Сегодня выступать ему было не нужно, и поэтому он со скучным видом разглядывал зал. Искал Дашу, с которой не потерял надежду помириться.

Даша появилась перед самым началом вечера. Она прошла с какой-то девушкой в середину зала. Марка вообще не было видно, но он должен сидеть на галёрке — кафедре физического воспитания всегда достаются остатки пригласительных билетов.

Доклад, посвящённый празднику, и вручение грамот Валерий, не стесняясь, продремал. Сейчас его занимала только одна мысль — под любым предлогом подойти к Даше и наладить с ней прерванные отношения. Для этого шага, по его логике, есть серьёзные основания: первое —

разговор на улице с её отцом, в котором он признался в своих чувствах к его дочери; второе — предупреждение семьи любимой девушки о возможной угрозе со стороны некоего Марка.

Эта информация должна была насторожить секретаря горкома партии, и он, придя домой, незамедлительно принял соответствующие меры: озаботившись своей репутацией, поговорил с дочерью и наставил её на истинный путь. А то, что он подставил Марка, его, в принципе, не интересовало. Валерий секретарю горкома партии ничего лишнего не рассказал. Марк сам эти факты своей биографии не скрывает.

Торжественное собрание заняло не более часа. После собрания, перед предвкушаемым концертом люди вышли из зала: кто направился перекусить в буфет, кто на улицу покурить. Некоторые остались в фойе посмотреть, как играют в настольный теннис. Около теннисного стола собралось много любителей этого вида спорта. Среди болельщиков Валерий увидел и Дашу с подругой. Она стояла в первом ряду и внимательно следила за игрой. Одним из играющих был Марк.

Марк, с точки зрения Валерия, играл слабо: ракетку держал неправильно, а главное, плохо двигался. И тем не менее, за счёт хорошей физической формы, выиграл партию и сорвал аплодисменты. Когда освободилось место у теннисного стола, Валерий вышел из толпы и вызывающим тоном спросил у Марка:

- Может, со мной сыграешь, чемпион?
- Пожалуйста. Становись.

Чтобы позлить соперника и настроить аудиторию на свой лад, Валерий неожиданно заявил:

- Могу дать пять очков форы. Не хочешь?
- Нет, спасибо. Будем играть на равных.
- Ну, смотри, чтобы потом без претензий.

Сразу было видно, что Валерий когда-то занимался этим видом спорта: держал теннисную ракетку по восточному принципу — «пером» и необычным образом подавал шарик. Всё это сказалось на счёте — через некоторое время он стал 6: 4 в пользу Валерия. Казалось, результат игры уже предрешён и ничего изменить нельзя, но в ходе игры произошёл неожиданный поворот. Марк стал быстро набирать очки. Он вспомнил, как тренер ему, классному боксёру, всегда перед поединком говорил: «Помни, Марк, выигрывает бой не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее».

5.5

Рассказы отца у костра в тундре о его непростой жизни в немецком плену и норильском лагере воспитали в Марке бойцовский характер. Отец постоянно сыну внушал, что природные возможности человека, в том числе и физическая сила, безграничны. В состоянии стресса, при пике эмоционального напряжения он может мобилизовать неисчерпаемый внутренний резерв, который позволяет преодолеть любые преграды. И ещё отец ему говорил: в критической ситуации реагируй быстро, но без суеты. Она может сильно навредить.

Играя с Валерием в настольный теннис, Марк внезапно осознал, что сейчас борется не за победу в спортивном поединке, а за любовь необыкновенной девушки, которая стоит рядом и с трепетом наблюдает за игрой. Здесь не может быть никаких других результатов, кроме одного: он должен выиграть.

Когда партия закончилась победой Марка, обиженный Валерий, не отходя от стола, заявил:

— Чтобы ни у кого не было сомнений, может, ещё партию сыграем?

— Нет, — ответил Марк. — Есть правило: проиграл — освободи место.

— Что, струсил, жидяра? — громко произнёс Валерий и направился в сторону Даши.

Марк обомлел. Сухие, как правило, ладони стали мокрыми. Ракетку, которую держал в руках, он, не заметив, поломал на несколько частей. Положив обломки на теннисный стол, Марк подошёл к Валерию и нанёс ему резкий удар в левую область живота. Валерий, как подкошенный, упал к ногам Даши и больше не двигался. Было совершенно очевидно, что удар смертельный.

После этого Марк неторопливо вернулся на своё место и посмотрел на Дашу. Она, не двигаясь, стояла с бледным как мел лицом.

В фойе творилось что-то невообразимое: в страшном шуме и криках «Убили человека» люди бросились в разные стороны от того места, где лежал Валерий. Кто-то кричал: «Вызовите скорую, вызовите милицию», кто-то — «Где администрация? Найдите администрацию». Через несколько минут в фойе, кроме Даши и Марка, не осталось ни одного человека. По всей видимости, никто не хотел быть свидетелем убийства.

Милиция и скорая помощь приехали одновременно, но ко входу в институт, из-за огромной толпы студентов и преподавателей, машинам подъехать было нельзя. Вышедший первым из милицейской машины немолодой усталый человек сделал знак двум милиционерам с автоматами, и те расчистили ему путь к зданию. На ступеньках стояли с потерянным видом представители институтской администрации. Человек из милицейской машины представился первым:

— Старший следователь ростовской прокуратуры по особо важным делам майор Щербаков Владимир Петрович.

— Ректор института Столяров. Секретарь парткома Михайлов, — представились они в свою очередь.

Потом, повернувшись к толпе, следователь громко объявил.

— Заходим в здание следующим порядком: сначала милиционеры, потом я. За мной медики и руководство института. Больше никто, до моего особого распоряжения.

5.6

Войдя в фойе актового зала, майор Щербаков прокричал:

— Внимание, милиция! Всем оставаться на своих местах и не двигаться!

В фойе молча стояли по разные стороны теннисного стола два человека — девушка и парень, а между ними лежало безжизненное тело Валерия.

— Павловский, — окликнул Щербаков одного из милиционеров. — Заводи медицину.

Майор неторопливой походкой подошёл к молодым людям:

— Ваши документы, — обратился он к Даше.

— У меня с собой документов нет.

— Тогда представьтесь.

— Дарья Рубцова — студентка пятого курса сантехнического факультета.

— Вы кто? — повернувшись к Марку, спросил он.

— А вы?

— Майор Щербаков, городская прокуратура, — и показал своё служебное удостоверение.

— Понятно. Студент пятого курса строительного факультета Рожанский Марк Исаакович.

— Ваши документы.

— Пожалуйста, только студенческий билет. Паспорт дома.

— Почему вы остались на месте преступления, когда все разбежались?

— Потому что когда-то были товарищами, — ответил за двоих Марк.

— Что за детский лепет? Убийство произошло в вашем присутствии?

— Да, в моём.

— Рассказывайте, как это было. И вы, девушка, не стесняйтесь. Участвуйте в разговоре, участвуйте...

— Мы сыграли с Валерием партию в настольный теннис. Он проиграл и стал настаивать на реванше, но я ему отказал.

— У Валерия есть фамилия, имя?

— Да. Валерий Федорцов.

— Дальше.

— После этого он меня вслух оскорбил.

— Как оскорбил?

— Неважно.

— Вот это как раз очень важно, уважаемый. А вы не слышали, как убитый оскорбил этого молодого человека? — спросил он у Даши.

— Нет, не слышала. В фойе было очень шумно.

— Хорошо. Стойте здесь и никуда не уходите. Я скоро вернусь.

Майор Щербakov подошёл к врачу, который внимательно осматривал тело убитого.

— Ну, как дела?

А через несколько минут, наверное, со следующей милицейской машиной, в фойе появились ещё двое в штатском. Они быстро натянули вокруг теннисного стола синюю ленту, очертили мелом лежащую на полу фигуру и стали скрупулёзно, метр за метром, обследовать ограждённую территорию.

5.7

Врач сидел на корточках перед лежащим на полу трупом и молчал. Было видно, что он находится в глубоком раздумье.

— Вы меня слышите, уважаемый? Что скажете? — обратился к врачу Щербаков повторно.

— Что скажу? Скажу, что я такое видел только во время войны и то не часто.

— В каком смысле?

— В смысле, что убийство выполнено очень профессионально хорошо обученным человеком.

— Не понял. Поконкретней, уважаемый. Без этих ваших медицинских заумностей,

— Могу и поконкретней. Смерть наступила мгновенно в результате разрыва селезенки. Кто-то нанёс в подреберье с левой стороны удар большой силы.

— И всё?

— И всё. Остальные подробности получите от трупника.

— Ладно. Забирайте клиента. Сделайте опись его вещей.

— Непременно.

Щербаков повернулся к молодым людям.

— Слышали, что сказал доктор?

— Слышали, — снова за двоих ответил Марк.

— Вот. А теперь вы мне покажите, уважаемые, где кто стоял, что делал, а главное, кто входил в контакт с покойным? Может, ещё кто-то участвовал в этой сценке?

— Интересный мужичок, — подумал про себя Марк. — Нашёл универсальное слово «уважаемый» и освободил свой мозг от лишней информации: как кого фамилия, имя, отчество и так далее.

— Ну, так я жду! — услышал Марк голос Щербакова. — Ваш выход, Ромео. Только поподробней. Со всеми мизансценами.

— Я уже рассказывал. После того, как Федорцов меня оскорбил, я подошёл к нему и толкнул.

— Уже интересно. Как толкнул, куда толкнул, что с ним произошло после вашего толчка? Рассказывайте, уважаемый.

— Он упал на пол и затих.

— Любой затихнет после такого толчка. Судя по значку, вы же мастер спорта. По какому виду?

— По боксу.

— Понятно.

— Ну, а вы что добавите, Джульетта? Может вспомните ещё какие-нибудь штрихи к портрету?

— Да нет. Всё так и было, — прошептала Даша.

— Ну, если больше нечего добавить, уважаемые, то поедем в управление. Но уже в браслетах.

— Как скажете, только на девушку, прошу вас, браслеты не надевайте, — заступился Марк за Дашу.

— Разберёмся.

5.8

В восемь часов пять минут вечера вынесли носилки с трупом Федорцова и быстро погрузили в машину скорой помощи. На это толпа среагировала угрожающей тишиной. Но когда из здания института вывели Марка и Дашу, послышался тихий ропот, переросший через некоторое время в жуткий крик. Для Ростова такое поведение людей было в порядке вещей — драки на улицах и даже убийства в южном городе с темпераментным населением случались достаточно часто. Но в данном случае, то ли потому, что убили известного человека, то ли потому, что убийца студента был явно нерусским, реакция людей носила угрожающий оттенок.

Воспользовавшись коротким разговором с Рубцовой и Рожанским, который состоялся в фойе актового зала

инженерно-строительного института, Щербаков, приехав в прокуратуру, попытался выстроить в голове причинно-следственные связи этого тяжёлого преступления. Такой подход по горячим следам, без протокола, давал в некоторых случаях много полезной информации. Для этого он решил поговорить с обоими фигурантами ещё раз по одиночке.

Сначала следователь пригласил к себе в кабинет Рубцову.

— Хотите чаю? Как вас, кстати, зовут?

— Даша. Чаю не хочу. Хочу домой.

— Как хотите. Мы сейчас свяжемся с вашими родителями.

— Какой стыд, что я нахожусь в прокуратуре.

— Это правда. Моя дочь, ей пятнадцать лет, тоже всё время говорит подобные слова.

— Она права.

— Ну что делать? Такая работа. А скажите, Даша, сколько лет вы встречались с Федорцовым?

— Со второго курса. Года три. Мне очень нравилось, как он играет на рояле.

— Вы его познакомили с родителями? Он бывал у вас дома?

— Да, бывал. У меня очень демократичные родители.

— Федорцов вам предлагал выйти за него замуж?

— Предлагал, но как-то несерьёзно. Шутя.

— А вы, шутя, отказывались.

— Верно. — И Даша первый раз за вечер смущённо улынулась.

— И последний вопрос. Может, всё таки объясните, каким образом, стоя между Федорцовым и Рожанским, вы не услышали, что сказал Федорцов в адрес Рожанского?

— Я смотрела в это время на Марка. Так бывает, когда сконцентрируешь внимание на чём-то другом.

- Понятно. Я вас больше не задерживаю.
- Спасибо.
- Присядьте пока за тот стол.

5.9

На пульте дежурного по горкомовскому дому загорелась сигнальная лампочка:

- Капитан Тихомиров слушает.
  - Здравствуйте, вас беспокоит майор Щербаков, городская прокуратура. Соедините меня, пожалуйста, с товарищем Рубцовым.
  - Не имею полномочий. Запрещено беспокоить жильцов после девяти часов вечера.
  - Соедините. Речь идёт о его дочери.
  - Хорошо, товарищ майор. Под вашу ответственность.
  - Слушаю. — В трубке раздался недовольный голос секретаря горкома партии.
  - Прощу прощения за беспокойство. Майор Щербаков. Вы бы не могли забрать из здания городской прокуратуры вашу дочь?
  - Что за разговор, майор? Как она там оказалась?
  - Была доставлена сегодня вечером как свидетель по делу об убийстве студента Федорцова.
  - Кого? Не знаю такого. Вы что, не можете сами привезти её домой?
  - Извините, товарищ Рубцов, но у нас в наличии только машина специального назначения с решётками. Не хотелось бы везти в ней вашу дочь.
  - Хорошо. Сейчас приеду.
- На входе в городскую прокуратуру дежурный офицер вытянулся, увидев секретаря горкома партии.
- Вас ждут, товарищ Рубцов. Третий этаж, комната восемь.

На двери восьмой комнаты висела табличка: начальник убойного отдела майор Щербаков. Резким движением Рубцов толкнул дверь. В комнате столбом стоял папиросный дым. За большим столом сидел немолодой человек в штатском. Он встал, увидев Рубцова, и спокойным голосом представился:

- Здравия желаю, майор Щербаков.
- Здравствуйте, майор. Где моя дочь?
- Вот она. Сидит за соседним столом.
- Пошли домой, Даша.
- Возьмите её пропуск на выход из здания.
- Всё? Можно нам идти?
- Идите, но мне нужно будет с вами поговорить, товарищ секретарь горкома партии.
- Позвоните моему помощнику Филиппову и согласуйте с ним время. Всего хорошего.
- До свидания.

5.10

После того как ушла Рубцова, Щербаков пригласил к себе Рожанского, которого охраняли в отдельном помещении два автоматчика.

- Присаживайтесь, Рожанский. Скажите, вам сейчас не жалко убитого Федорцова?
- Нет.
- Почему? Он же человек и, как сказала Даша, не лишённый таланта.
- Он не человек. Он талантливая мразь.
- Вы не хотите сказать, как он вас оскорбил?
- Нет, не хочу.
- Расскажите о себе, о своей семье?
- Зачем? С моей биографией вы можете ознакомиться в отделе кадров строительного института.

- Вы всегда такой резкий?
- Всегда, когда меня оскорбляют.
- Ладно, Рожанский. Надумаете что-нибудь добавить к своему короткому рассказу, свяжитесь со мной.

Марк в знак согласия мотнул головой.

В машине отец и дочь между собой не разговаривали: во-первых, не хотелось при водителе что-либо обсуждать, а во-вторых, Даша сделала вид, что спит. На пороге квартиры их ждала Татьяна Николаевна Рубцова, которая материнским нутром почувствовала беду.

— Дашенька, доченька, что случилось с тобой? Ты была в тюрьме?

— Татьяна, кончай причитать, — цыкнул на неё муж. — Пока не тюрьме, но есть вполне реальные перспективы.

— А ты, Серёжа, перестань изображать из себя любителя творчества Достоевского. Я серьёзно спрашиваю у дочери, что случилось? — огрызнулась жена.

— Да ничего со мной, мама, не случилось. Сейчас приду ванну и всё вам расскажу. Потерпите полчаса.

— Так. Пока нет Даши — быстро рассказывай, что произошло, — обратилась она к мужу. — Я внимательно слушаю.

Спорить с женой, когда дело касалось дочери, Сергей Александрович никогда не решался. В этот момент в ней просыпался дикий зверь, который мог разорвать на части.

— Как я понял, — уже спокойным тоном начал говорить Рубцов, — дело касается того парня, который у нас несколько раз бывал в гостях. Сегодня, на глазах у нашей дочери, его убили. Даша проходит как свидетель.

— Что за свидетель? Какой свидетель? Говори толком.

— Больше ничего не знаю. Потерпи.

Из ванной комнаты Даша вышла совсем в другом настроении, Как будто в самом деле от чего-то отмылась. Прямо напротив ванной, на кушетке сидели папа с мамой.

— Чего вы нахохлились, родители мои дорогие? Расслабьтесь.

— Я в шоке от того, что мне папа сейчас рассказал.

— Да, сегодня убили Валерия. Мне было, как ни странно, сначала его жалко, а потом нет. Он за мной ухаживал, если можно так сказать, несколько лет, но это было время сплошных претензий, ревности и тотального преследования. Я от него страшно устала.

— Так за что его убили и кто? — не отставала от неё мама.

Но Даша сделала вид, что не слышала последний вопрос и продолжила говорить:

— А на днях он меня предупредил, что собирается сделать мне предложение, и я с ужасом об этом несколько дней думала. Разве с таким настроением выходят замуж?

— Ты не ответила, дочечка, на мой вопрос?

— Наверное, парень, который с Валерием играл в настольный теннис?

— Не еврей, случайно? — спросил Рубцов.

— Я же тебе сказала, папа, что не знаю. Всё, я пошла спать.

— Завтра, Даша, ты в институт не идёшь! — жёстко подытожил Сергей Александрович.

— Почему?

— Пусть ситуация немножко уляжется. Да и я, может быть, что-то узнаю. На телефон никому не отвечать. Всё, спокойной ночи.

5.11

Даша всю ночь, несмотря на усталость, не могла заснуть. Была масса разных вопросов, и она никак не могла их логично, по порядку, расположить. Выстроить всю цепочку событий со дня знакомства с Валерием и до его смерти.

— Сказать, что она убита горем было бы неправдой. Ей даже казалось, что этим убийством с её плеч сняли огромный груз, который она последний год на себе тащила.

Даша понимала, что кощунственно так сегодня даже думать, но это чувствовала и лукавить сама с собой не хотела. Её мучил только один вопрос:

— За что Марк, на её глазах, хладнокровно убил Валерия?

— Неужели из-за меня?

— Да такого не может быть.

— Тогда за что?

Она, вообще, на вечере встречи с норильчанами чувствовала резкое изменение в отношении Марка к ней. Да такое невозможно было не заметить — от его прикосновения ещё два дня у неё горело бедро.

— И что?

— А то, что я после этого вечера видеть Валерия не могла.

— Но это не повод, чтобы убивать человека?

— Не повод. Значит была ещё какая-то у Марка причина! Даже более веская, чем отношение к ней.

— Какая?

— Марк сказал, что он его прилюдно оскорбил.

— Каким образом? Почему я, стоя посередине между ними, ничего не слышала, а Марк услышал.

— На это трудно ответить. Здесь нужен специалист, который может такую ситуацию объяснить.

— Хорошо было бы найти человека, который стоял ближе к Валерию, чем я, и слышал, что тот сказал.

— И ещё. Неужели есть такое слово, за которое можно взять и убить человека?

— Значит есть.

— Как же найти того, кто слышал Валерия? Не может быть, чтобы никто не слышал.

— Во-первых, нужно связаться с Викой. Она стояла рядом со мной, но ближе к Валерию. Может, она слышала?

— Но как? У ней нет домашнего телефона, а выход завтра из дома мне папа запретил.

— А во-вторых, нужно вспомнить, кто ещё стоял около стола и наблюдал за игрой.

— Загадка какая-то.

— И ещё нужно, когда папа уйдёт на работу, поговорить с мамой. Она сейчас из него душу вынимает.

А на родительской половине квартиры Рубцовых шла, в самом деле, серьёзная словесная перепалка между отцом и матерью.

5.12

Глубину родительского конфликта Даша определяла по расстоянию между кроватями. Сегодня оно было максимальным — кровати стояли около противоположных стенок спальни.

Жёсткий разговор между Сергеем Александровичем и его женой начался сразу, как только дочь ушла в свою комнату.

— Ну что, Серёжа, давай подробно рассказывай, что было за кадром?

— Таня, я уже тебе всё рассказал. Мне больше добавить нечего.

— Не ври. У тебя, как у каждого партийного работника, всегда есть что-то недосказанное, оставленное про запас, чтобы отбить любую контратаку.

— Нет у меня больше ничего.

— Ещё раз говорю: не ври. Сейчас речь идёт не о твоей партийной чести — грош ей цена, а о нашей девочке — честной, чистой, порядочной.

— Всё, что знал, я тебе уже рассказал.

— Тогда зачем ты её посадил на карантин?

— Чтобы её никто не дергал, не расспрашивал, не расстраивал. Ведь она, на самом деле, единственный свидетель, присутствовавший при этой трагедии от начала до конца.

— Нет, дорогой мой, не в этом дело. Ты боишься, что она, попав в свою студенческую среду, что-нибудь вспомнит. Есть такое понятие — отложенная память. Мне бабушка об этом говорила.

— Бабушка тебе говорила о старческой памяти. У этой памяти есть такая способность — помнить прошлое и не помнить, что было вчера. В общем, пусть Даша посидит дома. С тобой пообщается, а то мы её неделями не видим.

— Я не возражаю, но смотри у меня, Сергей! За дочь шкуру спущу!

5.13

После того как Рубцов, забрал дочь из отдела прокуратуры, Щербаков задумался о Рожанском.

— Странный клиент. В убийстве практически сразу признался, но не хочет называть мотив. А без мотива нельзя выстроить схему расследования, чтобы предъявить обвинение. Интересно, кто на него может повлиять?

— Но это ещё полбеды. Беда в том, что без мотива он может ухнуть по любой статье и надолго. Жалко парня.

— И что с ним делать?

— Даже не знаю. Оставить в здании прокуратуры на ночь — это с утра искать, куда его пристроить. Завтра предпраздничный день — будет не до него. Ждать до конца праздников, а это несколько дней, и держать просто так, без предъявления обвинения, нельзя.

— Значит нужно срочно искать мотив убийства и здесь два рабочих варианта: или убедить Рожанского признаться, почему он убил своего товарища, или найти человека, который слышал, как его оскорбил убитый.

— А может, всё дело в девушке, которая не сбежала со всеми, а осталась с убийцей, до того как мы приехали?

— Может быть. Но уж больно индифферентно они вели себя по отношению друг к другу. Во всяком случае, не по Шекспиру. Без страстных взглядов и держания за руки.

— Итак, нужно этого Рожанского на три праздничных дня убрать с большой дороги и куда-нибудь по-тихому пристроить. Мне кажется, лучшего места, чем новочеркасская тюрьма, и придумать нельзя.

Щербаков придвинул к себе телефон, набрал номер и услышал густой бас начальника тюрьмы:

— Слушаю, подполковник Баранов.

— Здравствуй, Алексей Иванович. С наступающим праздником.

— Ты, что ли, Щербаков?

— Я.

— Ну, ты даёшь! Вместо того, чтобы в дверь стучать с бутылкой в руке, ты своим трезвым голосом по телефону мешаешь мне войти в праздничный образ.

— Так праздник только послезавтра, товарищ подполковник!

— Вот поэтому ты и сидишь столько лет в майорах. А народная мудрость гласит: кто празднику рад, тот пьян накануне. Ну, так что у тебя, Щербаков? Чего звонишь?

— Нужно одного парня несколько дней передержать.

— Не вопрос. Выделить отдельный апартамент?

— Желательно.

— Сделаем. Подвози.

— Ну, спасибо.

— Будь здоров.

5.14

Щербаков выглянул в коридор и громко крикнул:

— Антонов...

На пороге его кабинета появился старший по конвою прапорщик Антонов:

— Слушаю, товарищ майор.

— Сегодняшнего клиента нужно отвезти в новочеркасскую тюрьму. Обращаться с ним предельно аккуратно. Нижних браслетов не надевать. Только верхние. Письмо для подполковника Баранова я тебе сейчас дам. Всё понятно?

— Всё. Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Да, парня приведи ко мне на пару минут. Он в шестой комнате сидит.

— Ну что, уважаемый, не хочешь всё-таки мне сказать, за что человека отправил на тот свет?

— Нет, не хочу.

— Ну, смотри. Сегодня начинается твоя «Одиссея». Просьбы ко мне есть?

— Есть. Разрешите позвонить маме и назвать для связи вашу фамилию?

— Позвони, только недолго.

— Мама, это я.

— Ты где, сыночек?

— Я в городской прокуратуре. Свяжись, если будет необходимость, с майором Щербаковым. Да, и найди Владимира Дмитриевича Калмыкова. Ну, всё. Целую тебя.

— А с барышней своей попрощаться не хочешь? — спросил Щербаков с иронией.

— Нет, не хочу.

— Ну, тогда всё. Антонов, грузи клиента.

До Новочеркасска от Ростова менее пятидесяти километров. Узкая и плохо освещённая двухсторонняя дорога не позволяла быстро ехать, так что поездка заняла почти два часа. Пока Марка оформляли по всем правилам, прошёл ещё час. Камера была небольшая, с двумя кроватями, стоявшими в два яруса.

— В шесть часов утра будут кормить, так что обживайся, — доброжелательным тоном сказал, собираясь уходить, Антонов. — Вопросы есть?

— Есть. Зачем меня в двухместную камеру определили?
— Не знаю? Наверное, других не было.
— Предупреждаю: если посадите «утку», сделаю из него инвалида.

— Это не ко мне, — закрыл за собой дверь камеры Антонов.

После того как конвой увёл Рожанского, Щербаков сделал себе крепкий чай. С ним думалось хорошо.

— А о чём, в принципе, думать?

— Как о чём? Ведь не каждый день, на глазах у массы людей, друг убивает друга? Не таясь, демонстративно, при полном самообладании.

— И что же мы с этого имеем, Щербаков?

— Первое. Убийца Рожанский вместе со свидетельницей Рубцовой спокойно стоят и ждут, когда приедет милиция. Второе. По поведению парня и девушки нельзя понять: опечалены они этим фактом или нет. Похоже, Федорцов заслужил своё наказание. Третье. Рожанский не хочет говорить, за что убил Федорцова, а Рубцова почему-то ничего не слышала. Кто-то всё-таки должен был слышать, если услышал сам Рожанский? Ну и наконец, четвёртое. Что предъявлять суду?

— Факт убийства не надо доказывать — всё как на ладони. Свидетельница Рубцова подтверждает, и Рожанский «на колёсах» получает полный срок за умышленное убийство.

— А дальше что? Решение суда должно быть справедливым, а его тут и близко нет. Что делать?

Ничего не придумав, Щербаков собрался идти домой. И тут его осенило: по поводу убийства нужно посоветоваться с дочерью, которая постоянно с ним спорит — что справедливо, а что нет. Она эту грань в свои пятнадцать лет очень хорошо чувствует.

5.15

— Что-то ты, папочка, сегодня так рано пришёл домой, — увидев входящего в квартиру отца, хихикнула Нина, подражая маме. — Заболел или случилось что?

— Да нет, всё более-менее в порядке.

— Ну, тогда мой руки и садись за стол. Буду тебя кормить, а то мама нескоро придёт.

— Что будем ужинать?

— Суп фасолевый с грибами и мясной соус с солёным огурчиком.

— Под такую закуску не грех рюмку водки махнуть! Как ты думаешь?

— Не знаю. Это у мамы спрашивай.

— Понятно. Ты тоже, дочечка, садись. Хочу с тобой посоветоваться по одному вопросу.

— Да неужто мы, холопского звания, за барским столом допущены сидеть?

— Допущены, допущены! А ты сама ела?

— Да, папочка, ела. Так что у тебя за вопрос?

— Хочу спросить, как бы ты себя повела в следующей ситуации. В актовом зале института закончилось торжественное собрание и перед концертом возник небольшой перерыв. Кто-то пошёл в буфет, кто-то на улицу покурить, а кто-то остался в фойе посмотреть, как играют в настольный теннис. Куда бы ты пошла?

— Во-первых, посоветовалась бы с подружкой. Без пары серьёзные девочки никуда не ходят. А во-вторых, наверное, пошла бы посмотреть, как играют в теннис.

— Почему туда, а не в буфет или на улицу? Только говори честно, это очень важно.

— Потому что для буфета у меня денег нет, а курить мы не курим.

— А что мальчики делают во время перерыва?

- Шатаются где попало. Дурь в голове.
  - По одному или по двое?
  - Да как угодно. Им лишь бы кого-нибудь подцепить.
  - Как подцепить?
  - Обыкновенно. Им нужно с кем-то на вечере познакомиться, а то не будут уважать.
  - А нормальные ребята встречаются?
  - Встречаются, но редко.
  - Последний вопрос, Ниночка. Ты бы мальчика, который с тобой таким образом познакомился, узнала бы?
  - Конечно, узнала. У девочек на это фотографическая память.
  - Молодец, дочечка. Ты очень мне помогла.
- После обеда Щербаков ушёл в свою комнату.
- Теперь можно набросать план следственного эксперимента, — довольно потёр он руки. — Что ты так обрадовался, майор?
  - После праздников по цепочке найду всех, кто стоял у теннисного стола со стороны убитого Федорцова. Завтра нарисую чертёж и посоветуюсь с ушником.
  - А почему же всё-таки Рубцова ничего не слышала?
  - Значит, она стояла у теннисного стола в «мёртвой» зоне. Не думаю, чтобы Рубцова врала. Не того она воспитания.
- Однако на следующий день, 6 ноября 1978 года, ситуация с самого утра стала развиваться не потому сценарию, который набросал накануне Щербаков. В девять часов утра позвонила секретарь главного прокурора города Ростова Черниковой и попросила его явиться к двум часам дня к ней со всеми бумагами по делу Рожанского.

5.16

Когда Щербаков зашёл в приёмную главного прокурора города, там уже сидел Филиппов — помощник секретаря горкома партии Рубцова. Погружённый в свои мысли, он даже не ответил на приветствие начальника убойного отдела прокуратуры. Увидев Филиппова, Щербаков очень удивился: табель о рангах в городской прокуратуре строго соблюдался. Здесь что-то сегодня не так. А через несколько минут секретарь пригласила Щербакова и Филиппова пройти в кабинет Черниковой.

В кабинете, кроме самого прокурора Черниковой, находился её помощник по особым поручениям Владимир Александрович Ямщиков, появлявшийся на совещаниях при сложной повестке дня. Это была «молчащая голова» городской прокуратуры, которая никогда не выступала и ничего не записывала. Только внимательно слушала, немного прикрыв веки. Присутствие в кабинете Ямщикова говорило о том, что предстоит обсуждение серьёзной темы.

— Присаживайтесь, товарищи, сразу к столу, — доброжелательным тоном обратилась Черникова к входящим в её кабинет следователю прокуратуры по особо важным делам майору Щербакову и помощнику секретаря горкома партии Филиппову.

— Я пригласила вас сегодня экстренным порядком для предварительного обсуждения убийства вчера вечером студента Ростовского инженерно-строительного института Федорцова. Данное уголовное дело имеет две существенные особенности. Первая — к этому убийству каким-то образом имеет отношение дочь секретаря горкома партии Рубцова.

Перед тем как назвать вторую особенность обсуждения убийства, Черникова сделала паузу.

— И вторая. Сегодня утром товарищу Ямщикову позвонил помощник начальника специального управления КГБ по Южному округу майор Вавилов и попросил все материалы по убийству студента Федорцова немедленно передать им в разработку.

Последнее предложение, сказанное главным прокурором города, майор Щербаков выслушал с особым вниманием. Как ему было известно, специальное управление КГБ занимается, в основном, еврейскими вопросами. Созданное сразу после арабо-израильской войны 1967 года по инициативе и под руководством полковника Скворцова, оно имело закрытую структуру и серьёзные полномочия.

И тут майор Щербаков услышал слова Черниковой, обращённые непосредственно к нему:

— Владимир Петрович, введите нас в курс дела, которым вы первым начали заниматься.

В голове Щербакова сразу что-то предупредительно щёлкнуло. Так как на убийство студента Федорцова одновременно обратили внимание городской комитет партии и специальное управление КГБ, нужно говорить с большой оглядкой.

— Дела, как такового, ещё нет — всё произошло только вчера вечером.

— А что есть?

— Расписка врача скорой помощи об эвакуации трупа гражданина Федорцова, устные свидетельские показания студентки пятого курса строительного института Рубцовой и чистосердечное признание в убийстве студента пятого курса того же института Рожанского.

— И всё? — спросила с показной заинтересованностью Черникова.

— Пока всё. Медицинское заключение о причине смерти Федорцова обещали подготовить сегодня к концу дня.

— А теперь, Владимир Петрович, всё то же самое, но подробно, со всеми крупными и мелкими деталями.

5.17

За долгие годы работы в следственных органах майор Щербаков научился одновременно говорить одно, а думать другое. Этому непростоу свойству человеческого мозга несколько месяцев его обучал профессор психиатрии Воронов на курсах повышения квалификации во Львове в 1959 году.

Сейчас Щербаков это умение воспроизводил, телеграфно сообщая участникам совещания у главного прокурора Ростова только факты:

- вчера приехал по вызову с двумя автоматчиками в начале восьмого вечера к главному корпусу Ростовского инженерно-строительного института РИСИ. Сразу за нами приехала карета скорой помощи;

- в фойе второго этажа мной был обнаружен, около стола для настольного тенниса, труп студента пятого курса РИСИ Федорцова;

- рядом со столом находились двое студентов пятого курса того же вуза Рубцова и Рожанский;

- студент Рожанский признался в убийстве Федорцова, так как тот его вслух оскорбил. Как оскорбил — сказать отказался;

- студентка Рубцова оскорбления не слышала, но видела всю конфликтную ситуацию. Оставалась на месте преступления до моего приезда, так как находилась с убитым в дружеских отношениях;

- с Рубцовой и Рожанским мной был проведен предварительный разговор без оформления протокола;

- в начале десятого вечера за Рубцовой приехал отец на машине и забрал её домой;

- подследственный Рожанский в двадцать два часа двадцать минут был отправлен под конвоем в Новочеркасскую тюрьму, где и содержится в настоящее время.

Во время своего сообщения Щербаков достаточно подробно выстроил общую картину происшедшего накануне неординарного преступления, воспользовавшись разговором с обоими фигурантами, но решил сохранить для себя, на всякий случай, несколько фактов:

– Федорцов ухаживал за Рубцовой со второго курса, то есть почти три года, но замуж за него она выходить не хотела;

– Федорцов прилюдно и очень грязно оскорбил Рожанского, чтобы понравиться своим поступком Рубцовой;

– Рожанский — мастер спорта СССР по боксу, но не ударил Федорцова, а сразу убил специальным приёмом;

– в телефонном разговоре с мамой Рожанский попросил её связаться, при необходимости, со мной и позвонить в Норильск человеку по имени Владимир Дмитриевич.

— Какие выводы? Их два. Первый: Рожанский — глубоко порядочный человек и поэтому не хочет впутывать в расследование убийства Рубцову. Второй: следует срочно установить, как Федорцов оскорбил Рожанского.

Глава 6. Вавилов

6.1

Общая сводка происшествий за прошедшие сутки по Кавказскому региону каждое утро поступала из оперативного отдела областного МВД в канцелярию начальника Особого управления КГБ полковнику Скворцову. КГБ обладал приоритетным правом выбора своих «клиентов», после чего для работы с региональной и всесоюзной картотекой сведения уходили в ФСИН. Как правило, суточная информация о различных происшествиях в регионе занимала не более пяти страниц, но сегодня она была все восемь. Помощник начальника управления майор Вавилов, работник аккуратный и грамотный, тщательно просматривал весь список происшествий и делал на полях соответствующей страницы пометки разноцветными карандашами. Красная «галочка» указывала на то, что происшествие имеет прямое отношение к их управлению, синей помечал происшествие, имеющее косвенную связь с их ведомством. Но сегодня одно из сообщений, расположенное на предпоследней странице списка, майор Вавилов отметил одновременно красным и синим значками.

«Вчера, 5 ноября 1978 года, на вечере отдыха в здании

Ростовского инженерно-строительного института, студент пятого курса Рожанский Марк Исаакович, 1956 года рождения, совершил убийство студента того же курса Федорцова Валерия Фёдоровича, 1955 года рождения. Убийство произошло в районе 19 часов в присутствии большого числа свидетелей с использованием приёма, приведшего к мгновенной смерти Федорцова В. Ф. Смерть удостоверена бригадой скорой помощи в составе врача Вороновой А. А. и фельдшера Иванова В. И., о чём составлено соответствующее медицинское заключение».

Майор Вавилов отдавал себе отчёт, что, с одной стороны, данное сообщение касалось лица еврейской национальности, что соответствовало тематике его управления. Но с другой, оно имело отношение к уголовным преступлениям, которыми управление не занималось. И тем не менее, через пятнадцать минут после того, как полковник Скворцов появился в своём кабинете, раздался звонок внутреннего телефона, стоящего на столе помощника:

- Владимир Васильевич, зайдите ко мне.
- Слушаюсь, товарищ полковник.
- Вы просматривали сегодня сводку происшествий по нашему округу?
- Да я.
- Прошу вас к двум часам дня подать мне рапорт, касающийся всех подробностей вчерашнего убийства студента Федорцова. Вам понятно?
- Так точно. Разрешите идти?
- Идите.

6.2

Кандидатуру майора Вавилова на должность своего помощника полковник Скворцов подбирал долго и тщательно. Среди семи кандидатов, Вавилов его заинтересовал двумя нестандартными пунктами характеристики:

- окончил во Львове музыкальную школу по классу скрипки;
- во время войны был начальником шифровального отдела фронта.

Работая с Вавиловым уже восьмой год, Скворцов знал, что Вавилов, кроме того, что обладает аналитическим складом ума, умеет чувствовать скрытые оттенки любого происшествия. Поэтому то, что он отметил двумя галочками дело об убийстве студента, должно иметь непростое продолжение. Майор Вавилов был уверен, что данная информация заинтересует начальника управления, и не ошибся. Но на вопрос, по какой причине полковник Скворцов так быстро обратил на это внимание, он даже приблизительно себе ответить не мог.

Для оперативного выполнения поручения полковника Скворцова, Вавилов, не откладывая, сделал первый звонок в отдел кадров Ростовского инженерно-строительного института.

— Здравствуйте, говорит майор Вавилов, Особое управление КГБ. Представьтесь, кто у телефона?

— Начальник отдела кадров Ростовского инженерно-строительного института Василенко Александр Иванович.

— У вас отдельная телефонная линия, товарищ Василенко?

— Да, товарищ майор. Отдельная.

— Хорошо. Сегодня утром в наше управление поступила информация об убийстве на территории вашего института студентом Рожанским студента Федорцова. Прошу вас в течение ближайших двух часов прислать факсом на номер 313113 краткую выписку из личного дела обоих фигурантов. У вас есть вопросы?

— Нет.

— Выполняйте.

Вторым звонком майор Вавилов связался с оперативно-диспетчерским отделом МВД по Северо-Кавказскому округу.

— Здравствуйте, майор Вавилов. Особое управление КГБ.

— Здравствуйте, Владимир Васильевич. Капитан Никонов. Слушаю вас.

— Прощу вас, капитан, направить информацию о вчерашнем инциденте в Ростовском строительном институте в распоряжение нашего управления.

— Информации, товарищ майор, как таковой, пока нет. Есть протокол допроса гражданина Рожанского при задержании, касающийся установления личности. На другие вопросы задержанный отвечать отказался.

— Где он находится в настоящее время?

— Доставлен под усиленной охраной в Новочеркасский следственный изолятор.

— Пришлите мне по факсу протокол допроса задержанного. Срок выполнения приказа: 12 часов дня.

— Так точно.

6.3

Рапорт майора Вавилова лёг на стол полковника Скворцова ровно в 14 часов и представлял собой обычный лист бумаги, заполненный мелким каллиграфическим почерком майора. Выполненный в одном экземпляре и зарегистрированный Вавиловым в особом журнале, он подлежал хранению в личном сейфе полковника.

Сов. Секретно
Экз. №1
Рапорт
Начальнику Особого управления КГБ
полковнику Скворцову В. И.

Довожу до вашего сведения, что на основании служебных записок от 6 ноября 1979 года начальника отдела кадров Ростовского инженерно-строительного института Василенко А. И. и начальника оперативно-диспетчерского отдела МВД по Северокавказскому округу капитана Захарова Е. М., факт умышленного убийства гражданина Федорцова В. Ф., 1955 года рождения, гражданином Рожанским М. И., 1956 года рождения, документально подтверждён бригадой скорой помощи в составе врача Воронова А. А. и фельдшера Иванова В. И. Акт освидетельствования трупа Федорцова В. Ф. прилагается.

Из вышеуказанных документов следует:

1. Медицинское заключение вскрытия трупа Федорцова В. Ф., выданное 5 ноября 1978 года моргом №3 города Ростова-на-Дону показало, что удар, нанесённый гражданином Рожанским М. И., привёл к полному разрушению селезёнки покойного, что несовместимо с жизнью.

2. Смерть Федорцова В. Ф. наступила в результате применения гражданином Рожанским М. И. физического приёма, которым обучают только в разведшколах особой подготовки КГБ.

3. Задержанный на месте преступления гражданин Рожанский М. И. родился в Норильске Красноярского края в 1956 году и проживает в Ростове-на-Дону с матерью с сентября 1973 года. Сбор данных следует поручить Норильскому отделу КГБ.

4. Гражданин Рожанский М. И. был арестован 5 ноября 1978 года на месте преступления и доставлен, в сопровождении специального конвоя, в Новочеркасскую военную тюрьму.

5. Гражданин Рожанский М. И. в совершенном преступлении не раскаивается и показаний не даёт.

Помощник начальника
Особого управления КГБ
майор Вавилов В. В.

6.4

Помощник начальника Особого управления КГБ майор Вавилов В. В., спокойный, выдержанный, на вид застенчивый и даже робкий человек, никогда не открывал рот, пока его не спросят. Когда он положил в 14.00 на стол полковника Скворцова рапорт о вчерашнем убийстве студента Федорцова В. Ф., тот спросил Вавилова:

— Скажите, Владимир Васильевич, у вас не возник сегодня вопрос, почему мы вдруг занялись уголовным преступлением, в то время как у нашего управления совсем другой профиль деятельности.

— Возник.

— И как вы себе на него ответили?

— Никак, товарищ полковник.

— Это не ответ. Сформулируйте какое-нибудь рабочее предположение.

— Думаю, фамилия Рожанский проходила ранее в оперативной работе нашего управления.

— Совершенно верно. В 1946 году, когда я был ещё молодой следователь Гомельской контрразведки, мне в разработку попало запутанное дело некоего капитана Исаака Рожанского. Рожанский оказался очень сложным и закры-

тым человеком. Он мне всю душу, за несколько месяцев оперативных контактов, вывернул наизнанку.

— Каким образом?

— Своими рассуждениями о жизни, о будущем нашей страны, о евреях. Рожанский имел по каждому предъявленному ему пункту обвинения своё непоколебимое мнение. Он не только никогда ни в чём не оправдывался, но очень жёстко парировал все мои аргументы. Но и это ещё не всё — при зачитывании окончательного приговора в моём кабинете он чуть не убил охранника. Причём, примерно таким же приёмом, о котором вы написали в своём рапорте.

— И сколько ему присудили, товарищ полковник?

— Двадцать пять лет строгого режима плюс пять лет поселений. Отбывал наказание в Норильлаге, что корреспондируется с местом рождения задержанного вчера гражданина Рожанского.

— Получается, что это не простая драка, закончившаяся убийством одного из участников. Здесь прослеживается некая связь времён.

— Совершенно верно. Поэтому, товарищ майор, здесь простым запросом в Норильск не отделаётесь. Подготовьте приказ о командировании в Норильск, для сбора оперативных сведений, старшего лейтенанта Ермолаева с расширенными полномочиями. Срок командировки четырнадцать суток с возможным продлением.

— Зачем на столько дней, товарищ полковник?

— Отставить вопросы, майор.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Осторожный Вавилов недаром среагировал на срок командировки Ермолаева. Там было дел максимум на несколько дней. Он всегда вёл на своего начальника досье, в котором фиксировал все его промахи. Всего в его досье на Скворцова значилось 103 эпизода, правда, разной меры вины и ответственности. Одним из первых в этом досье

было указано, что Виктор Иванович Скворцов — галахический еврей.

Каждый день, перед тем как уйти домой, Вавилов заносил в журнал в хронологическом порядке всё, что происходило в управлении за рабочий день. Вечером он сделал следующую запись:

«Может, это гены, а может результат воспитания, но сегодня В. И., узнав об убийстве в РИСИ студентом Рожанским студента Федорцова, весь день не находил от злости себе места. Кидался, бросался, кричал... Какая-то патологическая ненависть к евреям».

6.5

Полковник Скворцов был во всех отношениях образцовым офицером: грамотный, исполнительный, подтянутый, спортивный. Всегда аккуратно одетый в безукоризненно сидевший на нём китель и с доброжелательной улыбкой, он вызывал у всех, как правило, симпатию. Но его лицо мгновенно принимало холодно-отстранённое выражение, когда речь заходила о евреях и всём, что с ними связано. Своё подчёркнуто отрицательное отношение к ним полковник, ни перед начальством, ни перед подчинёнными никогда не скрывал. Более того, он проявлял исключительное усердие и инициативу в деятельности управления, как будто отработывал свой грех за то, что его мать была потомственная еврейка, правда, перешедшая, когда он был ещё маленьким мальчиком, в христианство.

Такой стиль работы Скворцова не всем нравился: у кого-то вызывал откровенную поддержку, а у кого-то — наоборот. Но отношение Скворцова к евреям точно укладывалось в поговорку «впитал с молоком матери». В управлении вообще не было евреев, за исключением начальника финансового отдела подполковника Гуревича.

ча Ильи Владимировича. Как объяснял его присутствие сам Скворцов, Гуревич — не еврей, он гениальный финансист.

В отличие от начальника, майору Вавилову было безразлично, что он работает в Особом управлении КГБ, связанном, в основном, с лицами еврейской национальности. Многие из них и по разговорам, и поступкам были идеологически ориентированы на выезд в Израиль. Однако в управлении было заранее известно, что значительная часть еврейских эмигрантов, используя израильскую визу, проедет мимо Израиля и устремится в Америку или Канаду. Ничего особенного в этом Вавилов не видел. В его представлении евреи были умными, активными, предприимчивыми людьми, масштаб деятельности которых не соответствовал строго ограниченным рамкам советских законов. Заработав «левой» работой большие деньги, они просто не знали, как ими воспользоваться. Вытащить из закров и начать тратить — это прямая дорога в тюрьму, а вывезти деньги за рубеж — такой возможности практически не существовало.

6.6

Добившись создания Особого управления Комитета Государственной Безопасности по Южному округу России с центром в городе Ростове-на-Дону, полковник Скворцов чувствовал себя победителем. Сейчас он контролировал всю массу евреев — богатых, образованных, темпераментных, деловых, которые большими семьями устремлялись с юга Советского Союза в Израиль. Привыкшие с помощью денег решать любые жизненные вопросы, они представляли для работников Особого управления КГБ как большую угрозу, так и огромный соблазн.

Основную работу с документами подавших на выезд людей выполнял в управлении заместитель полковника Скворцова по оперативной работе подполковник Чернышёв. К сожалению, несколько месяцев назад он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Сразу заменить Чернышёва было некем, и поэтому Скворцов временно принял этот участок работы под своё руководство. Тем не менее, он чувствовал, что отдел становится неуправляемым и малопродуктивным.

Придя сегодня на работу, полковник Скворцов вызвал к себе помощника майора Вавилова:

— Присаживайтесь, Владимир Васильевич. Хочу с вами посоветоваться.

— На какую тему, Виктор Иванович?

— Вы хорошо знаете всех высших офицеров нашего управления?

— Думаю, да.

— Кого бы вы рекомендовали, вместо умершего подполковника Чернышёва, на должность начальника оперативного отдела?

— Себя, товарищ полковник.

— А если серьёзно?

— А я серьёзно.

— Ваши доводы?

— Я досконально знаю работу, которую выполнял подполковник Чернышёв, и полностью подготовлен к исполнению его обязанностей.

— Да, от скромности вы не умрёте, товарищ майор.

— А кому нужна эта скромность, когда есть желание и возможность добросовестно работать?

— Я принял ваш ответ. Свободны.

6.7

В настоящее время Вавилов ждал повышения по службе — из помощника в заместители начальника управления Скворцова. Документы на него были подписаны и отправлены в управление кадров КГБ. Планы на дальнейшую деятельность в ранге заместителя начальника управления у Вавилова были грандиозные, но всё зависело от Скворцова, какой участок деятельности тот ему поручит.

Вопрос с назначением майора Вавилова своим заместителем по оперативной работе и присвоением очередного звания подполковника Скворцов решил за несколько дней. Однако обстановка на Северном Кавказе в конце шестидесятых — начале семидесятых годов с еврейской эмиграцией становилась всё более угрожающей. Число желающих выехать по израильской визе из Советского Союза увеличивалось с каждым днём. Неизвестно, по какой причине и кто этим процессом руководил, но евреи начали себя вести агрессивно: писали грозные письма в разные инстанции внутри и за пределы страны, устраивали демонстрации и забастовки, штурмовали голландское посольство, которое представляло интересы Израиля в СССР. При этом в еврейской среде ежедневно циркулировали слухи один хуже другого, что не только напрягало общую ситуацию в регионе, но и требовало серьёзной ответной реакции властей и, в частности, управления, руководимого полковником Скворцовым.

— Владимир Васильевич, — обратился Скворцов по внутреннему телефону к Вавилову, — подготовьте на конец недели узкое совещание работников управления, имеющих отношение к теме «Рост эмиграционных настроений еврейской общины Северного Кавказа».

— Не уверен, что успею.

— Постарайтесь успеть, Владимир Васильевич. Уж больно сильно на меня давят сверху.

— Так точно, товарищ полковник.

Но, как учил Скворцова его первый начальник подполковник Никаноров: «Когда даёшь кому-то поручение, первым начинай думать, как его выполнить».

— Какие у тебя есть мысли, полковник?

— Есть кое-что.

— Ну, так выкладывай. Не стесняйся.

— А я и не стесняюсь. Просто они не совсем корреспондируются с позицией вышестоящих органов.

— Ничего страшного. Разберёмся.

Скворцов взял чистый лист бумаги и печатными буквами написал:

1. Евреи с большой настороженностью всегда относятся к народам, среди которых живут.

2. Евреи во все времена стремились сохранять свою независимость и образ жизни.

3. Евреев, в силу огромной полезности любому сообществу, следует защищать, а не обижать.

А ещё он неожиданно вспомнил, что говорила мама:

— Евреи не должны быть до конца счастливыми. В их жизни обязательно должны быть проблемы, трудности, неприятности. Что-то плохое, чтобы не расслабляться.

— Зачем, мама? Что за глупости?

— Если у них всё хорошо, они начинают спорить между собой, делать друг другу гадости и выяснять, кто из них больше еврей.

— Интересно, как с этим бороться?

— Не знаю. Может, Вавилов в эту ситуацию привнесёт какую-либо ясность.

Но Вавилов, к сожалению, тоже не знал.

6.8

В соответствии со своими новыми служебными обязанностями сегодня подполковник Вавилов должен был переговорить с проектировщиками, которые располагались на территории управления, но в отдельном корпусе. Его манеру решать вопросы не у себя в кабинете, а непосредственно на рабочем месте исполнителя ещё не все знали. А когда у него спрашивали, почему он это делает, отвечал:

— Молодой, горячий. Не сидится на месте.

Но это не было простой суетливостью — молодой заместитель начальника управления много чего попутно замечал, когда посещал интересующий его объект.

Для того чтобы войти в здание проектного отдела нужно было заказать специальный пропуск, время действия которого было всего сутки. Начальник проектного отдела сидел вместе со своими сотрудниками в одном зале, но за стеклянной перегородкой. В зале стояло несколько десятков кульманов, мимо которых нужно было пройти к начальнику в самый конец зала. Около одного из них Вавилов почему-то остановился:

— Проходите, любезный, — задела его молодая женщина с копной светлых волос на голове.

— Извините, мне нужен начальник отдела Антонов Никита Александрович.

— Это туда, — не посмотрев в его сторону, ответила она.

Через час «любезного» к выходу провожал сам Антонов. Расставаясь, Вавилов спросил у Антонова:

— Никита Александрович, а кто у вас работает за четвёртым кульманом?

— Людмила Петровна Полякова, толковый инженер.

— Понятно. Всего хорошего.

Возвращаясь на своё рабочее место, Антонов остановился около кульмана Поляковой и обратился к ней с вопросом:

— Людмила Петровна, вы не скажете, почему на вас обратил внимание заместитель начальника управления?

— Понятия не имею. Наверное, понравилась, — не преминула съязвить Полякова.

— Ну-ну...

6.9

У Антонова был собирательный ум, который позволял складывать любой пазл, но Полякова никогда не входила ни в одну конструкцию. Она была независимая и даже грубая женщина. Это долго не давало Антонову покоя, и тогда на одном из совещаний у Вавилова он решил спровоцировать ситуацию и привести с собой Полякову. К сожалению, ни ему, ни ей не дали там выступить, поэтому интрига продолжала существовать.

Но и Вавилов всё время вспоминал эту дерзкую женщину. Позвонить ей не было никакой возможности, так как телефон отдела стоял только на столе Антонова. Попытка получить по городской справке номер домашнего телефона тоже не увенчалась успехом. Можно было бы, конечно, поручить это сделать секретарю Свете и решить вопрос за пару минут. Но входить в неформальные отношения с секретарём было ни в коем случае нельзя. Это когда-нибудь может выйти ему «бокком», как говорил его покойный родитель. Оставалось надеяться на случай, который не преминул представиться.

Однажды, выходя с работы через общую проходную, Вавилов столкнулся с Поляковой нос к носу.

— Здравствуйте, Людмила Петровна.

— Здравствуйте, Владимир Васильевич. Как это вы запомнили моё имя-отчество? Ведь в нашем управлении столько людей работает!

— Понравились вы мне.

- Ну не смешите. Вы меня видели один раз.
- Не один, а два. Вот сегодня третий.
- Вам по должности положено быть таким въедливым, или вы от природы такой?
- От природы. Но не въедливый, а любознательный.
- Может, вы ещё хотите проводить меня домой, Владимир Васильевич?
- С удовольствием.

Шли до её дома минут сорок. Разговор был бессвязный и пустой. Она пыталась остро шутить, а он старался не реагировать на её выпады, боясь, что она может фыркнуть и уйти. Перед дверью в подъезд, Полякова спокойным тоном сказала:

- Запишите мой домашний телефон. Звоните, если настроение будет. Всего хорошего.
- До свидания.

6.10

Полякова жила в обычной двухкомнатной квартире, которую оставил ей бывший муж. Разошлись они, как ей показалось, скучно — без взаимных претензий, выяснения отношений и скандалов. Владимир Георгиевич Поляков, по профессии художник, просто в один прекрасный день не ночевал дома. На следующий день пришёл, когда никого не было, собрал вещи и ушёл к другой женщине, оставив жене записку. Он никогда ни с кем не выяснял отношения, считая, что, кроме взаимных претензий, ничего при этом не происходит. В суде он взял вину за расторжение брака на себя, с чем, в принципе, все согласились. В отношении сына обещал выполнять родительские обязанности в полном объёме. Людмила Петровна, без лишних сантиментов, определила сына в интернат, в котором он жил и учился пять дней в неделю, приходя домой только на выходные.

Владимир Васильевич Вавилов, как правило, занятый вечерами на различных мероприятиях, никак не мог найти возможность позвонить Людмиле Петровне в приличное для звонков время. А когда оно представилось, услышал в телефонной трубке произнесённые безразличным голосом слова:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Людмила Петровна.

— Здравствуйте. Слушаю вас. Говорите.

— А о чём говорить, если вы не совсем довольны моим звонком?

— Кто сказал? Я понимаю, что вам некогда за мной ухаживать. Но всё-таки...

— Это вы правильно понимаете.

— Так что приходите завтра в гости, часиков в восемь. Квартира 16, подъезд знаете. Устроит?

— Устроит.

— Пока.

Положив трубку, Владимир Васильевич вдруг обнаружил, что Людмила Петровна ни разу в разговоре с ним не назвала его по фамилии или имени-отчеству. — Ничего себе. А может она вообще приняла меня за другого человека? Ведь мой голос по телефону она никогда не слышала. Припрूसь, а там она не одна.

— Как это выяснить?

— Никак, только в результате очной явки.

— Ну, дела... Или она такая умная, или я такой лопух.

На следующий день Вавилов отпустил служебную машину и заказал на 7.30 вечера такси. Таксиста он попросил остановиться за несколько домов от дома Поляковой. Позвонил в дверь с номером 16, через минуту её открыли. На пороге в скромном будничном платье стояла она.

6.11

— Здравствуйте, Людмила Петровна.

— Здравствуйте, Владимир Васильевич. Проходите, пожалуйста.

— А я сегодня ходил и думал, может, вы меня вчера по телефону приняли за кого-то другого?

— У вас, оказывается, есть время думать о чём-то ещё, кроме работы.

— Конечно, есть, как у всех мужчин.

— Ну, не у всех, положим. А вообще вы плохо знаете женщин, уважаемый. У них есть внутренний контроль, который точно устанавливает нужный объект.

— Вы меня очень удивили!

— Пустяки. Вы что-нибудь примете для анестезии? Вино, водку?

— Если не возражаете, коньяк, который я принёс с собой.

— Это страховка от того, что вас могут отравить?

— Вы такая догадливая женщина, что становится страшно с вами разговаривать.

— Ничего, притрётесь.

И она стала громко хохотать, вынимая из серванта рюмочки для коньяка, кофейные чашечки, вазочку с конфетами. Повернувшись спиной к Вавилову, Людмила Петровна продолжала что-то, но уже другим голосом говорить.

— А что вы стоите? Можете садиться. Мужчины предпочитают сидеть, чем стоять, как говорил Черчилль.

— Это не всё, что говорил в этой фразе Черчилль.

— А что ещё?

— Они предпочитают лежать, чем сидеть.

— Это точно. А теперь, Людмила Петровна, расскажите немного о себе.

— А разве вы, пользуясь служебным положением, не получили обо мне исчерпывающую информацию из отдела кадров?

— Да вы что, смеётесь, что ли? Так засветиться? Ни в коем случае! — подхватил Владимир Васильевич шуточный тон разговора.

— Ну, так ничего особенного. Девичья фамилия Устищенко. Мой папа, когда я родилась, служил в Группе советских войск в Германии. Поэтому первые слова, которые я выучила, были из лозунгов и приказов воинской части: «Помни — враг подслушивает!», «Болтун — находка для врага».

— Замечательные слова. Я когда учился в институте, у нас был курс «Приборы связи». Откроешь крышку переговорного устройства, а там написаны эти же слова. Поэтому мы с вами изделия одного замеса — эпохи подслушивания и подглядывания.

— Может быть, может быть... Что ещё вас интересует, товарищ начальник?

— Пару слов про семью.

— В разводе. Сын одиннадцати лет в интернате.

— Ну, обо мне вы, наверное, всё знаете.

— Да уж...

6.12

С Людмилой Петровной Вавилов встречался не чаще одного раза в неделю. Перед этим накануне он звонил ей по городскому телефону и, не называя по имени, говорил какой-нибудь глупый текст:

— Здравствуйте, это морг?

— Да, а что вы хотите?

— Хочу завтра подвезти ещё один труп. Когда это можно сделать?

— Если вам удобно — часов в восемь.

— Утра или вечера?

— Лучше вечера.

— Хорошо. Договорились.

— До свидания.

Эти короткие разговоры приводили обоих в хорошее настроение. Но всё равно — их встречи были без душевной теплоты, какие-то искусственные и пресные. Сначала они сидели около часа за столом, пили коньяк и кофе. Беседовали на разные темы, никогда не касаясь работы. Потом Владимир Васильевич серьёзным тоном произносил традиционную фразу:

— С вашего позволения, я в душ.

— Нет уж, простите, сначала я.

Владимир Васильевич приезжал к Людмиле Петровне примерно на два часа и никогда не оставался ночевать. Но сегодня она почему-то очень на этом настаивала:

— Людмила Петровна, вы хотите, чтобы эта наша встреча была последней?

— Нет, не хочу. Но хочу услышать, почему?

— Хорошо, я постараюсь пояснить. Выход мужчины из чужого дома вечером можно всегда с чем-то связать. Но появление его на улице рано утром в чужом районе не поддаётся разумному объяснению.

— Просто я хотела, не торопясь, поговорить с вами кое о чём.

— О чём?

— Мне нужны деньги.

— Сколько?

— Рублей двести. У меня есть расходы, с которыми я не справляюсь.

— Хорошо, я вам дам эту сумму.

— Мне нужно, чтобы вы давали эти деньги каждый раз, когда будете приходить ко мне.

— Интересная постановка вопроса. Я подумаю.

— Подумайте.

— Ну, всё, я поехал. Мне ещё нужно кое-какие бумаги дома посмотреть. Вызовите мне, пожалуйста, такси.

6.13

Людмила Петровна готовила плохо и только тогда, когда приходил из интерната сын. Владимир Васильевич от её угощения всегда отказывался, ограничиваясь коньяком и кофе. Но разговоры с ней — умной, образованной, начитанной женщиной — были выше всяких похвал.

Иногда она ему рассказывала о своей прежней жизни, когда была замужем, иногда интересно и грамотно рассуждала об искусстве. Бывший муж Людмилы Петровны был известным в городе художником, но его картин на стенах квартиры не было. И тем не менее, однажды, неожиданно расчувствовавшись по какому-то поводу, она их Вавилону показала. Просто открыла дверь в подсобку и включила там яркий свет.

Картины не валялись в куче, а были аккуратно развешаны по её стенам. Попытка Владимира Васильевича поговорить с Людмилой Петровной на тему творчества бывшего мужа была почему-то ею сразу жёстко пресечена.

— Вы знаете, Владимир Васильевич, у меня такое впечатление от наших встреч, что я присутствую у вас на соещании, только с сексуальной повесткой дня.

— Интересная ассоциация. А что вам это наваяло, Людмила Петровна?

— Наша манера общения: называем друг друга на «вы» и даже иногда по имени-отчеству. И никаких лишних слов.

— Ничего в этом особенного не вижу. Вы меня называете по имени-отчеству и я вас также. Кстати, Александров и Орлова тоже обращались друг к другу на «вы» всю жизнь.

— Но я не Орлова, а вы не Александров.

— В отношении себя, пожалуй, соглашусь. Но в отношении вас смею возразить. С моей точки зрения, каждая женщина для отдельного мужчины Орлова.

— Опрометчивое заявление, Владимир Васильевич, но с интригующим подтекстом. Дело в том, что женщин, по определению, нельзя сравнивать между собой. Каждая из них играет, в зависимости от ситуации, своими гранями.

— Неужели? А у меня есть друг, который каждой женщине говорит одно и то же: «Ты или никто». И все его обожают.

— Глупость какая-то. Он женат, ваш друг?

— Нет, но очень хочет.

— Не похоже, чтобы он очень хотел. Мне кажется, он разлагающе на вас действует.

— Что вы говорите. И в чём это влияние заключается?

— Прежде всего, в отношении к женщине.

— А нельзя поконкретней?

— Можно. К каждой женщине, Владимир Васильевич, нужен исключительно индивидуальный подход и, естественно, разные слова. А вы и ко мне ходите, как на работу.

— В каком смысле?

— В прямом. Выпил, покурил и — в койку. Мы с вами нигде не бываем, ни с кем не встречаемся. Были бы вы женаты, эту ситуацию ещё можно было бы понять. А так...

— Вот такой я человек.

— Оставьте, ради бога, эту манеру подставляться, Владимир Васильевич. Просто вы относитесь ко мне как к сексуальному объекту и больше никак.

— А что, этого мало?

— Позвольте мне промолчать.

6.14

Владимир Васильевич пришёл к Людмиле Петровне в следующий раз, из-за чрезвычайной занятости, только через три недели.

— Я уже думала, что после нашего последнего разговора, вы ко мне больше не придёте?

— Ну почему же? Просто много дел и все неотложные. Что у вас новенького?

— Новенького? Вот вы пришли — молодой, деловой, нахальный. Весь в делах. На западе люди тоже задерживаются на работе, но за это получают дополнительные деньги. А у вас, Владимир Васильевич, какая-то нездоровая любовь к труду.

— Я вообще люблю жареную картошечку и оладушки.

— Это «из покушать». А вообще?

— А вообще, женщин и книги.

— В таком порядке?

— Да, в таком.

— Редко встречающееся сочетание, — с ироничной улыбкой заметила она.

— Ну почему редко? В моём окружении — это норма.

— К сожалению, вы меня в это окружение не спешите вводить.

— Всему своё время.

— Боюсь, моё время уже прошло.

— Почему вы так думаете?

— Дело в том, что новая женщина для мужчины — как новая игрушка для ребёнка. Он на первых порах не только ею любит, но и хочет кому-то обязательно показать, перед кем-то похвастаться.

— Всё правильно. И что из этого следует?

— А то, что время радостного обладания этой игрушкой у вас подходит к концу.

- Под игрушкой вы подразумеваете себя?
- К сожалению, да.
- У меня складывается такое впечатление, Людмила Петровна, что вы меня постоянно за что-то осуждаете. Поймите, уважаемая, мужчины все одинаковые — зарплаты у них разные.
- Очень оригинально. И в чём их одинаковость?
- В равнодушном отношении к женщине на определённом отрезке времени, а дальше — сплошная рутина.
- Это похвально.
- Конечно.
- Но, к сожалению, в наше время появились мужчины, которые вообще женщинам предпочитают мужчин.
- Они были всегда, уважаемая. Только раньше стыдно было в этом признаваться.
- А сейчас?
- А сейчас этим даже гордятся.
- И откуда, по вашему мнению, эти гордые мужчины берутся?
- Думаю, это в большей степени происходит от пресыщенности жизнью и разболтанности.
- И всё?
- Нет, не всё. Ещё от желания выделиться из общей массы.
- И что нужно обществу делать? Как на этих людей реагировать?
- Никак. Абсолютно равнодушно. Когда артист любого жанра видит, что публике номер не нравится, он его меняет на другой.
- А может, этих людей нужно лечить?
- Зачем? Пусть живут в своё удовольствие, но при одном условии.
- Каком, позвольте узнать?
- За свои деньги и на ограниченной территории, выкупленной у государства.

— Да, кстати, деньги, которые вы мне, большое спасибо, даёте, идут на содержание моего бывшего мужа, художника Полякова. Он без моей поддержки пропадёт.

— Я это предполагал, но не хотел вас по этому поводу ставить в неловкое положение.

— А почему сейчас решили задать этот вопрос?

— Убедился в вашей порядочности.

— Спасибо.

ЧАСТЬ 3

Глава 7. Звезда Героя

7.1

В первый же день после ноябрьских праздников, Владимир Петрович Щербаков методом, подсказанным дочерью, сразу нашёл четырёх человек, которые слышали, как Федорцов обозвал Рожанского. Сомнений никаких не осталось, что информация соответствует действительности, но требовалось подтверждение подследственного.

С самого утра Щербаков никак не мог оторваться от срочных дел, чтобы съездить в Новочеркасскую тюрьму и получить показания от Марка Рожанского. Это нужно было сделать обязательно сегодня, так как помощник секретаря горкома партии Филиппов подтвердил, что Рубцов его примет завтра в четырнадцать часов.

Сказав секретарю, что поехал на загородный объект, Щербаков в десять утра, помчался на служебной машине в Новочеркасск. Показав на проходной тюрьмы служебное удостоверение и не заходя к подполковнику Баранову, он

попросил дежурного отвести его в камеру подследственного Рожанского.

Марк сидел на голой сетке кровати и читал книгу.

— Почему не встаёте, когда в камеру кто-то входит?

— Не знал, что это положено делать. Ведь я ещё не осужденный.

— Вы являетесь подследственным, Рожанский. Осудить вас — это формальный акт, проводимый в рамках советского гражданского правосудия. Вам это понятно?

— Понятно, гражданин начальник.

— Вот, это другое дело. Теперь по какому поводу я к вам приехал? Да отложите, наконец, в сторону вашу книгу.

— Пожалуйста, если она вам мешает.

— Кстати, покажите, что вы читаете? «Овод»? Совсем не вовремя.

— А чем эта книга вам не нравится?

— Не то, что не нравится. Странно её видеть в руках человека, когда решается его судьба.

— Чья судьба? Моя? О чём вы говорите, гражданин начальник? Да любой уважающий себя человек в России сделал бы на моём месте то же самое.

— Ну, хоть вы передо мной, Рожанский, не геройствуйте! За умышленное убийство существует большой диапазон наказания, хотя мы сейчас уже знаем, как вас оскорбил Федорцов. Вам нужно взять хорошего адвоката.

— Каким образом? Вы же в курсе материального положения моей семьи.

— Догадываюсь. Но вы не знаете, что произошло за то время, пока вы здесь находитесь?

— Не знаю и знать не хочу. Так зачем вы, гражданин начальник, ко мне сегодня приехали?

— Во-первых, сообщить, что мы сейчас доподлинно знаем, как вас оскорбил Федорцов.

— Как?

- Жидяра.
- Правильно. Что ещё?
- А во-вторых, нужно, чтобы вы переписали признательное заявление, указав в нём ряд дополнительных обстоятельств.
- Не буду ничего переписывать.
- Почему?
- Потому что Федорцов честно выразил своё отношение ко мне как к еврею и гражданину в нашей стране. Другие думают точно так же, но молчат.
- Не спешите, Рожанский, с обобщающими выводами, не спешите. Хорошо подумайте.
- Нечего мне думать. Я всё сказал.

7.2

Безрезультатно съездив в Новочеркасск и вернувшись в управление, майор Щербаков стал обдумывать план за-втрашнего разговора с секретарём горкома партии Рубцовым. Помощник Филиппов предупредил майора, что на встречу отводится сорок минут.

— Маловато, — подумал про себя Щербаков. — Ну, хоть так.

— А в принципе, зачем мне нужен этот разговор? Что я хочу от Рубцова получить?

— Только одного — чтобы тот не требовал максимального срока наказания для Рожанского. Телефонное право ещё никто не отменял.

— А почему он должен это требовать?

— Да для того, чтобы убрать его имя из памяти своей дочери до конца её дней. Ведь не просто так она осталась рядом с трупом Федорцова до приезда милиции?

— Она была в шоке, страшно перепугана и потому не имела сил убежать с места преступления.

— Да нет, уважаемый, я её видел через считанные минуты после убийства. Она никак не производила впечатления человека в прединфарктном состоянии.

— Но ты же не знаешь, о чём с ней беседовал папа в последние дни перед убийством?

— Не знаю, но из практики мне известно, что такие воспитанные и интеллигентные девушки принимают решения, как правило, вопреки мнению своего папы.

— А мотив? Какой у неё должен быть мотив?

— Мотив простой. Она в этот вечер увидела в Рожанском сильного взрослого мужчину, знающего, что такое достоинство и честь. Умеющего за себя и за девушку постоять. Это могло сразу всё перевернуть в её сознании.

— А если этот вариант в разговоре с Рубцовым не проходит?

— Тогда я предложу ему другой.

— Какой?

— Фамилия Рубцова нигде ни в каких документах не будет звучать — всё-таки секретарь горкома партии.

— Думаю, для него этого будет мало.

— Почему мало? Уберём из всех протокольных документов упоминание о нём и его дочери.

— Каким образом ты это собираешься сделаешь?

— Руками беспринципного помощника Филиппова, которому Рубцов должен поручить сделать всю эту грязную работу.

7.3

Перед разговором со следователем Щербаковым, секретарь горкома партии Рубцов решил после ужина ещё раз поговорить с дочерью.

— Присядь, пожалуйста, Даша, — предложил он ей. — Хочу с тобой посоветоваться.

— О чём, папа?

— На завтра я назначил встречу со следователем Щербаковым по делу убийства Федорцова. Он считает, раз Федорцов бывал у нас дома, то я может быть обладаю дополнительной информацией.

— Ну, ты же с ним никогда не беседовал: «Здравствуйте! — Здравствуйте». И всё.

— Не совсем так, дочь. За день до убийства, Федорцов подошёл ко мне на улице, когда я возвращался с работы.

— Что ты говоришь? А почему мне об этом не рассказывал?

— Считаю пустым разговором, не заслуживающим твоего внимания.

— И о чём был разговор?

— Он мне сказал, что вы поссорились, а он как раз решил сделать тебе предложение.

— Очень интересно.

— Представь себе, но это не всё. Он ещё сказал, что ты переключила своё внимание на какого-то парня с еврейской фамилией, у которого отец отбывал в Норильском лагере двадцать пять лет каторги.

— Да. Это Марк, который убил Валерия. Он чистосердечно признался в этом и сейчас находится в тюрьме.

— А тебе известно, за что этот Марк убил Валерия?

— Сейчас знаю. Об этом весь институт говорит.

— И за что?

— Он его оскорбил.

— Как оскорбил? Что ты, дочь, цедишь по одному слову в час. Я спрашиваю, как оскорбил? — повысил голос Рубцов.

— Обозвал его жидярой.

— И всё? За это он убил молодого, начинающего только жить, парня?

Даша молчала, опустив глаза. Ей было неприятно обсуждать эту тему с отцом, тем более что она была, как ни

странно, на стороне Марка. Но папа так кричал, подогревая сам себя, что Даша быстро закрыла ладонями уши. А когда их открыла, услышала последнюю папину фразу.

— Я постараюсь, чтобы он получил как можно больший срок заключения и сгнил в тюрьме.

— Зачем это тебе надо? Что он тебе плохого сделал?

— Ты спрашиваешь, что сделал? Да прежде всего то, что у меня появилась перспектива иметь внуков с отчеством «Маркович».

— Папа, до этого ещё очень далеко. Это пустые разговоры. Сейчас я хочу тебя попросить помочь получить пропуск на свидание с Марком.

Рубцов, покраснев как рак, заорал на всю квартиру:

— Что? Что ты сказала? А ну пошла вон, шалава ростовская! Чтобы я тебя вообще больше никогда, поняла, никогда, даже в мыслях, не видел рядом с этим убийцей!

И хотя Даша ушла сразу в свою комнату и закрылась на ключ, Рубцов долго орал на весь дом, несмотря на уговоры жены прекратить истерику.

7.4

Услышав голос сына, которым он произнёс страшную информацию о прокуратуре, Вера вошла в ступор. Это тупое, депрессивное состояние у неё уже было, когда в 1939 году на её глазах, били при аресте отца. А потом всего в крови, разорванных штанах и в одном сапоге, тащили со второго этажа на улицу, чтобы погрузить в спецмашину. Тогда Вера ничего не могла с собой сделать, хотя слышала, как истощенным голосом кричала мама и лезла в окно, так как дверь эти люди за собой закрыли. Она не знала, в какую сторону бежать: отбивать папу или спасти маму. Вера была обездвижена.

На следующий день она куда-то вообще провалилась и пролежала без сознания шестнадцать дней. Мама потом говорила, что только благодаря её коматозному состоянию, она пережила арест папы. А когда они уже жили в Норильске и им сообщили, что в особом каторжном лагере для высшего военного и политического руководства прибалтийских государств скончался папа, ситуация с комой у Веры повторилась, но на более короткий, всего четырёхдневный период.

Звонок сына поздно ночью снова ввергнул Веру в болезненную протрацию, которой она много лет страдала. А после произнесённого Марком слова «прокуратура», которое ассоциировалось у нее с «комендатурой», Вера дальше ничего не помнила. Дрожащими руками она положила телефонную трубку на рычаг и, не понимая, что случилось, снова легла на диван.

Вера лежала уже третий день, без связи с кем-то живым во всём мире, когда раздался звонок в дверь. Она долго соображала, что это может быть, но звонок повторился. Вера с большим трудом сползла с дивана и, подойдя к двери, почти шёпотом спросила:

— Кто там?

— Это Даша. Я была у вас, когда к вам приезжали гости из Норильска. Вы откройте дверь, пожалуйста, и сразу меня узнаете.

Вера сняла цепочку и повернула два раза ключом. Она вспомнила эту девочку, на которую весь вечер с обожанием смотрел Марк.

— Извините, что вас побеспокоила, — робко начала Даша, — но я подумала, что вы ничего не знаете о случившемся с Марком и нужно вам об этом сообщить.

— Я, в самом деле, ничего не знаю. Марк позвонил и сказал, что находится в прокуратуре. Назвал чью-то фамилию для связи. Я болею и поэтому ничего не помню.

- Вспомните, пожалуйста, что ещё сказал Марк?
- Он сказал, что мне нужно связаться с Норильском.
- Вы связались?
- Нет, конечно. Я не понимаю, зачем связываться?

Вера проверила, как закрыта входная дверь и мелкими старческими шажками снова направилась к дивану.

7.5

Накрыв маму Марка пледом, Даша пыталась вспомнить её отчество, В каком-то советском военном фильме она его слышала. Но это было сейчас не самое главное. По всей видимости, женщина уже несколько дней ничего не ела.

— Вы позволите мне немножко похозяйничать на кухне? — спросила Даша у Веры.

— Делай, деточка, что хочешь. Я устала и немного посплю.

— Конечно, поспите, я сама со всем справлюсь.

«Как же отчество Веры, как её отчество? — мучительно думала Даша. — Без этого никак нельзя, а спросить неудобно».

На кухне был полный порядок: в нижнем отделении настенного шкафа стояли банки с крупами, а в верхнем, размером поменьше, были собраны специи. В отдельном ящичке находились самые необходимые лекарства. Быстро приготовив рисовую кашу на воде и добавив в кастрюльку для вкуса немного сахара, Даша обернула кастрюльку большим полотенцем, чтобы не остыла, пока Вера спит. В маленьком чайнике она заварила мяту и поджарила на сковородке несколько кусочков чёрного хлеба. Всему этому Даша научилась в детстве, так как часто оставалась вместе с братом дома одна: папа был занят с утра и до вечера партийными делами, а мама работала учительницей биологии в школе.

И тут она вспомнила отчество мамы Марка — Юстусовна. Да, конечно, оно связано с фильмом «Семнадцать мгновений весны». Это имя фигурировало в переписке Штирлица-Тихонова со своим резидентом.

Через час Даша разбудила Веру:

— Просыпайтесь, пожалуйста. Надо немножко покушать, пока всё горячее. Вы должны быть здоровой, когда вернётся домой Марк.

— Только, я тебя прошу, немного. Мне что-то кушать совсем не хочется.

— Не важно: хочется — не хочется. Кушать надо. Аппетит приходит и уходит во время еды.

Покормив Веру Юстусовну и помыв посуду, Даша вернулась к последнему разговору Марка с мамой.

— Скажите, Вера Юстусовна, кого Марк имел в виду, когда просил вас связаться с Норильском по телефону?

— Конечно, Калмыкова. Ты помнишь этого энергичного мужчину? Он был у нас на вечере памяти моего мужа.

— Помню, конечно. А почему именно его?

— Потому что он был, во-первых, близким другом Исаака Марковича, когда они были в лагере, а во-вторых, является генеральным директором самого крупного предприятия в Норильске. Депутат Верховного совета СССР. Но мне нужно найти номер его телефона.

— Как я могу вам помочь?

— Он есть, деточка, в телефонной книжке. Поищи книжку необычной прямоугольной формы коричневого цвета. Нашла?

— Да, нашла.

— Теперь открой её на букву «К». Калмыков Владимир Дмитриевич.

— Открыла.

— Набирай все цифры, как они записаны в книжке. Тебе ответит женщина — это его секретарь.

- Ответила.
- Алло, алло... — раздалось в трубке.
- Минуточку, — ответила Даша.
- Теперь ты ей скажи, что звонишь по поручению Веры Рожанской и попроси, чтобы Владимир Дмитриевич срочно перезвонил мне в Ростов. Тебе понятно?
- Понятно. Сейчас скажу.

7.6

Калмыков перезвонил через сорок минут. Трубку взяла Даша.

- Алло, я вас слушаю.
- Верочка, это ты? Что-то я не узнаю твой голос?
- Нет, это Даша. Сокурсница Марка.
- А где же Вера? Мне секретарь сказала, чтобы я ей срочно перезвонил.
- Всё правильно. С вашим секретарём говорила я. Вера Юстусовна очень плохо себя чувствует и говорить по телефону не может. Дело в том, что у нас большое несчастье. Марк убил своего сокурсника и сейчас находится в тюрьме. Вера Юстусовна не знает, что делать.
- Как убил? Случайно?
- Не знаю. Это произошло на институтском вечере. При большом числе свидетелей.
- Ничего не понял. Я сейчас в санатории в Сочи. Завтра приеду.
- Владимир Дмитриевич, не теряя дорогого времени, сразу набрал по телефону директора санатория:
  - Сергей Иванович? Калмыков.
  - Здравствуйтесь, Владимир Дмитриевич. Чем обязан?
  - Мне нужно быть завтра в Ростове. Какие есть варианты?

— Вариантов два. Первый — на моём джипе. Доедете часов за восемь-девять. Расул быстро водит машину. Но могут быть пробки, особенно на прибрежной трассе.

— А второй?

— Второй — на самолёте. Час до Адлера и три часа (вместе с залом ожидания) до Ростова. Правда, вам придётся повесить на грудь свою звёздочку. Сами понимаете, Владимир Дмитриевич, бархатный сезон — билетов нет ни туда, ни оттуда.

Звезду Героя социалистического труда Калмыков, как правило, надевал только на официальные мероприятия, но во все поездки в орденскую коробочку клал дубликат — а вдруг понадобится? Для изготовления дубликата он получил специальное разрешение из канцелярии секретариата Президиума Верховного совета СССР и обязан был это разрешение, в случае необходимости, предъявлять соответствующим органам.

В Ростовском аэропорту Калмыкова встречала обкомовская машина. Информация попала в обком партии, когда регистрировали его билет на самолёт. Приезд в Ростов по частному вопросу одного из руководителей Норильского комбината был не рядовым событием для обкома партии, хотя истинной причины его приезда не знал никто. Но, в любом случае, его встречали.

Когда Калмыков спустился с трапа, к нему сразу подошёл симпатичный молодой человек:

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич. Рад приветствовать вас — референт секретаря обкома партии Гусев Павел Александрович. Что же вы нас заранее не предупредили о приезде. Надолго к нам?

— Я по частному вопросу. Поэтому не знаю, насколько.

— В любом случае, товарищ Воробьёв приглашает вас к себе. Вот моя визитка — позвоните, пожалуйста, и мы согласуем время. А сейчас вас отвезут по адресу, который вы укажете.

- Спасибо, Павел Александрович.
- Жду вашего звонка.
- Обязательно.

7.7

Получив ключ от номера в гостинице «Центральная», Калмыков сразу набрал номер Веры. Ему ответила та же девушка, с которой он говорил вчера.

- Слушаю вас.
- Вы Даша?
- Да, Даша.
- Здравствуйте. Это Владимир Дмитриевич.
- Ой, вы уже в Ростове? Спасибо вам.
- Могу я к вам сейчас подъехать?
- Конечно. Правда, Вера Юстусовна не здорова и лежит, но говорить она может.

— Хорошо. Буду через полчаса. Адрес знаю.

Дверь открыла приятная девушка, которая, буквально несколько недель назад, мило всем улыбалась, сидя между Марком и своим приятелем. Но на Веру страшно было смотреть: глубокая старуха с трясущимися руками и блуждающим взором.

— Что, Верочка, случилось? Какие проблемы? Я тебя очень прошу: успокойся. Всё в этой жизни решаемо. Я с тобой.

— Володя, Марк в тюрьме. Он убил своего товарища, с которым, если помнишь, был у нас в гостях.

Владимир Дмитриевич помнил этого парня: зелёное лицо и злые глаза, в то время как Марк светился счастливой улыбкой.

— Верочка, ты мне рассказала конец истории, а мне нужно услышать её с самого начала.

— Это всё тебе расскажет Даша.

Чтобы разрядить сложившуюся мрачную ситуацию, Калмыков пошутил:

— Слушайте, уважаемые дамы, в чём дело? Человек после тяжёлой дороги, уставший, голодный. Его нужно накормить, напоить, а потом серьёзные разговоры с ним вести.

Такие слова для женщины в любом состоянии — приказ к действию. Вера и Даша сразу поднялись и направились на кухню.

— Ну что вы обе уходите? Ты, Верочка, посиди со мной, а молодая девушка нас обслужит.

— Но она не знает, что где лежит?

— Ничего, разберётся.

Эти слова Владимир Дмитриевич не просто так сказал, а для того чтобы услышать подробный рассказ об убийстве человека сыном его близких друзей из уст Веры и Даши по отдельности. Он прекрасно сознавал трагичность события, физическое и моральное состояние Веры, лишившейся, неизвестно на какое время, опоры семьи, а также морально размытое положение девушки Даши, проживающей в настоящее время в семье убийцы. Но Калмыков приехал не утешать и высказывать слова соболезнования. Он приехал совсем по другому поводу — быстро решить возникшие вопросы.

7.8

Выслушав мрачный рассказ Веры об убийстве Федорцова и не совсем понятные дополнения Даши, Владимир Дмитриевич неожиданно спросил:

— А скажите, хозяйшки, в этом доме есть бутылка водки?

— Обижает, Володя. Ну, в каком русском доме нет, на всякий случай, бутылки? Она, родимая, служит для разных

надобностей: вылечить и согреть, утешить и вдохновить, поддержать и наставить.

— Вот. Я никогда в тебе, Вера, не сомневался. Если бы Исаак на тебе не женился, то это бы сделал я. В общем, заряжай...

— Так к водке другая закуска нужна, чем к чаю? — вопросительно заметила Даша.

— Ну, так в чём дело? Несите, — сказал Калмыков.

Через несколько минут на столе появились селёdochка, солёная капуста, нарезанное тонкими ломтиками сало, солёные огурчики, баночка хрена и чёрный хлеб.

— Может, ещё картошечку отварить? — предложила Вера.

— Картошечку в следующий раз. Сегодня дел очень много.

Встав из-за стола, Калмыков собрался что-то сказать.

— Да ты сиди, Володя, а то нам смотреть на тебя, задрать голову, тяжело, — попросила Вера.

— Хорошо, Верочка, я могу и сидя. Ну, так вот. Почему я предложил вам выпить водки вместо чая? Потому что не вижу в этом инциденте, а иначе его назвать нельзя, повода для печали. Твой сын, Вера, и ваш друг, Даша, честный, порядочный человек — достойный продолжатель дела своего отца. Исаак никогда и никому в жизни не прощал обид, а тем более оскорблений. Недаром у него в каторжном норильском лагере была кличка «Офицер», а не какое — нибудь позорное погоняло. Он был для всех политических заключённых в мрачные сталинские времена правофланговым, примером соблюдения чести и достоинства. А тем более во всём, что касалось самых дорогих для каждого из нас людей — отца и матери.

Владимир Дмитриевич сделал тяжёлую паузу, как будто вспоминал о чём-то дорогом — может быть о своих родителях, а потом продолжил.

— Я приехал в Ростов, надев Золотую Звезду Героя, не для того чтобы покрасоваться перед местным начальством, а для того, чтобы выступить гарантом справедливого следствия в отношении Марка, отец которого похоронен здесь, на аллее Славы.

— Спасибо тебе, Володя. Спасибо, дорогой! — запричитала Вера, но Калмыков продолжил.

— Сегодня у меня должна состояться незапланированная встреча с первым секретарём Ростовского обкома партии, на которой хочу попросить его лично проконтролировать ход исполнения закона, связанного с неприкосновенностью национальных прав советского человека. Кроме того, постараюсь получить разрешение на свидание с Марком, чтобы поддержать в нём бойцовский дух. Так как Марк вырос у меня на глазах, то я тоже за него в ответе. А сейчас, дорогие мои, предлагаю чокнуться стаканами за Марка и пожелать ему мужества и стойкости.

Когда Владимир Дмитриевич собрался уходить, к нему подошла Даша и почти на ухо сказала:

— Если поедете к Марку, возьмите меня с собой. Я вас очень прошу.

7.9

Первый секретарь Ростовского обкома партии Сергей Иванович Воробьёв, умный интеллигентный человек, многие годы проработавший в разных вузах Советского Союза, имел учёную степень кандидата технических наук. Он был хорошо осведомлён, кто такой Владимир Дмитриевич Калмыков и какую роль играет в руководстве северным промышленным гигантом. На прошедшем пленуме ЦК КПСС, где выступал Калмыков, отдельно обсуждались задачи, стоящие перед Норильским горно-металлургическим комбинатом, и его роль в дальнейшем развитии страны.

Увидев входящего в кабинет Калмыкова, Воробьёв встал из-за стола и пошёл с улыбкой ему навстречу.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич, рад вас видеть! Вроде недавно встречались в Москве, а уже год прошёл. Что вас привело в столицу Северного Кавказа?

— Решил со старыми друзьями повидаться. Беда у них большая.

— Какая же такая беда, что вы прервали лечение в Сочи и срочно прилетели в Ростов?

— Сына моего друга арестовали за убийство сокурсника. Хороший парень, мастер спорта СССР, чемпион Норильска по боксу. Мы с его отцом в одном лагерном бараке сидели. Он был мне больше, чем друг. Я обязан помочь этой семье — одна мать и младший брат. Отец умер десять лет назад и похоронен в Ростове на Аллее Славы.

— Понятно. Как фамилия парня?

— Рожанский Марк Исаакович, 1956 года рождения. Был студентом выпускного курса Ростовского инженерно-строительного института.

— Сейчас всё выясним.

Сергей Иванович нажал кнопку внутренней связи обкома.

— Николай Николаевич, подготовьте, пожалуйста, справочку на Рожанского Марка Исааковича, 1956 года рождения. Был студентом пятого курса РИСИ. Обвиняется в убийстве своего однокурсника.

— Когда совершено преступление? — спросил секретарь обкома.

— Пятого ноября этого года, — подсказал Калмыков. — Вы слышали, Николай Николаевич? Всё. Я жду.

В наступившей паузе неожиданно прозвучал, не относящийся к теме разговора, вопрос Воробьёва.

— А скажите, Владимир Дмитриевич, как вы там, на Крайнем Севере, выходите из положения с фруктами и овощами?

— Хороший вопрос, Сергей Иванович. Один из важнейших для нас.

— Я не сомневался. Слушаю ответ.

— Затариваемся в навигацию на складах, а потом в течение года этим пользуемся. Хранение фруктов и овощей проводится по науке, со строгим соблюдением соответствующих инструкций. Правда, есть у нас и самолётный груз — яйца и скоропортящиеся продукты, но это уже другая позиция.

— А не рассматривали вы, Владимир Дмитриевич, возможность иметь своё подсобное хозяйство в южных районах страны? Чтобы всё было свежим, а не замороженным? Например, в Ростовской области?

Но тут раздался телефонный звонок. Звонил помощник секретаря обкома. Воробьёв его внимательно выслушал и, без дополнительных вопросов, положил трубку.

— Плохие новости, Владимир Дмитриевич. Сегодня ночью Рожанского забрали в распоряжение Особого специального управления КГБ под командованием полковника Скворцова. Это управление напрямую подчиняется Министру. Так что ваше свидание с Рожанским откладывается на неопределённый срок.

— Вы меня очень огорчили, Сергей Иванович

— Я понимаю. Нужно иметь очень вескую причину, чтобы вместо Мацесты приехать в Ростов. Ладно, постараемся решить вопрос другим путём.

Воробьёв ещё раз поднял трубку внутреннего телефона:

— Николай Николаевич, соедините меня, пожалуйста, с полковником Скворцовым.

В трубке раздался голос:

— Слушаю, подполковник Вавилов. Полковника Скворцова нет на месте.

— Здравствуйте, товарищ подполковник. Обком партии. Воробьёв.

— Здравия желаю, товарищ первый секретарь обкома партии.

— Скажите, пожалуйста, задержанный Рожанский в настоящее время находится в вашем управлении?

— Так точно, товарищ первый секретарь обкома партии.

— Передайте полковнику Скворцову мою просьбу — разрешить задержанному Рожанскому встречу с одним из руководителей Норильского комбината, Героем социалистического труда Калмыковым Владимиром Дмитриевичем. Он сейчас приедет к вам в управление на моей машине.

— Есть, товарищ первый секретарь обкома партии.

— Спасибо.

Воробьёв положил телефонную трубку, поднялся со своего кресла и, прощаясь, протянул Калмыкову руку.

— Но вы, всё-таки, Владимир Дмитриевич, подумайте над моим предложением о создании подсобного хозяйства в Ростовской области. По-моему, весьма перспективная идея.

— Обязательно подумаем, Сергей Иванович. Спасибо за внимание и поддержку.

— Всего хорошего.

7.10

На выходе из здания обкома партии к Калмыкову подошёл небольшого роста мужчина в штатском:

— Старший лейтенант Коробов. Приказано отвезти вас в Особое управление Комитета государственной безопасности.

— Раз приказано — значит везите.

На проходной Особого управления Калмыкова встречал подполковник Вавилов.

— Здравствуйте, товарищ Калмыков.

— Здравствуйте, товарищ подполковник.
— Сколько вам требуется времени для свидания с арестованным Рожанским?
— Думаю, одного часа хватит.

— И ещё вопрос: арестованного доставить на этаж или вы спуститесь в помещение СИЗО?
— Как положено, так и делайте.

— Хорошо, товарищ Калмыков. Вас проводят.
Марк уже находился в комнате для свиданий, когда сопровождающий открыл дверь перед Калмыковым.

— Ну, здравствуй, мой дорогой. — Владимир Дмитриевич крепко обнял Марка и не отпустил.

— Я, к сожалению, без передачи. Мне дали разрешение увидеться с тобой в последний момент. Правда, Вера узнает, что я был у тебя и ничего не привёз, будет очень расстроена.

— А как вам вообще разрешили свидание со мной? — спросил с горящими глазами Марк.

— Это не мне разрешили. Это Норильский комбинат уважили.

— Всё равно спасибо, что пришли.

— Ладно, Марк, рассказывай, что произошло.

В общих чертах Владимир Дмитриевич уже всё знал, но он очень хотел послушать самого Марка и продемонстрировать ему, что тот не одинок.

— С моей точки зрения, — подвёл итог Калмыков, — ты всё правильно сделал. Отец тоже бы одобрил твой поступок, хотя убивать этого мерзавца, может, и не стоило. Ты лучше скажи: как с тобой здесь обращаются?

— Нормально, только вот переодеться не во что.

— Это мы исправим. Маме дадут свидание, и она принесёт всё необходимое — благо у меня некоторый опыт сидеть в тюрьме есть.

И они дружно рассмеялись.

— Владимир Дмитриевич, у меня к вам только одна просьба — не бросайте маму! На ней ещё этот оболтус висит.

— Какой оболтус?

— Витас, мой брат.

— Это я помню. Вера будет продолжать получать пенсию за мужа при наличии несовершеннолетних детей. Ты скажи, Марк, спортом продолжаешь заниматься?

— Нет условий. Только подтягиваюсь в камере на трубе.

— Это хорошо. Продолжай поддерживать форму.

— Обязательно. А что мне светит, Владимир Дмитриевич?

— Не думай об этом, сынок. Всё равно ничего хорошего не придёт на ум.

— Ну, всё-таки?

— Я тут поговорил на ходу кое с кем: за чистосердечное признание в убийстве, совершенное в состоянии аффекта — срок небольшой. Единственное, в чём могут упрекнуть: ввёл в заблуждение следствие и не сказал, как убитый тебя оскорбил. Прокуратуре пришлось искать свидетелей, проводить следственный эксперимент, даже привлекать в качестве экспертов специализированных врачей.

— Да мне было неудобно об этом говорить.

— Ничего себе. Тебя прилюдно, в присутствии девушки, к которой ты равнодушен, обозвали, а тебе неудобно! Кому в этой ситуации нужны твоё благородство и порядочность?

— Мне нужно, Владимир Дмитриевич. Мне. Папа говорил, что самое дорогое в жизни человека — это репутация. Её нельзя терять ни при каких обстоятельствах.

— Ну, ладно, Марк, давай прощаться. Не сомневайся — сделаем всё, что от нас будет зависеть.

Владимир Дмитриевич был доволен: сделал самое главное — сумел встретиться с Марком. Это будет заряд парню на долгие годы.

Про Дашу он решил Марку ничего не рассказывать — сегодня она, как свидетельница преступления, очень переживает за него, а завтра её настроение может измениться.

7.11

Дорожная милиция отдавала честь на дороге машине первого секретаря обкома партии. Даже на светофорах не останавливала. Доехали так быстро, что Владимир Дмитриевич не успел до конца продумать информацию для Веры. Но как ни странно, Вера прореагировала на рассказ Калмыкова достаточно спокойно. А когда услышала, что сына перевели из Новочеркасска в Ростов, и скоро ей дадут свидание, совсем успокоилась. Совершенно иначе восприняла ситуацию Даша.

— Вы же обещали, Владимир Дмитриевич, что возьмёте меня с собой?

— Извини, Даша, не было никакой возможности заехать за тобой. Вопрос с разрешением о встрече решился буквально за пять минут. Ну, какая беда — поедешь с Верой.

— На каком основании меня пропустят к Марку с Верой Юстусовной? С вами, Героем труда, — да, а с мамой Верой, думаю, что нет.

Разрыдавшись, Даша ушла в другую комнату и, пока не уехал Владимир Дмитриевич, оттуда не выходила. С ней случилась настоящая истерика, которую прекратить сама не могла. Всё плохо: после скандала с папой ушла из дома, парня, который ей очень дорог, увидеть не удалось. И ещё её предупредили, что находится под подпиской о невыезде, к оформлению которой, без сомнения, приложили руку

родители. Даше казалось, что она осталась в этом жестоком мире совсем одна и помощи ей ждать, несмотря на обещания Калмыкова, неоткуда.

Но Владимир Дмитриевич, после свидания с Марком, думал сейчас о другом. Из собственного опыта общения с советской тюремной системой, знал, что если у нескольких инстанций возникает к любому делу интерес, то его рассмотрение может затянуться неизвестно на сколько. А в случае с Марком оказались по разным причинам причастны:

- городская прокуратура, ей первой попало в руки резонансное дело об убийстве, и не удержала его;
- специальное управление Комитета государственной безопасности, забравшее дело в своё производство;
- городской комитет партии, вторым секретарём которого является отец Даши.

Было над чем, не на ходу, подумать, но сейчас Калмыков спешил в аэропорт. По номеру телефона на визитке, оставленной помощником секретаря обкома партии, вызвал машину. Потом подошёл к дивану, на котором лежала Вера, и, сев на корточки, сказал:

— Верочка, я уезжаю. Не волнуйся, всё будет хорошо. С первым секретарём обкома партии я переговорил. Он дело Марка поставил на контроль, а это очень серьёзно. И ещё. Все свои шаги ты должна согласовывать с ростовским адвокатом. Вот его телефон. Ты не вставай — я сам закрою дверь.

Владимир Дмитриевич расцеловался с Верой, потом постучал в дверь комнаты, где находилась плачущая Даша, и в приоткрывшуюся щель прошептал:

— Девочка моя, не надо обижаться. Ты очень красивая, и у тебя в жизни всё получится. Пока.

В кассе бронирования полётов получил оставленный на его имя билет и улетел в Адлер.

7.12

На следующее утро, уже из номера санатория, Калмыков связался со своим юристом в Норильске:

— Сергей Петрович, добрый день. Калмыков. Как дела, все живы — здоровы?

— Да всё в порядке, Владимир Дмитриевич.

— Тогда слушай меня внимательно. Я вчера на один день вылетал в Ростов пообщаться с Верой Рожанской и её сыном Марком. Марк находится в следственном изоляторе, но мне удалось с ним поговорить. Он убил своего сокурсника.

— Как убил? Случайно?

— Нет, умышленно. Он уже дал признательные показания.

— Так. Слушаю внимательно.

— У меня к тебе, Сергей Петрович, вопрос. Когда ты был вместе со мной в Ростове на похоронах Исаака Марковича, у тебя после этого остались какие-то связи в адвокатской среде?

— Обижаете, Владимир Дмитриевич! Что же я за адвокат, если концы обрубая? Тем более в Ростове.

— Понятно. Тогда тебе срочное задание — найди хорошего защитника в Ростове, и пусть он по своим каналам соберёт всю информацию по делу Рожанского Марка Исааковича, 1956 года рождения, уроженца города Норильска, бывшего студента пятого курса Ростовского инженерно-строительного института. Скажи ему, что не обидим. Ну, сам понимаешь. Я тебе через два дня позвоню. Особо с будущим защитником по телефону не откровенничай.

— А с Верой Юстусовной можно поговорить, если будет такая необходимость?

— Можно, но она в скверном состоянии. Там за ней ухаживает девочка Даша. С ней вообще ничего обсуждать не следует.

— Почему?

— Во-первых, она по многим вопросам не в курсе, а во-вторых, влюблена в Марка. Если о чём-то серьёзном захочешь посоветоваться, звони мне по этому номеру в санаторий. Я ещё буду в Сочи восемь дней.

Через два дня Калмыков снова позвонил своему юристу в Норильск.

— Ну что, Сергей Петрович, как дела?

— Всё нормально. Нашёл толкового защитника, по рекомендации своих знакомых. Это Погосян Артур Гургенович — член Ростовской коллегии адвокатов.

— Очень хорошо, что армянин.

— Почему?

— Глубже понимает национальную подоплёку убийства, совершённого Марком Рожанским.

— Рекомендующие сказали, что этот Погосян — очень въедливый и напористый мужик. Уже два раза мне звонил в Норильск по телефону. Спрашивал, пробивать Марку свидание с мамой или не надо?

— Думаю, что не стоит. Кроме слёз, никакого результата от этого не будет. А вот передачу организовать ему надо.

— Вообще, Погосян сказал, что дело Рожанского простое и понятное, но какое-то искусственно мутное.

— Почему мутное?

— Уж больно много вокруг него интересантов.

— Это мы знаем. Что ещё сказал адвокат?

— Попросил выслать в его адрес школьную характеристику на Марка и ходатайство спортивного общества, где он много лет тренировался. С указанием всех его спортивных достижений.

7.13

На следующий день после отъезда Владимира Дмитриевича Даша вернулась домой. Своим уходом она показала родителям, что уже взрослый человек, способный делать неординарные поступки и имеющий свой взгляд на жизненные ситуации. Мама шумно хлопотала на кухне и делала вид, что её не очень расстроило отсутствие несколько дней дочери. Папа, придя с работы, сразу прошёл в свой кабинет.

— Даша, ты сегодня в институте была?

— Нет, мама. С моим настроением ничего в голову не идёт.

— Понимаю, дочечка, понимаю. Звонили из деканата и интересовались, как твоё самочувствие?

— С какой стати они так озаботились?

— Дело в том, что приехали из Воронежа родители покойного Валерия и хотят с тобой встретиться.

— Ну, это мне совсем ни к чему. И что ты им, мама, ответила?

— Сказала, что передам информацию тебе.

— Хорошо. Зайду в деканат.

— А ещё звонила твоя приятельница Вика. Сказала, что у неё много разных новостей.

— Спасибо.

После короткого, на нервах, разговора с мамой, Даша ушла в свою комнату.

— О чём могут со мной говорить родители Валерия? Что их может, кроме факта смерти сына, интересовать? Чем я могу их утешить, когда чувствую в своей душе страшную пустоту?

— Так нельзя, Даша. Они живые люди, потерявшие единственного сына.

— А что мне делать?

— Даже не знаю, что сказать.

Даша почувствовала лёгкий озноб. Она достала из шкафа большой вязаный шарф, обмоталась с ног до головы и села с ногами в кресло.

— Основных тем для разговора между мной и родителями Валерия может быть две: не считает ли она себя виноватой в его смерти и не беременна ли?

— И по одной теме и по другой — ответ отрицательный.

— А какие у них могут быть дальнейшие действия?

— Даже не представляю. Это не моё дело.

На следующий день, в середине второй пары, Дашу вызвали в деканат. Тихо постучав в дверь кабинета декана, она услышала:

— Входите.

За большим столом сидели друг против друга декан факультета профессор Чародеев и незнакомый ей худощавый мужчина.

— Присаживайтесь, Рубцова.

Даша робко присела на стоящий у входа в кабинет стул. Декан очень немногословно представил их друг другу:

— Студентка пятого курса Дарья Рубцова. А это папа покойного Валерия Федорцова — Станислав Петрович. Я вас, уважаемые, оставлю для разговора, а когда закончите — скажите секретарю. Она меня сразу найдёт.

Когда за деканом закрылась дверь, Станислав Петрович вынул носовой платок и провёл им по глазам.

— Скажите, Дарья, мой сын когда-нибудь делал вам официальное предложение выйти за него замуж?

— Нет, не делал.

— Даже не намекал?

— Я вас не понимаю, Станислав Петрович. Какие в таком серьёзном вопросе могут быть намёки?

— Дело в том, что когда он был у нас летом на каникулах, он много о вас говорил и часто звонил по телефону.

- Ну, мало ли куда можно звонить?
- Однажды я у него спросил: кому ты звонишь? Он мне ответил: невесте в Ростов. Звать её Даша, замечательная девушка. Но она не отвечает.
- Правильно. Он мне несколько раз звонил, когда я с родителями была на даче.
- А дальше?
- А дальше Валерий что-то заподозрил и попросил своего товарища Марка прийти ко мне домой и всё проверить.
- Это тот Марк, который убил моего сына?
- Да
- Понятно. И ещё Валерий нам сказал, что приедет вместе с вами на октябрьские праздники.
- Нет, о поездке он мне ничего не говорил. Правда, накануне праздников мы немного поссорились, но это к делу не относится.
- Ну как же не относится? Ещё как относится! Всё это в совокупности и привело к трагедии с моим сыном.
- Я так не думаю.
- Что же вы замолчали, Даша?
- А что я могу вам сказать, Станислав Петрович? Всё, что знала, рассказала следователю Щербакову.
- А мне, значит, рассказывать не хотите?
- Извините, у меня больше нет сил говорить на эту тему. Можно, я пойду на занятия?
- Идите. Я вас не задерживаю.
- Гроб с сыном родители Валерия увезли в Воронеж и тихо похоронили на городском кладбище.

7.14

Даша каждый день после занятий в институте навещала маму Марка, которая таяла на глазах. Отказ в свидании с сыном её просто доконал, хотя Калмыков такого развития событий не предполагал. Вера никогда не обладала бой-

цовскими качествами и не умела за себя постоять, а сейчас, когда на неё свалилось столько неприятностей, совсем расклеилась. Она целый день лежала молча в кровати, прикрыв глаза, и даже не подходила к телефону.

— Вера Юстусовна, дорогая, возьмите себя в руки, — уговаривала её Даша. — Вы можете себе представить, как расстроится Марк, когда узнает о вашем состоянии здоровья? А он в тюрьме, и мы должны его морально поддерживать.

— Да-да, девочка моя дорогая. Ты права, мне нужно себя превозмочь и собраться с силами.

Но подкосил Веру не Марк, в которого она всегда безгранично верила, а её младший сын Витас — хулиганствующий, непутёвый подросток, полный бредовых идей, попахивающих фашизмом. В конце мая он поехал к бабушке, которая была одержима проектом возвращения имущества, потерянного за годы существования в Эстонии советской власти. Проект был только на бумаге, так как требовал больших денег на серьёзного адвоката, но бабушка продолжала ходить по инстанциям и собирать необходимые бумаги.

Витас числился учеником девятого класса, но, по сведениям Веры, перевод из ростовской школы в эстонскую не оформил. Просто шлялся по таллиннским улицам и вымогал у бабушки деньги. А два дня назад Вера получила от Витаса письмо. В нём он писал, что в настоящее время возглавляет какое-то молодёжное националистическое движение, борющееся за новую демократическую Эстонию, в которой будут жить люди с высокими помыслами и чистой кровью. К сожалению, тех денег, которые она ему посылает, не хватает на серьёзную организационную работу. Как бы это ни было странно, Вера, не желая самой себе в этом признаться, больше переживала за мелкого и злого Витаса, чем за доброго и порядочного Марка.

В тот день письмо Витаса лежало на тумбочке открытым, и Даша подумала по почерку, что оно от Марка. Но когда она прочитала, ей стало плохо. Особо Дашу поразила фраза, которую почти всю дословно запомнила:

— К сожалению, ряды движения, которое я со своими единомышленниками выстраиваю в родной Эстонии, засорены всякими человеческими отбросами. В первую очередь, русскими и евреями. Об этом нужно серьёзно подумать и принять соответствующие меры.

Глава 8. Первая встреча

8.1

Полковник Скворцов нравился женщинам, однако женившись на однокласснице и обзаведясь в совместной с ней жизни двумя детьми, Скворцов, всё своё дневное и ночное время отдавал только работе.

Поступив на службу в военную прокуратуру в суровые сороковые годы и допрашивая с особым пристрастием диверсантов и изменников родины, Скворцов обнаружил, что особой благодарности удостоивается от начальства, когда раскрывает дело, связанное с евреями. Как правило, эти дела были запутаннее, чем другие, и требовали большего числа подтверждающих документов. При этом страх не уложиться в отведённое для рассмотрения время вызывал у Скворцова неконтролируемое раздражение и злобу. То, что он был скрытым этническим евреем, его не очень по жизни заботило, так как никаких проблем данное обстоятельство ему не создавало.

Бикфордовым шнуром того, что он активно стал интересоваться евреями, стал заключённый Исаак Рожанский с его упрямством и гонором. Сначала Скворцов отнёсся к разговорам на еврейские темы спокойно, но после того

как Рожанский стал его буквально оскорблять и упрекать в безграмотности, не выдержал и начал отвечать. Приходя домой, Скворцов стал записывать основную информацию, которую слышал от Рожанского, в отдельную тетрадь, и сопоставлять её с другими текстами. А через несколько лет на базе материалов, касающихся допросов заключённых евреев, майор Скворцов написал начальнику отдела подполковнику Никанорову служебную записку: «О психологических аспектах поведения лиц еврейской национальности при проведении следственных мероприятий».

Получив данный документ, Никаноров на первой странице написал:

т. Скворцову В. И.

Прошу переговорить с представлением всех материалов, подтверждающих изложенные в настоящей записке положения.

Начальник отдела
подполковник Никаноров
8 октября 1960 года

Когда майор Скворцов, толкая перед собой тележку, нагруженную какими-то папками и книгами, постучался в дверь кабинета Никанорова, тот с удивлением поднял на него глаза.

— Вы что, Виктор Иванович, приволокли с собой? Я имел в виду, что этот материал есть у вас в наличии и совсем не нужно его на телеге возить из одного кабинета в другой.

— Да ничего, Николай Николаевич, мне не сложно, зато всё под рукой.

— Ну, ладно. Привезли — так привезли. Будем разбираться. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо.

8.2

— Итак, давайте, майор, с самого начала. Откуда у вас появилось желание выделить евреев в отдельную подследственную группу? Нас могут неправильно понять и ещё обвинят в нарушении одной из статей Конституции.

— Товарищ подполковник, это же только служебная записка на ваше имя, позволяющая улучшить качество дознавательного процесса, а не статья в газету.

— Понятно, Виктор Иванович. И всё-таки скажите откровенно, зачем это вам надо — связываться с евреями? Они, в своём большинстве, не простые люди. Проблем не оберётесь.

— Вот, Николай Николаевич, вы в самую точку и попали.

— В каком смысле?

— В прямом. Я за пятнадцать лет работы в прокуратуре простых евреев не встречал.

— Согласен, но если вам не трудно, разверните последний тезис. Только не в мелочах, а по-крупному.

— Пожалуйста. Чтобы получить обобщающий образ еврея в заключении, нужна большая выборка. У меня, к сожалению, нет такого массива данных. Поэтому моя выборка маленькая, ненадёжная, построенная на анализе одиночных случаев. Другими словами, не очень представительная.

— Виктор Иванович, говорите проще. В отличие от вас, у меня нет университетского образования.

— Хорошо. Николай Николаевич, постараюсь.

— Постарайтесь.

— Итак, возьмём сначала, к примеру, русского человека.

— Вы имеете в виду русского по национальности?

— Да. Я сейчас говорю исключительно о русских людях.

— Понятно.

— Так вот. Опираясь на классиков: Достоевского, Куприна, Салтыкова-Щедрина, Чехова и других, это необразованный, пьющий, ленивый человек.

— Ну, очень грязный портрет вы нарисовали, Виктор Иванович.

— Согласен, но собирательный образ можно получить, только используя правдивые и убедительные характеристики.

— Понятно. Мы продолжаем говорить о русских?

— Да, Николай Николаевич.

— А о евреях когда начнём? Ведь тема вашей служебной записки — еврей?

— Минуточку, Николай Николаевич. Не торопитесь.

— Хорошо, не тороплюсь.

— Теперь давайте возьмём антонимы этих характеристик и нарисуем портрет среднестатистического еврея.

— Давайте. И что у вас получается?

— Получается, что еврей — это образованный, непьющий и работающий человек.

— И что? Зачем же вы мне морочите голову теорией о евреях, когда у них всё хорошо? Что вы хотите своей запиской доказать?

— Не доказать, а с вашей помощью разобраться: почему русских, при всех их недостатках, терпят, жалеют и уважают, а евреев, при их достоинствах, обижают и гоняют как «сидоровых коз»?

— Ну, есть разные авторы и разные книги, в которых далеко не все русские плохие, а все евреи хорошие.

— Я тоже читал много книг, Николай Николаевич, но однозначных выводов сделать по этому поводу не могу.

— Вот и разберитесь с этой проблемой, Виктор Иванович, а потом мне доложите результаты. Свободны.

8.3

Возвратившись в свой кабинет, майор Скворцов попытался осмыслить содеянное:

— Что же я сейчас наплёл начальнику? А главное, зачем?

— Да, в принципе, ничего особенного вроде и не сказал.

— Как это ничего? Как раз много чего. Вместо того, чтобы показать всю внутреннюю гнусность евреев, ты продемонстрировал начальнику совершенно противоположную картину. Ну, точно по Фрейду.

— Не может быть?

— Ещё как может!

— А теперь ответь, пожалуйста: с какой целью ты вообще написал эту служебную записку?

— Чтобы, во-первых, оправдаться перед самим собой за отношение к евреям, а во-вторых, сделать начальника своим единомышленником.

— Понятно. И что получилось?

— А получилось всё наоборот. Ты не только ни в чём не убедил подполковника Никанорова, но и был повергнут наповал его моральной абстракцией.

— Какой абстракцией?

— Такой, что тебе, уважаемый, следует хорошо подумать — тем ли ты занимаешься? Правильной ли дорожкой по жизни идёшь?

— Значит, не зря жена постоянно мне говорит, что я со своей еврейской тематикой выгляжу городским сумасшедшим, укушенным бешеной собакой?

— Не знаю, не знаю. Ей со стороны виднее.

Скворцов нервно ходил по кабинету и лихорадочно перебирал в голове отрицательные и положительные характеристики евреев. Набрался целый список тех и других. Но всё это выглядело неубедительно, мелко.

Наверное, поэтому его всё время тянуло заглянуть в эту проклятую тетрадь, куда он пятнадцать лет назад заносил свои впечатления от ежедневных бесед с Рожанским.

И здесь майор Скворцов вспомнил, что когда учился в университете, его отец, главный врач психоневрологического диспансера, слушая рассуждения сына на юридические темы, предупредил:

— Запомни, сын, медики верят только экспериментальным результатам.

— Не понял о чём ты, папа?

— О том, что истина устанавливается только вскрытием. Разрезал, увидел и снова зашил.

— Но такое возможно только у медиков.

— Ничего подобного. У физиков такое же отношение к теории. Что-то предположил — докажи практикой.

— Но в юридических науках такой подход нельзя использовать.

— Почему?

— Потому что там существует многофакторное прецедентное право.

— Это что? Делай как я?

— Примерно так.

— Глупости. Твоя мама придумала разные небылицы о евреях, а ты за ней их повторяешь.

— Ну почему небылицы?

— Потому что её ненависть к евреям, во-первых, является реакцией на сугубо личные обстоятельства, а во-вторых, представляет отдельные фольклорные иллюстрации из их жизни.

— Не понял. Теперь ты обоснуй свой тезис.

— Хорошо, сын, только не сегодня. У меня дел по горло. Давай завтра.

— Договорились.

8.4

На следующий день Виктор буквально выслеживал отца и когда он приехал на перерыв, тут же этим воспользовался.

— Ну что, папа, давай продолжим вчерашний разговор?

— Давай, сынок. Так, на чём мы остановились? Ах, да. Вспомнил.

— Это очень хорошо, что вспомнил, а то я боялся, что уйдёшь от разговора.

— Ни в коем случае. И так, в настоящее время всё в мире меняется с необычайной быстротой. А тем более в жизни евреев — с их удивительно тонким восприятием нового.

— А можно, папа, хоть несколько конкретных примеров?

— Можно. Например, евреи Второй мировой войны разительным образом отличаются от евреев в период Октябрьской революции, уже не говоря о евреях в далёкие древние времена. Правда, историки многократно искажали основные положения их жизнеописания, но, думаю, базовый смысл всё же сохранился.

— Понятно, папа, но ты не говоришь, как получить реальную картину, описывающую современных евреев России?

— Думаю, следует создать экспериментальный объект, позволяющий провести мониторинг жизни евреев.

— Подожди, отец, евреи-такие же люди, как и все другие. Еврей может быть Нобелевским лауреатом, а может быть законченным бандитом.

— Правильно. Поэтому эксперимент следует провести в естественной среде их обитания.

— И где же создать такую среду? А главное, из кого набрать испытуемый контингент?

— Ну, с этим, сын, у тебя не должно быть проблем. Через твоё управление проходит много евреев, желающих покинуть пределы нашей родины.

— И кого ты к этому подопытному контингенту относишь?

— Всех, кто не соответствует требованиям, позволяющим им честно выехать за рубеж.

— Ты можешь хоть приблизительно назвать этих героев?

— Могу.

— Очень любопытно. Слушаю тебя.

— Во-первых, люди, владеющие государственными секретами любого уровня важности и не сообщившие об этом соответствующим органам страны. Во-вторых, всякого рода мошенники с фальшивыми разрешениями на вывоз из Советского Союза раритетов, денег, драгоценностей, антиквариата и т. д. Ну, в-третьих, преступники, которые хотят уйти от уголовной ответственности, выехав в другую страну.

— Ну ты, отец, молодец!

— Спасибо.

— Но смею тебя огорчить — нашим органам всё это известно.

— А что же они не используют эти возможности?

— Используют, папа, используют.

Разговор Скворцова с отцом, как скальпелем, вскрыл подноготную желающих покинуть советскую страну. Он позволял ему перейти от слов к собирательной характеристике еврейских эмигрантов.

8.5

Марк Рожанский находился в Новочеркасской тюрьме Особого управления КГБ по Южному округу уже двадцать два дня, куда его вернули после свидания с Калмыковым. Никто его не посещал и никуда не вызывал. Складывалось впечатление, что о нём все забыли или, что вернее, думают, как с ним поступить.

За всё время пребывания в тюрьме он получил только одну передачу от мамы, в которую была вложена короткая записка.

Дорогой сыночек, извини, что не сама принесла тебе гостинец — плохо себя чувствую. Но это временная ситуация — обязательно поправлюсь. Есть и радостное событие — я стала норильской пенсионеркой с особыми льготами. Эту информацию сообщил мне сам Калмыков. Он, когда узнал, что тебя арестовали, прилетал из Сочи в Ростов. Правда, на один день. Здесь с кем-то на высоком уровне встречался. Кстати, оказалось, что Владимир Дмитриевич Герой социалистического труда.

Сыночек, тебе за счёт Норильского комбината, назначили хорошего адвоката. Калмыков считает, что всё будет в порядке. И, вообще, ты себя не грызи: папа бы тобой гордился. Ты не только проучил одного мерзавца, отправив его на тот свет, но и преподал урок всем подонкам, которые поднимают руку на еврейский народ.

Витас с бабушкой находятся в Эстонии. Бабушка мне сказала по телефону, что дело о наследовании ею личной собственности принято к рассмотрению. Думаю, что этот процесс затянется на долгие годы. Она о тебе ничего не знает. Во всяком случае, я ей не сообщала.

Всё будет хорошо — совесть у тебя чиста перед папой и собой. Я очень тебя люблю. Обнимаю.

Мама

Р. С. Владимир Дмитриевич обещал присутствовать на суде.

Комната, в которой содержался Марк, не была похожа на тюремную камеру, а больше походила на гостиничный номер в каком-нибудь северном посёлке: кровать с матрасом, небольшой столик с табуреткой, за занавеской раковиной и унитаз. В такой примерно комнате он жил в Якутии, когда участвовал в первенстве по боксу Крайнего Севера весной 1973 года. Эти соревнования были для него очень важными, так как их выиграв, он получал звание кандидата в мастера спорта СССР.

Самым запомнившимся ему в этой гостинице было огромное трёхслойное окно, через которое он видел бескрайнюю и безмолвную тундру. Конечно, в тундре кипела жизнь, но с третьего этажа это было не очень заметно.

Нынешняя комната имела маленькое зарешёченное окно под потолком, через которое ничего, кроме кусочка хмурого зимнего неба, не было видно. По всей видимости, она предназначалась для краткого, а точнее транзитного пребывания в ней привилегированных арестованных или служила местом встречи со следователем.

Его режим дня никаких прогулок не предусматривал. Единственный раз его вывели в коридор с командой «Лицом к стене» для уборки комнаты. Сегодня, в районе семи часов утра, зашёл к нему в комнату дежурный офицер и объявил, что после обеда у него будет встреча с начальником управления полковником Скворцовым. Это означало, что в камере должен быть идеальный порядок, а сам арестант не занят никакими делами, тем более физическими упражнениями.

8.6

Когда в комнату вошёл моложавый полковник, Марк встал с кровати и молча стоял, пока не последовала команда: «Садитесь». Скворцов взял табуретку и, прежде чем сесть,

отставил её на два шага от нар, на которых сидел заключённый.

— Я полковник Скворцов. Курите?

— Нет.

— Зря. На зоне все курят.

Полковник достал из кармана пачку дорогих сигарет и закурил. Марк оставил реплику полковника без ответа.

— Итак, Рожанский, я внимательно ознакомился с вашим делом, а также поднял дело вашего отца. Картина для меня абсолютно понятна: на отце висело много крупных грехов, а на вас, к сожалению, только один, но зато смертельный.

— Я тоже много слышал о вас от отца.

— Это сейчас не имеет значения.

— Наверное.

— Итак, что вы можете по поводу своего преступления сказать?

— Наивный вопрос.

— А если по существу?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Ну, тогда я вам кое-что, в порядке информации для размышления, подкину. Дело в том, что вы, как ни странно, стали эпицентром внимания нескольких весьма серьёзных фигур. Вроде персона из вас никакая, а столько шума наделали.

— Весьма польщён.

— Не вижу причин гордиться, но у меня к вам несколько коротких вопросов.

— Почему вы записали себя, несмотря на все проблемы с отцом, в паспорте евреем? Ведь у вас было несколько опций этого не делать: мама — наполовину русская, наполовину эстонка, бабушка — наполовину русская, наполовину

украинка, бабушка — наполовину эстонец, наполовину финн и так далее.

— Потому что я по папе чистокровный еврей.

— Да, но у евреев национальность определяется по матери? — с иронией спросил Скворцов.

— Это у вас по матери, а у меня по отцу! — резко ответил Марк. — Ещё какие у вас есть вопросы, гражданин полковник?

— Пожалуй, нет, кроме одного. Какую меру наказания за преступление, которое совершили, вы бы для себя выбрали?

— Что решит суд, то и будет.

— Да, папаша у вас был более разговорчивым. И тем не менее, хочу вас поставить в известность, Рожанский. Имеет место достаточно большой разброс мнений о вашем наказании — от пожизненного заключения до полного оправдания. Я их вам кратко, без подробностей, сейчас перечислю.

— Меня это не интересует, гражданин полковник. Не утруждайтесь.

В разговоре Скворцова с Рожанским наступила злобная пауза. Каждый думал о своём. И вдруг Скворцов вспомнил маму, которая, когда он был маленьким, брала его по воскресеньям в церковь. Он капризничал и не хотел идти, так как ему не нравились запахи церковного помещения. Но для того чтобы сгладить отрицательное впечатление сына от посещения церкви, мама, после службы, покупала ему в киоске рядом с церковью вкусный бублик с маком.

— Зря вы так себя ведёте, Рожанский. Зря. Затмить своего отца, при всём желании, вы не сможете, а всё остальное — позы.

Скворцов резко встал с табуретки и громко крикнул:

— Конвойный! Открыть дверь!

8.7

После разговора с арестантом Рожанским полковник Скворцов был вне себя от ярости.

— Каждый раз, сталкиваясь с этой проклятой семейкой, я ей проигрываю. Никак не могу понять, в чём их сила? Почему этот молодой ублюдок, практически не раскрывая рта, сегодня победил?

— А почему ты считаешь, что проиграл?

— Ну, ты уж сам себе не ври, Скворцов. Сын оказался более жёстким и закрытым, чем его отец, с которым я, по молодости, достаточно успешно спорил в сорок пятом году.

— А в чём более жёстким?

— Как в чём? Не ответил ни на один мой вопрос, не согласился обсуждать ни одну позицию.

— Согласен. И что ты предлагаешь с ним делать?

— Нужно от него быстрее отделаться. Следствие закончилось, суд — не проблема. Заслать его как можно дальше от Ростова, чтобы вообще концов нельзя было найти.

— Почему так?

— Потому что вчера Вавилов сказал, что передачи Рожанскому носит в тюрьму не кто иная, как сама Дарья Рубцова, на глазах у которой он убил Федорцова.

— И что?

— А то. Отец Рубцовой, в беседе со следователем прокуратуры Щербаковым, обмолвился, что Федорцов хотел посвататься к его дочери. Рубцов очень сожалеет, что этот негодяй Рожанский убил его будущего зятя. А он, как ни как, секретарь горкома партии.

— Что-то у тебя, Скворцов, какой-то салат получается: то ты евреев в пример приводишь, то ты желаешь их истребить. Я вообще не вижу связи между Рожанским и Рубцовым.

— Как не видишь? Мне и так столько лет задерживают генеральское звание, а тут ещё какой-то Рожанский путается под ногами. Я уже не говорю о позиции Норильска.

— А что Норильск?

— Норильск встал горой за Рожанского. Мало того, что я прошляпил, благодаря патронажу генерала Смирнова, захоронение Рожанского-старшего на аллее Славы в Ростове, так их адвокат вообще требует для Рожанского-младшего условного наказания.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет!

— Вот именно. А ходатаем по всем делам Рожанских выступает сам Калмыков, Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР. Он, оказывается, со старшим Рожанским был в друзьях и в одном лагере сидел.

— Мало ли кто с кем сидел? Рожанский-младший на глазах у сотен людей убил человека, а его предлагают оправдать.

— Но это ещё не всё. Мне, по большому секрету, шепнули, что Калмыков находится в доверительных отношениях с первым секретарём Ростовского обкома партии Воробьёвым и заходит к нему в кабинет, как к себе домой.

— Да ты что?

— Вот так. Поэтому не очень размахивай кулаками — можешь промахнуться и вляпаться во что-нибудь нехорошее.

— Ну и дела! А вообще интересно поговорить с Дарьей Рубцовой. Наверняка она знает много дополнительных подробностей этого дела, регулярно бывая в доме Рожанских.

8.8

Ростовской прокуратуре было известно, что дело Рожанского забрало для расследования Особое управление КГБ,

но что было основанием для этого — не знал никто. То, что Рожанский еврей, не воспринималось в этом акте как решающий аргумент. Значит там что-то было более серьёзное и основательное.

В тонком по объёму уголовном деле обвиняемого Марка Рожанского в убийстве гражданина Валерия Федорцова было не более нескольких десятков страниц: выписки отдела кадров Ростовского инженерно-строительного института, чистосердечное признание гражданина Рожанского, медицинское заключение первичного осмотра убитого Федорцова, подробный протокол вскрытия Федорцова, характеристика, ходатайство Норильского горно-металлургического комбината, ходатайство Спорткомитета РСФСР, беседы следователя Щербакова со свидетелями убийства Федорцова, в том числе и с Дарьей Рубцовой.

Скворцов пролистал дело Рожанского до показаний Рубцовой. Он понимал, что Рубцова прямого отношения к этому не имеет, но повесить её на свой ведомственный крючок считал целесообразным. Да и сделать эту семью от него зависимой было тоже перспективным.

Скворцов решил вызвать Рубцову к себе на беседу повесткой через деканат института, а не по домашнему адресу. Это, во-первых, делало его позицию нейтральной, так как вызов был официальным и открытым, а во-вторых, никак не касался её высокопоставленного отца. Единственно, что Скворцов сделал умышленно, так это он пригласил Рубцову на семь часов вечера.

В пять минут восьмого в дверь кабинета полковника Скворцова постучали. На пороге стояла красивая молодая женщина.

— Здравствуйте, я Дарья Рубцова.

— Проходите, я вас жду, — хриплым голосом ответил он.

При виде Рубцовой Скворцова будто парализовало. Он даже не приподнялся, хотя, как правило, вставал, при-

ветствуя входящих к нему в кабинет людей. Полковник был просто в шоке: перед ним стояла разруганная с мороза, пахнущая свежим воздухом настоящая русская красавица.

— Присаживайтесь, — жестом руки показал Скворцов на стоящие у стены, метров за пять от его стола, стулья.

Посадив её на большое от себя расстояние, он продолжал внимательно разглядывать девушку. На вид ей было года двадцать два. Милое нежное лицо, немного помады и пудры, а главное, замечательные лучистые серые глаза. И копна светлых волос, волнами сбегаящих на чёрный пиджак.

Даша сняла в приёмной зимнее пальто и, найдя там большое зеркало, причесалась.

— Вы приехали на служебной машине?

— Нет. На общественном транспорте.

— Это хорошо. Значит, у нас нет ограничения во времени?

— Не думаю, товарищ полковник, что вы будете этим злоупотреблять. Меня ждут дома.

Скворцову сразу дали понять, что на долгую беседу он может не рассчитывать. Во рту неожиданно стало сухо и горько. Нужно было начинать беседу, а он не знал — с чего.

8.9

Не подобрав соответствующий вопрос, Скворцов, не свойственным ему тихим голосом, спросил.

— Как к вам обращаться, мадам Рубцова?

— Можно просто Даша.

— Очень хорошо. Скажите, Даша, вы давно знали арестованного Марка Рожанского?

— А почему, извините, вы спрашиваете об этом в прошедшем времени?

— Потому что, как мне кажется, вы с ним долго не увидите.

— Не уверена. Впрочем, вам видней.

— Вы с ним вместе учились?

— На одном курсе, но на разных факультетах.

— А каким же образом познакомились?

— Через Федорцова. Он учился с Марком в одной группе.

— Так с кем вы из них всё-таки дружили?

— С Федорцовым.

— Совсем запутался. А то, что вы носите передачи Рожанскому, это как понимать?

— Как хотите, так и понимайте.

— Дарья Сергеевна, вы не совсем осознаёте, где мы с вами беседуем. Это особое управление КГБ.

— А я не знала. И в чём его особенность?

— Это вам папа объяснит.

— Понятно. А теперь, если позволите, у меня к вам вопрос, товарищ полковник.

— Спрашивайте.

— Зачем вы меня сюда пригласили? Ведь вы на все вопросы ко мне заранее знаете ответы.

— Допустим.

— Я даже не удивлюсь, если у вас в столе уже лежит отпечатанный протокол нашей беседы.

— Вот этого нет, а в остальном вы правы. И всё-таки у меня есть к вам один вопрос, на который у меня ответа нет.

— Задавайте.

— Чем вы можете объяснить эту страшную агрессивность Рожанского? За одно слово убил человека.

— Могу это объяснить только удивительно высоким чувством собственного достоинства.

— Вы когда-нибудь ещё видели Рожанского в подобном состоянии? Может, он сумасшедший и его нужно срочно изолировать от общества по этой причине?

— Видела, когда мы были в колхозе на первом курсе. Он один из всех парней нашей группы вышел на защиту девочек против трёх пьяных местных бандитов с ножами.

— Понятно, он же мастер спорта по боксу.

— Не совсем так. Он просто настоящий мужчина.

— Думаю, что мы на этом сегодня закончим нашу беседу, Даша. Только я должен заполнить одну бумагу, а вы расписаться.

Пока Скворцов что-то быстро писал, Дарья осматривала кабинет полковника: всё было скромно и просто, без фикусов и спортивных кубков. Только над креслом Скворцова висел большой портрет Брежнева в парадном мундире.

— Здесь распишитесь, пожалуйста, — прервал её созерцание портрета вождя полковник.

Дарья взяла протянутую ручку и, не читая, расписалась. И тут Скворцов неожиданно засмотрелся на её руки. Это было какое-то чудо природы: узкие в запястье с точёными длинными пальцами, заканчивающимися аккуратно подстриженными ногтями, покрытыми бледно розовым лаком.

— Извините, товарищ полковник, а что я сейчас под писала?

— Вы сейчас подписали, Дарья Сергеевна, подписку о невыезде из города Ростова-на-Дону.

— До свидания.

— Всего хорошего.

8.10

Когда за Рубцовой закрылась дверь, полковник Скворцов дал волю своим чувствам, а вернее — чувству гнева. Сегодня его второй раз в жизни пытались поставить на место мальчика, которому следует выучить урок. Первым в роли учителя много лет назад выступал изменник родины Исаак Рожанский-старший, которого он рекомендовал

приговорить в 1946 году к двадцати пяти годам каторжных работ в самом тяжёлом на Крайнем Севере норильском лагере. Причём, отправил его этапом, сплошь состоящим из власовцев, бандеровцев и прочей сволочи.

А теперь эта сопливая девчонка Рубцова, выросшая в барской семье партийного чиновника. Сознвая свою безнаказанность, она весь вечер старалась стянуть его с пьедестала, который он собственными руками в течение всей жизни воздвигал.

— Звучит очень пафосно, полковник, но не более того.

— Ну почему пафосно? Очень, по-моему, точно.

Жаркая волна возмущения и обиды от встречи с Рубцовой захлестнула Скворцова с головой. Ему казалось, что за её спиной стоит и хихикает Рожанский-младший, убивший сокурсника

— И зачем я всю жизнь как проклятый работал, карабкаясь вверх по служебной лестнице? Зачем денно и ночью зарабатывал себе всякие звания и ордена?

— Почему таким тоном говорила со мной эта соплячка, не принимая во внимание моё образование, заслуги, жизненный опыт, в конце концов, служебное положение?

Полковник уже час быстрым шагом ходил по кабинету, задавая себе один за другим непростые вопросы. Разгорячённый самим собой, он нервным движением расстегнул китель. Потом снял его совсем, оставшись в нательной рубашке, но успокоение не наступало — он продолжал бегать по кабинету, проклиная еврейское происхождение и маму, которая всю жизнь науськивала его на евреев. Скворцов прекрасно сознавал полную бесполезность своего эмоционального взрыва, но ничего поделать с собой не мог.

Окончательно от себя устав, он сел за стол и открыл рабочий блокнот. Найдя хорошо заточенный карандаш, большими буквами на чистой странице написал:

План действий по арестанту Рожанскому:

1. Перевести из Новочеркасского СИЗО в Ставропольскую тюрьму.
2. Ужесточить условия содержания по максимуму.
3. Запретить все виды передач и переписку.
4. Провести в ускоренном порядке закрытый суд.
5. Подготовить к летнему перегону на север.
6. Оформить закрытый формуляр для чёрного этапирования.

Чтобы испортить себе настроение до конца, Скворцов решил позвонить жене.

— Как дела, дорогая?

— Всё в порядке.

— Сегодня из-за срочной работы я буду ночевать на работе.

— Витя, ты голоден, наверное?

— Нет, сыт по горло.

— Я хотела ещё у тебя спросить?

— Всё, любимая, до завтра.

8.11

Написав примерный план дальнейшей разработки Рожанского, Скворцов снова забежал по кабинету, перескакивая в мыслях с Даши на Рожанского, с Рожанского на Дашу, сделав их, сам того не заметив, парой.

— Ну ладно, Рожанский держит хвост трубой. Это вполне объяснимо, ибо в нём столько ненависти к советской власти и обиды за судьбу отца, что не измерить.

— Но эта девчонка тоже туда. Да от одного моего взгляда содрогаются тысячи людей, а она строит из себя героиню. Мне её раздавить как клопа — пара пустяков. Правда это может быть для меня чревато — ещё наговорит всякой ерунды папаше, переврвав факты.

— И, всё таки, куда мне отправить Рожанского-младше-

го искупать вину? Хотелось бы куда-нибудь подальше, в глушь, грязь, чтобы начисто сбить с него всякую спесь. Это очень опасный человек: волевой, целеустремлённый, смелый, знающий себе цену. От него можно огрести большие неприятности.

И тут он вспомнил один поучительный разговор с папой, который состоялся несколько лет назад. Папа уже был на пенсии, побаливал, но проявлял стойкий интерес к его работе.

— Скажи, Витя, а сколько человек в год, желающих уехать из Советского Союза по израильской визе, проходит через ваше управление?

— Каждый год по разному: в 1969 году было мало — всего несколько тысяч, а в 1972 — на порядок больше.

— И сколько из них вы задерживаете на границе в связи со всякими нарушениями?

— Думаю, что процентов пять-семь. Никто, кроме статистического управления, этими цифрами не владеет.

— Это вы зря, — скептически заметил папа. — Мне представляется, что среди них есть прекрасные специалисты: цеховики, директора магазинов, руководители предприятий, серьёзные учёные.

— И что с ними делать? — огрызнулся Виктор.

— Мы их штрафуем, конфискуем найденное имущество, открываем уголовные дела. В ряде случаев они даже получают конкретные сроки.

— Подожди, сын, не кипятись. Ты мне скажи, куда вы их направляете отбывать наказание?

— Как правило, в разные районы страны, чтобы они не монтировались друг с другом.

— А вот здесь вы совершаете большую ошибку. Дело в том, что эти люди, с хорошими головами и организаторскими способностями, долгое время держали «на плаву» огромное советское государство. Позволяли ему существо-

вать в условиях плановой экономики. А сейчас вы их просто разбазариваете.

— В каком смысле?

— В прямом. Умные, активные, работоспособные, нацеленные в своей деятельности на конечный результат — от них будет больше пользы, если вы их соберёте в одном месте. Только нужно заинтересовать их не деньгами, а чем-то более серьёзным.

— Например?

— Ну, например, выполнение установленного задания за половину отведённого времени гасит половину срока заключения. Ты согласен с таким предложением?

— В принципе, да, но это же огромная работа, отец.

— А ты найди в своём ведомстве серьёзного, а главное, молодого человека, которому эта идея может понравиться, и заинтересуй его льготами. А остальное — дело техники.

8.12

Полковник Скворцов и Дарья Рубцова встречались за последние полтора месяца трижды, и каждый раз Скворцов приглашал её повесткой через деканат под роспись. Сегодня была их четвёртая встреча.

Как и в предыдущие дни, Даша появилась на пороге кабинета начальника особого управления КГБ ровно в семь часов вечера.

— Входите, Дарья Сергеевна. Не стесняйтесь.

Даша вошла в кабинет Скворцова и села на тот же стул, который он ей предложил в первый визит.

— Как ваши дела? Что нового в жизни? — начал разговор Скворцов.

— Это вам так интересно, товарищ полковник, что вы меня в очередной раз пригласили на беседу?

- Представьте себе, да.
- Весьма польщена. Весьма.
- Кстати, вы никому не рассказываете, о чём мы с вами беседуем?
- Никому.
- Даже папе?
- Папе в первую очередь.
- А как вы ему отказываете, если он интересуется? По какой причине? — со смехом спросил Скворцов.
- Говорю, что дала подписку о неразглашении.
- Это правильно, хотя если он захочет, то всё прочтает в течение часа после нашей встречи. А скажите, Даша, как ваш папа относится ко всему этому действию?
- К какому действию? — наивным голосом спросила Даша.
- К убийству Федорцова.
- Он желает, чтобы поскорее состоялся суд и Рожанского сослали как можно дальше.
- А вы?
- Что я?
- Что вы желаете?
- Я хочу, чтобы вы разрешили мне свидание с Рожанским.
- Это невозможно.
- Почему?
- Потому что для защиты общественной нравственности — есть такая формулировка в советском Уголовном кодексе, Рожанского будут судить закрытым судом.
- Закрытым? И что, никому нельзя будет присутствовать на этом суде?
- К сожалению, никому. Данная юридическая процедура не предусматривает никаких контактов с обвиняемым в ходе следствия, кроме лиц, осуществляющих судебное дознание. Но мы отклонились от темы нашей беседы, Даша.
- Какой темы? Вы никакой темы не заявляли.

— Согласен. А теперь скажите, как и когда произошли изменения в ваших отношениях с Федорцовым?

— А это имеет какое-нибудь отношение к следствию?

— Раз спрашиваю, значит имеет.

— На последних летних каникулах он оставил меня одну и уехал к родителям в Воронеж. Я поймала себя на мысли, что не очень по нему скучаю. А когда он осенью вернулся в Ростов, я окончательно поняла, что он перестал быть мне интересен.

— Почему?

— Понимаете, Валерий был очень тщеславным человеком. Он требовал ежедневной и постоянной демонстрации его обожания и восхваления, а мне это надоело.

Скворцов с удивлением посмотрел на Дашу.

— Это не причина для того, чтобы расставаться. Вы же с ним встречались, как мне известно, больше трёх лет. Можно было, в конце концов, серьёзно с ним поговорить.

— Я неоднократно пыталась, но у меня ничего не выходило.

— Смотрите Даша, в университете меня учили, что психология мужчины и психология женщины — это две разные планеты. Дело в том, что сердце мужчины — один сплошной комок эго, а сердце женщины — нежная элегия чувств. У женщины оно всегда, как правило, кем-то занято. Позвольте полюбопытствовать, кто сейчас пребывает в вашем сердце?

— А вас не учили в университете, товарищ полковник, элементарному такту?

— Понимаете, Дарья Сергеевна, мы с вами сейчас находимся не на светском рауте, а в особом управлении КГБ. Поэтому упоминание слова «такт» в данных условиях не совсем уместно.

— Я отказываюсь отвечать на ваш вопрос.

— Ну что ж, это ваше право. Только хочу вас предупредить, Дарья Сергеевна, что нам предстоит ещё много

встреч по поводу Марка Рожанского. Кстати, постарайтесь до мельчайших подробностей вспомнить ваш последний разговор с Федорцовым. Мы в следующий раз на эту тему обязательно поговорим.

— До свидания.

— Всего хорошего.

8.13

Самочувствие Даши в первую неделю февраля было ужасным: руки дрожат, голова раскалывается, даже один раз закололо сердце. Физическое состояние как у метеозависимого больного, чувствующего приближение магнитной бури. Не найдя этому никакого внятного объяснения, Даша позвонила следователю Щербакову, который на ранней стадии следствия доброжелательно с ней разговаривал.

— Здравствуйте, Владимир Петрович. Вас беспокоит Дарья Рубцова.

— Здравствуйте, Дарья Сергеевна. Чем обязан?

— Хочу узнать, как идет расследование убийства Федорцова?

— А вы разве не в курсе? Мне полковник Скворцов сказал, что он вас информирует практически каждую неделю.

— Меня? Это он, наверное, моего папу информирует, а меня только вводит в заблуждение.

— Понятно. Ну, что я вам могу сказать? Рассмотрение уголовного дела Марка Рожанского, в принципе, завершено и подготовлено к передаче в суд.

— Можно будет присутствовать на суде?

— Нет. Суд закрытый.

— А когда он состоится?

— Ну зачем вам это знать, Дарья Сергеевна? На суде никого, кроме определённого круга лиц, быть не должно и не будет.

И тут Даша в голос безутешно разрыдалась, не пытаюсь справиться с собой. Отложенная телефонная трубка транслировала Щербакову всю драму жизни этой молодой девушки. А следователь кричал «Алё, Алё...», не получая ответа. Наконец, Даша немного пришла в себя и хриплым голосом сказала в трубку.

— Извините меня. Просто накопилось, и я уже с собой не могу справиться. Ещё раз прошу прощения.

— Да ничего. Я понимаю.

— Владимир Петрович, миленький, мне нужно, за любые деньги, увидеть Марка.

— О деньгах и речи быть не может, а вот как это сделать — я подумаю. Вы мне позвоните завтра вечером.

— Обязательно позвоню.

На звонок Даши вечером следующего дня Щербаков ответил сразу.

— Дарья Сергеевна, слушайте меня внимательно, а лучше запишите. Суд над Марком Рожанским состоится в этот четверг, в 10 часов утра, по адресу: город Батайск, улица Советская, 58. Продлится он полтора-два часа. Не более.

— Это мне всё неинтересно. Вы скажите, как я могу увидеть Марка? — с отчаянием воскликнула Даша.

— Не перебивайте, пожалуйста. Заключённых, как правило, после заседания по одному выводят из здания суда через запасной выход и конвоируют по двору до автозака метров семь-десять. Напротив запасного выхода суда есть ларёк «Пиво-воды». Вы должны заранее взять пустой ящик и, держась за забор, стать на него. Вам будет хорошо видно, что происходит во дворе, а главное, вас тоже будет видно. Марка об этом предупредят. За ящик после «свидания» дадите хозяину ларька три рубля. Всё понятно?

— Да, понятно. Спасибо вам большое.

8.14

Закрытый суд над гражданином Российской Федерации, жителем города Ростова-на-Дону Рожанским Марком Исааковичем, 1956 года рождения, обвиняемым в убийстве гражданина Федорцова Валерия Андреевича, 1955 года рождения, состоялся 11 февраля 1979 года в городе Батайске Ростовской области. Продолжался он всего полтора часа и закончился достаточно мягким обвинительным приговором.

Мягкость приговора суда основывалась на том, что обвиняемый Рожанский в момент убийства Федорцова находился в состоянии глубокого аффекта, вызванного агрессивным националистическим характером поведения убитого. Это с большой долей убедительности обосновал армянский защитник Рожанского.

С учётом отсутствия криминального прошлого обвиняемого, а также ходатайства Норильского горно-металлургического комбината и Спорткомитета по боксу Российской Федерации, прокуратура потребовала применить к Рожанскому Марку Исааковичу, 1956 года рождения, статью Уголовного кодекса — лишение свободы на восемь лет с отбыванием наказания в поселении особого режима. Ситуацию убийства усугубляло присутствие при инциденте, закончившемся смертью Федорцова, большого количества людей.

Выйдя из зала суда, полковник Скворцов внутренне торжествовал: то, что он предрекал при последней встрече с Дашей, сегодня полностью воплотилось в приговоре суда. Даже его подсказка, переданная через Вавилова следователю Щербакову показать осуждённого Рожанского Даше, сработала. Тем не менее, поведение стоящей за забором Даши, которую Скворцов видел из окна суда, вызвало у него недоумение.

— Не зря говорят, — подумал про себя Скворцов, — что женщины — инопланетные существа, обладающие тем, чего и в помине нет у мужчины — интуицией. Эта созданная Творцом удивительная надстройка заменяет женщинам в соответствующие моменты жизни здравый смысл.

— Не понял, Скворцов, твоей мысли?

— А что тут непонятного? Интуиция не только заранее предупреждает женщину о каком-либо событии, но и подсказывает, с помощью воображения, как нужно себя в этом случае вести.

— Но это же твоя, Скворцов, идея встречи Марка с Дашей?

— Совершенно верно, моя.

— Я даже могу убедительно объяснить ход своих мыслей.

— Объясни, пожалуйста, если не сложно.

— Совсем не сложно. Ну зачем мне нужна страдающая и угасающая на глазах молодая девушка? Зачем? В неё нужно с помощью любой манипуляции вдохнуть новую жизнь.

— А ещё лучше показать, что жизнь продолжается и много чего может быть в этой жизни интересного.

Без четверти двенадцать из здания Батайского суда, закованный в ручные и ножные кандалы вышел улыбающийся Марк Рожанский. За забором, стоя на качающемся под ней ящике из-под пива, счастливая Даша махала ему рукой.

Глава 9. Прикосновение к тайне

9.1

Спустя две недели после того, как Марк ушёл с этапом, Скворцов снова официально, через деканат, вызвал Рубцову к себе на беседу. Конечно, никакой оперативной необходимости в этой встрече не было, но он больше не мог терпеть без того, чтобы её не увидеть.

Подтянутый, аккуратно одетый, привлекательный, несмотря на свои пятьдесят семь лет, сегодня он решил сменить тактику общения с Дашей. На журнальном столике, покрытом белоснежной скатертью, стояла бутылка красного марочного вина, ваза с фруктами и оригинальная подставка, на которой лежали плитки шоколада и маленькие пирожные. Скворцов был готов к приёму.

— Проходите, Даша, не стесняйтесь. Сегодня необычный вечер. Юбилейный. Мы с вами знакомы сорок три дня. Цифра несколько странная, но я люблю всё, что ни на что не делится. Вам понятно?

— Понятно.

— Даша, вы как-нибудь реагируете на мои монологи, пожалуйста, а то наша беседа будет похожа на допрос. Не возражаете?

— Не возражаю.

— Вот и хорошо. Вы не удивляйтесь моим фуршетным приёмом. Наше ведомство использует широкий спектр вариантов общения с интересующими людьми: от дружеских ужинов до камеры пыток. Ну что вы так побледнели, Даша? Это я, наверное, зря сказал?

— Думаю, что да.

— Прошу прощения. Больше это не повторится. Хотя хочу заметить, что хорошо знакомый всем Ремарк покорял женщин своей резкостью и жестокой правдивостью. Хотите о Ремарке поговорить?

— Нет, не хочу. Я с его творчеством не очень хорошо знакома.

— А о ком хотите? Не стесняйтесь, предлагайте, а я пока поставлю вам замечательный второй концерт Моцарта для фортепиано с оркестром. Только, прошу вас, не молчите.

Даша молчала. Она понимала, что попала в западню. Скворцов демонстрацией своей эрудиции и богатым столом унижает её и загоняет в угол. Он специально сделал всё для того, чтобы она почувствовала свою ущербность, своё убожество и начала постепенно сдаваться.

Но в этот момент он сам повернулся к Даше и сказал уже совсем другим голосом.

— А я знаю, о ком вы готовы со мной говорить. О чём вы вообще хотите говорить? О Марке. О нём вы согласны говорить до утра. Я прав?

— Да, — чуть слышно ответила она.

— Ну что же, будем говорить о Марке, но только по моему сценарию, который может вам, извините, не совсем понравиться. Кстати, вы помните прекрасный фильм «Семнадцать мгновений весны»? Как режиссёр Лиознова заканчивала каждую серию? Какую бурю эмоций она вызывала в душе зрителей в конце сеанса, оборвав его на самом интересном? С каким нетерпением все ждали

следующего дня, чтобы увидеть продолжение фильма и услышать завораживающую музыку Таривердиева.

— Да, помню. Хорошо помню.

— Ну, так вот. Мы по этому сценарию и будем с вами общаться. Долго общаться. Итак, уважаемая Даша, семью вашего Марка я знаю с июля 1945 года. Целую жизнь. Но сегодня мы больше не будем об этом говорить. Отложим разговор до следующего раза. Вы свободны, Рубцова.

— До свидания.

— Всего хорошего.

9.2

Скворцов не встречался с Дашей три недели. Даша даже подумала, грешным делом, что он принял решение оставить её в покое. Но причина паузы в их встречах была в другом: его срочно вызвали в Москву для вручения приказа о присвоении звания генерал-майора юстиции.

— Поздравляю с очередным званием, — с улыбкой встретил Скворцова в своём кабинете генерал-полковник Смирнов. Вы его заслужили добросовестным трудом на благо Родины.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Скворцов.

— Присаживайтесь, Виктор Иванович. Я получил вашу служебную записку о проекте «Объект». Хорошо, что вы глубоко вникли в проблему, которая имеет большую экономическую и политическую важность для нашего государства. В конце года мы планируем заслушать ваш доклад на коллегии министерства, так что серьёзно к нему готовьтесь.

— Будем стараться.

Через два дня Скворцов был в Ростове. Сейчас его занимала только одна мысль — успеют ли ему сшить до пятницы новую генеральскую форму, в которой он собирался произ-

вести ошеломляющее впечатление на Дашу или нет? Кроме этого, он не мог ни на чём сосредоточиться. Не рассказывать же ей о проекте, который обсуждал с ним Смирнов?

— А почему бы и нет? Уж очень хочется продемонстрировать ей не только свой мундир, но и уровень собственного участия в решении государственных проблем.

Раздался робкий стук в дверь.

— Заходите, открыто.

— Ой, какая красота! — не удержалась от восклицания, войдя в кабинет, Даша. — Поздравляю с новым званием.

— Спасибо, проходите, пожалуйста. Присаживайтесь. Вина и фруктов я больше вам не предлагаю, но хороший кофе могу.

— Нет, нет, ничего не надо.

— Как хотите. Когда у вас, Дарья Сергеевна, защита дипломного проекта?

— В июне.

— Ну, ещё есть время. Итак, я продолжу, с вашего позволения, рассказ о семье Рожанских. Я встретился со старшим Рожанским, когда он обратился после войны в гомельскую комендатуру за своими документами.

— Извините, а можно задавать вопросы, если мне что-то будет непонятно?

— Естественно.

— Кем был в это время Рожанский?

— Капитан Рожанский был командиром батальона общевойсковой соединения Западного военного округа.

— Спасибо.

— Пожалуйста. В картотеке гомельской военной прокуратуры он числился в розыске по поступившим на него оперативным донесениям.

— Анонимного характера или подписанным?

— Подписанным, хотя это никакого значения в данной ситуации не имело. Можно продолжать?

- Да, конечно. Извините, что перебиваю.
- Ничего страшного. Рожанский обвинялся по четырём серьёзным пунктам:
  - измена родине
  - провал разведывательной операции в тылу врага
  - сдача в плен и сотрудничество с фашистами
  - обман военного трибунала.

В ходе заседания суда Западного военного округа в марте 1946 года Рожанский Исаак Маркович был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорён к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере строгого режима плюс пять лет поражения в правах.

— А что такое поражение в правах?

— Это лишение осуждённого, прежде всего, права на любые просьбы в любую инстанцию, в том числе и на условно-досрочное освобождение из лагеря. Вам понятно?

— Не совсем.

— Хорошо. На следующей встрече мы к этой теме вернёмся. До свидания.

9.3

Скворцов был доволен тем, что у Даши по ходу его рассказа возникали вопросы. Чем их будет больше, тем больше будет предлогов приглашать её к себе. Он чувствовал, что без того, чтобы изредка видеть эту красивую молодую женщину, он уже не может жить. И служба не в службу, и благодарность начальства не радует.

Иногда ему казалось, что и она стала реагировать на него как-то по-особенному: с удовольствием слушает его рассказы и проявляет искренний интерес. Задача, которую он перед собой поставил — как можно дольше удерживать около себя Дашу и заинтересовать своим обществом — приобретала реальные очертания.

Но сегодня разговор между ними пошёл по незапланированному руслу: Скворцов случайно обмолвился о том, что на последнем допросе Рожанский чуть не убил охранника, в результате чего сам был избит тюремщиками до полусмерти.

— А за что, если не секрет?

— Не секрет. Охранник его обозвал жидом, а Рожанский такое никому не прощал. В общем, на моих глазах его, в полном смысле этого слова, убили. Я даже закрыл дело для передачи в архив. А Исаак Маркович в морге очухался и выжил.

— Получается, что Марк в тюрьме оказался по аналогичному делу, что и его отец?

— Не совсем. Старший Рожанский попал в тюрьму, по большому счёту, за измену родине, а младший — за бытовое убийство.

— Но объединяет их, как я поняла, реакция на слово «жид». Вы можете пояснить, что это за слово?

— Объяснить не могу, но это слово вроде как унижает евреев, задевает их чувство собственного достоинства. Евреи, как правило, очень жёстко на него реагируют.

— Понятно. А как сложилась дальнейшая судьба Исаака Марковича?

— Через наши службы я следил за лагерной жизнью Рожанского-старшего. До 1948 года, пока сидел в общем бараке Норильского лагеря, он ничем не выделялся из общей массы заключённых, кроме того, что, имея самый большой срок заключения, постоянно находился в кандалах. А после 1948 года, когда всех политических по новому сталинскому указу собрали в особо режимном каторжном отделении, Рожанский стал лагерным авторитетом, и здесь к нему отношение руководства Норильского комбината тоже поменялось.

— В каком смысле?

— Рожанский стал подниматься по служебной лестнице и дошёл до должности главного инженера строительного управления.

— Марк говорил, что его отца в начале 50-х годов реабилитировали и выпустили из лагеря.

— Освобождение подтверждаю. А что касается реабилитации, то это произошло посмертно, правда, не помню, в каком году. Но в семье Рожанских до сегодняшнего дня остаётся ещё одна серьёзная проблема: в реабилитации отказывают отцу жены Рожанского, бывшему заместителю министра обороны Эстонской ССР. Он был арестован до начала войны и умер в Норильском лагере, не дожив до победы Советской армии.

— Зачем вы мне все эти страшные подробности рассказываете?

— Во-первых, вы сами попросили, а во-вторых, должны же знать тех, у кого в настоящее время живёте.

— Я там временно живу, чтобы ухаживать за больной женщиной, мамой Марка.

— Ну, это вы будете рассказывать не мне, а другим людям. Думаю, что на сегодня всё. До свидания.

9.4

После очередного разговора с Дашей Скворцов был в полном шоке. Это была их девятая встреча — пустая, вязкая, длинная и абсолютно бесперспективная. Каждый раз, по окончании их встреч, он давал себе слово, что это последняя. Но проходили две недели, и ему снова очень хотелось увидеть Дашу, услышать мягкий тихий выговор, полюбоваться элегантным внешним видом, её красотой. Казалось, он сделал всё возможное, чтобы оторвать Дашу от мерзкой семейки Рожанских, но на последнем свидании выяснилось, что она, наоборот, приходит к нему только за этой

информацией. Она даже осмелилась задать ему, генералу КГБ, несколько непозволительных вопросов.

— Что же она у меня спросила? Я уже забыл. Ах да. Вспомнил: служил ли я в Советской армии и в каком звании? Такие наглые, провокационные вопросы. Я ей ответил, что учёба в военном училище приравнивается к службе в армии. На это она скривила физиономию. А потом, прямо без перехода, задала следующий вопрос: можно ли ей позвонить Марку?

Когда я ей отказал, она попросила его почтовый адрес, чтобы написать письмо. Правда, я тут вспылил и объяснил, что на первом году срока отбытия наказания никакие контакты с родственниками, а она вообще таковой не является, заключённым не полагаются.

— О каких родственниках, — спросила она, — может идти речь?

— Только о матери и младшем брате, уехавшем в Эстонию.

Кстати, надо запросить информацию у эстонских коллег об этом гадёныше и рассказать Даше. Она наверняка передаст всю информацию его матери, что ускорит её конец.

Скворцов встал с кресла, вынул из шкафа бутылку коньяка, налил себе полстакана и выпил залпом. Потом закурил сигарету и подошёл к окну. Он смотрел на большой город, переливающийся разноцветными огнями, с тысячами машин на дорогах.

— Столько людей у меня в кулаке, а с какой-то девчонкой не могу справиться. Вроде всё продумал до мелочей, чтобы закончилась виртуальная связь между ней и поганим Марком. Загнал его туда, где «Макар телят не пас», а она его забыть не может. И вообще, вляпался в эту еврейскую семейку и никак не могу от неё отделаться. Сначала отец разорвал на куски мою жизнь своими разговорами о евреях, теперь сын встал на дороге. Это не семья, а какая-то божья кара на мою голову — пропади они пропадом, все вместе взятые!

Закрывая дверь кабинета, Скворцов неожиданно подумал:

— В отношении Даши нужно принимать экстраординарные меры, пока она не получила диплом. Какие? Не знаю.

— Может, купить ей дорогой подарок? Машину, например... Ну, ты, Скворцов, даёшь? Да она тебя вместе с подарком обсмеёт! Вспомни, из какой она семьи. Тогда не знаю.

— Думайте, товарищ генерал! Думайте!

9.5

Даша к Вере Юстусовне ежедневно приходила после занятий в институте. Готовила, убирала, кормила, а когда та чувствовала себя плохо, оставалась ночевать. Телевизор и радио в семье Рожанских после ареста Марка не включали, и они до глубокой ночи разговаривали на разные темы, большей частью о Марке. Вера знала, что сегодня Даша должна была встретиться со Скворцовым и с нетерпением ждала её прихода. Каждый раз надеялась, что Скворцов сообщит Даше, куда отправил отбывать срок её любимого сыночка. Но так как Даша ничего не говорила, значит никакой новой информации нет.

И Вере вдруг захотелось рассказать Даше о своих родителях, о папе и его большой семье, от которой никого после войны не осталось. О страшной жизни в Заполярном Норильске, где её окружали разные люди, но какие-то отзывчивые, понятные. А сейчас неожиданно подкралась старость, и она осталась одна. Совсем одна.

— Я выросла в семье военного высокого ранга, который с утра до вечера пропадал на службе, а когда и бывал дома, как все эстонцы, большей частью молчал. Тем не менее, благодаря весёлой и общительной маме, мрачную обстановку в доме я не чувствовала. Одноклассники с удо-

вольствием приходили к нам в гости, зная, что их обязательно угостят чем-нибудь вкусеньким. В соответствии с генеральской должностью, которую занимал папа, семья никаких бытовых проблем не испытывала: за нами был закреплён служебный автомобиль, которым, в основном, пользовалась мама, мы посещали закрытый распределитель и каждый год отдыхали на море. Кроме меня, в семье был ещё брат старше меня на пять лет, который добровольцем ушёл на фронт и пропал без вести.

Вера нашла на столе платок и промокнула глаза.

— Всё было в моей жизни хорошо, но перед войной отец был арестован и приговорён к пятнадцати годам норильских лагерей строгого режима. Чтобы быть поближе к мужу, мама вместе со мной в 1942 году переехала в Норильск. В 1944 году папа умер от истощения в северном отделении Норильского лагеря, а в 1952 году я вышла замуж за условно - досрочно освобождённого из заключения Рожанского Исаака Марковича. В браке у нас родились два сына — Марк и Витас. Мы с Исааком детей боготворили, но если старший Марк, большой и сильный, похожий на отца, отвечал любовью на хорошее к нему отношение, то младший Витас, злобный и скрытный, ни с кем ни в какие отношения не вступал.

Но дальше Вера не могла говорить от душивших её слёз, и Даша сама продолжила разговор о старшем сыне.

— Скажите, Вера Юстусовна, почему вы не можете получить информацию о Марке через вашего друга Калмыкова? Мне папа говорил, что на запрос депутата Верховного Совета СССР, все обязаны давать ответ.

— Это правда, но не в отношении КГБ. Там это правило не работает. А вообще, давай позвоним Владимиру Дмитриевичу. Дай мне, пожалуйста, нашу телефонную книгу.

Набрав требуемый номер, она услышала в трубке знакомый голос Калмыкова.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич. Вас беспокоит Вера Рожанская.

— Ой, Верочка, как я рад тебя слышать. Как твоё здоровье, дорогая?

— Ничего, без особых изменений. За мной очень хорошо здесь ухаживают.

— Кто? Даша?

— Да. Она хорошая девушка.

— Я её видел, когда был у вас в гостях.

— Володя, у меня к тебе просьба: ты можешь ещё раз, как депутат, узнать, куда отправили Марка?

— Я постараюсь, но это займёт время.

— Хорошо, мы подождём. Обнимаю.

— До свидания. Привет Даше.

9.6

Калмыков положил трубку. И хотя он был давно готов к такому разговору с Верой, он не предполагал, что разговор получится таким сухим и грустным.

— Нужно позвонить адвокату Кузнецову. Он защищал Марка и непременно владеет большей информацией, чем кто-либо другой.

— Стоп, а когда мы с ним говорили в последний раз?

— Кажется, больше месяца тому назад.

— Достаточно давно. Можно позвонить.

Это была суббота, около десяти часов утра по «материку». Владимир Дмитриевич набрал номер ростовского адвоката.

— Доброе утро, Сергей Александрович. Калмыков.

— Здравствуйте. Рад вас слышать. Как ваше самочувствие?

— Всё в порядке: полярная ночь, за бортом минус 38 с ветерком. Трудимся. Я вас не задерживаю?

- Нет-нет, у меня есть время. Слушаю вас.
- Сергей Александрович, что слышно с нашим подопечным Марком Рожанским? Куда его всё-таки отправили?
- Не знаю. Он ушёл на этап с чёрным формуляром.
- Что это такое?
- Это когда на пересылке, чтобы ничего непредвиденного не произошло, закрывают все данные о заключённом.
- У вас есть версия, почему это сделали?
- Версия одна — органы правосудия не договорились с КГБ. Я вам больше скажу: прямо перед судом Скворцову было даже присвоено звание генерал-майора юстиции, но и это не повлияло на результат. КГБ — это государство в государстве.
- И что в этом случае следует нам предпринять?
- Ждать. Так как у кого-то есть к этому заключённому через чёрный формуляр особый интерес, то через это он обязательно засветится, и мы сразу выйдем на объект поиска.
- Сколько ждать?
- Это я вам сказать не могу. Может год, а может больше. Но будьте уверены — все интересные у меня под контролем.
- Сергей Александрович, я вас очень прошу — не стесняйтесь в расходах. Это для меня очень близкие люди.
- Дело не в деньгах, Владимир Дмитриевич. Дело в чём-то другом. Вот это нам нужно понять.
- Сергей Александрович, останавливаться никак нельзя. Мама Марка Рожанского очень переживает.
- Не волнуйтесь. Как только будет хоть малейшая информация, я вам сразу сообщу.
- Жду известий.
- До свидания.

9.7

После звонка Калмыкова, адвокат Кузнецов снова решил проанализировать ситуацию, связанную с исчезновением из поля зрения осужденного Марка Рожанского.

— Чудес не бывает — был человек и нет его. Поэтому нужно всё-таки понять, кому это выгодно?

— То, что мой подзащитный оказался в эпицентре противостояния авторитетных людей, не вызывает сомнения. Но это не повод, чтобы его так прятать. Нужно найти в этой цепочке человека, который, против своего желания, выведет на Рожанского.

Кузнецов перебрал несколько возможных вариантов, и таким человеком всё время оказывался Скворцов.

— А какие аргументы? Аргументы давай.

— Пожалуйста. Во-первых, Скворцов сейчас является хозяином информации, которую хотят многие заполучить. Во-вторых, став генералом, он мечтает о новой высокой должности, но уже в центральном аппарате министерства. Ну и в-третьих, имеет реальную возможность отомстить через сына покойному Исааку Марковичу Рожанскому за обиды, которые много лет назад тот ему нанёс.

— Этого явно недостаточно, чтобы так глубоко «закопать» молодого парня?

— Тебе кажется недостаточным, а он считает, что в самый раз.

Но адвокат Кузнецов профессиональным чутьём чувствовал, что у Скворцова есть ещё одна важная причина, о которой никто не догадывается. Он понимал, что генерал КГБ — очень серьёзная фигура. Его ни с какого бока не схватишь, а вот с окружением поработать можно.

Ближе всех к генералу были два человека — его заместитель по оперативной работе подполковник Вавилов и помощник начальника управления капитан Холодов.

Подполковник Вавилов был очень закрытый малоразговорчивый человек с безупречной репутацией. О нём в управлении вообще никто ничего не знал. После смерти мамы он жил один и даже для уборки квартиры женщин к себе домой не приглашал, выполняя эту работу сам. При этом прекрасно умел готовить, чему его, предчувствуя холостяцкую судьбу сына, в своё время научила мама. Единственная тема, на которую Вавилов иногда в разговоре откликнулся, — кулинария. Причём он с удовольствием делился рецептами изысканных блюд, если кто-то его об этом просил.

Что касается Холодова, то его назначение на должность помощника начальника управления, освободившуюся после ушедшего на повышение Вавилова, было недостаточно продуманным со стороны руководства шагом. Просто взяли по причине недостатка времени, из общего отдела управления симпатичного молодого человека и временно назначили на эту должность. А так как всегда улыбающийся Холодов умел выстраивать со всеми нормальные отношения, его временное назначение переросло в постоянное.

В отличие от Вавилова, у Холодова было четверо детей и, естественно, вечной проблемой для семьи служило приобретение продуктов питания. В список лиц, подлежащих номенклатурному обслуживанию управления, он не входил и поэтому посещал районный универсам, где его однажды встретил Кузнецов. Знакомые ещё по работе Холодова в общем отделе управления, они доброжелательно приветствовали друг друга.

— Здравствуйте, Сергей Александрович.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич. Как поживают ваши детки?

— Вот корм для них добываю.

— А что жена, позвольте узнать?

— Жена у меня вся в труде — технолог цеха на механи-

ческом заводе с ненормированным рабочим днём.

— Юрий Николаевич, позвоните мне завтра вот по этому телефону и я постараюсь облегчить вашу участь добытчика.

Сергей Александрович, адвокат с большим стажем, зашёл к директору центрального универсама и, представившись, попросил включить капитана Холодова в список лиц, имеющих льготное обслуживание. Соответствующее ходатайство обещал представить на следующий день. А через неделю, когда Холодов пришёл за продуктами, как бы случайно встретил его в фойе магазина.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич, как ваши дела?

— Спасибо вам, всё в порядке. Шесть человек накормить — непростое дело. Я вам очень признателен.

— Это в самом деле тяжёлое задание. Я тоже по многу продуктов накупаю.

— А вам зачем, Сергей Александрович? Вы же говорили, что вас двое с женой?

— Всё правильно, но приходится ещё помогать больной старушке — маме моего бывшего клиента Рожанского.

— Это тот, который убил своего сокурсника?

— Да-да. Кстати, вы не знаете, где он отбывает наказание?

— Не знаю. Это было до меня. Но, по-моему, где-то на Крайнем Севере.

— Ну что, всего вам хорошего, Юрий Николаевич. Привет супруге.

— Спасибо. До свидания.

ЧАСТЬ 4

Глава 10.

Удивительный Панкратов

10.1

В марте 1968 года в аэропорт города Минеральные Воды рейсом из Амстердама прибыл необычный пассажир. Его сопровождал хмурый и неразговорчивый, в аккурат соответствующий своему ведомству, представитель Интерпола. На выходе из здания аэропорта его встречали два сотрудника Особого управления КГБ Южного округа, которые, выполнив формальные процедуры и подписав необходимые документы, препроводили таинственного пассажира в Ростов-на-Дону. Это был гражданин Израиля Панкратов Вячеслав Васильевич, обратившийся с просьбой к советским властям восстановить ему гражданство и разрешить въезд в СССР. Взамен он обещал предоставить

серьёзную оперативную информацию по криминальному бизнесу в Израиле.

Он родился 19 октября 1930 года в Москве в семье ответственного работника секретариата ЦК КПСС Панкратова Василия Ивановича и преподавателя английского языка Военной академии им. Жуковского Берты Львовны Цесарской. Берта Львовна осталась в замужестве на своей фамилии, но сына записала Панкратовым и по национальности русским.

Слава Панкратов учился в московской специализированной школе на немецком языке и дружил с одноклассником Фимой. Никаких разногласий у них никогда не было до того момента, пока Слава не обнаружил, что в классном журнале, в графе национальность, против его фамилии кто-то к слову «русский» приписал «еврей». В результате получилось «русский еврей».

— Фимка, это ты сделал?

— Я.

— А зачем?

— Чтобы не быть одному евреем в классе.

— Ну ты козёл, Фимка. Может быть, ты ещё что-нибудь где-то написал?

— Что, например?

— Например, что я внук Льва Толстого?

— Нет, авторитет зарабатывай себе, Славик, сам, а не примазывайся к великим людям.

— Ладно, уговорил. Придётся зарабатывать, но учти — я тебе это обязательно припомню.

Когда началась война, отец Фимы ушёл добровольцем на фронт, а он с мамой эвакуировался в дагестанское село. В 1943 году отец погиб, и мама решила возвратиться с сыном в холодную и голодную Москву. Семья Панкратовых, наоборот, прожила все годы войны в Москве, а в мае 1946 года Василий Иванович был в экстренном порядке

назначен комендантом города Потсдама, рядом с Берлином. Оставив сына Славу учиться в Москве, он с женой переехал в Германию.

10.2

В 1948 году Слава успешно окончил московскую среднюю школу и поступил, на основании разрешения воссоединения с родителями, в Берлинский технологический университет, на факультет энергетического машиностроения. Благодаря знанию немецкого языка, в студенческую среду он влился без труда. А через два года познакомился со студенткой из Дании Гретой Розенфельд, пропустив её однажды без очереди в студенческой столовой.

Грета была яркой блондинкой с вьющимися волосом и глазами серого цвета. Всё в ней было очень гармонично и привлекательно, кроме длинноватого носа, который её не портил. Когда Слава с полным подносом стал искать свободное место, девушка энергично помахала ему рукой.

— Садитесь, пока никто не занял, — сказала она на не совсем понятном ему немецком языке.

— Спасибо за приглашение. А что это за немецкий язык, на котором вы говорите?

— Это идиш. На нём говорят многие европейские евреи.

— Вы знаете, я его понимаю.

— Естественно, потому что идиш по многим признакам близок к немецкому, но отличается от него грамматическим построением. Идиш позволяет евреям свободно общаться с немцами. Но, кроме того, я ещё знаю датский, английский и французский.

— Так вы еврейка? — пропустил он её последнее предложение.

— Да, а что вас здесь смущает?

— Да, в принципе, ничего. Только вы не похожи на тех евреек, которых я видел в России.

— Это почему?

— Чересчур красивая.

— Вот это да. Никогда мне никто такого не говорил.

— Значит, я первый.

— Вы не первый, вы хитрый. Сразу берёте быка за рога.

После этого в разговоре молодых людей наступила небольшая пауза, которую неожиданно нарушил Слава.

— А я тоже еврей.

— Неужели? И с какого боку?

— С маминого, но в паспорте записан русским.

— Как вас звать?

— Вячеслав. Можно Слава.

— А меня Грета.

— Очень приятно. А знаете, почему у меня такое имя?

— Нет, не знаю.

— Меня сам Вячеслав Михайлович Молотов на своей машине забирал из роддома. Папа с ним вместе долгое время работал в Москве.

— Не хочу вас, Слава, огорчать, но я не знаю, кто такой Молотов. И вообще, если я не соответствую вашему типу евреек, то мы зря познакомились. Тем более что у вас такое тяжелое для произношения имя.

— А что нужно, чтобы выглядеть евреем?

— Ну, хоть что-то. Грустные глаза или нос с горбинкой, как у меня.

И они стали дружно хохотать, обращая на себя внимание рядом сидящих людей. А потом, немного отдышавшись, Грета с улыбкой добавила:

— Не расстраивайтесь, Слава. Я уже записалась на пластическую операцию по исправлению носа. А то ещё за границу не выпустят, если задумаю отсюда уезжать.

10.3

Последняя фраза была сказана Гретой не просто так. То, что Слава был наполовину русский, её весьма настораживало. Она не знала, что можно говорить при нём, а что нельзя. И, прежде всего, когда обсуждается еврейская тематика.

Чтобы слегка его прощупать, она однажды начала задавать ему вопросы по России.

— Слава, а ты, когда жил в Москве, видел немцев?

— Нет, не видел. Они где-то на окраине Москвы что-то строили.

— А тебе не интересно было на них посмотреть? Ты же знаешь, что они во время войны делали с евреями?

— Грета, зачем ты мне это говоришь? Я наполовину еврей, наполовину русский.

— Слава, в Торе записано, что если у человека мама еврейка, то он еврей.

— Что ты говоришь? А куда папу девать?

— Папа не в счёт. Папа может быть любим.

— А я не хочу любого папу. Я хочу своего папу.

— Хоти, но у евреев так Богом заповедано. Это одно из условий, в соответствии с которым он опекает наш народ.

— А что же твой Бог так плохо опекал еврейский народ во время войны? Мама мне рассказывала, что немцы в 1941 году убили в Киеве бабушку, дедушку и всю семью её младшего брата. Восемь человек. С кого за это спросить, кто за это ответит? Немцы или твой еврейский Бог?

— Конечно, немцы.

— В таком случае их нужно всех, от мала до велика, расстрелять, как они это сделали с евреями, а не повесить кучку главарей и «умыть руки».

— Всех, Слава, нельзя расстрелять.

— Почему? Патронов не хватит? — вспыхнул Слава.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, уважаемая Грета, то немцы не интересовались, кто у тебя еврей — мама или папа. Всех в одну яму бросали. Достаточно было показать на тебя пальцем, а ещё лучше написать.

— Ты прав, Слава, но война ещё не закончилась. Антисемитский дух чувствуется в Берлине на каждом шагу.

— По каким признакам ты это определяешь?

— По разным. Я всё-таки в Европе родилась.

— Я тоже не в Африке... Кое-что понимаю.

— Вот именно, кое-что. Во все исторические эпохи, при малейших изменениях в общественном климате страны, евреи первыми принимали на себя удар и уходили с насиженного места.

— Это мне известно.

— Я чувствую, — после небольшой паузы продолжила Грета, — что ты находишься на перепутье. Это часто бывает, когда человек говорит одно, а думает другое. Это не мимикрия, а отклик вслух на запрос души. А хочешь, я тебе немножко расскажу о себе, о своей семье?

— Хочу.

— Тогда слушай. Только давай уйдём из столовой, а то на нас уже обращают внимание.

10.4

Они вышли из здания университета и расположились на свежеподстриженном газоне.

— Это было в середине апреля 1939 года. Немцы оккупировали Данию, но на улицах датских городов было ещё сравнительно спокойно: на каждом углу продавали цветы и сливочные пирожные, а в городском саду играл духовой оркестр. Каждый вечер к папе приходили его младшие братья-близнецы. Они запирались в его кабинете и весь вечер что-то тихо обсуждали. А потом, когда братья уходили,

ли, папа метался по квартире и срывал плохое настроение на домашних.

— Родители у тебя были состоятельные люди? — спросил безразличным тоном Слава.

— Да. Папа имел свой банк. Но ты не перебивай, а слушай.

— Хорошо, не буду.

— Так вот. Из разговоров родителей на разных языках, которым они, на свою голову, меня обучили, я слепила в голове картину современного мира, угрожающую существованию евреев. А однажды, когда папа, после изысканного обеда курил любимую сигару, я спросила.

— Скажи, папочка, почему немцы ведут себя у нас как хозяева — шумят, всех оскорбляют, горланят свои песни? У меня создалось впечатление, что от их наглости никуда никому не деться.

— Это тебе показалось, дочечка. Они цивилизованные люди. Всё будет хорошо, — ответил папа.

— Сколько тебе было лет, Грета? — снова перебил Слава.

— Восемь. Но прошу: не мешай.

— Не буду, не буду.

— Оказывается, — продолжила рассказ Грета, — папа всё прекрасно понимал и имел свой план действий. За хорошие деньги он вскоре зафрахтовал, пользуясь на тот момент «мягким оккупационным режимом», небольшое шведское судно — якобы для экскурсии по Северному морю. На борт этого комфортабельного корабля он посадил восемнадцать человек, входящих в состав нашей и братьев семьи.

— Так твой папа, в самом деле, был богатым человеком, — заметил Слава, — потому что в СССР нельзя было иметь столько денег.

— Кроме того, что папа был богатым, — пропустила Грета реплику Славы, — он был ещё и умным. Папа опередил на несколько месяцев всеобщий ажиотаж в Дании, связанный с вторжением фашистов.

— А что было дальше?

— Покрутившись пару недель, для отвода глаз, около Норвегии, наш пароходик высадил всех пассажиров на юго-восточном побережье Швеции. Это позволило нам всем благополучно пересидеть всю войну.

— Интересный рассказ, но не типичный, а главное, расслабляющий, — выразил своё впечатление Слава.

— Какой есть! — с обидой ответила Грета.

10.5

В детстве Слава увлекался книгами о Скандинавии и полярных экспедициях. Он искренне завидовал героям, которые видели красоты Севера и успешно преодолевали трудности. Но когда Грета стала рассказывать об их безбедной жизни в период войны с немцами, Славу это несколько покорило. Конечно, он читал о зверствах, которыми занимались фашисты, но всё это было от него очень далеко.

Своё еврейство ни в школе, ни во дворе Слава никогда не чувствовал. Даже когда друг Фима, ради шутки, написал в классном журнале, что он еврей, никто не обратил на это внимания. Были какие-то обрывки разговоров дома между родителями. Он считал, что это к их семье никакого отношения не имеет. Но когда познакомился с Гретой — всё изменилось. Беседы на еврейскую тему между Гретой и Славой стали частыми и нервными. Иногда даже заканчивались скандалом и даже ссорой.

Сегодня Грета пришла на свидание очень напряжённой.

— Знаешь, Слава, сейчас ситуация для евреев в СССР не из приятных. Я учусь на гуманитарном факультете, и студенты много об этом между собой говорят.

— Что ты считаешь, красавица моя, нужно евреям делать? Куда-то бежать, как твоя семья? Так у моих родителей денег нет.

— Ну что ты язвишь, Слава? — резко оборвала Грета. — Постарайся хоть немного вникнуть в то, что происходит в твоей стране. Об этом в полный голос говорят уже не первый день многие западные радиостанции.

— Я их не слушаю.

— А зря. События, связанные с гонениями на безродных космополитов, коснулись и вашей семьи.

— Каким образом?

— Объясняю. Вместо повышения по службе перед предстоящим выходом на пенсию, твоего отца — заслуженного человека — отправили на должность коменданта захолустного немецкого города.

— И что тут такого? В жизни нашей семьи, в принципе, ничего, по сравнению с Москвой, не изменилось.

— А тебе не кажется, Слава, что твоего отца этим назначением за жену еврейку просто отхлестали по щекам? Не кажется?

— Нет, не кажется. Не вижу, за что.

— А ни за что. Просто так. Евреи на этапе тридцатых–сороковых годов выполнили свою, отведенную им Сталиным роль, и сейчас он их убирает в чулан, как ненужные вещи.

— Это в каком смысле?

— В прямом. Тебе возвращаться в Россию — очень плохой вариант. Сталинский террор в отношении евреев может быть ещё более беспощадным и кровавым, чем фашистский.

— Не знаю. Может быть. А вообще эта тема меня не интересует.

— А зря. Ты же мне рассказывал, что в детстве бредил всякими путешествиями. Воображал себя Амундсенем, который побывал как на Северном, так и на Южном полюсе.

— Да. Эти фантазии меня, как всех мальчишек, посещали. Но сейчас я взрослый мужчина. Зачем мне эти глупости?

— Это не глупости. Ты успешно оканчиваешь Берлинский технологический университет. Это очень серьёзное учебное заведение. Свободно владеешь несколькими иностранными языками. Почему бы тебе не предложить себя миру? Почему, пока молодой, не поехать куда-нибудь поработать?

— Интересная мысль — двадцать три года я прожил как русский человек. А в самом деле: почему не попробовать пожить как еврей? Только один вопрос: кто меня куда пустит?

— Ну, это не твой вопрос. Я подумаю, что можно сделать.

И в сентябре 1953 года выпускники Берлинского технологического университета Грета Боруховна Розенфельд и её гражданский муж Вячеслав Васильевич Панкратов выехали из Восточной Германии в молодое государство Израиль.

10.6

Приехавших в Израиль молодых специалистов направили в кибуц на юг страны. Узнав, что Слава говорит по-русски, вечером первого же дня к ним пришёл руководитель кибуца и принёс портрет Сталина.

— Здравствуйте, дорогие гости. Пришёл с вами знакомиться. Меня зовут Юда. Хорошо?

— Очень хорошо.

— А зачем портрет Сталина принесли?

— Это хорошо.

— Очень хорошо, только повесьте его где-нибудь в другом месте, только не у нас. Хорошо?

— Хорошо.

— А вас как зовут?

— Меня Слава, а её — Грета.

— Очень хорошо. Вот и познакомились. Правильно?

— Всё правильно.

— Я мало знаю русский язык, мы его сейчас в кибуце учим. Хорошо?

— Очень хорошо. Да вы проходите, Юда. Садитесь, где удобно. Сейчас будем вас угощать.

— Зачем меня угощать? Мы должны угощать. Кто хозяин — тот и угощает.

После этого Юда вышел из дома и через несколько минут вернулся с полной корзиной фруктов и овощей.

— Сами вырастаем. Хорошо?

— Очень хорошо.

— Ну вот. А теперь по делу. Мы заказывали электрика и бухгалтера. Знаете?

— Да, знаем: я — электрик, Грета — экономист.

— Очень хорошо. Работа каждый день, а ночью ходим по расписанию на дежурство с ружьём. Три раза в неделю. Не важно, мужчина или женщина. Всё понятно?

— Понятно.

— Ну что же. Тогда до завтра.

На следующий день Слава начал работать в электро-механической мастерской, а Грета — в конторе кибуца. Рабочий день начинался с завтрака в семь часов утра и длился, с часовым перерывом на обед в кибуцной столовой, до пяти вечера. А вот ночное дежурство оказалось очень серьёзным и ответственным делом. Перед выходом на дежурство, независимо от погодных условий, начальник охраны проводил со всеми инструктаж. В течение ночи он

лично или с руководителем кибуца обходил каждый пост, проверяя его боеготовность. Не выполнить задание или заснуть на посту было ни в коем случае нельзя.

10.7

Основным разговорным языком в кибуце был иврит, но многие знали, наверное, по жизни до Израиля, идиш. Некоторые члены кибуца говорили на английском и немецком языке, поэтому Слава легко выходил из затруднительных положений.

Электромеханическая мастерская, в которую Славу определили работать, представляла собой две комнаты: в первой принимали требующие ремонта изделия, а во второй их ремонтировали. Немолодого напарника Славы звали Ёжи, который вместо представления просто указал на портрет Сталина, а потом шёпотом спросил.

— А тебя как?

— Слава, — ответил он тоже шёпотом.

— Сява? — переспросил Ёжи свистящим голосом. На что Слава утвердительно мотнул головой.

Оказалось, что несколько лет назад арабы прострелили Ёжи шею, и он практически не может громко говорить. В течение дня, находясь в одной комнате, они почти не разговаривали. Иногда что-то писали друг другу, но чаще обходились жестами. Знания, которые получил Слава в университете, очень пригодились в работе. Сейчас он с большой благодарностью вспоминал мастера Краузе и курс «Практическая электротехника», который он вёл. Мастер заставлял студентов многократно монтировать различные электрические схемы, собирать и разбирать трансформаторы, генераторы, двигатели и другие электротехнические устройства. Работа руками его просто захватила.

Слава, как правило, приходил на работу к семи утра. Ёжи уже был в мастерской и чем-то занимался. Но сегодня дверь была закрыта, а сам Ёжи сидел на входном порожке с опущенной головой.

— В чём дело? — спросил у него по-немецки Слава.

— Я потерял ключ от мастерской. У тебя должен быть запасной.

— Нет у меня ключа. Ты всегда сам мастерскую открывал и закрывал.

— Это правда, — подтвердил Ёжи.

— Где ты его мог потерять? — спросил Слава.

— Только здесь, больше нигде. Наверное, мимо кармана положил.

— Здесь много травы и песка. Как ключ можно в этом найти? — сам себе задал вопрос Слава.

Потом, глядя на несчастное лицо Ёжи, добавил уже по-русски:

— Ладно, попробую дедовский способ. Может, получится.

Слава очень сильно, до красноты, растёр свои большие ладони, опустил на колени и стал медленно ими водить очень близко от поверхности земли рядом с порожком мастерской.

— Ура, — по-русски заорал Слава, когда головка маленького ключика показалась из кучи песка.

— Вот он, любезный! — теперь, как ненормальный, что-то орал простреленный Ёжи. — Ну, ты молодец, Сява. Сегодня же сделаю тебе второй ключ. Ты большой молодец.

10.8

Новость о том, что новый русский умеет находить железные предметы в земле голыми руками, молниеносно разлетелась по кибуцу. В столовой Славу непрерывно поздрав-

ляли знакомые и незнакомые люди, а самые настырные даже старались завести разговор, чтобы он раскрыл свой секрет. Слава делал вид, что не понимает идиш и каждый раз уходил от ответа.

А в конце обеда к нему подошла молодая женщина и на чисто русском языке сказала.

— Я врач кибуца. Натали. Хочу с вами поговорить по поводу сегодняшнего происшествия с ключом.

— Да, конечно.

— Тогда в восемь часов вечера зайдите ко мне в кабинет. Это административный корпус, второй этаж.

— Хорошо. Приду.

Кабинет с одним окном был рассчитан на двух человек: врача и пациента. Слева от входной двери располагалась маленькая раковина с кусочком простого мыла в углублении. Под раковиной, на гвозде, висело чистое полотенце. Рядом с раковиной стоял сверкающий белизной большой медицинский шкаф. Через его стеклянные дверцы было видно всё нехитрое содержание. У противоположной стенки разместились кушетка для осмотра больных, а между кушеткой и окном был втиснут столик врача. На стук в дверь раздался молодой женский голос.

— Открыто, входите.

— Ещё раз здравствуйте. Меня зовут Слава.

— Я знаю, как вас зовут. Местные называют вас не Слава, а Сява. Это значительно снижает пафосное звучание вашего имени.

— Вы прекрасно говорите по-русски, Натали.

— Спасибо. Для меня русский язык родной. Это музыка, которую я практически не слышала уже более десяти лет. А вы откуда приехали в Израиль?

— Из Германии. Подруга уговорила меня поехать на несколько лет поработать в Израиле, и я согласился.

— Это вы имеете в виду Грету, с которой живёте в одной квартире?

— Да, это моя гражданская жена.

— Очень интересно. Такую необычную форму брака привезла с собой послевоенная немецкая алия. Она достаточно распространена в Израиле. А что вы не интересуетесь, Слава, как я сюда попала?

— Просто не успел спросить под натиском ваших вопросов.

— Тогда я вам в трёх словах расскажу. В двадцатые годы мои родители сначала уехали из Западной Украины во Францию. Мама у меня украинка, а папа еврей. Там оба окончили медицинский университет и стали врачами. Когда фашисты пришли к власти, они переехали в Португалию. Я пошла по их профессиональному пути.

— И как вы здесь оказались?

— Я вообще не собиралась, но мой дорогой папа рвался отдать сионистский долг молодому еврейскому государству. К сожалению, он заболел и уговорил меня поехать вместо себя.

— Давно вы здесь работаете?

— Уже шестой год, но работа, к сожалению, не интересная.

— Почему?

— Она больше фельдшерская, чем докторская. Иногда бывают производственные травмы, но, в основном, занимаюсь венерическими заболеваниями и сопровождениями на аборт.

— Понятно. Чем я вас заинтересовал, что вы решили со мной отдельно поговорить?

— Да вы не стойте — ложитесь. Ой, извините, садитесь на кушетку.

— Спасибо.

— Мне хочется услышать ваше мнение по поводу одного аномального медицинского явления в наших широтах, которое беспокоит многих людей, живущих в кибуце.

10.9

Когда Слава присел на кушетку, не покрытую простынёй, он почувствовал, что она приятно охлаждает. В жуткой жаре, которой дышал каждый предмет юга Израиля, найти кусочек прохладного пространства, было большой удачей. Но ещё большее удовольствие он испытывал от разговора с Натали на чисто русском языке. В кибуце были люди, знающие русский язык, но их знания были, как правило, на уровне человека, принёсшего им в день приезда портрет Сталина, что, конечно, его не удовлетворяло.

Схватив, в силу молодости и ежедневного общения с израильтянами, на начальном уровне иврит, Слава не приблизился к традициям евреев и знанию еврейской культуры. Он не участвовал в кибуцных мероприятиях, не посещал кружки, не ходил в синагогу. Читал книги только на немецком языке и старался ни с кем не вступать ни в какие дискуссии. Грета всеми силами пыталась сделать в течение нескольких лет из Славы, как она говорила, «настоящего еврея», но у неё, по большому счёту, это не получалось.

Сейчас Слава сидел напротив миловидной девушки Натали и думал, зачем она его к себе пригласила. По преамбуле разговора не всё было понятно.

— Скажите, Слава, а какой вы институт оканчивали в Германии? — начала разговор издалека Натали.

— Берлинский технологический университет. Специальность — энергомашиностроение.

— Так вы почти по прямой специальности работаете в электромеханической мастерской?

— Ну что вы так грубо иронизируете, мадам?

— Я не иронизирую, а констатирую факт. Израиль строит новое государство и здесь нужны не только головы, но и руки.

— Вы пригласили меня к себе, Натали, чтобы обсудить государственную политику Израиля?

— Не совсем так, но близко. Мы живём с вами, уважаемый, в пустыне, где на открытом пространстве дуют сильные ветры, перемещающие огромные массы горячего песка. С порывами ветра связаны не только скачки дневной и ночной температур, достигающие тридцати градусов, но и постоянно меняющаяся величина атмосферного давления.

— Мне это хорошо известно, Натали. Я здесь живу уже одиннадцать лет.

— Это хорошо, что известно. Но приехавшие сюда люди, в отличие от бедуинов, привыкших к местному климату, страдают одной тяжёлой болезнью. Она называется пустынная мигрень. От сильной головной боли они буквально на стенку лезут.

— Почему?

— Потому что у меня нет соответствующих лекарств, да и эта проблема мало изучена. А вот вы, мне кажется, можете им помочь.

— Каким образом?

— С помощью своего природного дара — «горячие руки». Вы можете воздействовать своим электромагнитным полем на поле другого человека. Дело в том, что страдающие от мигрени люди имеют собственное поле с разрывами. В частности, резкие провалы наблюдаются в области головы.

— И дальше что?

— А то, что вы можете своими руками это искажённое поле соответствующим образом корректировать.

— Ну что вы, Натали, это безграмотное знахарство, а я оканчивал солидное учебное заведение.

— Вы что, Слава, испугались?

— Отнюдь нет, но заниматься чужой головой у меня нет

никакого желания. Если, правда, не считать вашу. И вообще, я так, сходу, не могу ответить на этот серьёзный вопрос.

— Подумайте, Слава. Посоветуйтесь с гражданской женой, — ответила Натали, сделав акцент на слове «гражданской».

— Непременно.

— И не торопитесь с ответом, уважаемый, не торопитесь. Естественно, у вас появятся дополнительные хлопоты, но доброе дело будет отмечено Всевышним, и он вас обязательно отблагодарит.

— Чем, Натали?

— Любовью.

— Вы меня очень растрогали. Спокойной ночи.

— Будьте здоровы.

10.10

Предложение кибуцного врача Грета отвергла сходу: то ли заподозрила в Натали соперницу, то ли не захотела, чтобы Славу беспокоили после работы посторонние люди. Но неожиданно сама перешла в наступление и стала укорять его в недостаточном к ней внимании.

— Надо же, — подумал Слава, — на пустом месте устроила скандал.

При случайной встрече с врачом Слава, переминаясь с ноги на ногу, промямлил:

— Извините, Натали, что обнадёжил, но эксперимент с ключом у меня получился совершенно случайно. Ваше предложение принять не могу. Боюсь подвести.

Но его напарник по мастерской, прожаренный на солнце румынский еврей Ёжи, имел по этому поводу другое мнение. Он видел, как Слава буквально на глазах посерьёзшел, изменился в лице и намагнитил руки. Ёжи запомнил всю процедуру поиска ключа в земле до мелочей. А через

несколько дней, в обеденный перерыв, Ёжи неожиданно спросил Славу:

— Скажи, Сява, а ты знал до случая с моим ключом, что владеешь техникой магнетизма?

— Как ты сказал? Магнетизмом?

— Да, магнетизмом. Это очень редкое явление. Я видел много лет назад в румынском цирке человека, который на своём теле удерживал одновременно несколько металлических сковородок. После этого больше не встречал людей с такими способностями.

— Нет, не знал.

— Врёшь?

— Не вру. Я просто захотел найти твой ключ в земле.

— Что ты говоришь? И всё?

— И всё. Правда, люди иногда говорили, что у меня горячие ладони, но я считал, что это нормально. Во всяком случае, не придавал этому значения.

— Понятно. А можешь ещё раз мне этот фокус показать?

— Нет, не могу. У меня, когда нет желания, ничего не выходит.

— А ты попробуй.

— Нечего пробовать — не выходит и всё.

— Ладно, Сява, не злись. Лучше я тебе расскажу про свою жизнь.

— Расскажи, я с удовольствием послушаю. Только после работы — мне кое-что нужно сейчас срочно доделать.

— Хорошо, давай после работы, если никуда сегодня не спешишь.

— Не спешу.

— Договорились.

10.11

Когда Слава и Ёжи выключили свет и закрыли свой сарай, в котором располагалась мастерская, уже начинало темнеть. А с темнотой повеяло долгожданной прохладой.

— Родился я в 1915 году в Тимишоаре, небольшом уютном городке на юго-западе Румынии, — начал свой рассказ Ёжи.

— Этот городок всегда славился своими необыкновенными цветами и потрясающей красоты клумбами. Круглый год воздух был напоён цветочными запахами. Однако благодатную жизнь жителей городка портили цыгане, которые каждый день приходили в город из многочисленных таборов, расположенных в округе.

— Зачем?

— Как зачем? Побузить, похулиганить, поиздеваться над людьми. Что-то поломать, что-то своровать. А иногда просто подраться с городскими парнями.

— Это были взрослые или молодёжь?

— В основном, подростки.

— Понятно.

— Мне, как ни странно, нравилась их бесшабашность, и я вскоре примкнул к одной из таких компаний.

— Так ты же еврей, а не цыган!

— Еврей, но внешне был очень похож на цыгана. А чтобы они считали меня своим, я всё делал лучше и жёстче.

— Классно.

— Вскоре я не только стал авторитетом среди этих босяков, но и возглавил одну из разбойничьих банд. Кстати, я с детства знал и хорошо говорил на цыганском языке.

— Да ты что. И откуда?

— Цыгане многие слова позаимствовали у местных жителей. Так что цыганский язык я даже лучше знал, чем румынский.

— И что дальше?

— А дальше, чтобы не служить в румынской армии, я в восемнадцать лет убежал в Италию, где занялся современным пиратством по южному побережью Средиземного моря.

— Это что такое?

— Грабил богатые яхты, стоявшие в бухтах, небольшие пароходы с иностранными туристами. Иногда, как правило, в зимний сезон, обчищал неохраняемые виллы в курортной зоне. В общем, жил припеваючи.

Ёжи, не торопясь, достал из брючного кармана пачку дешёвых турецких сигарет и закурил. Сделал несколько больших затяжек, как будто утолял жажду в дыму. После этого о камень потушил сигарету и аккуратно закопал окурок в песке.

— Такая жизнь продолжалась лет пять, пока я не решил посмотреть арабский мир и не ушёл на своей лодке к восточному побережью Средиземного моря. А через полтора года меня у берегов южной Палестины захватили в плен египтяне и продали, как раба, бедуинам. Ну, это уже другая тема, о которой поговорим с тобой завтра.

10.12

Слава весь вечер вспоминал отдельные эпизоды жизни Ёжи. После его рассказа, в котором, если даже половина была правдой, своя жизнь казалась ему серой и неинтересной. Хотя некоторые, неосмысленные до конца зигзаги судьбы, тоже в ней присутствовали.

И тем не менее, он не мог ответить себе на основной вопрос: что побудило Ёжи — скрытного неразговорчивого человека, не доверяющего в этом мире ничего никому, — рассказывать ему, в принципе постороннему человеку,

подробности своей разухабистой жизни. С этого простого вопроса и начался их разговор на следующий день.

— Хоть ты и молодой парень, Сява, но голова у тебя работает в правильном направлении. И тем не менее, ответу на твой вопрос, если не возражаешь, в конце нашей беседы.

— Согласен.

— Вот и хорошо. Итак, попал я в плен не по неопытности, а из-за элементарной жадности. Думал, в Палестине жизнь не такая роскошная, как в Европе, значит, и лихих людей работает по побережью меньше. Но оказалось, это всё не так.

Ёжи снова закурил свою вонючую сигарету и продолжил говорить.

— В общем, завязали мне глаза и привезли к руководителю бедуинского племени.

— А зачем глаза завязали?

— А как же. Некоторые люди ориентируются в пустыне, как в своей квартире.

— Да ты что?

— Да. И ты со временем научишься.

— Понятно.

— Ну так вот. Спрашивает меня их предводитель: «Ты кто такой?» Я отвечаю: цыган. — Арабский знаешь? — Нет, не знаю. Но на еврейском говорю.

Посоветовавшись между собой, они оставили меня работать, надев на ноги колодки, чтобы не сбежал. Спал я в сарае, а днём сортировал мусор, который свозили на свою территорию со всех южных районов Палестины. Кормили остатками со стола, что было для меня вполне достаточно.

— Извини, Ёжи, но что в твоём рассказе полезно для меня?

— Подожди, Сява, не торопись. Тебе, как учёному человеку, наверняка известно, что на территории Израиля

можно найти всё, что пожелаешь. Через неё во все времена проходили богатые караваны с Востока на Запад и обратно.

— Конечно, известно.

— А тебе известно, что бедуины выходят на свой промысел после того, как стихнет ветер?

— Нет, а что за промысел?

— Сейчас расскажу. Они заранее устанавливают в определённых местах сети, задерживающие огромные песочные массы, а затем в этих местах руками просеивают песок на глубину пятнадцать-двадцать сантиметров.

— Зачем?

— Там они находят много ценных вещей.

— И что с ними делают?

— Продают. Приезжают перекупщики и забирают товар, расплачиваясь наличными.

— По какой цене?

— Не знаю. У них свои расценки.

10.13

Выкурив, не торопясь, очередную сигарету и откашлявшись, Ёжи продолжил рассказ.

— Проработал я у бедуинов больше четырёх лет — многому научился, многое увидел. Часто сопровождал хозяина в поездках. Но положение раба и прислуги меня никак не устраивало. Я всё время думал о том, как вырваться из этого унижительного плена.

— Ну не жизнь у тебя, Ёжи, а детективный роман.

— Сява, не перебивай. И вот однажды вся большая бедуинская семья решила посетить восточный базар около Сдерота. Меня взяли с собой в качестве носильщика. На том базаре продавали огромное число товаров со всего Ближнего Востока, в том числе и арабских лошадей. Я ими просто залюбовался. Красавцы. А потом вспомнил,

как в юности воровал скакунов и особым цоканьем языка подманил понравившегося мне жеребца. Вскочил на него, вцепился руками в гриву и ускакал от своих бывших хозяев.

Ёжи снова полез в карман за сигаретой, достал её, но не закурил.

— Жеребца я вскоре отпустил, а сам скитался несколько дней по пустыне, замечая следы, пока не наткнулся на наш кибуц, где и работаю больше пятнадцати лет. Вот и весь рассказ. Если есть вопросы — задавай. С удовольствием отвечу.

После этого чиркнул спичкой и закурил.

— А вопрос у меня, Ёжи, к тебе прежний: зачем ты мне это всё рассказал?

— Отвечаю. Я за тобой, Сява, наблюдаю не один год. Не знаю, как ты здесь оказался — то ли из любви к Грете, а может по какой-то другой причине, но тебе Израиль, в том числе и наш кибуц, чужой.

— Почему ты так говоришь? У меня мама еврейка.

— Это ровным счётом ничего не значит, кто у тебя в семье еврей. Евреем нельзя стать. Евреем нужно родиться, а ты, к сожалению, родился русским.

— И что из этого вытекает?

— Только одно — ты скоро отсюда уедешь.

— Не думал я на эту тему. Мне пока и здесь хорошо.

— А вот я за тебя взял и подумал, почему бы нам не заработать перед твоим отъездом много денег?

— Каким образом?

— А вот каким. С моим многолетним опытом жизни в пустыне и твоей способностью находить в песке металл, можно, если приложить соответствующие усилия, прилично обогатиться.

— Как ты это видишь?

— Очень просто — мне надо научить тебя работать с песком. С твоими руками мы можем просеивать песок на глубине, куда бедуины не могут добраться. Мы ещё раз пройдемся с тобой по их тропам и подберём все жирные остатки.

— А если они об этом узнают?

— Это будет очень плохо, но об этом я тоже подумал.

— Да ты что? Очень интересно. Расскажи, если не секрет.

— Не секрет. Недавно на общем собрании членов кибуца начальник говорил о том, что кибуц задыхается от мусора. Никто не хочет этим неблагоприятным делом заниматься.

— Почему?

— Потому что это грязно и хлопотно. Юг, сумасшедшая жара, насекомые. И вообще, если вовремя мусор не убрать, особенно пищевые отходы, всё начинает разлагаться и жутко вонять.

— И ты решил эту амбразуру закрыть?

— Да.

— А как ты объяснил это начальству?

— Сказал, что работы в мастерской практически нет. Боимся, что помещение отберут.

— Понятно. А теперь ты мне, Ёжи, расскажи, что нам даёт для занятия бедуинским промыслом работа с мусором?

— Молодец. Хороший вопрос. Во-первых, чтобы доехать до мусорной свалки руководство кибуца нам предоставит, как минимум, лошадь и подводку. Во-вторых, окружные власти разрешат выход за пределы кибуца в любое время дня и ночи. Ну и в-третьих, это даёт нам возможность мусором заниматься в тёмное время суток.

— Ну ты и голова, Ёжи.

— Спасибо за похвалу, Сява.

— Но в связи с нашей новой деятельностью у меня возникает много других вопросов.

— Какие? Не стесняйся, задавай.

— Ну, например, где хранить товар, который найдём?
А главное, как и кому сбывать?

— Смотри, Сява, у бедуинов всё давно в этом плане продумано. Думаю, они с нами этими знаниями поделятся! —
И стал загадочно улыбаться.

— Ёжи, зачем им это надо?

— Шучу, Сява, шучу. Решение обязательно придёт, стоит только начать заниматься делом.

— Ну что? Мне нравится.

— Тогда вперед.

10.14

Дом, в котором жили Слава и Грета, представлял собой две комнаты и маленькую кухоньку, из которой дверь вела в санузел. Первая комната была больше по площади, чем вторая, и называлась с большой претензией салоном. В ней вдоль стен были расставлены стол со стульями, диван и полупустая этажерка с патефоном, пластинками и книгами. Во второй располагались две узкие кровати, разделённые маленькой тумбочкой, и шкаф для одежды. На тумбочке лежали газеты и книги на русском и немецком языках из кибуцной библиотеки. Никаких продуктов в доме никогда не было, так как все кушали в общей столовой.

Слава уходил на работу рано утром и возвращался домой поздно вечером. Порой они с Гретой друг с другом не общались по несколько дней. Но сегодня Слава пришёл домой, как никогда, рано и застал её лежащей на диване с книгой в руках.

— Что читаем, красавица моя?

— Чехова.

— Да ты что? И на каком языке?

— На идиш. Должна же я хоть немного знать о стране, из которой приехал мой любимый мужчина.

— Это правильно. Ведь я немецкий хорошо знаю, а ты русский нет.

— Ну, на счёт хорошего знания немецкого ты не придумывай. На таком уровне я могу и по-английски говорить.

— Говори, вместе будем учиться.

— Замечательно. А теперь скажи, дорогой, что ты так неожиданно рано пришёл домой?

— Работу поменял. Мастерскую у нас отбирают.

— Как это отбирают?

— А вот так. Теперь будем мусором заниматься и поэтому вставать мне завтра в четыре утра.

— Вот здорово — восход солнца увидишь!

— Ладно, кончай шутить, Грета.

— Я не шучу, Слава. Это прекрасное зрелище.

— Согласен. А ты помнишь, что студенты по этому поводу говорят: лучше переесть, чем недоспать. Так что сейчас я помоюсь и — в кровать.

— Ура, у нас начинается новая жизнь! — прокричала Грета.

— Это точно, только ты, дорогая, к этому никакого отношения не имеешь, — спокойно уточнил Слава.

Но здесь Слава был не прав: работа с мусором гражданского мужа имела к Грете прямое отношение и при том с весьма неприятной стороны. От неё требовалась практически ежедневная стирка его нижнего белья. Хорошо, что только нижнего, так как верхнюю одежду они сдавали в банное отделение кибуца. Но это было ещё не всё: кроме ежедневной стирки, от запахов свалки, которые приносил с работы Слава, в доме стало невозможно дышать.

— Слава, сделай что-нибудь! Дома воняет как в конюшне.

— Смотри, красавица, есть два варианта решения данной проблемы, и оба для тебя плохи.

- Рассказывай, какие?
- Первый — поменять работу, второй — мне ночевать в другом месте.
- Лучше поменяй работу.
- Хорошо, но Ёжи сказал, что в кибуце нет другой работы.
- Тогда будем решать проблему на местном уровне.
- На каком?
- На местном. Завтра переставишь свою кровать в другую комнату.
- И всё?
- Нет, не всё. Я поговорю в бухгалтерии, чтобы нам выписали со склада дополнительную дверь.
- И куда ты её будешь ставить?
- Между комнатами.
- Грета, над нами весь кибуц будет смеяться.
- Пусть смеются. Переживу.
- Ещё и замок врежешь?
- А как же. И закажу два ключа к ней: мне и тебе.
- Ну, слава Богу, а то я подумал, что ты вообще лишишь меня доступа к телу.
- И не мечтай, бездельник!

10.15

За две недели работы на свалке Ёжи со Славой натаскали в мастерскую выброшенные в мусорные баки старую обувь, одежду, мебель, игрушки, посуду и кучу всякой другой всячины. Обладая золотыми руками, Ёжи за выходные дни приводил старьё в такой вид, что на приёмном пункте ему за них начали предлагать деньги.

Однако к основной задуманной ими деятельности — поиск и извлечение из песка ценных предметов — они, из-за погоды, никак не могли приступить. Наконец, погода

поменялась, и Ёжи, приняв на себя обязанности бригадира, вечером предупредил Славу.

— С завтрашнего дня будет несколько дней сильный ветер. Поедем на разведку. Подготовься.

— В каком смысле?

— Смени одежду и найди очки. Попробуем поработать с песком.

— Во сколько выезжаем?

— Думаю, часа в четыре. В это время на улице, как правило, никого нет.

Но Ёжи ошибался: при въезде на нужную дорогу их поджидал молодой бедуин.

— Здравствуйте, кто такие? — спросил он на иврите.

— Из кибуца. Мусором занимаемся.

— Это хорошо, что занимаетесь, но надо платить.

— Кому и за что? Ведь свалка общественная?

— Ошибаетесь, уважаемые. У свалки есть хозяин, и зовут его Шобто. Мусор требуется не только уничтожать, но и охранять.

— От кого охранять?

— Прежде всего, от людей, постоянно ковыряющихся в нём, а также от животных.

— А от животных зачем?

— Разносят грязь и болезни.

— Но солнцем и горячим песком всё уничтожается!

— Такой порядок. Я буду приезжать за деньгами один раз в месяц. Вам всё понятно?

— Понятно.

Сгрузив мусор, расстроенные Ёжи и Слава отправились домой. Но дело было не в бедуине. Погодные условия вообще не позволяли что-либо делать: раскалённый песок забивался в каждую дырочку одежды, прожигая кожу и не давая нормально дышать.

— Слушай, Сява, нужно найти защиту от хамсина.

— Я не знаю. Это не простая задача.

— А давай, — предложил Ёжи, — попробуем приспособить к хамсину водолазный костюм. У меня есть два комплекта ещё со времён моей пиратской молодости. Костюм с капюшоном для головы и длинными рукавами до запястья.

— А как защитить глаза?

— Можно вшить в комбинезон солнцезащитные очки.

— Здорово. Получится не хуже, чем у космонавтов.

10.16

Поначалу жизнь в кибуце Славе нравилась: на всём готовом, кормят три раза в день, каждый занимается своим делом. Но это было только на первый взгляд — небольшая территория посёлка и ограниченный круг интересов вызывали у членов кибуца непреодолимое желание участвовать в жизни соседей. Не обошли они вниманием и электромеханическую мастерскую, где за закрытой дверью работали с утра до вечера Ёжи и Слава. Чтобы ничего не упустить, администрация кибуца попросила приглядывать за их деятельностью сапожника Шмулика, занимавшего рядом с мастерской такое же строение. Шмулик, в отличие от соседей, дверь своей мастерской всегда держал открытой и поэтому был в курсе всех событий, происходящих на улице.

Иногда он заходил к Ёжи покурить или попить чаю, но ничего особенного, кроме груды хлама, который они ремонтировали, не замечал. Об этом сапожник регулярно докладывал начальству, но у тех почему-то были по этому поводу сомнения.

Однажды руководитель кибуца, проходя мимо их мастерской, сам к ним зашёл.

— Как дела, труженики?

— Да всё нормально.

— Не обижаетесь, что мы вам поручили работу с мусором?

— Ни в коем случае. Во-первых, налицо польза от нашей деятельности, а во-вторых, мы много интересного находим в мусорной свалке и возвращаем к жизни.

— Например?

— Вот я сейчас реставрирую старинные часы с боем, которым много лет, — ответил Ёжи.

— А после реставрации что вы делаете с вещами?

— Дарим хорошим людям. Продавать же нельзя?

— Нельзя. В кибуце не ходят деньги.

— А давайте создадим музей кибуцного творчества. У нас есть много талантливых людей, — предложил Ёжи.

— Хорошая идея, только надо подумать, где.

— Можно в помещении Шмулика. А его с сапожными делами переместить в район, где живёт большинство членов кибуца. Тем более, что он всё время сидит на улице.

— Подумаем над этим. А где твой напарник, Ёжи?

— Он пошёл дорогу почистить от грязи.

— Ладно. Желаю успехов.

— Спасибо.

Когда Слава вернулся в мастерскую, Ёжи ему подробно пересказал разговор с начальником.

— Ну вот. Наша идея с отвлекающим промыслом от реставрации сработала. Если ещё отселят Шмулика, то вообще будет красота.

— А есть уже, что обрабатывать?

— Пока нет, но думаю, что скоро будет.

— Это хорошо, Ёжи, что ты веришь в успех, но я решил несколько изменить методику поиска.

— Очень интересно. Можешь об этом рассказать?

— Могу. Дело в том, что мы не знаем, кто перед нами и как работал. Копателей может быть десятки, а то и сотни.

— Думаю, тысячи, — поправил Ёжи.

— Ну вот. Они активно просеивают руками песок на глубине, не более двадцати сантиметров.

— Согласен.

— Вот, а я сделал небольшой расчёт, — продолжил Слава, — как на маршруте поиска контролировать песок более глубоко.

— Ну и как?

— Для этого следует в определённых местах установить деревянные барьеры, ориентированные, с учётом розы ветров, на задержку большей массы песка. Тогда я смогу, за счёт магнетизма рук почувствовать железо на глубине до сорока и более сантиметров.

— Сява, а если у копателей есть миноискатели?

— Тогда мы им не конкуренты.

— Интересно, а где можно их достать? — не обращаясь ни к кому, спросил Ёжи.

— Только в специальных подразделениях армии. Они на строгом учёте. Если поймают за кражу миноискателя, драгоценности уже долго тебе будут не нужны.

— Ты уже свои расчёты опробовал на натуре? — пропустил Ёжи реплику Славы.

— Ещё нет. Не было хорошего ветра.

— Ладно, подождём.

— Согласен.

— Да, забыл тебе, Сява, сказать: начальник кибуца обещал расширить нашу мастерскую для музея реставрированных вещей за счёт сапожной мастерской Шмулика.

— А это что нам даёт?

— Возможность спокойно работать.

10.17

Они занялись каждый своим делом, когда неожиданно Слава повернулся к товарищу и спросил.

— Слушай, Ёжи, а что будем делать с безделушками, когда их найдём и обработаем?

— Хороший вопрос. Я ждал, когда ты мне его задашь.

— Ну, задал, и дальше что?

— Дело в том, Сява, что я, кроме того, что еврей по рождению, ещё и цыган по воспитанию. А это очень серьёзно.

— Не понял?

— Я долгое время жил вместе с цыганами и многому от них научился.

— К чему это ты?

— Дело в том, что цыгане, так же как и евреи, есть во всех странах. Только с ними нужно уметь связываться.

— Ты уже связался?

— А как же!

— И что?

— Что-что? У нас ещё нет ничего, о чём можно говорить. Когда будет, тогда будем решать проблемы.

— Только учти, Ёжи, я в еврейской истории слабо разбираюсь, — неожиданно признался Слава.

— Это ты после университета так заявляешь? А у меня вообще образование — четыре класса плюс табор. Поэтому учись разбираться. Это твой еврейский жребий.

— Какой жребий? — удивлённо спросил Слава.

— Еврейский. Как у цыган воровать, так у евреев учиться. Запишись в кибуцную библиотеку. Только книжки бери разные, чтобы никто чего-нибудь не удумал.

— Это ты, Ёжи, правильно подсказал. Спасибо.

— На здоровье.

Теперь Слава, при каждой возможности, ходил в библиотеку. Как было не удивительно, её книжный фонд

оказался большим и разнообразным. Книги, в основном, были на немецком языке, которые привезли с собой евреи из Германии. Поэтому особых трудностей в чтении у Славы не возникло. А однажды он встретил там доктора Натали.

— Какая чудная встреча! Что вы тут делаете, Сява?

— Если скажу, что еду в трамвае, вы мне всё равно не поверите!

— Почему не поверю? Поверю. Вы же не обычный человек. К вам железо прилипает.

— Это правда. Иногда и девушки, но это реже.

— Ну, не расстраивайтесь. У вас всё впереди.

— Пожалуй, я с вами, как с врачом, в этом плане соглашусь.

— И вы часто здесь бываете, Сява? — пропустила Натали не совсем удачную шутку.

— Нет, сегодня у меня дебют.

— Я вас поздравляю. Будьте здоровы. Ещё увидимся.

— До встречи.

Натали ушла, а Слава почувствовал несвойственный ему дискомфорт. Неожиданно возникло желание с кем-то, прижавшись, посидеть, взять за руку, посмотреть в глаза, обнять за плечи. Такое уже давно с ним не случалось.

Не хотелось идти домой и встречаться с Гретой. У них уже давно не было в отношениях страсти. А после того, как Слава стал заниматься мусором и перебрался, по её настоянию, в соседнюю комнату, контакты вообще прекратились. Они незаметно стали чужими. И тут Слава подумал:

— Давно бы бросил Грету, но она единственная ниточка, которая связывает меня с родителями.

10.18

Слава помнил свой последний разговор с мамой. Это было поздно вечером 26 июня 1952 года, когда она позвонила ему в Берлин.

— Сыночек, ты завтра утром можешь приехать к нам попрощаться? Вечером мы уезжаем в Москву.

— Что так срочно, мама? Но я могу приехать к вам хоть сейчас.

— Нет, сейчас не надо. Электропоезд уже не ходит, а на машине слишком дорого. Да и папы дома нет. Неизвестно, когда вернётся с работы.

Голос у неё был спокойный, ровный и не выдавал какого-либо волнения.

— Хорошо, мама, в десять часов утра тебя устроит?

— Да, вполне.

— Ну, тогда целую.

— Спокойной ночи.

Слава приехал к родителям на час раньше, чем обещал, но папу всё равно уже не застал. Поцеловав маму и оглядевшись, увидел, что все вещи собраны. Под вешалкой стоят два чемодана. Как приехали родители, так и уезжают, ничего не приобретая. Может, люди врут, что с войны советские офицеры привозили из Германии всякого добра вагонами?

Мама, как будто прочитав мысли сына, приложила палец к губам и сказала.

— Ничего мы тут, сыночек, не нажили. Правда, ты получаешь хорошее образование, а это большое дело.

— Мне надо ещё почти два года учиться, мама.

— Ничего, доучишься. А вообще, давай выйдем на улицу, сыночек, а то мне курить хочется.

— Давай. Я тоже покурю с тобой за компанию.

Рядом с их домом был небольшой сквер, где они нашли свободную лавочку. Сидели мама с сыном, не привлекая ничьего внимания.

— А теперь, дорогой мой, послушай меня внимательно. Папу срочно отзывают в Москву, и мы знаем, почему.

— Почему? — встревоженно спросил Слава.

— В нашей стране уже не первый год идёт жуткая антисемитская кампания. Чистка на всех уровнях власти. Пока она напрямую касалась только евреев. Теперь невод шире забросили — шерстят смешанные семьи. Ну и, соответственно, добрались до нас.

— Зачем это надо?

— Не знаю, сын. Этот рябой негодяй забыл, что евреи для Советского Союза во время войны сделали: собрали огромные деньги, организовали ленд-лиз и даже еврейское государство помогли создать. Ну да ладно, о чём говорить? Сломает он на евреях шею.

— Я не пойму, мама, какое вы имеете отношение к этой антисемитской кампании?

— Самое прямое. Ну, давай не будем отвлекаться.

— Давай.

— Теперь о самом главном — что нас ждёт по прибытии в Москву? Думаю, нами сразу займутся правоохранительные органы. Более конкретно ничего не могу сказать.

— А может, вы сгущаете краски?

— Не думаю, но основная задача заключалась в том, чтобы с нашим возвращением не закрыли германскую визу тебе. Дали возможность доучиться и защитить диплом. Вроде как это получилось.

— Каким образом?

— Не знаю, этим занималась Грета.

— А она тут с какого боку?

— Тоже не знаю. Я с ней два раза встречалась, и она предложила мне этот вариант. Понятно?

— Не понятно.

— Что здесь не понятного? Влюблена она в тебя, сыночек. А влюблённая женщина сквозь стены проходит. Теперь понятно?

— Тоже непонятно. Ну, да ладно с Гретой. Ты лучше скажи, как я узнаю, что с вами? Какая помощь от меня нужна?

— Грета дала мне телефон для связи, по которому мы сможем всё тебе сообщить. Держись за Грету, сыночек, и не пропадёшь.

Слава всё-таки дождался прихода папы. Посидели, поговорили, но не на темы, которые обсуждала с ним мама. Потом за родителями пришла машина и отвезла их на вокзал.

На все его вопросы относительно мамы и папы Грета коротко отвечала: нет информации. А московский телефон родителей молчал.

Глава 11. Израильские годы

11.1

Слава несколько дней подряд приходил в библиотеку, но Натали ни разу не встретил. Она появилась только через неделю и очень торопилась. На ходу поздоровалась со Славой, поменяла книги и исчезла. Славе тоже сейчас было не до неё: он был одержим созданием новой конструкции транспортёра, которая позволяла проходить весь мусор в поисках чего-то металлического с помощью рук. Слава работал в библиотеке с утра и до вечера, договорившись с Ёжи, что тот будет заниматься вывозом мусора один.

Желание встретиться с Натали иногда отвлекало его от творческого процесса, но он с этим успешно справлялся. И вдруг она неслышно появилась за его спиной и тихо по-русски спросила:

- Что за мастодонта ты рисуешь, Сява?
- Это не мастодонт, а устройство для сортировки мусора.
- Какого мусора?
- Обыкновенного.
- Нужно было оканчивать Берлинский технологический университет для того, чтобы заниматься мусором?

- В принципе, да. Это проблема века.
- Что ты говоришь?
- Представь себе.
- Сява, с твоим образованием можно было найти более интеллектуальную тематику.
- Я так не думаю. Когда-то в Израиле я слышал мудрую поговорку: нет чёрной работы — есть чёрные люди.
- К чему это ты сказал?
- К тому, что советую тебе почитать книгу “Мусорщик”. Не помню, кто автор. Какой-то американец.
- О чём книга, уважаемый?
- О красивом, умном, богатом мужчине, который долгие годы занимался уборкой мусора.
- И зачем он это делал?
- Он страдал идиосинক্রазией от общения с людьми. Они его раздражали. А в одиночестве, на свежем воздухе, он прекрасно себя чувствовал.
- А без метлы был бы другой эффект?
- Нет, он просто не смог бы находиться столько часов на улице и заниматься физической работой.
- И ещё вопрос: с женщинами этот мужчина встречался?
- Встречался, но очень дозированно.
- Ты не о себе, Слава, мне эту трогательную историю рассказал?
- Нет, не о себе.
- Извини, но мне нужно идти.
- Минутку. Ты мне скажи, Натали, зачем в какую-то арабскую косынку вырядилась и закрыла практически всё лицо?
- Я зубами занимаюсь.
- В каком смысле?
- В смысле, зубы лечу.
- И поэтому не приходишь в библиотеку?

— И поэтому тоже.

— И сколько ты ещё будешь этим заниматься?

— Недели три. Пока.

Но зубы тут были, по большому счёту, не причём. Натали просто проверяла Славу, а вернее информацию о том, что он несколько дней назад ушёл от гражданской жены Греты и ночует, как бездомный, в мастерской.

11.2

Старший по свалке с удовольствием принимал мусор от Славы — компактный, удобный для транспортировки, доплачивая ему за это несколько «копеек». Он даже выделил Славе для хранения оригинального транспортёра отдельное помещение. Но это продолжалось недолго — через неделю, когда Ёжи и Слава собрались ехать домой, на выезде их встретили несколько вооружённых бедуинов:

— Русский, — окликнули они Славу. — Не торопись. Разговор есть.

— Слушаю, — ответил Слава.

— Вас предупреждали, что у свалки есть хозяин, который решает, что и кому делать?

— Да, предупреждали.

— Ну и почему вы не выполняете указание?

— Выполняем. Регулярно платим деньги за пользование свалкой.

— А что за бандура, на которой вы сегодня работали?

— Это устройство для уменьшения площади хранения мусора.

— Значит вот так. Своё устройство, Сява, завтра отдашь нам, а себе сделаешь другое. Согласен?

— Нет.

— Почему?

— Просто так отдавать не хочу, а продать могу.

— Этот подход мне нравится, — усмехнулся главный бандит. — И сколько за него просишь?

— Надо подумать. Завтра скажу.

— Договорились.

— Слушай, Сява, зачем нам брать деньги с бедуинов? — сказал Ёжи, когда они вернулись в кибуц.

— А что тебя не устраивает?

— Всё. Бедуины просто так деньги не дают. А если дают, то с большим перечнем всяких условий.

— И что ты предлагаешь?

— Подари им установку. Во-первых, они будут гордиться тем, чего нет больше ни у кого. А во-вторых, считать тебя большим другом. На Востоке это дорогого стоит.

— Но мы взамен что-то от них получить должны?

— Должны.

— Что?

— Попроси дополнительную площадь для работы над усовершенствованием установки.

— Ну ты, Ёжи, молодец. Сразу видно, что окончил цыганский университет! Тебя не проведёшь!

— Это точно!

11.3

Сява особо не переживал, что подарил бедуинам первую модель. Его теперь не отпускала мысль, как усовершенствовать устройство, и он снова засел за книги, стремясь найти на свои вопросы ответы в литературе. Благо она, в основном, была на немецком языке. Работа продвигалась медленно, но постепенно идеи превращались в компоненты отдельных узлов устройства, реальность которых сразу проверял Ёжи.

— Сява, а что ты свой Божий дар совсем не используешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Как что? Магнетизм? Мусор возить могут все, а с песком работать — единицы.

— Не было ветра, и моё заградительное устройство эффективно не работало.

— А ты давно его проверял?

— Не очень, недели две назад.

— Почему?

— А чего зря ходить?

— И всё-таки идём посмотрим.

На первом заградительном устройстве они, перебрав песок, ничего не нашли. Зато на втором Ёжи обнаружил миниатюрную минору, украшенную драгоценными камнями.

— Ну, вот видишь, Сява, а ты не хотел идти! Смотри, какая красота!

Ёжи вертел в руках минору и она потрясающе играла на солнце всеми гранями.

— Я её обработаю, а ты должен покопаться в библиотеке и установить, в какие годы она сделана и кому принадлежала.

— Думаю, Ёжи, следует завести журнал и описывать наши находки. Их уже одиннадцать.

— Не торопись, Сява. Твои занятия в библиотеке могут привлечь внимание людей. А это нам не надо.

— И что делать?

— Лучше ты свою деятельность замаскируй под свидания с докторшей. Тебе приятно и польза для общего дела.

11.4

Он сидел спиной к стойке библиотекаря и приход Натали в библиотеку определял по запаху духов. В кибуце пользование духами было не принято и считалось дурным тоном. Но Натали, на все замечания и косые взгляды, отвечала:

— Опуститься женщине легко — подняться трудно.

Поменяв книги, Натали подошла к его столу и присела на краешек свободного стула.

— Как дела, Слава? Всё что-то конструируешь?

— Пытаюсь. А хочешь, я расскажу тебе, что это такое?

— Нет-нет, спасибо, — кокетливо ответила Натали.

— Почему? Это очень интересно.

— Потому что ещё древние говорили: «Большие знания рождают большую скорбь».

— Не совсем так. Эти слова принадлежат царю Соломону и звучат они так: «... кто умножает познания, умножает скорбь».

— Может быть, может быть... Не буду с тобой спорить. Пока.

Натали встала и пошла к выходу, а Слава, взявшись за голову, вслух запричитал:

— Ну, идиот. Законченный идиот. Кто тебя за язык всё время тянет? Что ты всем свою учёность демонстрируешь? Женщине совсем не это от тебя хочется услышать, не за этим она к тебе подходила.

Работать расхотелось, а в голове мелькнула мысль:

— Может побежать за ней? Извиниться за то, что ляпнул?

Но он тут же себя осадил:

— Не смей. Мужчина может быть глупым, но гордым.

Натали пришла снова в библиотеку только через неделю:

— Ты обиделась на меня? — спросил он, подойдя к ней на призывный запах духов.

— С чего ты, Слава, взял? Нормальные женщины никогда не обижаются, они запоминают.

— Ну, это другое дело. А можно я тебя сегодня провожу домой?

— Проводи, но об этом сразу доложат Грете. Кибуц — деревня: прошёлся с девушкой — женись.

Вместо ответа на шутку, Слава стал неестественно хихикать — будто услышал эти слова в первый раз. Они вышли на улицу, и Натали сразу перевела разговор на другую тему.

— А скажи, Слава, к тебе никто не обращался с сильной головной болью? Я несколько раз тебя рекомендовала.

— Нет, не обращался. Да и чем я, простой смертный, могу больным людям помочь?

— Во-первых, не простой, не прикидывайся, а во-вторых, своими горячими руками ты можешь очень даже помочь. Знай, что мигрень лечится хорошим теплом.

— Это не мигрень, Натали. Головная боль в наших краях связана с резким изменением температуры воздуха и, как следствие, перепадом атмосферного давления.

— На каком основании ты это утверждаешь, Слава?

— Дело в том, что чем ближе человек к географическому полюсу, тем это явление более ярко проявляется.

— Ну почему ты, Слава, споришь с доктором? Это точно мигрень.

Слава хотел возразить Натали, что головную боль у человека вызывает целая совокупность факторов и, в частности, изменение напряжённости электромагнитного поля, но вовремя спохватился. Не дай Б-г повторить ошибку прошлой недели. Это конец их отношений.

А Натали, сделав вид, что ничего не произошло, продолжала рассказывать о симптомах мигрени и возможных методах лечения.

— Вот мы и пришли, — с улыбкой сказала она.

— Так быстро, а я собирался тебе рассказать о природе молнии и её губительных последствиях.

— Ничего страшного. Какие твои годы? Ещё расскажешь.

— Может, пригласишь меня на чашечку чая, чтобы можно было продолжить наш разговор?

— Категорически нет.

— Почему категорически?

— Смотри, Слава, мы с тобой живём в маленьком населённом пункте, где все друг друга достаточно хорошо знают.

— Какое это имеет значение?

— Очень большое. Если я когда-нибудь и решу пригласить тебя к себе, то только на длительный срок, а не на один вечер.

— Спасибо за откровенность.

— Пока, друг мой, пока. Мечтай о прекрасном будущем.

11.5

На следующий день, как ни странно, Натали снова появилась в библиотеке. Более того, сама предложила Славе проводить её домой. Складывалось впечатление, что она вчера что-то важное не договорила или сказала лишнее. Не раскрыла до конца причину того, почему ему не следует надеяться на изменение в ближайшее время характера их отношений.

Кстати, Слава, занятый весь день своим изобретением, о Натали ни разу не вспомнил. Но это не помешало ему сразу включиться в тему и задать первый попавшийся на язык провокативный вопрос.

— Как следует понимать, Натали, что ты сегодня, в нарушение графика, пришла в библиотеку?

— Не надо, Слава, демонстрировать свою циничность и изображать местечкового донжуана.

— И всё-таки, куда девалось выкованное всей жизнью правило — назначать мужчинам карантинный срок?

— Не поняла, о каком сроке ты сейчас говоришь?

— Ну как же? Ты вчера открытым текстом сказала, чтобы я продолжал грезить быть приглашенным в твой дом.

— А... Ты об этом?

— Ну конечно. У меня от желания попить чай со вчерашнего вечера всё в горле пересохло.

— Ладно. В таком случае я тебе сейчас кое-что расскажу. Может быть, у тебя пропадёт это желание.

— Согласен.

— Я тебе в первый день нашего знакомства дала неправильную информацию — почему я приехала в Израиль.

— Ну и что? И какая истинная причина?

— Я приехала сюда не по сионистским убеждениям, а из-за страшной личной трагедии. Только это должно остаться между нами.

— Какой разговор? Конечно!

Натали замолчала, будто старалась остановить себя на пути душевного откровения, но всё-таки решилась и начала печальным голосом:

— У меня муж оказался нудистом.

— Что-что? Нудистом?

И Слава стал громко, на всю улицу, хохотать. Причём все его попытки прекратить смеяться оканчивались неудачей. Наконец, преодолев себя, он выдал:

— Ну, какая же это трагедия, Натали? Это цирк с доставкой на дом, — и он снова стал смеяться.

— Ну что тут смешного? Что тебя так разрывает, Слава?

— Ты, ради бога, извини, но я как представляю себе эту картину, не могу удержаться от смеха.

— Всё? Ты закончил? Можно продолжать?

— Ещё раз прошу прощения за свою реакцию. А как ты об этом узнала?

— Рассказываю. Он решил один поехать на море в Испанию. Я понимала его психологическую нагрузку. Мо-

дельер — всё на нервах: заказы, клиенты, презентации, выставки, деньги.

— И что?

— А то. Моего мужа кто-то из наших общих знакомых увидел расхаживающим голым по пляжу и рассказал мне.

— Очень интересно. И что ты сделала?

— Я спокойно, когда он вернулся, предложила ему объяснить ситуацию. Он сначала долго отказывался — мол, это его с кем-то перепутали. А потом сознался и стал оправдываться.

— Каким образом?

— Я должна понять, что он работает с обнажённой натурой и для того, чтобы уловить внутреннюю гармонию сюжета, должен тоже иногда полностью раздеваться. Даже попытался что-то мне продемонстрировать.

— Да ты что?

— Представь себе. В общем, я ему сказала, что, с моей точки зрения, это полное безобразие и распущенность.

— Извини, что перебиваю, но я читал об одном французском художнике, который, пока не обслужит натурщицу — за мольберт встать не мог.

— Слава, тебе что-то здесь непонятно? Зачем ты приводишь глупые примеры?

— Нет, мне всё понятно.

— Ну, а если понятно, то я своему мужу в конце нашего разговора сказала, что предметом, который выставляется на всеобщее обозрение, пользоваться не имею желания. И выгнала из дому. А вообще, давай закроем эту тему до лучших времён!

— Давай, но напоследок я хочу рассказать одну оригинальную притчу. Может это улучшит тебе настроение?

— Слушаю.

— Один мудрец, анализируя отношения между мужчиной и женщиной, пришёл к выводу, что у женщины должно быть одновременно пять мужчин. Первый — это друг.

Она должна ему всё рассказывать, но ничего не показывать. Второй — любовник. Она должна ему всё показывать, но ничего не рассказывать. Третий — врач. Она должна ему всё рассказывать и всё показывать. Четвёртый — муж. Она должна ему ничего не рассказывать и ничего не показывать. Пятый — начальник. А этот — как прикажет.

— Любопытно, но не совсем жизненно, — вяло отреагировала на притчу Натали.

— Ещё как жизненно! Ты только вдумайся, сколько смысла во всех её ипостасях!

— До свидания, уважаемый.

— Пока.

11.6

Проблема переработки мусора захватила Славу полностью. Он не только прочитал об этом всё, что было в кибуцной библиотеке на английском и немецком языках, но даже несколько раз воспользовался фондом библиотеки Тель-Авива, заказывая старинные книги по почте. Из этих книг он узнал много нового и интересного про борьбу евреев с антисанитарией ещё в древние времена. Уникальный материал Слава собрал в одной толстой тетради, снабдив выписки из разных литературных источников своими рисунками, чертежами, эскизами. Получился большой труд, пользоваться которым было не только полезно, но и удобно. Данная работа позволила Славе сделать два основополагающих вывода: 1) мусор — это не только отходы жизнедеятельности человека, которые нужно выбрасывать и уничтожать, а сырьё для последующей обработки и использования; 2) инженеры и учёные, занятые решением проблем, связанных с мусором, должны обладать глубокими знаниями в разных специфических областях.

В результате анализа многих вариантов построения мусороперерабатывающего комплекса у Славы возникла идея создания многофункционального транспортёра, позволяющего автоматически сепарировать мусор с выделением стеклянной, металлической и тканевой фракций.

— Слушай, Ёжи, а ты продолжишь платить нашему хозяину за использование свалки?

— Да. Он ко мне раз в месяц подсылает своего пацана.

— А давай выкупим у бедуинов всю территорию свалки и построим на ней складские помещения?

— И что ты там, Сява, будешь хранить? — с улыбкой спросил Ёжи.

— Прежде всего, макет новой модели транспортёра. На нём можно спокойно отрабатывать методику сепарирования мусорной массы.

— Принимается. А что ещё?

— А ещё можно смоделировать и отработать новую конструкцию устройства для задержания песка.

— Это правильно.

— Правда, в деле поиска ценных артефактов мы особыми успехами похвастаться не можем. Нашли всего несколько предметов разной степени интереса.

— Ты их занёс в тетрадь? — спросил Ёжи.

— Занёс, а толку с того?

— Не спеши, Сява. Потихоньку начнём искать серьёзного покупателя, так как с цыганами мне что-то связываться не очень хочется.

11.7

Рассказанная Славой притча о мужчинах весь день не выходила из головы Натали. Забыв несколько её фрагментов, она схватила на слух только две первых ипостаси мужчин. А сейчас, собираясь ко сну, Натали в мыслях

вернулась к анализу того, о чём рассказывал ей на улице Слава.

— Итак, какой он мне друг?

— Да никакой. Увлечён своими железками. Всё время читает непонятные книги. И вообще, ничего общего между нами нет.

— Как нет, а русский язык? Разве этого мало?

— Конечно, не мало. Русские писатели, художники, артисты. Просто нужно Славу получше прощупать.

— Как прощупать, если ты всё время от него бегаешь?

— Ты права. И вообще, время пришло проверить его на вторую ипостась.

— К сожалению, после мужа у меня развился синдром неприятия мужчин. Они мне все противны.

— Какие есть, дорогая. Других не завезли.

— Очень жаль.

— Очень, но это медицинский факт. Принимай без обсуждения.

— Как это без обсуждения?

— А вот так. Вспомни, что профессор Андерсон говорил своим студентам: одинокая женщина — это насмешка над природой.

— Почему?

— Потому что она не выполняет главную, предусмотренную для неё репродуктивную роль, и от этого только болеет.

— Значит мужчина для женщины — это лекарство?

— Правильно, лекарство. Правда, горькое и противное.

— Мужчину нужно воспринимать, дорогая, какой он есть, а не стараться его переделывать.

— Как же? Как же? Прямо с завтрашнего дня.

— Да, с завтрашнего. А почему бы и нет?

— Хорошо, попробую.

— Попробуй.

На следующий день Натали вечером после работы пришла в библиотеку, но Славы там не оказалось. Она попыталась найти его в мастерской, но там был замок.

Слава появился только на четвёртый день — грязный и очень уставший.

— Что случилось, Слава? — спросила его тревожным голосом Натали.

— Да так. Ничего особенного.

— Ну, я же вижу, что ты сам не свой. Рассказывай!

— Наташа, — впервые Слава назвал её русским именем.

— Зачем тебе это надо?

— Раз прошу — значит надо.

— Ладно, только пойдём на улицу, чтобы никому не мешать.

— Хорошо.

11.8

Несколько минут они шли молча, не общаясь между собой. Слава собирался с мыслями и думал, с чего начать, а Натали не торопила, понимая его напряжение.

— Мы приехали с Гретой в наш кибуц в конце 1953 года, — начал он говорить, — по заказу центра занятости Израиля.

— А что раньше была такая служба?

— Да. Она, по-моему, и сейчас есть. Ну, так вот. Определили меня работать в механической мастерской помощником Ёжи, и стал я ремонтировать примусы, кастрюли, вентиляторы. А три года назад нас перевели на уборку мусора.

— Это после того, как обнаружилась твоя способность притягивать металлические предметы?

— Наверное. Точно не знаю.

— Ты член кибуца?

— Нет. Грета сказала, что мы здесь надолго не задержимся и поэтому вступить в кибуц не следует.

— Понятно. Извини, что перебиваю.

— Ничего страшного. Через некоторое время мы вникли в проблему переработки мусора и предложили хозяину свалки кое-что изменить в технологическом процессе.

— Ну да. Ты же технолог по образованию.

— Правильно. Два года назад мы с Ёжи разработали совершенно новую конструкцию транспортёра, позволяющую разделять мусор на различные фракции автоматически.

— Что это дало хозяину?

— Как минимум, двойную прибыль.

— А вам?

— Дополнительные деньги.

— Понятно.

— Но когда об этом узнали бедуины, они потребовали увеличить их долю в мусорном бизнесе, мотивируя тем, что все работают на их земле.

— Логично.

— Мы возражали, как могли, — пропустил её реплику Слава, — но, в конце концов, договорились о доле участия в прибыли: сорок процентов им, шестьдесят — нам.

— А дальше?

— Год всё было хорошо, а недавно у бедуинов сменился глава общины. Он потребовал изменить соотношение прибыли в пропорции шестьдесят им, сорок нам.

— И вы согласились?

— Нет. В результате они подожгли нам подсобные помещения с готовой продукцией. Вот мы и восстанавливали несколько дней своё хозяйство.

Слава замолчал, переживая создавшуюся ситуацию.

— У тебя всё? — спросила Натали.

— В принципе, да. А тебе не интересно?

— Почему не интересно? Интересно. А теперь послушай меня, Слава.

— Слушаю.

— Сейчас мы пойдём ко мне: ты помоешься, приведёшь себя в порядок, а потом продолжим разговор. Не возражаешь?

— Конечно, нет.

11.9

Вечерело. Кончилась жуткая дневная жара. Потянуло прохладой из пустыни, и на улице появились люди. Открылись маленькие магазинчики и кофейня. Жизнь возвращалась в кибуц. Натали жила в нестандартной квартире двухэтажного дома на первом этаже. Входная дверь, открывающаяся наружу, была открыта.

— Моя соседка — пожилая женщина, — сразу сообщила Славе Натали. — Её в это время дома не бывает. Она гуляет в парке. Ты проходи, не стесняйся, а я проверю горячую воду в баке.

Слава зашёл в комнату Натали и остановился на пороге, как вкопанный. Просторная, светлая, полная воздуха, с двумя окнами, выходящими в сад, она была образцом чистоты и уюта. Живя с Гретой, не обращающей внимание на то, что творится в квартире, всегда с книгой в одной руке и сигаретой в другой, он просто отвык от такой обстановки.

— Ну что ты не заходишь, Слава?

— Я просто боюсь своей одеждой испортить эту красоту.

— А ты не бойся. Женские руки быстро приведут всё в порядок. Идём, я тебе покажу, где душ.

— А во что мне переодеться? — неожиданно заскулил Слава. — Я же сегодня дома не был.

И тут они стали оба во весь голос смеяться. Но это было только начало комедии: всё, что предлагала Натали из сво-

его гардероба, кроме широкой испанской юбки, на него не налезало.

— Ну ладно, Слава, заканчивай этот балаган, а то мы до утра не помоемся. Забирай юбку и иди в душ.

— А дальше?

— А дальше в юбке ты возвращаешься в комнату.

— В юбке?

— В юбке, юбке. Шотландцы так ходят всю жизнь и ничего с ними не происходит.

— А всё остальное куда?

— Рубашку, штаны и носки оставишь в душе. Я их простирну, и к утру всё высохнет.

Слава ликовал: его оставляют ночевать в этой замечательной комнате, хотя некоторое время назад было тихое подозрение, что после помывки сразу отправят домой. Постель была расстелена, и он без особого приглашения нырнул под одеяло. Последней его мыслью перед тем как заснуть, было: хорошо, что я не оставил в душе трусы.

Спал Слава часа три и проснулся от чудесного запаха духов, который он давно не вдыхал. Рядом лежала Натали и спокойно на него смотрела.

— Прости меня. Я совсем забыл про хорошие манеры.

— О чём ты, Слава?

— Просто спать рядом с женщиной — это в высшей степени неприлично. Да ещё, наверное, храпел.

— Нет, этого элемента в нашей нестандартной ситуации не было. Я тут ужин приготовила. Может, покушаешь для поддержания сил?

— Ну ты, Наташка, настоящий доктор! Всё называешь своими именами.

— Значит, как я понимаю, ужин откладывается?

— Ты правильно понимаешь.

11.10

В шесть с половиной утра, Натали прошептала Славе на ухо.

— Мужчина, я ушла на работу. У меня с семи приём больных. Ты можешь спать, сколько хочешь. Это твой ключ. До вечера.

Напряжение последних дней было настолько велико, что Слава окончательно проснулся только в одиннадцать дня. Первый вопрос, который он задал себе, открыв глаза, был такой:

— Ну почему у женщин всегда в доме так красиво, а у мужчин — полный бардак?

Ответ, который он много раз слышал от своей мамы, чётко гласил:

— Потому что.

— Правильно, что тут объяснять.

Слава помнил, что ему сказала Натали полгода назад в первый вечер, позволив себя проводить.

— Похоже, режим длительных отношений приведён в исполнение.

— А я и не возражаю. Всё замечательно.

На стуле, рядом с кроватью, лежали постиранные вещи. Так как в Израиле никто ничего не гладит, брюки, майка и носки были полностью готовы к употреблению. В записке, оставленной на столе, было три слова: «Кафетерий напротив. Я».

Сегодня Ёжи работал один. Как обычно, в пять часов утра он проснулся, запряг сытую с вечера Мусю и поехал по дворам. Будний день, среда, мусора немного. За полтора часа работу в кибуце закончил. По дороге на свалку проверил два места задержания песка и в одном из них нашёл покрытую ржавчиной металлическую статуэтку женщины, держащую кувшин. Завернул находку в тряпку и спрятал за пазуху.

Статуэтка была очень кстати, так как бедуины не только сожгли им два сарая с готовой продукцией, но и наложили большой штраф, который нужно было погасить в течение двух недель. Теперь будет чем расплатиться.

Когда Слава пришёл на работу, Ёжи был уже в мастерской. Он что-то делал маленькой отвёрткой.

— Посмотри, что я сегодня нашёл, — сказал Ёжи и протянул ему небольшой свёрток.

— Что это?

— По-моему, золотая статуэтка. Сейчас очищу её насыщенным раствором пищевой соды от ржавчины.

— Интересная находка. Где-то я подобную видел! Вечером полистаю каталоги.

— Полистай. Завтра на работу выйдешь?

— Конечно, только ты подай экипаж по адресу, который я тебе сейчас напишу.

— Во сколько, сэр?

— К пяти с половиной.

— Хорошо.

11.11

Было только пять часов вечера. К Натали идти рано — она говорила, что после работы посещает больных на дому. Да и заявляться в отсутствие хозяйки не совсем удобно.

— А что если пойти в библиотеку и поискать в каталогах статуэтку девушки с отбитым носом? Это не займёт много времени.

— Где искать?

— Кажется, я видел её в третьем томе «Энциклопедия античной мифологии» на английском языке.

Слава быстро нашёл нужную картинку. Даже название соответствовало натуре, но девушка была не та. Нос был на месте. Срисовав девушку в тетрадь, он поставил книгу на полку и пошёл к Натали.

На стук в дверь на пороге комнаты появилась совсем другая женщина, чем та, которую он оставил вчера. Натали было не узнать — вместо хмурой и скучной, замордованной жизненными проблемами, перед ним стояла молодая женщина с озорными глазами.

— Заходи, дорогой. Я тебя заждалась! — сказала и, подпрыгнув, чмокнула Славу в щёку.

— Это хорошо, что заждалась. Такая ваша бабья доля — провожать и ждать.

— А ваша какая, позвольте узнать?

— А наша — приходите и обнимать.

— Ладно, заходи путник.

— Путник или спутник?

— До спутника тебе нужно ещё дожить.

— Как это?

— А вот так. Слово «мужчина», как тебе известно, состоит из двух частей — из мужа и чина. И если первая часть в тебе присутствует, то вторая отсутствует полностью.

— Ты не совсем права, Наташа. У меня в мусорном бизнесе неплохие перспективы. И потом я всё-таки окончил Берлинский технологический университет.

— И что с того?

— А то, что проблема мусора — очень серьёзная проблема, решение которой на уровне Нобелевской премии.

— Да что ты говоришь?

— Представь себе. С улучшением качества жизни человечество будет всё больше и больше утопать в мусоре.

— По твоей логике не следует что-либо в нашей жизни улучшать?

— Ну почему? Просто решение мусорной проблемы должно опережать технический прогресс, а не догонять его.

— Не совсем понятно.

— Объясняю. Темп переработки мусора должен многократно превышать темп его производства и быть персонализированным.

- Ишь, как ты облагородил нашу жизнь, Слава.
- Пока только на словах.
- Правильно. Сначала на словах, а потом придумашь, как это реализовать на деле.
- Думаю, это, прежде всего, моральная проблема, а потом материальная.
- Не совсем понятно, дорогой.
- Дело в том, что есть два пути решения любой проблемы — убеждение и принуждение. Если человек не понимает, что он своими действиями ухудшает среду обитания, то следует переходить от разъяснительных бесед к принуждению, то есть беспощадным наказаниям.
- Так до смерти можно запугать людей?
- Ничего страшного. Очухаются. А ты знаешь, Наташа, что больше всего мусора находится там, где не ступала нога человека.
- А разве есть такие районы на земле?
- Конечно, есть, и это прежде всего районы вечной мерзлоты. В Советском Союзе они занимают порядка половины всей его территории.
- Ладно, Слава, уговорил. Буду с искренней надеждой следить за твоими творческими успехами в работе с мусором. А теперь показывай, что за приданое ты принёс в пакете. Небось, запасные трусы?
- Ну и язык у тебя, Наташка! Ничего святого!
- Почему ничего? Ты для меня святой, Сява. На персональной телеге по кибуцу разъезжаешь.
- Ах ты, болтушка! Сейчас я тебе задам!

11.12

Было начало ноября 1966 года. Слава, как обычно, сидел в библиотеке и интенсивно работал над описанием изобретения. По договорённости с патентным отделом Тель-Авив-

ского университета, он должен был представить все документы по изобретению не позже февраля следующего года. Работа двигалась, к сожалению, не в том темпе, в котором бы хотелось, когда кто-то его окликнул по-немецки. Слава от неожиданности вздрогнул. Это была Грета.

— Здравствуй, Грета. Как ты меня нашла?

— А что тебя искать? Все в кибуце знают, что русский каждый день торчит в библиотеке и что-то пишет.

— Зачем я тебе понадобился?

— Давай выйдем в коридор — нужно поговорить.

— Говори здесь — в коридоре жарко. Да и немецкий никто не знает.

— Зря ты так думаешь. В Израиле живут очень разные люди с очень разными знаниями.

— Ну, ладно. Давай выйдем.

— Ты не волнуйся, Слава, я надолго тебя не задержу.

— Я не волнуюсь.

В коридоре было жарко и темно, но зато они были одни.

— Я выхожу замуж и уезжаю в Сдерот.

— Поздравляю.

— Спасибо. Но хочу тебе напомнить, что мы с тобой являемся агентами немецкой разведки «Штази», и ты член моей группы. Нас пока ни разу не беспокоили, но могут обратиться. Пароль: «Кузина родила двойню». Ответ: «Искренне поздравляю».

— И всё?

— И всё. Ты не переживай, Слава. Израильская и немецкая разведки дружат между собой.

— Я не переживаю.

— Ну пока. Была рада тебя видеть. Когда устроюсь — сообщу свои новые координаты. Будь здоров.

— До свидания.

Слава вернулся в читальный зал, но работать уже не мог. Он в деталях помнил последний разговор с мамой,

когда та сообщила, что они возвращаются в Москву без него, так как он должен окончить на следующий год Берлинский университет. Конечно, в создании ситуации отъезда в Израиль большую роль сыграла Грета, но мама выбирала из двух зол наименьшее: или арест всей семьи в Москве, или неизвестное будущее сына в контакте с явно завербованной подругой. Её расчёт оказался правильным.

11.13

Папа Славы, вынесенный волной партийных назначенцев на самый верх, был из вятских крестьян и любил пользоваться в разговоре простыми словами детства:

— Сегодня, — объяснял он что-то маме, — неприятности тулились одна к другой, одна к другой.

— А ты как?

— Окопчиком-окопчиком и сбежал на задний двор. Может, пронесёт.

После визита Греты Слава почему-то вспомнил рассуждения папы: «Может, пронесёт», но не пронесло. Приближался срок оплаты штрафа, назначенного им за пользование землёй, на которой они построили опытный цех по переработке мусора. Все попытки договориться об аннулировании или уменьшении штрафа ни к чему не привели — новый вожак стоял на своём.

Занятый оформлением документов на получение патента, Слава снова перепоручил все полевые дела Ёжи, проводя всё время в библиотеке. Но сегодня Ёжи неожиданно сам пришёл после работы в библиотеку и вызвал Славу на улицу.

— Что случилось, Ёжи?

— Есть разговор, Сява.

— На какую тему?

— Бедуины требуют штрафные деньги. Что будем делать?

— Если бы они дали отсрочку, — стал рассуждать вслух Слава, — мы могли бы получить деньги за мой патент. А так не знаю, что и придумать.

— Может у кого-нибудь занять? — предположил Ёжи.

— У кого? В кибуце денег нет.

— Ну, тогда остаётся только продать что-нибудь цыганам. У меня есть на них выход.

— Что ты предлагаешь продать?

— Статуэтку с отбитым носом. Всё остальное — мелочь.

— Хорошо, я с ними свяжусь.

— Только поторгуйся, Ёжи.

— Вы меня, молодой человек, будете учить бизнесу!

Только через неделю Ёжи удалось встретиться с цыганами. Разговор был длинный и непростой, с объятиями и клятвами в любви, но они договорились: в условленный день цыгане привезли и спрятали деньги в тайнике по дороге из кибуца на мусорную свалку. А через час Ёжи со Славой туда положили статуэтку. Рассчитавшись с бедуинами, думали, что инцидент исчерпан и больше ни у кого нет претензий. Но, к сожалению, история имела неприятное продолжение.

Цыгане были бы не цыганами, если бы не решили через несколько месяцев статуэтку продать. Баядер, цыганский барон иорданского табора, вызвал к себе главного финансиста и спросил:

— Зачем нам нужна женщина с обезображенным лицом?

— Это дорогой архитектурный предмет, мой господин, из чистого золота.

— А почему он дорогой?

— Дело в том, что в каталоге сокровищ Древнего Востока упоминается пара статуэток с отбитым носом: одна без кувшина, другая — с кувшином. Первая давно находится в музее Саудовской Аравии, а вторая была утеряна. Сейчас она перед вами.

- Всё у тебя?
- Всё, мой господин.
- Даю тебе три дня: продай эту уродину.
- Слушаюсь, мой господин.

И золотая статуэтка снова появилась на территории пустыни Негев. Разразился страшный скандал. Совет негевских шейхов постановил срочно найти того, кто её продал цыганам. Расследование однозначно вывело на Славу, который занимался древними артефактами.

11.14

Около восьми вечера в окно Наташи постучали. Она, ни слова не говоря, схватила платок и выскочила на улицу. Отсутствовала минут десять, а вернувшись, начала навзрыд плакать. Слава, как мог, пытался её успокоить, но у него ничего не получалось.

- Наташа, что произошло? Кто тебя обидел?
- Никто.
- Прошу, расскажи мне. Тебе сразу станет легче.

Наконец, когда волна рыданий пошла на спад, она прошептала Славе на ухо. — Приходил молодой бедуин. Я у его жены сложные роды принимала. Он сказал, что тебя должны убить.

- Как убить?
- Обыкновенно. Какой-то бедуинский совет постановил.
- Ничего себе. Что же теперь делать?

— Он сказал, что тебя везде найдут, но надо попытаться отсюда уйти.

И опять Наташа залилась слезами. Она плакала так сильно, что через несколько минут её платок стал насквозь мокрым. Слава ей дал свой и крепко обнял за плечи.

— Ну всё, хорошая моя. Перестань плакать. Слезами делу не поможешь.

— Я тебя очень люблю, Слава, и не хочу потерять. Не хочу. Я буду за тебя бороться.

— Успокойся, Наташа. Не следует ни с кем бороться. Просто нужно хорошо подумать, что делать.

— Думай, дорогой мой, думай.

— А что тут думать? Сейчас мы вместе пойдём к Ёжи и посоветуемся.

— А что он может, твой Ёжи?

— Он может всё. Без него мы ничего не сделаем.

Уже было темно, когда они подошли к дому, где жил Ёжи с семьёй. Дом был аккуратный, с ухоженным садиком. По двору бегала большая беспородная собака, которая сразу узнала Славу. На стук в дверь вышел сам Ёжи. Увидев Славу и докторшу, он приветливо улыбнулся.

— Заходите, не стесняйтесь.

— Нет, — ответил на его приветствие Слава.

— У нас такое дело, что лучше поговорить на улице.

— Как хотите, — и он жестом пригласил гостей сесть на приступок.

— Что за дело? Рассказывайте.

В нескольких предложениях Слава изложил сложившуюся ситуацию. Ёжи несколько минут молчал, а потом тихо сказал.

— Завтра на работу, Сява, не выходи. Я тебя сам найду. Будьте здоровы.

— До свидания.

11.15

Связь с цыганским табором Ёжи осуществлял через кузнеца Михая, которого сам привёл в кибуц. Их знакомство произошло в 1946 году, когда ещё командовали в Палестине англичане. Однажды в Негеве Ёжи на дороге, не обозначенной ни на одной карте мира, встретил человека в шляпе, которую сам когда-то носил в Румынии.

— Цыганский знаешь?

— Знаю, но плохо.

— Врёшь.

— А если вру, чего спрашиваешь?

Так и познакомились. Михай был цыган из Египта и знал немного идиш. Но основное его достоинство было в том, что он был кузнецом. Редкая специальность для этих краёв.

— Пойдёшь в кибуц работать? — спросил у него Ёжи.

— Пойду, но я не еврей.

— Я тоже не был цыганом, а в таборе прожил одиннадцать лет.

— И плохо знаю идиш, — упирался он. — Да и документов никаких.

— Сейчас берут всех без документов, а насчёт языка — скажешь, что оглох, работая кузнецом. Я помогу.

Ёжи и Михай всегда и во всём друг другу помогали, но с проблемой, о которой рассказал Ёжи, Михай столкнулся впервые.

— Вечером дам ответ.

— Понятно.

На следующий день Ёжи и Михай встретились.

— Могу сказать сразу: если бедуины приговорили русского, они его в Палестине найдут везде.

— Что это значит? — спросил Ёжи.

— Это значит, что ему отсюда нужно как можно быстрее исчезнуть.

— Каким образом?

— Убежать в Россию.

— Ну, это не реально.

— Всё реально. Русского доведут до Беэр-Шевы нашими тропами за четыре дня. Всё-таки сто пятьдесят километров. С собой необходимо взять продукты, десять литров воды и пачку соли. Проводника зовут Али.

— Когда нужно выходить?

— Завтра в девять вечера от дома докторши. Первую часть пути их будут страховать наши люди.

— Цена вопроса?

— По возвращении Али. Расчёт будет с тобой. Всё понятно?

— Понятно.

— Будь здоров.

Информацию, полученную от Михая, Ёжи подробно пересказал Славе, а с утра следующего дня цыгане взяли под охрану дом Натали. Но жизнь всех участников операции, чтобы не вызвать никаких подозрений, протекала весь день в обычном режиме. Натали сходила на работу. Слава тоже не расслаблялся: он собрал все справки по оформлению патента на автоматическую линию по сепарации мусора в отдельную папку и записал Ёжи автором во всех параграфах.

Натали весь вечер не отходила от Славы, но, правда, общение проходило без слёз. Последние часы перед расставанием были для них самые мучительные. Они молча сидели на тахте, плотно прижавшись друг к другу. С одной стороны, хотелось сказать очень многое, а с другой — можно испортить неповторимые мгновения их всеобъемлющего единения.

Перед тем как размотать соединявший их шарф и подняться с тахты, Натали чуть слышно прошептала Славе.

— Через шесть месяцев у нас будет сын. Ты не возражаешь, если я его назову именем своего папы Мироном?

— Наташа, я буду безумно счастлив. Только ты не волнуйся — со мной будет всё хорошо. Дождись меня.

— Я буду ждать тебя всю жизнь.

В положенный срок Натали родила мальчика, которого назвала Мироном. Она без колебаний записала его в книге регистрации новых граждан кибуца на фамилию Панкра-

тов. Окружающие звали ребёнка Мирон сын Сявки, а скороговоркой — Миросян. Под этим именем он фигурировал в ряде кибуцных документов, что затруднило со временем Славе поиск сына.

11.16

Слава и его проводник Али подошли к Беэр-Шеве на четвёртые сутки около шести вечера. Солнце было ещё высоко и выжигало всё живое. Из-за барханов в песчаном мареве проступали контуры небольшого города с малоэтажными строениями.

— Пойдёшь дальше оврагом. — Али вытянул руку. — Видишь его?

— Вижу.

— Там же переоденешься. Обязательно на тебе должны быть солнцезащитные очки и кепка, как у всех. Появишься на улице не раньше семи с половиной.

— Почему?

— Раньше из-за жары люди, как правило, из домов не выходят. Можешь привлечь к себе внимание.

— Понял.

— Теперь что касается русского консульства.

Слава с удивлением посмотрел на Али.

— Что ты на меня так смотришь? Тебя, — как объяснил Михай Ёжи, — от приговора бедуинов могут спасти только русские. Так?

— Так.

— Поэтому слушай меня особенно внимательно. Что будет непонятно — переспроси.

— Хорошо.

— Консульство сейчас закрыто, но ты должен сразу подойти к этому дому, а не искать нужный номер и читать вывески. Там вывески может, кстати, и не быть, так как

это филиал Генерального консульства СССР, находящегося в Тель-Авиве.

— Почему не быть?

— Потому что в Израиле не на всех домах ставят номера. Тебе нужен четвёртый дом от угла, где стоит киоск, торгующий табаком. Вот смотри.

Али вытащил из кармана маленький кусочек бумаги, на котором был показан весь маршрут Славы от бархана, под которым они лежали, до русского консульства.

— Ты должен этот маршрут запомнить, а бумажку сжечь. Ну, в крайнем случае, съесть.

И они оба, поняв шутку, первый раз за четыре дня дружно рассмеялись.

— И ещё учти. Израиль — особая страна. Здесь собрался народ со всего мира. Поэтому полиция тут жёсткая и бескомпромиссная. Ни под кого не подстраивается.

— Я знаю.

— Не знаешь. Шутить с полицейским ни в коем случае нельзя. Убегать тоже не рекомендуется.

— Понятно.

— И ещё. Предъявлять документы по первому требованию полиции и отвечать на вопросы. Всё понятно?

— Да, вроде всё.

— Ну и хорошо. Желаю удачи.

— Спасибо.

Глава 12. Возвращение

12.1

Следуя всем указаниям Али, Слава без особого труда нашёл здание русского консульства. Никакой вывески на нём, как и ожидалось, не было, зато на косяке двери располагалась кнопка звонка, похожая на ту, что была на двери их московской квартиры. Слава нажал на звонок и через минуту за дверью раздался мужской голос.

— Консульство закрыто. Выдача справок с 10 до 14.

— Я не за справкой. Мне нужно политическое убежище.

Дверь сразу открылась. За ней стоял крепкий, средних лет мужчина и в упор смотрел на Славу.

— Вы кто?

— Панкратов Вячеслав Васильевич, 1930 года рождения, уроженец города Москвы.

— Что хотите?

— Хочу вернуться в Советскую страну.

— Как это вернуться?

— Так. Вернуться и всё.

— Документы есть?

— Да, советские и израильские.

— Проходите сюда, за перегородку. Садитесь на стул.

Мужчина подошёл к письменному столу и позвонил по телефону.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Обращайтесь.

— Сегодня, 16 мая 1966 года в двадцать часов десять минут, в Беэр-Шевский филиал Генерального консульства Советского Союза явился мужчина и попросил восстановление советского гражданства.

— Кто такой?

— Представил документы на имя Панкратова Вячеслава Васильевича, 1930 года рождения, уроженца города Москвы.

— Понятно, капитан. Первое — провести с этим человеком предварительную беседу. Второе — получить от него заявление в произвольной форме по сути просьбы. Завтра к девяти часам утра пришлём спецтранспорт. Вопросы ко мне есть?

— Никак нет.

— Выполнять.

Положив трубку, капитан будничным голосом сказал.

— Ну, вот что, Панкратов. В нашем консульстве камеры предварительного заключения нет, а выгнать тебя на улицу не имею полномочий. Будешь ночевать сегодня в кладовке. Запру тебя, не обессудь, на замок. Согласен?

— А что, есть другие варианты?

— К сожалению, нет.

— Тогда согласен.

— Чаю хочешь, с печеньем?

— Не откажусь.

— Ну и хорошо. А пока я завариваю чай, ты мне, не спеша, рассказывай про себя. Жутко интересно. Я вообще первый раз в жизни с живым перебежчиком говорю.

12.2

Чай, которым его решил напоить капитан, отличался от израильского всеми характеристиками: вкусом, цветом, ароматом, внешним видом. Спросить, что за сорт и где выращивается — неудобно. Но один вопрос Слава всё-таки решился задать:

— Скажите, пожалуйста, а чей портрет у вас над столом висит?

— Это портрет Леонида Ильича Брежнева — Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза.

— Не знаю такого.

— А когда ты убежал из Советского Союза, что не знаешь Брежнева?

— Я не из СССР убежал, я из Германии. Уехал по окончании Берлинского технологического университета в 1953 году.

— В каком месяце?

— В сентябре.

— Чего так? К сентябрю, как мне помнится, уже всех евреев выпустили из тюрьмы. А вообще, ты еврей или нет? Фамилия у тебя русская, да и на еврея совсем не похож. Ты вообще кто?

— Я русский, но мама у меня еврейка. А у евреев национальность определяется по матери.

— Да хоть по соседу. Не путай меня, ради бога. Ещё раз спрашиваю тебя — ты русский?

— Да, я русский, но...

— Всё. Оставь меня в покое с евреями. Пусть тобой товарищ майор завтра разбирается. Только скажи: как оказался в Израиле?

— Поехал за любимой девушкой.

— Куда поехал?

— В Израиль.

— А-а... ну это серьёзно. Теперь получишь по полной программе и за себя, и за девушку.

На этом капитан прекратил разговор со Славой. Эта беседа явно была не в его компетенции, так как филиал консульства, в котором он работал, выполнял только действия, связанные с гражданскими проблемами людей, сохранивших связи с бывшей родиной. А тут совсем другой случай.

Такой поворот событий вполне устраивал Славу, так как свой рассказ о жизни в Израиле, производственной деятельности и криминальной обстановке, сложившейся вокруг него, он хотел оставить для разговора с людьми, которые будут принимать решение по его судьбе, а не выкладывать первому попавшемуся военному.

12.3

Спецтранспортом Генерального консульства СССР была давно немытая машина виллис, в которой сидело трое в штатском. Войдя в помещение, гости за руку поздоровались с капитаном. Слава встал и скромно стоял в стороне.

— А что он у тебя не пристёгнутый, капитан? — спросил человек с обритой головой. Не по инструкции.

— Виноват, товарищ майор. Но в нашем подразделении нет по уставу наручников.

— Получи у Нестеренко. И вообще, как мы его будем без браслетов везти в Тель-Авив?

Потом, резко повернувшись на каблуках в сторону Славы, резким тоном сказал.

— Представьтесь.

— Панкратов Вячеслав Васильевич, год рождения 1930, уроженец города Москвы.

— Я думал, увижу какого-нибудь Хаима Абрамовича, а ты русский больше моего. Какие-нибудь документы есть?

— Есть.

— Показывай.

Слава протянул майору плотно заклеенную коробочку.

— Нет, ты сам её открывай. Может у тебя там взрывное устройство.

— Может быть.

— Ладно, давай. Так... Советский паспорт, выданный в 1946 году Замоскворецким отделом милиции города Москвы; аттестат зрелости, Московская школа номер 653, от 28 июня 1948 года; инженерный диплом.

— Что за диплом? На каком языке всё написано?

— Диплом Берлинского технологического университета. Заполнен на немецком языке. Год вручения — июнь 1953.

— Знаешь немецкий язык?

— Да.

— А ещё какие языки знаешь?

— Английский, иврит, русский.

— Так. А это что за бумажки?

— Израильское удостоверение личности и водительские права.

— Всё?

— Всё.

— Да тебя в академию наук с такими документами нужно принимать, а ты в тюрьму просишься.

— Лейтенант, — обратился майор у одному из сопровождающих, — заберите у задержанного все документы.

— Почему задержанного? — спросил Слава.

— Потому что вход в служебное помещение советского консульства — это переход границы иностранного государства.

— Позвольте, у меня же советский паспорт!

— Ты что, не понимаешь? Твой просроченный паспорт — кусок непригодной к использованию бумаги.

— Не понимаю.

— Ну всё. Пакуйте клиента. Руки завязать верёвкой и прикрыть полотенцем.

После этого майор обратился к капитану, стоящему всё время перед ним навтыяжку.

— Он тебе вчера что-нибудь написал? Ну, типа заявления?

— Да. Вот оно.

— Давай.

Заявление

Прошу предоставить мне, Панкратову Вячеславу Васильевичу, год рождения 1930, уроженцу города Москвы, политическое убежище в Советском Союзе.

Основание: советский паспорт № 162513, выданный 23 марта 1946 года Замоскворецким отделением милиции.

Число. Подпись

Майор сначала хотел порвать заявление Панкратова и выбросить в урну, но потом передумал и положил в карман брюк. — На всякий случай сохраню. Детский сад какой-то.

Потом резко поднялся со стула и скомандовал.

— Всё. Закончили разговор. Сержант, натяни, как положено, брезент на машину и поехали.

12.4

От Беэр-Шевы до Тель-Авива ехали почти два часа — узкое, однополосное шоссе, забитое, в основном, грузовым транспортом. Жара ужасная, но машина под брезентом продувалась со всех сторон.

Так как Слава три дня практически не спал, он несколько раз закрывал глаза и заваливался в сторону лейтенанта,

с которым сидел рядом на втором сиденье. В последний раз, навалившись на соседа, Слава услышал голос майора, который наблюдал за ним в зеркало заднего вида.

— Слышь, студент, ты не спи. Лучше готовься к предстоящей беседе со мной. Будет жутко интересно.

— Я не студент.

— А кто ты?

— Инженер.

— Да ты что? А выглядишь как студент.

— Это от загара. Много времени работал в поле.

— Почему в поле? Ты же инженер?

— Так получилось.

— Понятно. А чем вообще специалист отличается от инженера?

— Специалист — это человек, владеющий знаниями в определённой области, а инженер — углубляющий знания в этой области.

— Что значит углубляющий?

— Значит технологически, конструктивно, экономически, визуально улучшающий.

— Красиво объясняешь. А какую роль в этом играет диплом?

— Большую. Только специалисту, защитившему дипломный проект, присваивается квалификация инженера.

— А без диплома можно быть специалистом?

— Можно, но звания инженера человек иметь не будет.

Разговор между ними на некоторое время прекратился, и Славу опять потянуло в сон. Но майор эту ситуацию тут же пресёк и потому снова начал задавать вопросы.

— Слышь, инженер, а где ты до университета учился?

— Среднюю школу закончил в Москве со специализированным уклоном изучения немецкого языка. Я уже об этом вам говорил.

— Ну, говорил. Ещё раз повтори. Не облезешь.

— Зачем?

— Затем, чтобы проверить, где человек говорит правду, а где врёт. Привыкай. Теперь соответствующие органы будут разговаривать с тобой только таким образом.

12.5

Машина с задержанным Панкратовым подъехала к воротам большого старинного здания в центре Тель-Авива. На сигнал водителя вышел военнослужащий, открыл ворота и, вытянувшись, отдал честь.

— Ну вот, инженер, мы въехали на территорию Советского Союза, куда ты по прошествии многих лет стремишься попасть.

— А что это за территория?

— В смысле?

— Ну, куда мы приехали — консульство, тюрьма, отель?

Все, сидящие в машине, смеялись чуть ли не до слёз.

В том числе и Слава.

— Отель, отель. Причём пятизвёздочный, — ответил за всех сержант, сидящий за рулём.

Наконец, сквозь смех майор выдавил команду.

— Вылезай.

Заходили в здание по одному в соответствии со званием. Первым шёл майор, последним — сержант. Между майором и лейтенантом шагал Панкратов.

— Сержант, приведи задержанного в порядок. Своди в душ, как положено, и ко мне в восемнадцать ноль-ноль. Всё понятно?

— Так точно.

— Выполнять.

Профессиональное чутьё майора Тарасова подсказывало ему, что с этим парнем нужно вести себя очень аккуратно.

Парень непростой — за плечами Берлинский университет, инженер, тринадцать лет жизни в Израиле, владеет четырьмя языками. Не каждый день встречаются люди с такой биографией.

Правда, он должен был ещё вчера вечером сделать несколько запросов для выяснения личности задержанного, но, в нарушение инструкции, решил сначала составить своё мнение о нём. Уж больно хитёр или наивен этот молодой человек. Так себя раскованно держит. Создаётся впечатление, что получение политического убежища в Советском Союзе он, по всей видимости, ассоциирует с принятием в комсомол.

В шесть часов вечера майор Тарасов сидел за рабочим столом, когда раздался стук в дверь.

— Заходите, — крикнул майор. За дверью стоял задержанный, а за ним — сержант.

— Присаживайтесь, Панкратов. И, обращаясь к сержанту, скомандовал.

— Свободен.

— Будем знакомиться: Майор Тарасов, военный атташе при посольстве Советского Союза в Израиле.

Тарасов сделал паузу, позволяя Панкратову переварить эту информацию, и продолжил.

— Нашему знакомству способствовало то случайное обстоятельство, что вчера вечером, из всего посольского начальства, на рабочем месте находился только я. Завтра вас переведут в другой отдел по принадлежности и компетенции соответствующих людей. А сегодня я хочу, в порядке самообразования, с вами поговорить. Не возражаете?

— Конечно, нет.

— Расскажите, Панкратов, кто у вас родители, как вы оказались в Германии, а затем в Израиле, чем здесь более десяти лет занимались? Ну и, конечно, почему вдруг решили возвратиться на Родину? При этом не забудьте осветить

свои связи с криминальным миром Израиля, как вы написали в заявлении. Предупреждаю, что наш разговор, от начала до конца, записывается. Вам всё понятно?

— Понятно.

12.6

Слава поймал себя на мысли, что не готов ничего рассказывать под запись. Идти сдаваться — правильная идея, но не иметь ни одной домашней заготовки своего рассказа, это, по меньшей мере, легкомысленно. И тут, чтобы выиграть несколько секунд, он задал Тарасову вопрос.

— А как мне к вам обращаться?

— Гражданин майор.

— Почему гражданин, а не товарищ?

— Потому что вы мне не товарищ. Вы задержаны при переходе государственной границы Советского Союза. Мне, на данный момент, неизвестна ни ваша личность, ни с какими целями вы это сделали, а главное, по чьему заданию.

— Но я же предъявил свои документы?

— Думаю, что их подлинность наши эксперты будут долго проверять. Слушаю вас внимательно. Начинайте.

— Хорошо. Я, Вячеслав Васильевич Панкратов, родился 19 октября 1930 года в Москве в семье работника аппарата ЦК КПСС Панкратова Василия Ивановича и преподавателя английского языка Военной академии им. Жуковского Берты Львовны Цесарской. По национальности русский.

— Извините, но я, по ходу вашего рассказа, когда мне что-то непонятно, буду вас перебивать. Не возражаете?

— Пожалуйста.

— А вы знаете, что это вас в России записали русским, а в Израиле вы были полноценный галахический еврей?

— И так, и не так. В Израиле, чтобы не ломать себе голову, всех называют по стране исхода: евреи из Европы — ашкеназы, евреи из арабских стран — мизрахим, евреи из России и других советских республик — русские и т. д.

— Это как-то сказывается на отношениях между людьми?

— Позвольте мне, гражданин майор, эмоциональные оценки своему рассказу не давать.

— Согласен.

— В 1946 году моего отца назначили комендантом Потсдама, и они с мамой уехали в Германию. В 1948-м после московской средней школы я присоединился к родителям. В том же году поступил в Берлинский технологический университет, который окончил в 1953 году с присвоением мне квалификации инженер.

— Вы снова сделали на слове «инженер» акцент. Почему?

— Потому что не все получают по окончании университета это звание. Далеко не все. Это не как в Советском Союзе: окончил технический вуз и — инженер.

— Продолжайте.

— В октябре 1952 года папу с мамой срочно вызвали в Москву. Но меня мама упросила не возвращаться вместе с ними и окончить университет. Я послушался её совета и остался в Германии.

— Здесь не совсем понятно — почему вас оставили в Германии, а родителей отозвали в Москву?

— Этого я объяснить не могу. Может, по ошибке.

— В нашем ведомстве ошибок не бывает.

— Тогда не знаю.

— Ладно, идём дальше. А как вы оказались в Израиле? Тоже по ошибке?

— Не совсем так.

— А как?

— Моя гражданская жена, Грета Розенфельд, в начале 1953 года, по каналам «Джойнта», сделала нам выездные документы из Германии, и мы репатриировались в Израиль. В Израиле я был зачислен на должность слесаря-электромеханика в кибуце на юге страны.

— И вам не было обидно, что с университетской подготовкой и званием инженера вас в кибуце определили на должность слесаря?

— Нет, не было. В то время все в Израиле работали там, куда их по прибытии направляли.

— В израильской армии служили?

— Да, служил, но в связи с врождённым плоскостопием работал водителем на разного вида гражданском транспорте.

— Понятно. А теперь поясните мне, что это за термин «гражданская жена» и её возможности вывозить мужчин? Упомянутая вами организация «Джойнт» ничего просто так не делает.

— Я не знаю. Этим занималась Грета.

— Но вы же не будете отрицать, что являлись её креатурой в разведывательной деятельности, а точнее осуществляли «спящую связь» с восточно-германской секретной службой «Штази»?

— Нет, не буду. Но никаких поручений никогда не выполнял.

— Хорошо. Это не моё ведомство, и поэтому углубляться в данную тему не хочу. Сделаем перерыв и попьем чай. Не возражаете?

— Нет, конечно.

К чаю майор поставил на стол баночку вишнёвого варенья и положил пачку печенья «Рассвет». В этот момент в его кабинете раздался телефонный звонок. Тарасов на отличном английском языке объяснил абоненту, что занят и попросил перезвонить на следующий день в девять утра.

В ответе по телефону Тарасов использовал ряд нестандартных глаголов, которые говорили о том, что майор хорошо владеет языком, но находится в состоянии сильного нервного напряжения.

12.7

После чаепития Тарасов быстро убрал посуду со стола, закурил, не предлагая собеседнику папиросу, и задал вопрос, который, наверное, подготовил заранее.

— Скажите, Панкратов, а вас все эти годы не мучила совесть, что вы в одночасье отказались от своей Советской родины, где похоронены ваши родители, где вам дали прекрасное школьное образование? С такой лёгкостью и беспечностью взяли и поехали в чужую страну.

— Ну, во-первых, беседовавшие со мной перед отъездом люди внушали мне, что я еду не в чужую страну, а возвращаюсь на свою доисторическую родину. А во-вторых, они объяснили, что мама не напрасно просила меня не ехать в Москву, так как там меня ожидала реальная опасность для жизни.

— Вы знаете, молодой человек, что родина — это место, где человек родился, а не место, где когда-то жили его предки. Так написано в любом толковом словаре. Получается, что мне тоже можно внушить, что моя родина не Тамбов, где я появился на свет, а север Монголии.

— Ну что вы сравниваете какую-то Монголию с Израилем, гражданин майор?

— Не хамите, задержанный. Неизвестно, через что вам ещё предстоит пройти.

— Возможно, но я это понял, как понял.

— Ладно, перейдем к другой теме, которая, в моём восприятии, более критична. Итак, Государство Израиль, в минуту опасности, протянуло вам руку помощи: пригласило

к себе жить, дало гражданство, крышу над головой. А вы сейчас тайно удираете из него. Чем это можете объяснить?

— Только одним — мне стало в этой стране опасно жить.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Потрудитесь выразиться конкретней.

— Местные бедуины приговорили меня к смерти.

— Решаемый вопрос. Для этого есть полиция, организация «Шабак», с которой мы многие годы успешно взаимодействуем. Есть, в конце концов, внутренняя охрана кибуца.

— Да нет. Мне серьёзные люди сказали, что за русского никто впрягаться не станет.

— Ну почему? Это в зависимости от того, что вы натворили. Так что рассказывайте, Панкратов, всё подробно и с деталями, а то пока в ваших речах звучит много пафоса и мало информации.

— А где гарантия, гражданин майор, что после моего рассказа вы не откажете мне в советском гражданстве?

— Мы гарантий, задержанный Панкратов, не даём. А вашу информацию, прежде всего, предоставим соответствующим израильским структурам.

— А дальше?

— Дальше будем просить Государство Израиль разрешить экстрадировать вас в Советский Союз.

— И что потом?

— Потом будем судить за измену родине и только после этого вы, искупив грехи, получите право на возвращение гражданства.

— А я думал...

— А вы не думайте, так как существуют законы, по которым живёт каждое нормальное государство. И вообще, почему вы уверены, что Советский Союз вами заинтересуется?

— Ну, во-первых, этот неординарный шаг должен вызывать общественный интерес — человек хочет уехать из Израиля в СССР.

— Это звучит, Панкратов, как антитеза: все просятся в Израиль, а вы — из Израиля?

— Примерно так.

— Ну, допустим, а что во-вторых?

— А во-вторых, я могу много интересного рассказать.

— Что именно?

— Мы с напарником отжали у бедуинов самый прибыльный бизнес в пустыне, связанный с переработкой мусора. Раньше они были монополистами, а сейчас уступили первенство нам и потеряли большие деньги.

— За счёт чего?

— За счёт разработанной мной уникальной двухступенчатой технологии переработки бытового и сельскохозяйственного мусора, которой не владеет ни одно государство в мире.

— Вы уверены в этом?

— Уверен. Я просмотрел на английском и немецком языках огромное число книг, изобретений, патентов. Поверьте — это самая серьёзная проблема, решение которой на данном этапе требуется от человечества.

— Да. Это интересно. И всё-таки бедуины вас «заказали», мне кажется, не совсем за это?

— Верно, не за это.

— А за что?

— Мы научились контролировать основные маршруты перемещения на юге Израиля драгоценных металлов.

— Каким образом?

— Я создал, на базе инженерного анализа совокупности соответствующих метеорологических факторов, технологические карты переработки больших массивов песка.

— И где они?

— Что где?
— Карты где?
— У меня в голове. Я вам могу практически всё нарисовать.

12.8

Тарасов и Панкратов долго беседовали. Опытный дипломат с достаточной лёгкостью вытащил из наивного кибуцника много интересной информации. Однако умный Панкратов, в свою очередь, не сообщил майору Тарасову о своих разработках, оставив их для следующих допросов. Среди них созданный им, но незапатентованный принцип сепарации мусора, успешно прошедший многолетние промышленные испытания. А также оригинальный способ выполнения заградительных сооружений в случае песчаных бурь, который был намного эффективнее того, что используется в мировой практике.

Поздно вечером, когда задержанный Панкратов под несусыпным оком сержанта, отправился спать, майор Тарасов сел за факсовый аппарат.

Совершенно секретно (Экз. № 1)
Начальнику Особого Управления КГБ
по Южному округу СССР
полковнику Скворцову В. И.

Рапорт

Довожу до вашего сведения, что 16 мая 1966 года в Генеральное консульство СССР в Израиле обратился гражданин Израиля Вячеслав Васильевич Панкратов, 1930 года рождения, русский, с просьбой восстановить советское гражданство. Панкратовым был представлен советский паспорт № 162513, выданный 23 марта 1946 года Замоскворецким отделом милиции города Москвы.

В ходе ознакомительной беседы Панкратов сообщил следующее:

В 1946 году его отец Панкратов Василий Иванович, русский, 1905 года рождения, был командирован на должность коменданта города Потсдама в Восточную Германию, где находился с женой (матерью задержанного) — Цесарской Бертой Львовной, еврейкой, 1907 года рождения, до октября 1952 года.

В 1948 году их сын Панкратов В. В. после окончания московской средней школы воссоединился с родителями. В том же году он поступил на первый курс Берлинского технологического университета, который окончил в 1953 году с присвоением ему квалификации инженер-технолог широкого профиля.

В июне 1953 году гражданин Панкратов В. В. вместо возвращения в Советский Союз, по окончании университета уехал по линии международной еврейской организации «Джойнт» в Израиль, где в течение тринадцати лет работал в киббуце на юге Израиля. Знает четыре языка: русский, английский, немецкий, иврит.

В настоящее время, в связи с угрозой для жизни, исходящей от местного населения, и представленных документов (смотреть *Приложение*) гражданин Панкратов В. В. просит политического убежища в Советском Союзе. Семейное положение — холост.

Приложение отправлено в ваш адрес дипломатической почтой.

Военный атташе при Генеральном консульстве СССР в Израиле

Майор Тарасов Б. П.

12.9

Начальник Особого управления КГБ полковник Скворцов не скрывал удовлетворения от полученного из Израиля факсового сообщения, касающегося некоего Панкратова. Честолюбивый и тщеславный, он торжествовал, что появилось первое реальное подтверждение предложенного им плана по борьбе с «утечкой мозгов».

Скворцов уже час размышлял над рапортом майора Тарасова, пытаясь чётко сформулировать причины и следствия этого явления, но получалось не очень складно.

— Итак, что такое утечка мозгов?

— Это, по всей видимости, действие, связанное с умственной деградацией, а в случае отдельного индивидуума — превращение в идиота.

— Но существуют физические явления, связанные с утечкой. Например, утечка тока или газа. Их можно достаточно просто устранить соответствующим ремонтом.

— Правильно, но человеческие мозги ещё не научились чинить.

— И всё-таки кто виноват, что из Советского Союза утекают мозги? Они же не могут это делать без согласия их носителя?

— В каждом отдельном случае есть свои причины.

— Понятно. А в ситуации с евреями?

— Здесь мы сами хорошо постарались, хотя евреи, как правило, устроенные и обеспеченные в стране люди.

— Так почему же они отсюда бегут?

— Главная причина — антисемитизм, который отравляет им жизнь. Антисемитизм — это явление вечное и будет существовать столько, сколько будут на земле жить евреи.

— Значит они будут уезжать, пока не найдут безопасного для себя места жизни.

— Совсем глупая картина. Всё как с унтерофицерской вдовой.

- В каком смысле?
- В прямом. Знаем причину отъезда евреев из страны и продолжаем только сокрушаться по этому поводу.
- А вы не пробовали, товарищ полковник, продумать меры, кроме карательных, чтобы изменить ситуацию?
- Нет, не пробовал.
- Так попробуйте.
- Каким образом?
- Таким. Прежде всего, обуздайте своё русское эго и сделайте некоторые конкретные для этого усилия:
- похвалите евреев в прессе, а не рассказывайте о них жуткие истории;
  - сформулируете список льгот для учёных, возвращающихся из-за границы, и, прежде всего, из Израиля;
  - доведите до сведения всех желающих уехать в Израиль о требовании Государства Израиль соответствовать галахическому происхождению;
- публично накажите граждан, в действиях которых усматривается антисемитизм.
- А что я обсуждаю? У нас первый успех, Панкратов — первый человек, возвращающийся из Израиля в СССР для решения новых ответственных задач, стоящих перед страной.
- Ура!!!

12.10

Всегда застёгнутый на все пуговицы и не допускающий никаких небрежностей во внешнем виде, сейчас Скворцов, предварительно закрыв дверь кабинета на ключ, снял китель и остался в натальной рубашке. Он был так доволен полученным факсом, что стал танцевать вальс, нежно обнимая воображаемую женщину и приговаривая хвалебные слова в свой адрес.

— А теперь, полковник, умерьте пыл и подумайте, с чего начать?

— Нужно поднять черновик письма, который я подготовил, но не направил заместителю министра Внутренних дел СССР генерал-полковнику Смирнову.

— Кстати, я всегда был против денежных поборов при отъезде евреев из СССР за полученное образование. Это требование не работает.

— Почему?

— Практика показала, что стремящиеся выехать евреи всегда соберут, с помощью друзей и знакомых, нужную сумму.

— И ещё. С завтрашнего дня в подаваемых мне списках на репатриацию евреев следует ввести графу, в которой обязательно указывать место работы и должность. А дальше я сам буду решать, в какую группу отъезжающих их включать.

— Стоп, полковник, чему радоваться? В принципе, ты ничего нового в эту программу не внёс.

— Почему?

— А вот так. Израиль сам такой программой успешно пользуется. Он без угрызений совести и ложного стыда предлагает возвратиться на льготных условиях своим учёным, уехавшим работать в другие страны.

— Тем более, в России должна работать жёсткая схема работы с учёными, позволяющая задерживать и возвращать нужных специалистов, а не разбазаривать их по всему миру.

Через два дня майор Тарасов получил от полковника Сворцова зашифрованную телеграмму, в которой было приказано немедленно этапировать в Россию рейсом Тель-Авив - Антверпен — Минеральные воды гражданина Панкратова со всеми необходимыми документами.

12.11

По прибытию самолёта из Антверпена первой к трапу подъехала «Волга» чёрного цвета с тонированными стёклами, а через шесть часов конвойные ввели в кабинет полковника Скворцова гражданина Панкратова.

Загорелый, подтянутый, улыбающийся, он производил впечатление человека, возвратившегося с курорта.

— Здравия желаю, гражданин полковник. Задержанный Панкратов, 1930 года рождения.

— Да. Не таким я вас себе представлял.

— А каким?

— Другим. Жалким, испуганным, озабоченным.

— Не понял, гражданин полковник! В связи с чем мне быть таким, как вы описали? Я добровольно вернулся на родину и от этого испытываю чувство глубокого удовлетворения. Правда, не совсем представляю, как вы со мной поступите.

— Понятно, что не представляете. Присаживайтесь, задержанный Панкратов. Сразу хочу вам объяснить, что не вы вернулись на родину, а вас вернули сюда под конвоем и в наручниках.

— Согласен и с такой формулировкой. Главное, что вернули.

— Это хорошо, что согласны. Но прежде чем обсуждать наказание, которое вы заслужили, я хотел бы выяснить — кто вам посоветовал изменить родине? Напомните, в каком году это произошло?

— Это было летом 1952 года. Я сдавал экзамены за четвёртый курс Берлинского технологического университета, когда мне позвонила мама и попросила срочно приехать в Потсдам.

— Кто у вас мама и что она делала в Потсдаме?

— Моя мама — Берта Львовна Цесарская, преподаватель английского языка, жена Панкратова Василия Ивановича, коменданта города Потсдама с 1946 по 1952 годы. В Германии она нигде не работала.

— И что произошло дальше?

— При встрече со мной мама сказала, что папу отзывают в Москву, и они возвращаются в СССР.

— Без вас? Ведь вы же член семьи?

— Дело в том, что они приехали в Германию на два года раньше меня. Поэтому в их командировочном формуляре я не значился.

— А когда вы приехали в Германию?

— Я приехал после окончания школы в 1948 году и в том же году поступил в Берлинский технологический университет.

— Понятно. И что мама всё-таки сказала, когда вы с ней встретились?

— Мама сказала, что в Советском Союзе идёт страшная антисемитская кампания, и она не хочет, чтобы я с ними возвращался в Москву. Когда будет можно, она обязательно сообщит.

— Сообщила?

— Нет. Я позвонил её знакомым, и те сказали, что сразу по приезде родителей арестовали. Больше ничего о них не известно.

— И поэтому вы решили после университета уехать в другую сторону?

— Да, потому что так наказала мне мама. Думаю, что и вы бы на моём месте сделали то же самое.

— Ну, это не вам судить, Панкратов, что бы я сделал на вашем месте.

12.12

Последней фразой Панкратов выбил из-под ног Скворцова табурет, так как упоминание о маме, которая несколько лет назад умерла, было для него совершенно непереносимым. Он сам хорошо помнил 1952 год, когда папа прятал маму в своей психоневрологической клинике, несмотря на то, что она перешла в православие. Соответствующие органы обещали заняться и папой, но, наверное, на каком-то этапе передумали.

И сейчас слова Панкратова вернулись к Скворцову бурмангом: он почувствовал жар во всём теле и почему-то заныла левая рука. Не отрывая взгляд от стола, полковник громко произнёс.

— Вас, Панкратов, в Советском Союзе будут судить по статье «Измена родине».

— Это как понимать? — оторопел Панкратов.

— Так и понимать. Сейчас вас отведут в камеру, и вы подробно напишете обо всём, что с вами произошло, начиная с 1948 года, когда вы покинули Советский Союз, и по настоящее время. Вопросы есть?

— Есть. Что случилось с моими родителями?

— Этой темы мы коснёмся, когда будем обсуждать ваши признательные показания. Есть ещё вопросы?

— Есть. А на чьё имя писать объяснительную записку?

— А вы собираетесь нам что-то объяснять?

— Нет, конечно, но всё-таки...

— Полковнику Скворцову В. И.

Скворцов резко нажал кнопку звонка, и на пороге кабинета появились конвоиры.

— Увести.

В комнате с решёткой на расположенном под потолком маленьком окне стояла железная кровать, покрытая тряпкой, и приставленный к стене кустарный столик. На столике лежала пачка серой бумаги и два карандаша.

12.13

Слава сел на кровать и подтянул ноги к животу, как будто приготовился поднимать тяжёлую штангу. А в ушах звучал грозный приказ полковника: «...подробно напишите...». Он взял в правую руку карандаш и неожиданно сам себе улыбнулся.

— Осталось решить — на каком языке писать объяснительную?

— Ну, ты даёшь, Слава. Задаёшь глупый вопрос.

— Почему глупый? Я уже почти пятнадцать лет русским языком не пользовался. Даже не помню, в какую сторону двигать рукой.

— Ну, это не беда.

— Как не беда? Столько ошибок наделаю, что невозможно будет читать.

— Да бог с ними, с ошибками. Главное, донести суть своего повествования до этого полковника.

— И как же мне всё-таки озаглавить послание?

Перебрав несколько вариантов: «Докладная записка», «Служебная записка», «Рапорт», «Отчёт», «Жизненное описание», «Покаяние», Слава остановился на самом лаконичном: «О себе».

А в это время двумя этажами выше полковник Скворцов перелистывал доставленное ему срочной курьерской почтой дело бывшей заключённой Берты Львовны Цесарской, отбывавшей восьмилетний срок в лагере под Актюбинском. В январе 1956 года Цесарская умерла от остановки сердца, а в 1962 году решением специальной комиссии была посмертно реабилитирована.

Пролистав дело до конца, Скворцов понял, что Панкратовым он заниматься не хочет и не может. Слишком много в его истории было похоже на собственную жизнь, и прежде всего еврейская мама, не чаявшая души в единственном сыне и желающая от всего и всех его защитить.

Совершенно разбитый получасовыми воспоминаниями, Скворцов позвонил секретарю:

— Вавилова ко мне. Немедленно.

Подполковник Вавилов, хоть и стал недавно заместителем по оперативной работе, продолжал себя вести в присутствии шефа, как помощник. Через несколько минут он уже стоял навтыжку перед начальником управления.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Владимир Васильевич, возьмите расследование дела Панкротова под свой контроль. Папки личных дел его родителей получите завтра в канцелярии под роспись.

— Так точно.

— И ещё. Панкратов сейчас в камере предварительного заключения. Поговорите с ним доверительно перед тем, как он начнёт писать историю своей жизни. А потом мы сравним его рассказ с некоторыми официальными документами.

— Так точно. Разрешите идти?

— Идите.

12.14

Прошло три часа, как Панкратов начал описывать свою жизнь за границей, когда лязгнул замок, и в камеру вошёл незнакомый человек в чине подполковника. За ним охранник занёс стул.

— Задержанный Панкратов, — встав, отрапортовал Слава.

— Уже не задержанный, а арестованный. Подполковник Вавилов. Буду вести ваше дело. Садитесь.

Вавилов был полным антиподом Скворцова. В его голосе сразу чувствовалось отсутствие ажиотажа и экзальтации. Он до конца, не перебивая, выслушивал собеседника и старался как можно глубже вникнуть в суть дела.

— Сколько вы уже написали? — спокойно спросил Вавилов.

— Два листа... Я разучился писать по-русски.

Просмотрев за несколько минут написанное, Вавилов спросил.

— А как вы смотрите на то, чтобы вместо письменных показаний, мы с вами просто поговорили на диктофон.

— Это как?

— А вот так: я вам задаю интересующий нас вопрос, а вы на него коротко отвечаете.

— Нет, не хочу. Я ещё наговорю без обдумывания того, чего не было, а потом нужно будет выкручиваться.

— Смотрите, Панкратов, вы перебежчик, причём весьма странный. Все туда, а вы оттуда. И поэтому мы будем разговаривать с вами тоже необычным образом. Вам понятно?

— Понятно.

— Итак, мой первый вопрос: почему вы попросили политическое убежище?

— Ну, здесь ответ простой — мне угрожали убийством.

— За что?

— За двойное нарушение конвенции.

— А подробнее и без привлечения Ильфа.

— Дело в том, что кибуц, где мы жили, находится на юге Израиля. Местные жители — бедуины считают эту землю своей собственностью и поэтому требуют, чтобы любые действия на их территории были с ними согласованы. А мы этого не делали.

— А что вы делали?

— Самостоятельно решали свои производственные задачи с помощью современных технологий и получали более дешёвую и качественную продукцию.

— Красиво. А теперь скажите, почему вам нельзя было просто где-нибудь спрятаться в Израиле от этих бандитов? Ну, например, убежать с юга на север страны?

— Серьёзные люди предупредили, что в Израиле бедуины меня везде найдут.

— Хорошо. На эту тему мы с вами ещё поговорим. Но должен вас поставить в известность, Панкратов, что от перебежчика, каковым вы являетесь, требуется информация не личного характера, а что-то более существенное. Что вы можете по этому поводу сказать?

— Надо подумать.

— Сколько вам для этого требуется времени?

— Два дня.

12.15

Подполковник Вавилов пришёл, как и было договорено, через два дня. Сначала он подошёл к стене, где было расположено окно, и положил на неё руку, как будто проверял наружную температуру, а затем резко повернулся к Панкратову.

— Ну и что вы надумали, Панкратов?

— А что вас интересует?

— Прежде всего, каким образом вы так легко, после окончания университета, выехали из Германии и оказались в Израиле?

— Не совсем легко, как вам кажется, но в этом мне активно помогли два человека — мама и моя подруга Грета.

— В каком смысле помогли?

— В прямом. Обсуждалось два варианта: или я еду в Москву с родителями, где меня ждут сталинские застенки, или становлюсь агентом разведки «Штази» и уезжаю в Израиль.

— И вы выбрали путь предательства родины?

— Это не я выбрал. Это выбрала моя мама, за что я ей очень благодарен.

— Продолжайте, Панкратов. Что вы остановились?

— А дальше я получил номер агента секретной службы и пароль для связи, который периодически менялся.

— Кто был ваш куратор?

— Куратором все годы была моя бывшая гражданская жена Грета.

— Фамилия, отчество Греты? Где родилась, жила, учились? Кто её родители, чем занимались? Живее, Панкратов, и информативнее. Давайте-давайте. Я слушаю.

— Грета Боруховна Розенфельд. Родилась в Дании. Перед Второй мировой войной сбежала с родителями в Швецию. С её родителями я никогда не встречался и дополнительными сведениями не располагаю. Только знаю, что её папа был до войны директором банка.

— Где вы с ней познакомились?

— В столовой нашего университета.

— Какие поручения получали и как выполняли?

— Никаких поручений никогда не получал и не выполнял.

— Как вы считаете, почему?

— По всей видимости, мне не очень доверяли, да и сфера моей деятельности не представляла для них интереса.

— А чем вы занимались?

— Сначала я работал в электромеханической мастерской, ремонтировал сельскохозяйственные и бытовые механизмы кибуца. А потом мы с товарищем перешли на сбор и переработку мусора.

— Что так?

— Для этого были две существенные причины. Первая — нашу мастерскую закрыли из-за отсутствия фронта работы, и вторая — некому было в кибуце убирать мусор.

— И что?

— Я по образованию инженер-технолог, свободно владею немецким и английским языками. Изучил массу литературы и сейчас мне досконально известно, что происходит

в мире со сбором и переработкой мусора. К сожалению, Советский Союз в решении этой проблемы представлен весьма слабо.

— Почему вы так считаете?

— Потому что у вас нет ни патентов, ни новых технологий, ни современного оборудования.

— Откуда вы знаете?

— В мировой литературе о вас нет никакой информации.

— Может быть. Не буду спорить, — жёстко ответил Вавилов. — А теперь коротко расскажите о вашем опыте по решению проблемы мусора в Израиле.

— Хорошо, но это не пятиминутный разговор.

— Начинайте.

— Решение проблемы переработки мусора в Израиле напрямую оказалось связанным с климатическими условиями ближневосточной пустыни.

— Очень интересно. Каким образом?

— Дело в том, что на открытой местности, без застройки, благодаря очень сильным ветрам, в пустыне переносится огромное количество песка. В его верхнем слое, примерно до 2 метров от поверхности земли, можно обнаружить, помимо мусора, большое число различных старинных предметов. Но для их извлечения из песка требуется правильно спроектированная система заградительных устройств, а это серьёзная инженерная работа.

— Теперь я понял, Панкратов, почему аборигены охотились за вами и приговорили к смерти.

— Не думаю, что поняли, но уже интересно.

12.16

Несколько часов пребывания Вавилова в камере Панкратова пролетели незаметно. Вавилов прекрасно понимал, что арестованный показал ему только вершину айсберга своих

знаний, а остальное отложил для будущих разговоров. Но и с этим он не знал, что делать.

— Значит так, Панкратов. Сколько времени тебе требуется, чтобы сделать эскизный проект того, о чём сегодня мне рассказал?

Вавилов сам не заметил, как перешёл с Панкратовым на «ты», но это уже для делового разговора не имело значения.

— Сразу не могу сказать. Для этого нужно кое-что посчитать.

— Для всех расчётов даю тебе один день. Завтра ты должен мне назвать примерные сроки выполнения проекта.

— Постараюсь.

— А кстати, ты специалист по какому типу оборудования?

— Я инженер-технолог широкого профиля, а вообще моя узкая специализация — энергомашиностроение.

— Понятно. Значит, до завтра.

Через час Вавилова пригласил к себе Скворцов. Он уже выглядел совсем иначе, чем днём, и был готов спокойно разговаривать. Вавилов знал привычку Скворцова приводить себя в порядок методом кратковременного сна.

— Ну как дела, Владимир Васильевич. Что интересного вам рассказал арестованный Панкратов?

— Первый акт марлезонского балета: Панкратов уехал на запад по настоянию матери.

— Ну, это мне известно. Что ещё?

— К этому времени он уже был завербован разведкой «Штази», которая и помогла ему осуществить отъезд из Германии. Здесь, к сожалению, нет никакой информации.

— Почему?

— Не было заданий.

— Получается, что он спящий агент?

— Так точно. А вот второй акт — более интересен. Панкратов, как грамотный инженер-технолог, разработал новую систему сбора, переработки и разделения мусора.

— Какого мусора?

— Всякого. Их кибуц был расположен в пустыне, где девять месяцев в году дуют страшные ветры, которые переносят миллиарды тонн песка. За тысячелетия на территории Палестины перебивали многие народы мира, и поэтому в верхних слоях песка можно было найти всё, что угодно — от бытового мусора до редчайших и дорогих артефактов.

— Это интересно. Ну и чем закончилась ваша беседа, подполковник?

— Я его обязал, во-первых, восстановить в кратчайший срок все эскизы разработанной им установки по сбору мусора, а во-вторых, подготовить к завтрашнему дню список необходимой литературы и приспособлений для выполнения данного проекта.

— Вы его спросили, сколько ему понадобится времени для восстановления проекта?

— К сожалению, он не может сразу определиться со сроками, но обещал подумать.

— Благодарю за службу, товарищ подполковник.

— Служу Советскому Союзу. Разрешите идти.

— Идите.

Цепкий ум полковника Скворцова сразу ухватил, что всё рассказанное Вавиловым можно использовать не только в условиях пустыни, но и на бескрайних просторах Крайнего Севера. Там не менее интересные районы, чем в Израиле, а во время девятимесячной полярной зимы дуют ветра не меньшей силы и продолжительности.

На следующий день Скворцов попросил аналитический отдел управления подготовить обобщённые метеорологические сведения по зоне вечной мерзлоты, простирающей-

ся от Кольского полуострова до Чукотки, и представить ему в трёхдневный срок.

Внутренним приказом по Специальному управлению КГБ Южного округа полковник Скворцов подверг гражданина Панкратова Вячеслава Васильевича административному аресту сроком на один год до полного окончания работы над проектом мусороперерабатывающего комплекса с учётом климатических особенностей северных районов России.

Арестованному Панкратову была выделена отдельная комната с большой чертёжной доской и выходом для прогулок по небольшому тюремному дворику.

ЧАСТЬ 5

Глава 13. Город под крышей

13.1

Сегодня Виктор Иванович Скворцов первый раз за много лет проспал. Проснулся без четверти семь, но не был этим огорчён. Наоборот, очень доволен. Во сне он беседовал с мамой.

Мама то появлялась перед ним в какой-то дымке, то полностью исчезала из поля зрения. Но её голос был отчётливо слышен.

— Ну как, Витюша, дела? Как живёшь без меня?

— Всё хорошо, мама. Ведь я уже взрослый.

— Кто тебе сказал? Это тебе кажется.

— Правда, мама, правда.

— А знаешь, сыночек, какой первый вопрос мне задали на небе, когда я там появилась?

— Какой?

— Что ты оставила после себя на земле?

— И что ты ответила?

— Я ответила: сына.
— Но этого мало, — сказали они мне.
— Почему?
— Потому что ты должна была наставить его идти правильной дорогой.
— А как понять: правильная дорога или нет? — спросила я.
— Это определить, в самом деле, сложно, — ответили мне.
— Мама, ты снова будешь обсуждать со мной еврейскую проблему?
— Да, сыночек. Буду. Других проблем в мире нет.
— Неужели?
— Представь себе. Эта проблема является ключевой, а все остальные — производные от неё.
— Поясни свою мысль, мама.
— Пожалуйста. Общественный климат в любой точке мира определяется отношением к евреям.
— Согласен. Но евреи живут везде: как в Израиле, так и в диаспоре.
— Не имеет значения, где живут. В любом случае, они не чувствуют себя в полной безопасности.
— И что им нужно делать?
— Полностью исчезнуть из поля зрения окружающих.
— Это как?
— А так. Они могут продолжать жить где хотят, но их не должно быть ни видно, ни слышно.
— Зачем?
— Мир должен на определённое время забыть об их существовании.
— На какое?
— Точно не могу сказать, но придёт критический момент, когда все народы вспомнят о евреях и обратятся к ним с просьбой вывести их на дорогу света и благоденствия.

И вдруг Скворцова осенило:

— Это мама сообщает ему важную информацию. Творец уже направил на землю, из неизвестной точки Святой земли, иудео-христианина Панкратова с его оригинальным проектом.

— А что за проект?

— В проекте предлагается создать на территории северо-восточной части Сибири современный город-сад под стеклянной крышей, который будет надежным домом для евреев.

13.2

Придя на работу, полковник Скворцов сразу спустился в подвальный этаж управления, чтобы поговорить с арестованным Панкратовым. При виде неожиданного гостя, Панкратов встал и хотел по форме отрапортовать, но тот махнул рукой. Когда они сели друг против друга, полковник тихим голосом стал говорить.

— Мне рассказал подполковник Вавилов о задании, которое он вам вчера дал. Проблема понятна?

— Понятна.

— Тогда слушаю ответ по её решению.

— Ответа нет.

— Почему?

— У меня нет базовой информации.

— Какой информации?

— Базовой. Я не знаю, где будет располагаться обсуждаемый проект, какие начальные условия его выполнения и что мы хотим на выходе получить. И вообще, проект нужно сначала выстроить в голове, а потом переносить на бумагу.

— Чересчур много вопросов, Панкратов. К сожалению, у меня для вас есть только один ответ. Это северо-восток России.

— Прошу прощения, гражданин полковник, но моя методика разработана для условий жаркого климата и песчаной среды. Для Севера потребуются принципиально новые решения.

— Какие?

— Не знаю. Нужно глубже войти в тему.

— Хорошо. Вам подготовят подробную справку о климате предполагаемого района работ.

— Мне не нужна справка. Я должен сам разобраться в первичном материале.

— Так что вас конкретно интересует, Панкратов, или это ваши очередные капризы?

— Меня интересует всё: атмосфера, климат, грунты, люди, культура, растительный и животный мир. Всё. Это на первое время, а дальше видно будет.

— Хорошо. Составьте список интересующей вас литературы, и в ближайшее время её предоставят.

— Спасибо.

От разговора с арестованным Панкратовым у полковника Скворцова, как и в прошлый раз, остался неприятный осадок. Возникло впечатление, что Панкратов не понимает, куда попал, и пытается им навязать свою игру. Его всё время приходится уговаривать, доказывать необходимость что-то сделать, а он сопротивляется и выдвигает свои требования.

13.3

Скворцов вспомнил состоявшийся год назад жёсткий разговор с заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником Смирновым. Тот, не церемонясь, напрямую ему заявил.

— Хочу напомнить вам, товарищ полковник, что на управление КГБ, созданное в Южном округе, возложена

особая миссия по осуществлению строгого и эффективного контроля за выездом за рубеж лиц еврейской национальности. Нам известно, что в настоящее время готовятся покинуть пределы Советского Союза сотни, а может быть и тысячи грузинских, бухарских, горских и других евреев. Среди них много богатых, умных, профессионально грамотных людей. Это вас не настораживает?

— Настораживает, товарищ генерал-полковник.

— И что? Выходит, мы сами вывозим за границу далеко не худших, а во многом лучших людей?

— Правильно.

— Что правильно? Это далеко неправильно. Вы подумайте, как их, в рамках демократических процедур, задержать в Советском Союзе, а не насовсем потерять.

— Есть, товарищ генерал-полковник.

— Это первый вопрос, а теперь второй. В настоящее время партия и правительство нашей страны уделяет огромное внимание военному, промышленному, экономическому и социальному развитию районов Крайнего Севера. При этом серьёзную озабоченность вызывают следующие три проблемы:

- оскудение природных ресурсов;
- развал действующих предприятий;
- нехватка квалифицированных кадров.

— Что вы по этому поводу думаете, товарищ полковник?

— Думаю, что можно привлечь к решению данных проблем китайцев, — успел вставить Скворцов.

— Привлечение китайцев, — резко ответил Смирнов, — только ухудшит ситуацию, а не улучшит. Их участие в работе наших предприятий следует предусмотреть в последнюю очередь.

— Понятно.

— А как вы относитесь к идее активного использования малых народов Севера? Могут ли они улучшить данное положение? — спросил генерал-полковник.

— Конечно, могут, но только там, где не требуются серьёзные знания и профессиональный опыт.

— Ну, так ищите других людей, товарищ полковник, а заодно и деньги на поощрение их ударного труда.

— Есть.

— Вы свободны.

13.4

На следующий день в комнату Панкротова незнакомые люди занесли три коробки с книгами. Большинство из них были по исследованию мерзлоты, несколько книг — по атмосферным явлениям и только одна касалась здоровья человека в северных широтах. Несмотря на то, что вечная мерзлота в СССР занимала огромную территорию, обследована она была неравномерно и бессистемно.

Панкратов всю неделю внимательно читал доставленные ему книги, делая заметки и отдельные выписки. Потом взял чистый лист бумаги и начал писать.

Полковнику Скворцову В. И.

Предварительные тезисы

В результате ознакомления с информацией о природных факторах районов Крайнего Севера сообщаю следующее:

1. Мерзлота в СССР занимает площадь более 10 миллионов квадратных километров, что составляет порядка 60% всей его территории. Глубина залегания мерзлоты колеблется от нескольких десятков метров в районах Западной Сибири до более тысячи — в восточной.

2. Климат Восточной Сибири характеризуется двумя явно выраженными сезонами — суровой полярной зимой (около девяти месяцев) и коротким дождливым летом. Климатические особенности Западной Сибири отсутствуют.

3. Среднегодовая температура воздуха районов Крайнего Севера равна приблизительно минус десять градусов. Зимой в некоторых районах Восточной Сибири абсолютная температура опускается до минус пятидесяти пяти градусов.

4. Среднегодовая скорость ветра практически для всех районов Западной и Восточной Сибири составляет 25–30 м/с.

Несколько слов о проекте.

С учётом вашего предложения восстановить проекты, выполненные для юга Израиля, привожу некоторые характеристики климата Израиля, 60% территории которого представляет собой пустыню. Девять месяцев в году Израиль накрывает сильная жара. В отдельных районах температура воздуха достигает сорока пяти градусов. Приблизительно три зимних месяца идут дожди. Периодически дуют сильные и горячие ветры, называемые хамсинами.

Общая справка

На основании сравнения основных характеристик климата пустыни (Израиль) и вечной мерзлоты (Россия) можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Сравнимые районы имеют диаметрально противоположный климат.

2. В каждом из этих районов человек подвергается воздействию экстремальных климатических условий и требует эффективной индивидуальной защиты.

3. Уборка и переработка мусора в районах с экстремальными климатическими условиями является одной из наиболее важных жизненных проблем человечества.

Инженер Панкратов В. В.

13.5

Полковник Скворцов внимательно прочёл краткие заметки, подготовленные Панкратовым. В каждом слове чувствовалась серьёзная базовая подготовка, которую он получил в Берлинском технологическом университете. Следуя принципу — не оценивать документ по первому впечатлению, Скворцов отложил рапорт в сторону. А спустя два дня, решил обсудить его с автором.

— Скажите, Панкратов, вы уверены в своём утверждении, что в настоящее время нужно спасать не окружающую среду от человека, а защищать человека от окружающей среды?

— Никого и ничего не надо спасать: человек и окружающая среда — это единое целое. Естественно, что в отдельные временные периоды их существования они или помогают или мешают друг другу.

— В современном мире, насколько мне известно, востребованным является другой тезис: защита окружающей среды от человека. Вы согласны с этим подходом? — спросил Скворцов.

— Здесь, как мне кажется, речь идёт не о защите окружающей среды от человека а, во-первых, об отсутствии контроля за галопирующей цивилизацией, и во-вторых, о рядовой бытовой распущенности.

— С тем и другим явлением, — возразил Скворцов, — во многих странах идёт серьёзная борьба.

— К сожалению, гражданин полковник, борьба слабо мотивирована, бессистемна и потому малоуспешна.

Пропустив уничтожающее замечание Панкратова, Скворцов продолжил говорить.

— Правильно ли я понял, что вы хотите поменять всю систему защиты окружающей среды?

— Нет, неправильно. Я хочу изменить концепцию взаимоотношений человека и природы.

— Поясните свою мысль, Панкратов.

— Пожалуйста. Начнём с мусора. Им, как промышленным, так и бытовым, серьёзно не занимались сотни лет. А теперь извините меня, гражданин полковник, за некорректный вопрос.

— Слушаю?

— Что вы делаете дома со своим мусором?

— Как что? Собираем в мусорное ведро, относим на улицу и высыпаем его содержание в мусоросборник.

— Правильно. А потом?

— Потом приходит специальная машина, забирает мусор и отвозит на завод, где его сжигают или перерабатывают, чем наносят огромный вред окружающей среде.

— Таким образом, ваш мусор проходит грандиозный путь от ведра на кухне до большого современного производства. Согласны?

— Всё верно. А что вы предлагаете, Панкратов?

— Я предлагаю повысить гражданскую ответственность людей и создать индивидуальный комбайн по переработке мусора, который устанавливается в каждой квартире или на одном этаже для нескольких пользователей. В результате этого действия устраняются мусорные баки, мусоропроводы, мусоровозы, мусороперерабатывающее производство и достигается главный эффект — общая чистота. Если человек что-то нарушит в этой цепочке, то пострадает, прежде всего, сам и получит большой штраф.

— Вы верите в реализацию такого проекта?

— А почему бы и нет? Раньше все женщины стирали бельё на речке, а сейчас у каждой хозяйки дома стоит стиральная машина. Вот вам и ответ.

— Да, но для этого нужна соответствующая технология?

— Я разработал её основные принципы, а для проектно-конструкторской реализации просто нужны грамотные люди.

— Понятно. А что делать с промышленными отходами?

— Использовать те же принципы, что и в работе с бытовым мусором. Только объёмы его переработки становятся значительно больше.

— Но, как вы написали в рапорте, уборка мусора в районах с экстремальными климатическими условиями — отдельная проблема.

— Безусловно. Здесь нужно хорошо подумать, чтобы получить нужный результат. Мы пробовали её решать на небольшой территории Израиля. В России, на площади в миллионы квадратных километров, даже не знаю, как к ней подступиться.

— Хорошо. А как бороться с мусором на улице, в лесу, на пляже?

— Деньги собирать в казну, — с улыбкой ответил Панкратов. — Без чтения нотаций гражданам и пустых углов. В Сингапуре, за брошенную на улице спичку сразу выписывают штраф 500 долларов.

— И всё?

— И всё.

13.6

Полковник Скворцов вышел из московского кабинета заместителя министра МВД СССР генерал-полковника Смирнова в полном смятении. Смирнов почти открытым текстом сказал, что не видать ему звания генерал-майора юстиции, пока не наладит в стране эффективное использование высокообразованного еврейского контингента, желающего в массовом порядке выехать за рубеж.

— Что же он под этим жёстким замечанием имел в виду? — рассуждал, придя в гостиницу, Скворцов.

— Всё уже перепробовали: деньги за образование, исключение из партии, увольнение с работы, конфискацию

имущества. Даже из ведомственных квартир выселяли, а люди продолжают уезжать. Получается, в условиях нашей страны эта методика не работает?

— Работает, но неэффективно.

— И всё же, о чём мне сегодня генерал-полковник Смирнов настоятельно предлагал подумать?

— Трудно сказать, о чём, но раз об этом говорят наверху, то это очень серьёзно. Как любил говорить мой папа: если человек при встрече с вами сразу заявляет, что он еврей, то он или, на самом деле, еврей, или больной. В первом случае его нужно сажать в президиум, во втором — отправлять в сумасшедший дом.

— Я спросил у папы, почему он так считает, и он достаточно убедительно ответил: если этот человек настоящий еврей, то в нём на генетическом уровне заложено умение находить решение любой проблемы. Если нет, то он не еврей.

И в этот момент Скворцов вспомнил недавний разговор с Панкратовым и его вызывающую фразу: «... для проектно-конструкторской реализации моей технологии нужны грамотные люди».

— Абсолютно точно. Вот в чём смысл сказанного генерал-полковником Смирновым, и мы на правильном пути.

Скворцов полез в карман брюк за сигаретой и зацепил стакан с крепким чаем, который себе только что заварил. Стакан упал на ковровое покрытие пола, но остался целым.

— Это же надо! Не разбился! Это хорошая примета. А вообще, зачем конфликтовать с евреями? — подумал с усмешкой Скворцов. — У них не только много денег, но и длинные руки. Они не прощают обид и со временем кого нужно наказывают.

Скворцов взял чистый лист бумаги и быстро написал вопросы, которые нужно обсудить с Вавиловым после сегодняшней встречи со Смирновым. Их получилось более

десяти. Но, как говорил его учитель математики Тимофеев по кличке Чертило, больше пяти в один список включать не следует. После пятого вопроса желание заниматься шестым, как правило, у людей пропадает.

13.7

Подполковника Вавилова Скворцов пригласил к себе на шесть вечера. Точно в назначенное время Вавилов стоял на пороге его кабинета.

— Заходите, Владимир Васильевич. По вашей пунктуальности можно сверять часы. Что предпочитаете — чай, кофе?

— Если кофе, то только ваш, товарищ полковник.

— Прекрасно. Один момент и всё будет готово.

Все знали о кофе Скворцова. Когда он его варил, запах разносился по всему управлению. Тем не менее, был один нюанс — полковник Скворцов пил кофе только тогда, когда у него было хорошее настроение.

Сегодняшний «кофе» был его призом самому себе за то, что он, в конце концов, разгадал пожелание генерал-полковника Смирнова, сформулированное в очень завуалированной форме.

— Владимир Васильевич, подсаживайтесь к маленькому столику. Сегодня у нас не служебная встреча, а дружеская беседа. Надеюсь, не будете возражать?

— Ну что вы, Виктор Иванович? Как можно...

— Очень хорошо. Итак, я недавно встречался с генерал-полковником Смирновым. Обсуждали разные вопросы и, в том числе, коснулись основного предназначения нашего управления. Я объяснил, зачем оно было создано, но Смирнов, как мне показалось, не очень был этим удовлетворён.

К этому моменту сварился кофе, и Скворцов торжественно разлил его по чашечкам.

— Генерал попросил меня подумать на тему отъезда массовым порядком наших граждан еврейской национальности за рубеж. С учётом этого задания я решил поиграть с вами в «стеночку»: спрашиваете — отвечаю и наоборот. Идея понятна?

— Понятна.

— Тогда я вас слушаю. Только своими словами, Владимир Васильевич, без пересказа служебных инструкций.

— Хорошо. Наше управление выполняет роль сита — задерживает прохвостов и пропускает в Израиль людей, к которым Советский Союз не имеет претензий, — начал говорить Вавилов.

— И зачем нам это надо? Я понял, если было бы наоборот. Хороших задерживаем, а прохвостов выпускаем.

— Такой подход соответствует нашим законам.

— Владимир Васильевич, оставьте наши законы в покое. Все, как правило, имеют израильскую визу, но до Израиля доезжает не более двадцати процентов. Вы с этим согласны?

— Согласен.

— Может их по этому признаку и делить?

— А нам откуда знать, кто куда поедет? — вдруг вскипел Вавилов.

— Правильно. Но они обманули не только принимающую сторону, но и нас с вами, когда рассказывали со слезами о том, что возвращаются на историческую родину?

— Виктор Иванович, это всё после драки «кулаками махать».

— Ничего подобного: если эмигранты с нами играют «в темную», то и мы будем с ними играть не по правилам.

— Это как?

— А так. Нам самим нужны высококвалифицированные специалисты. Мы их будем находить в общей массе отъезжающих и оставлять в стране.

— Но это же не по закону, Виктор Иванович!

— А обманывать государство — по закону? Уверяю вас, Владимир Васильевич, большинству выезжающих всё равно, где жить, лишь бы покинуть СССР и вывезти с собой побольше денег.

— А если у них нет денег?

— Вы встречали евреев, у которых нет денег? Я — нет! — с нескрываемым раздражением сказал Скворцов.

— Это правда.

— А теперь скажите мне, Владимир Васильевич, за счёт чего у евреев всегда такая благостная картина с деньгами?

— За счёт того, что евреи умные, энергичные, образованные люди и всё заработанное всегда несли в дом, а не пропивали, — не задумываясь, ответил Вавилов.

— Согласен, но, к сожалению, с евреями из нашей страны утекает образование, наука, культура, искусство.

— И как вы предлагаете этого не допустить, Виктор Иванович?

— А вот как. С завтрашнего дня следует внести в анкету отъезжающих новую графу: где и кем работал.

— И что это нам даёт?

— Многое. Умных и способных людей будем выпускать из страны только в том случае, если они здесь вместо себя оставят учеников, освоивших разработанную ими схему обеспеченной жизни.

И тут Вавилов и Скворцов, не сговариваясь, стали громко хохотать. Первым, отдышавшись, пришёл в себя Вавилов.

— А по каким статьям, вы считаете, товарищ полковник, можно будет задерживать их выезд из СССР?

— По каким угодно, лишь бы от них была для нас польза, а не дырка в заборе. Запомните, Владимир Васильевич, где евреи, там деньги. Они сами умеют хорошо жить и быстро научат это делать других.

— И всё-таки как на счёт законов нашего государства, Виктор Иванович?

— Что вы пристали, Владимир Васильевич, с законами? О каких законах вы говорите, когда у еврея была всю жизнь зарплата восемьдесят рублей в месяц, а он вывозит из страны багаж на восемьсот тысяч?

— Но мы же его за руку не поймали? — снова возразил Вавилов.

— Не будьте таким наивным. Мы не в том ведомстве работаем. Я на сто процентов уверен: для того чтобы присоединиться к своей семье, выезжающей за рубеж, еврей подробно расскажет, откуда, где и как брал деньги.

— Понятно.

— А если понятно, то во вторник, через неделю, жду вас с анализом дополнительных данных.

13.8

Сегодня полковник Скворцов начал рабочий день с того, что спустился в подвальный этаж к арестованному Панкратову. Зайти в его комнату было практически невозможно — по всему полу были разложены книги, журналы, бумаги.

— Что у вас такой беспорядок, Панкратов? — строгим тоном спросил полковник.

— Это не беспорядок, гражданин полковник. Это система быстрого доступа к нужной информации. Сейчас я знакомлюсь с темой «Вечная мерзлота» и удивляюсь, на каком примитивном уровне она изучена. А в этих районах, скажу вам откровенно, будущее Советского государства и всего человечества.

— В каком смысле?

— В прямом. Природа там спрятала — подальше от центров цивилизации и ловких людей — свои несметные бо-

гатства. Только энергичные и целеустремлённые смогут этим воспользоваться.

— А как жить этим людям в условиях 50-градусного мороза и свирепых ветров, вы не подумали?

— Подумал. Так же как в Израиле, где температура воздуха достигает плюс пятьдесят и регулярно дуют ветры из пустыни, несущие тонны раскалённого песка.

— От жары можно спрятаться в тени или охладить воздух мощными вентиляторами, а как выжить в условиях низких температур? — резко спросил Скворцов.

— Вы правы, гражданин полковник: от жары следует прятаться, а от холода просто нужно научиться обогреваться. Для жизни на Крайнем Севере человек должен обладать серьёзными и глубокими знаниями.

— А конкретно, без научного тумана?

— Можно и конкретно. Из того, что я понял, просмотрев литературу, не температура и ветер создают экстремально тяжёлые условия для жизни людей на Крайнем Севере, а исключительно сложная электромагнитная обстановка.

— А это ещё нам зачем знать?

— Затем, чтобы люди там жили нормальной жизнью, а не на износ. Поэтому прошу вас дополнительно заказать для меня ещё несколько книг. Я подготовил небольшой список.

— По медицине что ли?

— По медицине.

— С чего это вдруг, Панкратов? Ведь мы с самого начала обсуждали проблему сбора и переработки мусора в северных широтах!

— Правильно, но какой бы род деятельности человека не обсуждали, мы обязаны создать для него комфортные условия труда и сохранить ему здоровье. Кстати, никогда не видели пустыню ранней весной?

— Нет.

— А жаль. Это неопишная красота: всё расцветает, торопится жить и любить. Так же и на Крайнем Севере.

— Несколько минут назад вы сказали, Панкратов, что Крайний Север — это будущее человечества, а сейчас вдруг впали романтику.

— Чтобы увидеть за суровой действительностью севера романтику, нужны умные и грамотные люди, умеющие находить в этих условиях оптимальные решения.

— Опять вы: «Грамотные люди»! А не подскажите, где их взять?

— Этого я не знаю.

— А жаль. Вы бы нам очень помогли. Ладно, давайте, Панкратов, обсудим несколько организационных вопросов.

— Я готов.

— Что вам нужно для работы, помимо книг?

— Большая чертёжная доска с электронной рейсшиной и калькулятор.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы выполнить новый проект?

— Приблизительно год.

— Помощники нужны?

— Нет. Только грамотный патентовед.

13.9

Вавилов явился к Скворцову в следующий вторник с пачкой бумаг. После того, как они поздоровались, полковник пригласил Вавилова жестом руки присесть за большой стол. Сегодня кофе не планировался.

— Владимир Васильевич, хочу с вами посоветоваться по некоторым не совсем корректным вопросам.

— Весь внимание.

— Продолжаем обсуждать проблему, которую сформулировал Смирнов. Итак, из нескольких тысяч советских граждан, имеющих в этом году разрешение на выезд за ру-

беж, около четырёхсот человек приходится на наше управление. Меня интересует, какие меры мы принимаем для затруднения отъезда из страны учёных и специалистов?

— Таким образом мы проблему никогда не ставили, товарищ полковник.

— А почему?

— Объясню. Есть два пакета ограничительных мер для выезда граждан за границу на постоянное местожительство — моральный и материальный. Первый включает увольнение с работы и другие неприятности по линии отдела кадров.

— И как они на это реагируют?

— Никак. Эти люди на всё готовы.

— Понятно. А второй?

— Второй связан с запретом на работу по специальности, а, следовательно, низкой заработной платой за неквалифицированный труд. Кроме этого, мы практически лишаем выезжающих из СССР социальной и медицинской помощи.

— А знаете, что я вам скажу, Владимир Васильевич? Мне представляется, что наше государство совершает здесь ещё две крупные ошибки: первая — мы добровольно отказываемся от использования у себя в стране большой группы квалифицированных специалистов, а вторая — всеми силами делаем своих бывших граждан заклятыми врагами СССР, выпуская их сырыми и нищими с копейками в кармане.

— Ради переезда на святую землю, евреи стоически всё переносят, — неожиданно стал оправдываться Вавилов.

— Но я не о них сейчас говорю, — жёстко прервал его Скворцов.

— Меня евреи не интересуют. Я говорю о нас. По эмигрантам отстраивают за рубежом впечатление о нашей стране. Без денег, рекомендательных писем, знания языка

эмигранты производят ужасное впечатление на окружающих. Они быстро опускаются, за редким исключением, на самое дно, превращаясь в жалких, обиженных, готовых на любую работу людей.

— Естественно. У них нет другого выхода. Жить-то надо.

— Молодые ещё могут подняться, — продолжал Скворцов, не обращая внимания на реплику Вавилова, — но людей в возрасте 45–50 лет даже на плохую работу не берут. К сожалению, в этой самой ущербной части эмигрантского сообщества как раз находятся многие потерянные нами учёные и специалисты.

— Почему вы выделили, товарищ полковник, именно эту группу людей?

— Потому что по уровню образования, научному и производственному опыту они попали «как кур в ощип». Им со всех сторон назидательно советуют учить другой язык, знакомиться с традициями, а у них на это нет ни сил, ни желаний, ни свободного времени. Ситуация, как в бульварной песенке: «Выхожу из ресторана — замуж поздно, сдохнуть рано».

— Полностью согласен, Виктор Иванович. Переход из одного сектора социума в другой стоит людям, как правило, потери чувства собственного достоинства со всеми вытекающими последствиями, — попытался поддержать Скворцова Варламов.

— Красиво сказали, спасибо. Кстати, Владимир Васильевич, вы сделали работу, которую я вам в прошлый раз поручал? — перебил его Скворцов.

— Обязательно.

— Докладывайте.

13.10

Вавилов достал из папки несколько листов бумаги и разложил перед собой на столе.

— Подробно докладывать, товарищ полковник, или коротко?

— Желательно покороче, но чтобы было понятно, о чём идёт речь.

— Хорошо. В соответствии с вашим поручением, анализу подлежало 387 грузинских, бухарских и горских евреев. Приняв за основу место, должность и заработок отъезжающих, я их разделил на три группы: первая — с ежемесячным окладом от 100 до 150 рублей, вторая — от 150 до 220 рублей и третья — свыше 220 рублей.

— Вы понимаете, Владимир Васильевич, что это весьма условно?

— Естественно. В первой низкооплачиваемой группе может быть миллионеров больше, чем в третьей.

— Совершенно верно, — согласился с ним Скворцов.

— В связи с этим градус внимания к первой группе лиц должен быть максимальным, — завершил свою мысль Вавилов.

— Там герои наших раскопок и основные бенефицианты.

Но тут его снова перебил Скворцов:

— Теперь нужно определиться с теми, кто искренне хочет ехать в Израиль по сионистским соображениям, а кто убегает от грядущих неприятностей, вплоть до тюрьмы.

— Каким образом, Виктор Иванович?

— Путём индивидуальной работы психологов с каждым отъезжающим.

— Помилуйте, Виктор Иванович. Это же евреи — умные, опытные, осторожные люди. Поймать их на разговоре о вывозе денег или антиквариата — совершенно бессмысленная затея.

— А никто не собирается кого-то ловить. Сейчас я, Владимир Васильевич, хочу с вами обсудить другую ситуацию.

— Слушаю вас внимательно, товарищ полковник.

— Когда я был маленький, мама мне говорила: «Где живут евреи, там процветание». Как вы считаете, в чём был смысл её слов?

— В том, что успешное выполнение постановлений партии и правительства, — с улыбкой ответил Вавилов, — возможно только в случае привлечения к работе в Заполярье евреев.

— Вы зря усмехаетесь, товарищ подполковник. В этом тезисе много смысла и правды. Несколько лет назад я, просматривая материалы нашего ведомства, наткнулся на воспоминания одного комсомольского активиста, приехавшего в Норильск в августе 1936 года. Сейчас постараюсь найти эту заметку. А, вот она. «Нас было шесть человек. Все из Одессы, знакомые друг с другом с детства. Вместе учились на рабфаке, а потом в одной группе Одесского политехнического института».

— И что здесь интересного для нас, товарищ полковник?

— А то, что эти евреи построили знаменитый на весь мир Норильский комбинат и создали норильскую энергетику, а автор этих воспоминаний был долгое время главным энергетиком Норильска.

— Это серьёзно?

— Очень серьёзно. А теперь, товарищ подполковник, вернёмся к вашим цифрам. Наверняка из 387 человек, желающих выехать в Израиль под юрисдикцией нашего округа, есть бывшие работники оборонных предприятий, военные специалисты, научные работники и так далее. Они должны получить отказ в лице нашего ведомства. Сколько таких может быть в год, Владимир Васильевич, от общего числа выезжающих? Как думаете?

— Приблизительно три-четыре процента.

— То есть в нашем случае, двенадцать-пятнадцать человек, — сразу подсчитал в уме Скворцов. — Очень хорошо. А теперь самое главное, товарищ подполковник. Пред-

ставьте, что предлагаете им в процессе следствия не общий лагерь с уголовниками, а ответственный хозяйственный объект на Крайнем Севере с зачётом срока заключения в зависимости от результатов работы. Как считаете, согласятся эти люди с вашим предложением или отвергнут?

— Думаю, согласятся и будут эффективно работать.

— И я так думаю. На этом сегодня закончим.

13.11

После беседы со Скворцовым Вавилов быстро нашёл небольшую статью для служебного пользования о Норильском горно-металлургическом комбинате и внимательно с ней ознакомился. В статье было написано следующее:

— «Норильский горно-металлургический комбинат широко использует в качестве основной рабочей силы заключённых Норильского исправительно-трудового лагеря. Однако среди десятков тысяч добросовестно работающих в лагере находятся несколько бандитов, которые дезорганизуют работу общей массы. Для нормальной и эффективной работы производства руководство комбината, по согласованию с МВД СССР, в начале 40-х приняло решение выдворить со своей территории бунтарей и вожаков уголовников. С этой целью в феврале 1941 года режимная тюрьма посёлка Дальний Острог, расположенного на северо-востоке Красноярского края, была перепрофилирована под особый штрафной изолятор Норильского лагеря.

— Штрафной изолятор охраняют кадровые военные МВД, работающие по специальному контракту. В состав охраны, сменяемой каждый год, входит двенадцать человек — два офицера, три сержанта и семь рядовых, один из которых, со средним медицинским образованием, выполняет обязанности фельдшера. Охрана живёт в отдельном двухэтажном здании: на первом этаже солдаты, на

втором — офицеры и сержанты. Отопление и освещение всего лагеря осуществляется с помощью дизель-генератора. Для снабжения поселения рыбой и мясом, руководством штрафного изолятора заключены договора со старостами стойбищ нганасан, которые размещаются по восточному побережью озера Лама.

Изолятор рассчитан на тридцать матёрых бандитов. Каждый заключённый сидит в отдельной камере. Камеры представляют собой два ряда клеток, спроектированных таким образом, что заключённые друг друга не видят. При этом они находятся в ручных и ножных кандалах под круглосуточным наблюдением охраны. На прогулку никогда не выводятся, и с ними не проводятся никакие воспитательные мероприятия.

К концу 50-х годов из начального списка заключённых, помещённых в штрафной изолятор поселения Дальний Острог в далёком 1941 году, осталось в живых шесть человек, которые «дышат на ладан». Так как изолятор обнесён сплошным пятиметровым забором, никто и никогда не видел, что происходит внутри него.

Вавилов вспомнил, как в 1966 году, для оценки дальнейшего использования штрафного изолятора туда была командирована инспекционная группа, возглавляемая заместителем начальника Главного управления исполнения наказаний МВД СССР полковником Бобровым. В состав группы был включён и он.

— Скажите, майор, а какой интерес у КГБ Южного округа в работе нашей инспекционной группы? — в первый же день приезда комиссии спросил Бобров.

— Не могу знать, товарищ полковник. Приказано оценить на местности состояние штрафного изолятора в посёлке Дальний Острог и предоставить информацию руководству Управления.

— Что-то вы темните, уважаемый. Не хотите говорить?

— Нет, просто не имею представления о теме разговора.

— Ладно. Всё равно скоро всё выяснится.

По возвращении из командировки Вавилов написал на имя полковника Скворцова подробный отчёт. Он не только скрупулёзно описал всё, что увидел в доживавшем срок штрафном изоляторе, но и сделал целую серию рисунков, которая точно отражала истинную картину.

13.12

Скворцов не посещал арестованного Панкратова около двух месяцев. С одной стороны, не было свободного времени, а с другой, куратором арестованного был Вавилов, которому полковник полностью доверял. И тем не менее, накануне принятия окончательного решения по штрафному изолятору Норильского комбината, Скворцов решил встретиться с Панкратовым, который по опыту жизни и образованию отличался от всех окружавших его людей.

Спустившись в подвал, Скворцов обнаружил, что скромную по размерам камеру, которую раньше занимал Панкратов, заменили на большую комнату. Теперь в ней умещались чертёжная доска и большой стол, заваленный книгами. К чертёжной доске был прикреплен лист бумаги, на котором было нарисовано непонятное панорамное сооружение.

— Что это? — спросил полковник.

— Пока не придумал названия, но думаю, что это будет один из объектов новой культуры.

— Вы получили заказанные книги? — пропустил странный ответ мимо ушей Скворцов.

— Да, получил, но там нет нужной для меня информации.

— Это затрудняет вашу работу над проектом?

— Наоборот, создаёт простор для творческой деятельности, и я этим очень доволен.

— Понятно. Подполковник Вавилов передал мне, что вы о чём-то хотели со мной поговорить.

— Очень хорошо, что передал. Не понимаю до конца задачу, которую вы передо мной поставили, гражданин полковник.

— В смысле?

— Чем и с какой целью я должен заниматься?

— Вам следует заниматься только подготовкой оригинального проекта сбора и переработки мусора в условиях Крайнего Севера.

— Но мне показалось, по информации подполковника, что не менее важным в проекте является судьба штрафного изолятора в поселении Дальний Острог?

— Это тоже актуально, но к вам не имеет никакого отношения.

— Ясно.

— А теперь, Панкратов, постарайтесь объяснить, что вы всё-таки нарисовали на этом листе. — И Скворцов нервно ткнул пальцем в направлении чертёжной доски.

— Есть кое-какие технологические соображения по данному поселению, но я их пока не могу собрать в кучу.

— Собирайте побыстрее и доложите нам.

13.13

Скворцов вернулся в кабинет и открыл блокнот, в котором делал небольшие заметки для памяти. И вдруг в глаза бросилась запись от 18 марта 1967 года: «Сегодня в Управление КГБ по Южному округу был доставлен гражданин Израиля Панкратов В. В. — бывший гражданин СССР, который, после окончания учёбы в Берлинском технологическом университете, не возвратился на родину».

— Неужели прошло семь месяцев со дня его прибытия в Ростов?

— Получается так.

— И что он за это время сделал?

— Обещал представить весьма заманчивый проект по переработке мусора в условиях мерзлоты и попросил год на его выполнение.

— А ты?

— Я на это согласился и оформил ему административный арест, не ограниченный требованием предъявления конкретного обвинения. Но сразу предупредил задержанного Панкратова, что за измену родине он получит, не зависимо от проекта, не менее пятнадцати лет.

— И как он на это отреагировал?

— Даже для вида не возражал.

— Ещё хорошо, что после июньской арабо-израильской войны и прекращения дипломатических отношений с Израилем никто не потребовал его экстрадиции.

— А вообще, Панкратов — какой-то мутный тип: грамотный, образованный, с хорошей родословной и знанием языков, но рассказывает про себя небылицы.

— Ну почему небылицы? Мы проверили — всё сходится в самых мелких деталях. Нигде ничего не соврал.

— Самое интересное в том, что задуманный мной план переселения евреев на Крайний Север и создание там мирового интеллектуально-промышленного центра, Панкратов как будто считал с моей головы.

— Очень странно. Ведь я, в самом деле, ни с кем своими соображениями не делился!

— А с Вавиловым?

— Вавилов знает только то, что на месте пришедшего в полную негодность штрафного изолятора Норильского комбината следует создать в поселении Дальний Острог новую надзорную структуру, соответствующую современным реалиям.

— А что я хочу, в самом деле, от Панкратова получить? Ведь он по всем признакам русский, а не еврей.

— Кто тебе это сказал? Он, как и ты, — наполовину еврей, да ещё по маме.

— Понятно-понятно. Зачем напоминать лишний раз? Лучше подумай, что с Панкратовым делать.

— Как что? Нужно поручить ему, помимо мусороперерабатывающего комплекса, подготовить развёрнутую пояснительную записку к проекту города будущего на Крайнем Севере. Кстати, в журнале по строительству в СССР была недавно опубликована любопытная статья двух архитекторов из Норильска, спроектировавших уникальный город под стеклянной крышей.

— Ишь ты куда замахнулся, Скворцов? С какой целью?

— С целью понять, как он, глубоко вникший в историю еврейского народа и проживший в Израиле много лет, видит возможность забыть евреям раз и навсегда, что такое антисемитизм.

— Откуда ты знаешь степень его понимания?

— Он сам мне рассказывал, что в Израиле всё свободное время проводил в библиотеке. Много читал на разных языках о прошлом и настоящем этого уникального народа.

13.14

С уходом полковника Панкратов долго не мог отделаться от вопроса к самому себе:

— Что от него хочет Скворцов? Зачем он, такой большой начальник, часто к нему приходит?

— Явно, что за переработкой мусора на Крайнем Севере стоит какая-то другая, более важная государственная задача. И, конечно, не перестройка штрафного изолятора, о которой беседовал с ним Вавилов.

— Стоп. А как называется контора Скворцова в полной её транскрипции?

— Особое управление КГБ Южного округа по работе с евреями, выезжающими за рубеж.

— Вот и ответ на все твои вопросы.

— Какой ответ?

— Скворцов хочет получить от меня развёрнутую характеристику еврея, довольного жизнью в Израиле, и создать нечто подобное в России.

— Зачем?

— Чтобы понять, почему все евреи стремятся уехать туда, а не оставаться здесь.

— Далеко не все. Зачем ты повторяешь непроверенную информацию? Многие проезжают мимо Израиля.

— Получается, что эмиграция по израильской визе — не такой уж и патриотический акт?

— Ну, ты наивный, Панкратов. Евреи в общей массе уезжают не потому, что в Израиле хорошо, а потому что здесь плохо. Они живут в СССР как на вулкане — если что-то не так, с них первых по полной программе спросят и ничего не простят.

— Таким образом, ты утверждаешь, что рядом с русским народом евреи чувствуют себя чужими?

— Всё правильно.

— А в Израиле они будут жить, слава Богу, среди своих!

— Ну, опять ты меня насмешил, Панкратов. При чём тут «свои-чужие»?

— Как это причём?

— А так. У евреев совсем другие принципы объединения. И вообще, как жил человек в России, так он и будет жить в Израиле. Ничего не изменится, так как он, прежде всего, туда привёз самого себя.

— А куда делось широко разрекламированное желание поддержать друг друга в тяжёлое время? Объединиться на новом месте для преодоления жизненных трудностей? Куда?

— Объединяться евреи не умеют. Вместо этого они начинают выяснять — кто из них больше еврей.

— Ну, вот тут ты не прав. В войну они всегда едины.

— Война, уважаемый, длится несколько дней, ну, в крайнем случае, недель, а евреям нужно долгосрочное единение, чтобы спокойно жить и работать на благо своего народа.

13.15

Место создания «Города будущего» обсуждалось Скворцовым и Вавиловым несколько недель, пока они не пришли к выводу, что наиболее оптимальным будет его расположение рядом с поселением Дальний Острог. На принятие такого решения повлияло несколько основных факторов:

1. Город будет находиться в центре огромной империи вечной мерзлоты, недра которой содержат колоссальные природные богатства. Это создаёт серьёзные перспективы его промышленного использования.

2. Территория города будет равноудалена от столиц мировых гигантов — Москвы, Пекина, Вашингтона. Это даст возможность обойтись без какой-либо вассальной зависимости от этих государств.

3. Создание технологически современной территории в Заполярье позволит радикальным образом изменить социальные и производственные условия жизни малых народов севера, численность которых составляет более двух миллионов человек.

4. Привлечение на свою сторону местного населения обеспечит, при необходимости, полную защиту города от любых врагов.

Сегодня Скворцов и Вавилов собрались накануне окончательной демонстрации проекта арестованным Панкратовым, который, кроме универсального комплекса по сбору

и переработке мусора в бескрайней тундре, обещал представить эскизы города будущего на Крайнем Севере.

— Ну что, Владимир Васильевич, давайте обсуждать вопросы, которые мы зададим. Через некоторое время истекает годовой срок административного ареста, и Панкратова нужно будет переводить на режим рядового заключённого.

— Думаю, первым должен быть вопрос: для кого он придумал этот проект? — ответил Вавилов.

— Я уже задавал ему этот вопрос.

— И что он, Виктор Иванович, ответил?

— Для евреев, у которых отсутствует возможность въехать в Израиль.

— Интересно. Везти людей на Крайний Север — очень смелое решение. Евреев нужно, прежде всего, научить жить в этом климате, а потом уже всё остальное.

— Не совсем так, Владимир Васильевич. Научить жить в жарком климате Израиля — тоже было не простое дело.

— Согласен, Виктор Иванович.

— Я в одном международном журнале обнаружил результаты интересного опроса в Израиле. На вопрос, как коренное еврейское население относится к другим национальным секторам своего государства, евреи ответили, что в разной степени ненавидят.

При этом на первом месте по уровню ненависти стоят арабы (50%), на втором — русские (43%).

— Это как понимать?

— Так и понимать. Арабы всегда будут жить на территории Израиля, а вот русскоязычных евреев можно израильским властям перестать пускать в страну. Их вообще не считают евреями, особенно тех, у кого только папа или дедушка — евреи.

— В этом случае нужно уметь договариваться с местными.

— С такими людьми договориться невозможно. Это

религиозные фанатики. Русскоязычные евреи даже пытались создавать свои партии.

— И это работает?

— Работает, но, к сожалению, не эффективно.

— А вы знаете, Владимир Васильевич, что в идее создания «Города будущего» для евреев на Крайнем Севере, мне кажется, есть большой государственный смысл. Давайте как-нибудь поговорим на эту тему.

— С удовольствием.

13.16

Ближайшее время, когда Скворцов и Вавилов смогли встретиться, возникло только через три дня.

— Так на каком вопросе мы остановились? — спросил с усмешкой Скворцов.

— На целесообразности создания города будущего для евреев на Крайнем Севере.

— Правильно. И вот что я по этому поводу думаю.

— Любопытно узнать.

— Отъезд еврея на Крайний Север должен быть результатом свободного выбора, а не эмоциональным поступком под влиянием неприятных обстоятельств. Кстати, светский еврей может создать для себя Израиль в любой точке мира, если ему там хорошо. Только нужно уважать законы страны, которая его приняла.

— А почему же, всё-таки, не Израиль, Виктор Иванович, чтобы жить среди своих?

— Мы уже с вами, Владимир Васильевич, этот вопрос несколько раз обсуждали! — раздражённо ответил Скворцов.

Вавилов глубокомысленно промолчал.

— Ещё раз повторяю. Понятие «свой» — неопределённое понятие в этих условиях. Новые граждане Израиля

различаются по языку, обычаям, привычкам, вкусам, еде, музыке и так далее.

— Но со временем они всё-таки становятся своими.

— Совсем не обязательно. Это очень индивидуальный процесс.

— Вы можете, Виктор Иванович, раскрыть последний тезис?

— Могу. И попутно открою вам ещё одну тайну: я подготовил кандидатскую диссертацию на эту тему.

— Что вы говорите? Очень интересно.

— А хотите я несколько тезисов из неё вам зачитаю?

— Хочу.

— Хорошо.

«Создание новой среды обитания для русскоязычных евреев на Крайнем Севере при том, что их въезд в государство Израиль затруднён, имеет ряд предпочтительных признаков, по сравнению с другими районами мира:

1. Чистота, тишина и покой районов Крайнего Севера, территория которых покрыта белоснежным саваном, что должно убрать у евреев накопленную веками нервозность и беспричинную ненависть друг к другу.

2. От поведения евреев, собранных на Крайнем Севере из разных стран, напрямую зависит, чтобы мир на планете не закончился катастрофой, а засиял всеобщим благоденствием.

3. Для плодотворного взаимодействия евреев между собой необходимо создать на Крайнем Севере мировой интеллектуально-промышленный центр».

Это позволит многим странам вспомнить о предназначении еврейского народа и протянуть руки друг другу.

13.17

От тезисов Скворцова Вавилов был в полном шоке. Он всегда ценил интеллектуальную мощь шефа и его умение заглянуть за горизонт.

— Прошу прощения, Виктор Иванович, вы уже защитили диссертацию или только собираетесь?

— Готовлюсь к защите, но хочу с вами кое о чём посоветоваться, если не возражаете.

— Сочту за честь.

— Как вы считаете, Владимир Васильевич, на ныне существующей Земле обетованной может когда-нибудь быть всё свято, благостно и тихо?

— Думаю, нет. Это особое место, Виктор Иванович, где происходит жестокая борьба разных непримиримых сил за её обладание. И конца этой войне не видно.

— Вы мне говорите о следствии, а я спрашиваю о причине.

— Причина, наверное, в самих евреях.

— Вот это да. А отсюда, пожалуйста, поподробней.

— А что тут подробней? Когда евреев изгнали из Земли обетованной по их же глупости, они рассеялись по миру. К сожалению, евреи почему-то не понравились многим народам.

— Минуточку, Владимир Васильевич, не надо валить всё в кучу. Евреи столько дали миру, что рядом с ними вообще никто стоять не может. А если и стоит, то должен при этом плотно закрыть рот.

— Согласен, польза от евреев всему человечеству огромная. Но если вам кто-то не нравится, а он, к примеру, решил сложную математическую задачу, вы будете продолжать с ним дружить?

— Наверное, нет.

— Почему, Виктор Иванович?

— Нельзя жить, противодействуя собственным желаниям. Здесь никакая Нобелевская премия не поможет.

— Понятно, Владимир Васильевич. Тогда у меня к вам на сегодня последний вопрос.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Скажите, пожалуйста, а что такое, по вашему мнению, свобода?

— Вы имеете в виду лозунг «Свобода, равенство, братство».

— Ни в коем случае. Этот лозунг — фарс.

— А тогда что?

— Ваше понимание свободы.

— Свобода — это когда один человек не мешает другому жить. При этом, с моей точки зрения, свобода не имеет никакого отношения ни к политике, ни к государственному устройству.

— То есть, вы понимаете свободу как пространственное расположение вещей.

— Да. Это механическая характеристика, а не морально-нравственная.

— Замечательно, Владимир Васильевич, а если она всё-таки мешает кому-то?

— Тогда нужно принимать меры для её устранения.

— Вот это и будем сегодня обсуждать с арестованным Панкратовым. Согласны?

— Согласен.

— Очень хорошо.

13.18

Полковник Скворцов зашёл в свою приёмную, как обычно, ровно без пяти минут девять. При его появлении капитан Холодов, новый помощник Скворцова, встал и застыл по стойке «Смирно».

— Юрий Николаевич, сделайте мне, пожалуйста, крепкий чай.

— Так точно.

Сегодня в два часа дня Скворцов с Вавиловым должны присутствовать на заключительном сообщении арестованного Панкротова по проекту, которым тот занимался почти год. В принципе, это была тема, близкая к его кандидатской диссертации «Морально-наследственное положение евреев в современном мире». Естественно, он надеялся услышать от Панкротова, прожившего много лет в Израиле, подтверждение основных выводов своей диссертации и предложения по их практической реализации.

— Владимир Васильевич, — обратился к Вавилову Скворцов, когда они встретились перед докладом Панкротова, — его сообщение будет состоять из двух частей или он оба проекта доложит как один?

— Мы с ним это обсуждали и договорились, что всю информацию он представит одним проектом.

— А какая-то иллюстрация будет сопровождать доклад?

— Докладом я бы его сообщение не называл, но специалист он грамотный и знает, как подать материал.

— О каких частях, напомните, идёт речь?

— Первая часть — проект города будущего на Крайнем Севере как убежища для всех евреев мира. Вторая — создание градообразующего предприятия, связанного со сбором и переработкой мусора в условиях Заполярья.

— К проекту будет приложена пояснительная записка?

— Думаю, да. И не одна.

— У меня к вам, Владимир Васильевич, есть деликатный вопрос.

— Слушаю вас.

— Вы согласны со мной, что Панкротов — необычный арестованный?

— Конечно.

— В связи с этим я хочу его наделить особым статусом, когда он приступит к реализации проекта на Крайнем Севере.

— Каким, Виктор Иванович, если не секрет?

— Не секрет. Назначить его ответственным координатором с прямым подчинением начальнику нашего Управления. КГБ.

— Звучит серьёзно. Только нужно подумать — какими конкретными полномочиями он будет обладать?

— Вот вы и подумайте на эту тему.

Глава 14. Долина счастья

14.1

В половине второго капитан Холодов спустился в подвальное помещение, чтобы проверить готовность арестованного Панкротова к докладу перед начальником Управления. Всё было сделано, как ранее оговорено: на рейках, прибитых по стенам комнаты, развешаны шестнадцать чертёжных листов, а также поставлены дополнительные стол и два стула.

— Уважаемая комиссия, — начал Панкратов.

— Давайте без фиглярства, — оборвал его Скворцов. — Сразу переходите к теме.

— Я это и делаю. Тема моего сообщения: «Как обустроить евреев в России, чтобы они не стремились уехать в Израиль».

— Вопрос поставлен некорректно и звучит с претензией на знание истины, — снова нервно среагировал Скворцов.

— Хорошо. Тогда перед тем как перейти к докладу, позволю себе сказать несколько общих слов.

— Говорите, но коротко, — согласился Скворцов.

Панкратов сначала смутился, но потом уверенным тоном стал без оглядки говорить.

— Насколько я знаком с мировой литературой, евреи когда-то были солидными и уважаемыми людьми. С ними не только считались, на них стремились быть похожими, брать с них пример. Спустя много лет, в результате собственных междоусобиц и последующих неправильных действий, евреев начали обижать, преследовать, загонять в резервации, гетто, концлагеря и, в конце концов, массовым порядком истреблять. После Второй мировой войны с фашистами, антисемитская ситуация вроде пошла на спад, но сейчас не только возродилась, но и набирает силу. Многократные напоминания мировой общественности о том, что дали человечеству евреи, не только не принимаются в расчёт, но и, наоборот, всё больше раздражают людей.

— Всё это, Панкратов, всем давно известно. Что нового в вашей постановке вопроса?

— Новое состоит в том, что нужно прекратить представлять евреев в ореоле мученичества. Они должны быть для всего мира источником глубокой мудрости и доброты.

— Для этой цели и было создано государство Израиль, — подал голос Вавилов.

— Не совсем так, — ответил Панкратов. — Израиль был создан как государство-убежище. Туда евреи стремились и стремятся до сегодняшнего дня, как в старое время бежали укрываться за городские стены.

— Не все, — раздражённо заметил Скворцов. Ему явно не нравился разговор, который уводил обсуждение в другую сторону. — Есть много примеров того, что евреи едут в Израиль по собственному желанию. Например, вы, Панкратов.

— Со мной, как раз, не совсем удачный пример. Я поехал в Израиль, так как дал честное слово маме, что не вернусь в СССР.

— Почему? — снова раздражённо спросил Скворцов.

— Из-за жуткого антисемитизма в сталинские времена. В результате этого я не только потерял отца и мать, но и лишился родины.

— А знаете, Панкратов, вы меня зацепили фразой, связанной с антисемитизмом и судьбой вашей семьи.

— Я очень рад, что зацепил.

— Понятно. Антисемитизм, правда, не входит в перечень тем, которыми занимается наше управление, но для меня это явление тоже представляет интерес. Поговорим о нём более подробно в следующий раз, — уже миролюбиво заключил Скворцов.

14.2

Когда Скворцов вернулся в кабинет, он спросил у Вавилова, который его весь день сопровождал:

— Владимир Васильевич, вы в теме антисемитизма разбираетесь?

— К сожалению, на уровне сведений, которые получил на занятиях в Высшей партийной школе по курсу «Международная политика СССР». Знаю, что антисемитизм связан с нападками на евреев, но не более того.

— Ладно, завтра зададим этот вопрос Панкратову.

Но Панкратов сам начал на следующий день выступление именно с этой темы.

— По моему убеждению, антисемитизм — это проблема не евреев.

— А кого? — удивлённо спросил Скворцов.

— Других народов, желающих наказать евреев за то, что у них всё получается. За то, что они живут не так, как все остальные.

Никогда в подвале управления КГБ по Южному округу не звучал такой громкий хохот.

— Не понял, что вы сейчас сказали? — давясь смехом, спросил Скворцов.

— Евреи постоянно кричат на весь мир о геноциде своего народа, собирают деньги на разные мероприятия по своей защите, проводят съезды, конференции, публикуют книги об антисемитизме, а вы говорите, что это не их проблема?

— Правильно. Это никакого отношения к антисемитизму не имеет.

— А что имеет? Поясните, если не трудно.

— Не трудно. Евреям нужно перестать оправдываться перед всем миром за своё существование. Их всё равно никто не пожалеет и не полюбит.

— Поконкретней, Панкратов. Без демагогии.

— Пожалуйста. Евреям нужно полностью, физически и духовно, отделиться от всех народов на земле.

— Каким образом?

— Обустроить своё государство уникальной интеллектуальной мощи в удалённом от всех стран уголке планеты и перестать подбрасывать миру выдающиеся открытия в надежде, что толпа антисемитов, в конце концов, по достоинству их оценит. Кстати, светские евреи могут создать такое государство в любой точке земного шара.

— А религиозные?

— А религиозные, для которых вера в Бога превыше всего, могут оставаться жить на земле Израиля в окружении ненавидящих их арабов. Они это право вымолили, выстрадали, выплакали. Заслужили всей своей жизнью.

— И что делать им с арабами?

— Договариваться. Другого варианта нет.

— Но это же утопия!

— Утопия — постоянно строить неприступные заборы, создавать новые виды оружия, переходить из одной войны в другую, а всё остальное — реальность.

— Интересно, кто придёт на помощь Израилю в трудной ситуации? — задал безличный вопрос Вавилов.

- Думаю, никто, — резко ответил Панкратов. — В благоденствии евреев нет искренне заинтересованных стран.
- Вы в этом уверены?
- Уверен на сто процентов. Евреям самим нужно, пока не поздно, активно действовать.

14.3

Уже год капитан Василий Захаров охранял и обслуживал необычного арестанта Панкратова. У этого арестанта был особый режим дня: когда хотел — кушал, когда хотел — спал. Иногда гулял с задумчивым выражением лица по крошечному дворику, примыкающему к камере, но никогда не сидел без дела: всё время читал, писал, рисовал, чертил.

А самое интересное заключалось в том, что у Панкратова всегда было хорошее настроение и желание работать. Он мог среди ночи встать и, как ни в чём не бывало, начать рисовать. При этом его рисунки были, как правило, какие-то странные, с марсианским сюжетом и маленькими человечками в необычных позах.

— Почему вы что-то, Панкратов, рисуете, не относящееся к тематике проектов, которыми вам поручено заниматься, и при этом всё время улыбаетесь? — однажды спросил у него Василий.

— Я бы вам объяснил, гражданин капитан, если бы был уверен, что поймёте.

— Постараюсь понять. Я окончил Высшую военную академию бронетанковых войск.

— Ну, это меняет дело. В принципе, я уже давно догадывался, что вы нестандартный охранник.

— По каким признакам?

— Не может человек без образования так серьёзно и глубоко рассматривать специальные чертежи.

— И, всё-таки, Панкратов, объясните мне, пожалуйста, зачем вы рисуете какие-то неземные пейзажи?

— Попытаюсь. Я много лет прожил в израильской пустыне. Её дневной, а тем более ночной, ландшафт очень похож на марсианский — таинственный и загадочный.

— А какое отношение ваше израильское видение имеет к Крайнему Северу?

— Пока никакого, но я хочу найти что-то общее между пустыней и тундрой через марсианскую аналогию.

— Почему марсианскую?

— Потому что мне всё время кажется, что они по своей сути очень близки.

— Аргумент слабый, но поживём — увидим. Кстати, вы помните, что скоро делаете заключительное сообщение перед высшим руководством управления?

— Конечно, помню. Правда, не знаю, что скажет суд по моему делу, но не дождусь, когда приступлю к реализации своего проекта.

— Вы, Панкратов, удивительный человек, но предсказать ваше будущее я не берусь.

— А я берусь — оно будет прекрасным.

Военный суд Южного округа СССР на закрытом заседании от 17 марта 1970 года, рассмотрев дело Панкратова Вячеслава Васильевича, гражданина Израиля, 1930 года рождения, постановил:

За измену Родине и коллаборационизм признать Панкратова В. В. виновным и назначить ему наказание в виде пятнадцати лет лишения свободы с отбыванием вышеуказанного срока в лагерях специального назначения и конфискацией имущества.

Под имуществом Панкратова В. В. подразумевалось более 60 (шестидесяти) полномасштабных чер-

тежей, порядка 500 (пятисот) различных эскизов и 13 (тринадцать) томов пояснительных записок.

Чертежи и эскизы осуждённого Панкратова были, в его присутствии, пронумерованы, прошнурованы и помещены в специальную коробку, на которой крупными буквами архивариус написал:

Специальная часть. Архив
Сов. Секретно
№ 004 861
(Управление КГБ Южного округа СССР).

14.4

Кем и когда было основано поселение Дальний Острог, никто толком не знал. Местные рыбаки рассказывали, что много лет назад в эти края приехало четверо белых людей. Они быстро поставили два добротных дома, а через некоторое время к ним присоединилось ещё несколько человек, но уже с женщинами и детьми. Говорили эти люди, в основном, по-немецки, но иногда использовали какие-то неизвестные слова. Жили тихо, ни с кем из местных не ссорились. Промышляли охотой и рыбалкой.

Добротные дома немцев не были обнесены забором, так как на их подворье всегда находилось без привязи несколько полярных собак.

В 20-х годах двадцатого столетия экспедиция проф. Урванцева Н. Н., проводившая геологические изыскания на берегах озера Лама, обнаружила это поселение и назвала его Дальний Острог, но ни на одну географическую карту мира, даже когда в 1941 году здесь был создан штрафной изолятор Норильского исправительно-трудового лагеря для бандитов с пожизненным сроком заключения, поселение нанесено не было.

Штрафной изолятор был окружён высоким забором, несмотря на то, что все заключённые круглосуточно находились на цепи.

В марте 1975 года в расположение данного поселения прибыл военный вертолёт, на борту которого находилось десять человек: семь осуждённых специалистов из Грузии во главе с ответственным координатором работ Панкратовым В. В., новый военный комендант капитан Захаров В. Ф. и два охранника контрактной службы. Все заключённые были одеты в соответствии с погодными условиями Заполярья. На обратный рейс вертолёт забрал оставшихся в живых двух старых сидельцев, освобождённых из-под стражи по амнистии, и семь человек охраны, отслуживших срок. К приезду новых людей старое двухэтажное здание штрафного изолятора было разрушено, и на его месте построено четырёхэтажное.

Строительный мусор был аккуратно сложен в одном из свободных углов территории изолятора.

После обеда Панкратов собрал всех арестантов в большой комнате второго этажа.

— Добрый день, уважаемые граждане! — обратился он с улыбкой к заключённым, что вызвало некоторое замешательство в их рядах.

— Я, Вячеслав Панкратов, ответственный координатор проекта.

Так же, как и вы, являюсь осуждённым, но наделён правом руководить выполнением всех работ. Срок заключения у меня большой, так что успеем осуществить наши планы.

На его приветственное слово аудитория никак не ответила.

— Всех здесь присутствующих я отбирал сам и поэтому с личным делом каждого неплохо знаком. Тянуться передо мной не следует, так как мы находимся на одном режиме, но выполнять поручения следует серьёзно и ответственно.

Все арестанты в нашем собрании имеют равный голос и равные права. Никаких кличек и погонял, обращаться друг к другу только по имени.

С содержанием проекта ознакомлю вас лично, когда специальной почтой придут соответствующие материалы. Сейчас готов ответить на ваши вопросы.

14.5

Первым поднял руку худой, давно небритый мужчина пятидесяти лет.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы отобрали в свою группу именно нас? — спросил он дрожащим голосом.

— Ваша группа, по моему мнению, оптимально соответствует требованиям начального периода подготовки и разработки проекта города будущего для евреев на Крайнем Севере.

— А зачем здесь евреям жить?

— Хороший вопрос. Об этом мы поговорим позже. Но мои преподаватели в Берлинском университете говорили своим студентам: «Человек может жить в любой точке земли, когда научится делать среду обитания пригодной для своего счастливого существования».

— Извините меня, Вячеслав, но уж больно всё неречно выглядит: Крайний Север, мерзлота, евреи... Почти как розыгрыш.

— Это не розыгрыш, а реальная ситуация. Вы, в самом деле, на специальном объекте, и здесь от вас требуется творческая деятельность, а не отбытие срока наказания.

После того как Панкратов замолчал, в комнате воцарилась тяжёлая тишина и только кто-то шёпотом спросил.

— Так вы тоже еврей?

— Да. Еврей.

И снова тишина. А через несколько минут все пришли в себя: зашумели, громко заговорили, смешивая русский и грузинский, как будто что-то хотели от Панкратова скрыть.

— Хочу вас, уважаемые, несколько приободрить, — снова вступил в разговор Панкратов. — По ряду основных позиций проект города будущего имеет базовые решения, апробированные в Израиле. Тем не менее, на Крайнем Севере есть своя специфика, и нам нужно будет её учитывать в своих проектных разработках. Понятно?

Но ответом была снова тишина.

14.6

— Есть ещё вопросы?

— Нет.

— Тогда для вашего осмысления у меня есть небольшое, но очень важное сообщение. Средний срок заключения каждого из вас в среднем пять лет, но он может быть существенно уменьшен в зависимости от результатов работы. Подробности об этом я расскажу вам немного позже. На сегодня всё. Идите устраивайтесь.

Когда все вышли из комнаты, к Панкратову подошёл человек с чёрной бородой, молча просидевший всё собрание:

— Здравствуйте. Я рав Исаак Маркус. Ты меня узнаёшь, Панкратов?

— К сожалению, нет.

— Фима я. Мы с тобой учились в одном классе.

— Фима? Да не может быть. Вот так встреча. Садись, дорогой, рассказывай.

— Рассказывать можно много и долго. Лучше скажи: как ты здесь оказался, да ещё в ранге начальника?

— Выполняю твой школьный наказ, Фима. Ты меня доставал своими нравоучениями: евреи должны быть проводниками людей к свету. Вот я вас туда и веду.

- Очень хорошо, но это не ответ, — пробурчал Фима.
- Ответ дают, дорогой друг, на лагерной проходной. Слушай, а давай мы с тобой поселимся в одной комнате!
- Нет. Для меня нежелательно с кем-то жить.
- Ну, ты даёшь! А если бы попал в общий барак? Чтобы ты тогда делал?
- Не знаю, придумал бы что-то.
- Ладно, занимай мою комнату, а я к кому-нибудь подселюсь. Сейчас у меня дел по горло. Вечером договорим.

14.7

Комната, которую Панкратов отдал Фиме, была небольшой, но удобной. В ней без особых проблем уместились кровать с панцирной сеткой, узкий столик, тумбочка и даже один стул. В углу Фима поставил свой чемодан и на него водрузил несколько толстенных книг. Единственное окно он занавесил тряпкой, чтобы никто не мог заглянуть во внутрь.

— Не помешал? — спросил Панкратов, входя вечером в комнату бывшего одноклассника.

— Ни в коем случае. Заходи, я тебя жду.

Сейчас Фима был совсем другим, чем утром: в белой рубашке, жилетке с несколькими карманами и чёрной кипе.

— Здоров, босяк! — весёлым тоном задел его Слава.

— Здоров, но я никогда не был босяком.

— Ещё как был. А кто мне в классном журнале написал, что я еврей?

— Это чтобы ты не вводил общественность в заблуждение.

— Нет, не поэтому. Твоё нутро протестовало против ситуации, когда ты один еврей в классе. Нужно было, чтобы если будут бить морды, досталось не только тебе, но и мне. Согласен?

— Согласен.

— Вот и хорошо. А теперь, уважаемый, скажи, чем ты здесь собираешься заниматься? — перешёл на серьёзный тон Слава.

— Пока не знаю.

— Мне работники, Фима, нужны, а не раввины. У тебя какое образование?

— Высшее. Кандидат физико-математических наук.

— По какой специальности?

— Магнитная гидродинамика.

— Вот и будешь этим заниматься. В общем, ищи себе применение, в соответствии с планом Творца.

Они проговорили несколько часов, а в конце беседы Слава без тени улыбки сказал:

— Запомни, Фима, ты раввин только в этой комнате, а за её порогом ты физик. Понятно?

— Понятно, гражданин начальник.

— Ну, всё. Будь здоров!

14.8

А вскоре пришли специальной почтой материалы из Москвы, и работа закипела. Поначалу Панкратов каждое утро всех собирал в большой комнате: обсуждали идеи, стыковали мнения, составляли планы. Но толку от этого было мало. Каждый говорил о своём.

Однажды вечером Слава зашёл к Фиме посоветоваться по срокам реализации проекта. Тот сидел за столом и читал какую-то толстую книгу.

— Фима, я зачем тебе отдельную комнату предоставил? — жёстко спросил Панкратов.

— Чтобы мне никто не мешал общаться с Богом.

— Ты что, Фима, за дурака меня держишь?

— Да ни в коем случае.

— А тогда в чём дело? Ты должен денно и ночью думать о том, как решить поставленную перед нами задачу: создать в Заполярье город будущего. Это будет новый дом для евреев, — вспыхнул Панкратов.

— У евреев уже есть дом — государство Израиль со столицей в Иерусалиме. А это Богом забытый, насквозь промёрзший край, — ошетинился Фима.

— Ты не прав, уважаемый. Все евреи — дети Бога, неважно, где они живут.

— Все евреи должны жить в Израиле, — продолжал гнуть свою линию Фима.

— Ты имеешь в виду галахических евреев? А негалахические?

— А это уже не евреи.

— Фима, ты нормальный человек или идиот? При погроме не выясняют — какой ты еврей — галахический или нет. Бьют, насилуют, калечат, убивают всех подряд.

— Тогда негалахическому еврею нужно переезжать в другое место, где его никто не будут трогать.

— Наконец ты родил хоть одну здравую мысль.

— Почему наконец?

— Потому что ты постоянно порешь чушь.

— Ты считаешь это чушью? А мне, религиозному человеку, так совсем не кажется.

— Не обижайся, Фима. Дело в том, что большинство репатриантов из России — нерелигиозные люди, и их ждёт в Израиле, как ты понимаешь, холодный приём.

— Религия объединяет еврейский народ, Панкратов. Религия.

— К сожалению, нет. Единственное, что объединяет евреев, так это антисемитизм и больше ничего.

— Ладно, не буду спорить. Но жить евреям в условиях вечной мерзлоты исключительно тяжело и опасно.

— Не тяжелей, чем в Израиле, поверь мне. Кстати, когда учился в Германии, я на каникулах несколько раз ездил в Швейцарию кататься на лыжах.

— И что?

— А то, что юг Таймыра — это та же Швейцария.

— А где швейцарский сервис, уважаемый?

— Сервис будет, но это уже зависит только от нас.

14.9

Панкратов посмотрел на часы и ахнул.

— Фима, я к тебе пришёл по делу поговорить, а ты опять втянул меня в ненужную дискуссию.

— По какому поводу поговорить? Что ты от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты продемонстрировал свои когнитивные способности в общественном пространстве.

— В какой области?

— В области строительства города будущего на бескрайних просторах Крайнего Севера. Давай, включай свои еврейские мозги.

— А почему ты хочешь говорить именно со мной? — спросил Фима.

— Потому что ты один из нас — верующий человек. Общаешься с Богом напрямую. Может, он тебе что-нибудь полезное подскажет?

— Хорошо, давай попробуем. Мы, прежде всего, находимся на Крайнем Севере и должны максимально использовать возможности северной природы.

— Согласен.

— Идём дальше. Мне представляется, что во всём твоём грандиозном проекте, Слава, научных проблем всего две. Остальные — инженерные задачи, для решения которых требуется просто привлечение больших денег.

- Какие ты видишь здесь проблемы?
- Первая — создание мощных, с учётом природных условий, источников энергии, и вторая — разработка системы жизнеобеспечения человека.
- Почему ты именно эти проблемы называешь научными, а не какие-либо другие?
- Потому что здесь необходимо при принятии решений провести комплекс серьёзных исследований.
- У тебя есть предложения?
- Есть, но только в общих чертах.
- Ты можешь дать краткую информацию об этом на нашей очередной встрече?
- Могу.
- Хорошо. Тогда до завтра!

14.10

Фима пришёл в большую комнату, где проходили все обсуждения, на сорок минут раньше объявленного времени. Одет он был в то, в чём его видел Панкратов вечером, но без кипы. Когда все собрались и наступила тишина, Панкратов встал из-за стола и обратился к присутствующим.

— Уважаемые коллеги! До сегодняшнего дня мы с вами обсуждали основную концепцию проекта и первичные эскизы, доставленные из Москвы.

Сейчас приступаем непосредственно к разработке рабочих чертежей. Проект должен быть во всех смыслах оригинальным и продуктивным. Предупреждаю — никаких стандартных решений не предлагать.

Панкратов повернулся к Фиме и торжественным голосом произнёс.

— А сейчас я уступаю место кандидату физико-математических наук Ефиму.

— Спасибо за внимание. Я буду краток: приступая непосредственно к разработке проекта, нам следует сформу-

лизовать его базовые принципы выполнения. Думаю, их должно быть два: первый — максимальное использование возможностей северной природы, второй — полная изоляция промышленной зоны комплекса от жилой.

В плане реализации этих принципов предлагается создать комбинированную ветросолнечную электростанцию, позволяющую в течение 9 месяцев работать от ветра, а в оставшееся время — от солнца.

Для обеспечения комфортного жизнеобеспечения жителей, целесообразно свайное строительство зданий одной этажности с использованием трёхслойного стекла разной светочувствительности. Это позволяет делать постоянными температуру и влажность воздуха внутри зданий любого назначения в течение всего года.

Что касается градообразующего производства, думаю, это будет интеллектуальный экологический комплекс, самостоятельно выбирающий оптимальные программы сбора и переработки мусора. В составе комплекса следует предусмотреть предприятия, обеспечивающие все жизненные потребности населения.

После перерыва обсуждение основных позиций проекта разгорелось с новой силой, но отвечал на вопросы уже сам Панкратов. Тон задавал, как будто они заранее договорились поменяться местами, Фима.

— Скажите, Панкратов, на каком основании вы предполагаете, что в тундре много мусора?

— Не предполагаю, а точно знаю.

— Не убедительно.

— Я занимался этой проблемой в израильской пустыне, а там в разы и территория меньше, и скорость ветра другая.

— Что это был за мусор?

— Разный — от обломков самолёта до драгоценных камней.

- Ладно, пока поверим на слово.
- Ну и хорошо. Все свободны, — заключил Слава.

14.11

Панкратов был доволен работой людей, которых он заочно отобрал. С тематикой постепенно разобрались, а для решения смежных специальных вопросов участники проекта сами объединялись в небольшие творческие коллективы. Ему казалось, что обсуждение еврейской темы окончательно ушло с повестки дня, но к ней неожиданно вернулись через яростный спор, кто был Спиноза.

Слава предпочитал в подобного рода дискуссиях не участвовать по причине того, что был осуждён по другой, отличной от остальных сидельцев, статье. Но сейчас он почему-то захотел влезть в спор, а с учётом того, что он начальник, никто не пытался помешать ему высказаться первым.

— Прежде всего, позволю заметить, что у Спинозы, по причине плохого здоровья, не было детей. И жены тоже. Я читал несколько его работ на иврите, которым он хорошо владел. А что касается его непростой жизни и огромного учения — более 160 томов, то для меня он всегда был и остаётся евреем Барухом, несмотря на то, что перешёл в другую веру.

— А сколько вы сами знаете языков? — спросили из зала.

— В совершенстве четыре: английский, немецкий, иврит и русский, а на разговорном уровне ещё три: французский, испанский и идиш.

— Почему вы считаете Спинозу евреем, если он перешёл в другую веру? — задал вопрос Фима.

— Потому что евреями, по моему мнению, рождаются по воле Творца и остаются ими до конца жизни, хотят этого люди или не хотят.

— А как же в Торе написано, что евреем может быть только тот, у кого еврейская мама? Я уже не говорю о переходе в другую религию, — спросил внимательно слушавший его Фима.

— Вот ты грамотно и объясни людям, как специалист, откуда это взялось. Я тоже читал Тору, и мама у меня еврейка, но не всё там понял. Давай, не стесняйся. Тут все евреи.

— Сейчас не могу. Мне надо подготовиться.

— Ладно, готовься. Нам не к спеху.

14.12

А когда все разошлись, Панкратов продолжил разговор с Фимой.

— Скажи, уважаемый, помнишь, какой вопрос нам, маленьким детям, любили задавать взрослые?

— Нет.

— Я тебе напомню: «Кого ты больше любишь — папу или маму?»

— Ну и что тут такого?

— А как ты думаешь, Фима, какой смысл дети вкладывали в этот вопрос и что хотели от ребёнка услышать взрослые?

— Но это же была шутка.

— Шутка, говоришь? А то, что после этого ребёнок мог долго мучиться, правильно ли он ответил на вопрос, об этом ты никогда не задумывался?

— Ну что ты вскипел, Панкратов?

— Потому что у евреев это не шутка, а акция, которую они, исходя, прежде всего, из экономических соображений, совершили с еврейским народом, разодрав его по несуществующему признаку и превратив жизнь его половины «по папе» в огромную незаживающую рану.

— Что ты так возмущаешься, Панкратов? Это же не мы придумали! Всё в религиозных законах, предназна-

ченных для регламентации жизни евреев на многие века, прописано.

— Религиозные законы, говоришь? Да их по сто раз разные люди переписывали.

— Не согласен. Это тонкая творческая деятельность, позволяющая использовать ситуацию сегодняшнего дня в виде конкретных предписаний на базе представлений о прошлом, и трансформировать её на будущее.

— Ну, ты молодец! Всё сумел по полочкам разложить. Даже будущее упомянул. Спасибо тебе.

— Пожалуйста.

— А теперь, Фима, скажу, по большому секрету, почему я согласился взять тебя в команду, если это интересует!

— Интересует.

— Ну так вот. Когда я почти два года сидел в одиночке ростовского СИЗО, я задумался над тем, что здесь, на Крайнем Севере, в бескрайней, никем не тронутой тундре, обязательно должен появиться новый тип человека — чистый, искренний, честный, порядочный. Без вредных привычек, всяких извращений и зависимостей от интернета и мобильных телефонов. Любящий спорт, книги и женщин. Такого человека можно вырастить только в новой окружающей среде.

— Ты что, Слава, говоришь?

— Спокойно, Фима, не волнуйся.

— Как это не волнуйся? Бог уже о нас позаботился.

— Это он о вас позаботился, а о нас нет. Поэтому я хочу видеть в тебе моего главного помощника в деле создания здесь долины счастья для евреев. Если нет, то мы с тобой расстанемся навсегда.

14.13

Вечером, готовясь ко сну, Панкратов вспомнил сегодняшний разговор с Фимой.

— Как он разнервничался, когда услышал мои слова о новом человеке!

— Так бы отреагировал любой человек, когда покушаются на его кусок хлеба. А вообще, зачем тебе, по большому счёту, нужен Фима?

— Фима — единственный, кто не будет мне постоянно поддакивать, а будет честно возражать.

— Это точно. Ему сейчас не до поддакивания. В нём зреет дух противоречия.

— Противоречия чему?

— Твоему тезису, что в настоящее время требуется новый, не испорченный грязной мировой псевдокультурой, человеческий материал.

— Зачем?

— Новые люди не будут его креатурой, так как по логике Фимы нужно исправно служить Богу, и Он тебе воздаст.

— Плохая у него идея!

— Почему?

— Потому что он делает из человека иждивенца, с трепетом ожидающего Божьего подарка.

— А какой твой вариант ответа, Панкратов?

— Очень простой: люди должны бескорыстно служить друг другу, а не Богу, и тогда все будет счастливы.

— Что ты имеешь в виду, Слава, под словом «служить»? Перевести старика через дорогу?

— И это тоже. Пойми, этим поступком человек доставляет удовольствие, прежде всего, самому себе, а потом уже помогает старику.

— Не убедительно.

— Хорошо. Я выскажу эту мысль другими словами: человек должен вызывать у другого человека чувство благодарности и доброты, а не зависти и злости.

— Каким образом?

— Самым простым: нужно с детства научить каждого человека давать людям, а не получать от них.

— А при чём тут евреи?

— Евреи обязаны быть камертоном искренности поступков человечества. Они первыми принимают удары судьбы, но и первыми находят дорогу, ведущую к свету и радости.

14.14

Самолёт ИЛ-14 без номера рейса прибыл в Хатангу 16 мая 1979 года в девять часов двадцать минут утра. Солнце во всё небо, режущая глаза белизна снега и звенящая тишина. Самолёт встречал небольшой автобус, который должен был перевезти в конец лётного поля всех пассажиров — восемь заключённых и четырёх конвоиров. Все заключённые самостоятельно вышли из самолёта и прошли в автобус. Только одного, соединённого наручником с конвоиром и в ножных кандалах, вывели из самолёта охранники. Этим заключённым был Марк Рожанский, осуждённый за убийство. на восемь лет. Спокойный, уверенный в себе, ни на кого не обращающий внимание, он зашёл в автобус и сел вместе с охранником на первое сидение. Старший по конвою сделал перекличку, и автобус медленно поехал в сторону армейского вертолёт.

Неожиданно в автобусе стало необычно шумно. Заключённые весёлыми голосами общались между собой. Даже с Рожанского сняли кандалы.

— Ну, теперь ты на свободе, — заметил с усмешкой конвоир, сидящий рядом с Марком.

— Как это понимать? — спросил Марк.

— Так и понимать. Сейчас прилетим на точку: никаких кандалов, проживание в тёплых комнатах, кормят вместе с охраной.

— Почему?

— Потому что это особый лагерь для евреев.

— Но я наполовину еврей. Мама у меня русская.

— Так не бывает — наполовину. Наш начальник знает — кто еврей, а кто нет. Здесь ошибки не может быть. Понял?

— Понял.

Больше вопросов Марк конвоиру не задавал. Он смотрел в окно вертолётa и видел пейзаж, знакомый ему с детства. Вместе с отцом, пешком и на лыжах, прошёл он по тундре сотни километров, научился стрелять в любую движущуюся мишень, чётко ориентироваться на местности в любую погоду. Но сейчас и он не мог понять — куда они прилетели.

В пункте назначения вертолёт встречали двое — капитан КГБ и мужчина лет пятидесяти. Нигде не было видно ни охранников, ни собак. Только впереди возвышалось четырёхэтажное здание с двумя свежестроенными верхними этажами.

Мужчина в штатском, когда все заключённые вышли из вертолётa и собрались кучкой со своими пакетами, обратился к ним с речью:

— Здравствуйте, товарищи! Вы прибыли на объект «Город будущего». Я координатор проекта Вячеслав Панкратов. Рядом со мной стоит военный комендант объекта капитан Захаров. По всем интересующим вас вопросам следует обращаться только ко мне. А сейчас по одному проходим на служебную территорию.

Новая партия заключённых была подобрана Панкратовым с учётом начала строительных работ на объекте и отвечала заявке, которую он отправил начальнику управления генералу Скворцову. Для окончательного согласования списка заключённых месяц назад в поселение прилетал заместитель начальника управления подполковник Вавилов, так что для Панкратова здесь не было сюрпризов.

Более того, он знал, что в новой партии есть арестант, осуждённый за убийство. Вавилов в последний приезд рекомендовал Панкратову обратить на него внимание, как на серьёзного и грамотного строителя почти с законченным высшим образованием.

— Рожанский? — окликнул Панкратов высокого парня со значком мастера спорта СССР на куртке. — Подойдите ко мне.

— Слушаю вас.

— Сейчас вам выдадут общую форму, так что значок мастера спорта больше не надевайте.

— А он мне больше и не нужен. Все уже знают, что со мной связываться не стоит.

— Это что — работает как объявление на калитке «Во дворе злая собака»?

— Совершенно верно, — и они дружно рассмеялись.

— Зайдите ко мне после шести вечера. Комната номер 11 на первом этаже. Поговорим за жизнь.

— Хорошо, зайду.

14.15

В течение часа всех новоприбывших одели и обули. Никаких номеров на форме, но у каждого на нагрудном кармане написано его имя. Марка Рожанского поселили в комнате на двух человек. Сосед по комнате, с громкой фамилией Эйнштейн, в отличие от своего знаменитого однофамильца с буйной шевелюрой, имел голый череп. Когда спрашивали, почему у него нет волос на голове, он отвечал: чтобы не путали с Нобелевским лауреатом. Но Аркадия Абрамовича Эйнштейна нельзя было, по определению, с кем-нибудь попутать. Он обладал выдающимися коммерческими способностями и чувствовал крупные торговые сделки за версту. Это ему, правда, стоило двух предыдущих

посадов в тюрьму, но расставаться со своим природным даром он не помышлял.

Подав документы на выезд из СССР в ОВИР Дербента, он попал в поле зрения КГБ, где посчитали, что ему целесообразней поехать на север, чем на юг. В принципе, он не возражал, так как семьи у него не было, а всех женщин, которые периодически делили с ним однокомнатную квартиру, Аркадий Абрамович считал временными знакомыми. Было ему явно больше пятидесяти, и поэтому он сразу назначил себя старостой комнаты. Тем не менее, на всякий случай, решил согласовать свою должность с соседом.

— Не возражаешь, если я буду в нашей комнате старший?

— Конечно, нет.

— Ну и хорошо. Я просто привык, что на зоне всегда должен быть старший.

— Понятно.

— А теперь расскажи мне, юноша, чем по жизни занимался?

— Студентом был. До получения диплома не хватило полгода.

— По какой специальности?

— Строитель.

— Ну, без работы здесь не останешься.

— Я тоже так думаю.

— А вообще откуда?

— Родился в Норильске, а судили в Ростове-на-Дону.

Эйнштейн начал громко хохотать и переспрашивать:

— Да ты что? Прямо в Норильске? Да не может быть! Так тебя, считай, домой за казённый счёт привезли!

— В каком смысле?

— В прямом. Мы же на Крайнем Севере.

— Ну и что? Крайний Север — огромная территория.

Интересно, где мы сейчас находимся?

— Никто тебе этого не скажет.

- Почему?
- Потому что это особый лагерь. Поверь старику Эйнштейну, здесь большие деньги крутятся.
- Где крутятся?
- Здесь. Недаром на Северо-Восточную Сибирь Китай давно глаз положил. И не только он. Ещё на неё претендуют скандинавы, канадцы, американцы и даже европейцы. Но России такие клиенты не нужны. Сами справимся, — подвёл под обсуждением черту Аркадий Абрамович.
- Ладно. Поживём — увидим, — согласился Марк.
- Тут и видеть нечего. Я знаю, о чём говорю.
- И что?
- А то. На Крайнем Севере нужны евреи — умные, ловкие, предприимчивые люди. Иначе Россия не поднимет этот огромный край. Другого такого в мире просто нет.

14.16

В шесть часов вечера Рожанский постучал в дверь одиннадцатой комнаты.

- Заходите, Марк, — крикнул Панкратов.
- Слушайте, а давайте на ты. Это как-то для меня привычней. Не возражаете?
- Нет, конечно. Тем более, что вы, наверное, вдвое старше меня.
- Дело не в старше. Просто я тринадцать лет прожил в Израиле. Там в обращении нет «вы». Только «ты», и называют люди друг друга по имени без отчества.
- Согласен.
- Ну и хорошо. Да ты присаживайся, не стесняйся. Честно говоря, я тебя не очень хотел брать, когда рекомендовали. Сидишь по уголовной статье за убийство. Мастер спорта по боксу. Соберёшь команду из таких же головорезов и что мне делать?

- А ты кто такой?
- Вопрос правильный. Я здесь выполняю роль технического руководителя проекта. На мне лежит ответственность за его реализацию.
- Так ты тоже заключённый?
- Конечно. Тут без судимости только капитан Захаров. Ну и солдаты, конечно.
- Ничего себе! Куда я попал?
- Ты попал, куда надо. Самое интересное, что тебя направил к нам сам начальник управления Скворцов. Ну что, продолжим разговор?
- Конечно, слушаю внимательно.
- Я москвич, окончил Берлинский технологический университет, но в СССР не вернулся, а уехал в Израиль.
- За любимой девушкой, что ли?
- Отчасти да, но больше по совету мамы.
- Что так?
- Когда-нибудь расскажу.
- Интересная у тебя биография, начальник.
- Не говори. О тебе, Марк, я более-менее всё знаю. Только скажи, когда ты сидел в Новочеркасске, а затем в Ставрополе, кем работал?
- Разнорабочим, и то временно.
- А конкретней?
- Что поручали, то и делал. В принципе, я владею всеми строительными специальностями. Мы с отцом два дома поставили от нуля до трубы.
- Это хорошо. А серьёзные чертежи читать умеешь?
- Обижаешь, начальник. Я же всё-таки инженер, правда, без диплома.
- Ну, понятно. Есть вопросы ко мне?
- Есть. Что за комната, где мы сейчас с тобой разговариваем?
- Это мой кабинет. — И Панкратов по-доброму рассмеялся. — Я здесь живу и работаю.

— Странная обстановка, совсем не похожа на тюрьму!

— А это не тюрьма. Это производственное помещение, где евреи, осужденные советским судом, занимаются интеллектуальной деятельностью на благо всего человечества.

— Что так пафосно? — удивлённо спросил Марк.

— Это соответствует сущности еврейской натуры. Каждый еврей считает, что только благодаря его усилиям человечество движется вперёд.

— Частично это соответствует действительности.

— Ну ты, парень, даёшь! — рассмеялся Панкратов.

— Может быть. Не спорю, — застеснялся Марк.

— Ладно, проехали! Я уже на зоне много лет и хочу тебе сказать, что зона по национальностям, как правило, эков не различает. Есть другие, более важные характеристики человека.

— Какие, если не секрет?

— Не секрет. Евреи в заключении делятся на две основные группы: трудоголики и авантюристы. Желательно взаимодействовать с теми и другими, так как первые серьёзно работают, а вторые подбрасывают новые идеи.

— Это ты, Слава, кого имел сейчас в виду?

— Не бойся, не тебя.

— А ты не думаешь, что кто-нибудь убежит из вашего рая? — вдруг спросил Марк.

— А какой смысл? Вместо лагеря, со всей его мерзостной обстановкой, здесь люди зарабатывают не только свободу, но и деньги. Не говоря уже о том, что тебя считают человеком.

Глава 15. Поиск Марка

15.1

Все попытки Калмыкова найти, куда отправили Марка отбывать наказание, не давали никаких результатов. Имевшие отношение к делу Рожанского люди указывали на генерала Скворцова, но Калмыкова с ним просто не соединяли.

Тем не менее, помощник генерала Скворцова капитан Холодов однажды в разговоре с адвокатом Кузнецовым намекнул, что Марк отправлен на Крайний Север, но куда он точно не знает. Этого Калмыкову было достаточно, чтобы позвонить Илье Золотому.

Трубку подняла мама Клава:

— Слушаю.

— Это квартира Золотых?

— Да. А кто вам нужен?

— Подайте золотишко на молочишко.

— Володя, это ты?

— Я, а как ты узнала?

— Как узнала? Только ты эту глупость столько лет повторяешь, когда звонишь по телефону.

- Ну и память у тебя, Клава! А сыночек твой дома?
  - Нет, но я передам, что ты звонил.
  - Передай ему, пожалуйста, чтобы сразу перезвонил.
- Он мои телефоны знает.
- Хорошо, Владимир Дмитриевич, ваше приказание будет выполнено!
  - Может, у тебя есть, Клава, ко мне какие-нибудь вопросы, просьбы, пожелания?
  - Нет, у нас всё в порядке, Володя. Спасибо.
  - Ну, будь здорова.
  - До свидания.

Клава положила телефонную трубку, а про себя подумала:

— Это же надо — такой важный человек позвонил и уходит же время! Сколько добра он сделал людям, скольким помог, рассказать кому — не поверят.

Илья позвонил Калмыкову после восьми вечера.

- Добрый вечер, дядя Володя. Это Илья.
- Привет Илья. Хорошо, что сразу отозвался.
- Слушаю вас. Что-то случилось?
- Ничего особенного. Мне нужно просто с тобой встретиться и поговорить.
- Я к вашим услугам. Когда и где?
- Подъезжай завтра ко мне к двум часам дня. Я за тобой пришлю машину.
- Обижаете! Не надо никакой машины. Я сам приеду.
- Тогда до завтра.

15.2

Когда Илья вошёл в кабинет Калмыкова, тот сразу у него спросил:

— Почему отказался от предложения тебя привезти? Ведь моё предприятие находится далеко за городом.

Илья улыбнулся и спокойно ответил:

— Дядя Володя, меня удивляет ваш вопрос. В тундре нет слова «далеко». Мы живём на территории космических размеров. Перемещаемся за день, независимо от погоды, на десятки, а то и сотни километров.

— Ну ладно, ладно. Не горячись, Илья! Буду знать, что ты на лыжах родился.

— Правильно.

— А теперь по делу. Ты же знаешь Марка Рожанского?

— Конечно, знаю. Его все в Норильске знают: мастер спорта, неоднократный чемпион города по боксу. За сборную России выступал. Хороший, справедливый парень. Он у нас со своим папой, дядей Исааком, много раз дома бывал.

— Верно. Ну так вот. Марк сейчас в тюрьме.

— Как в тюрьме? За что?

— За убийство человека.

— Какого человека?

— А помнишь, мы в прошлом году были в Ростове у тётки Веры Рожанской по поводу годовщины смерти Исаака Марковича?

— Конечно, помню.

— Там ещё были у них в гостях парень с красивой девочкой — сокурсники Марка?

— Да, помню. Валерий и Даша. Я с ними гулял почти до утра. Они все вместе провожали меня в Москву.

— Ну так вот. Марк этого Валерия и убил.

— За что? За девочку?

— Нет.

— А за что?

— За то, что прилюдно обозвал Марка жидом.

— Всё правильно сделал! Я бы его тоже убил!

— Понятно. Но дело не в этом, Илья. Тётя Вера никак не может найти, куда Марка отправили отбывать наказание.

— И что за загадка?

— В прокуратуре ей подсказали, что послали на Крайний Север, а куда именно — не хотят говорить. На мой депутатский запрос ответа тоже нет. Можешь в этом деле помочь?

— Конечно, могу.

— Каким образом?

— Дядя Володя, я же вам сказал: тундра большая, но в ней нельзя ничего спрятать. В особенности, что касается жуликов и проходимцев.

— Сколько времени тебе надо на поиски Марка?

— Когда будет результат, я вас сам найду.

15.3

Илья Золотой был, в самом деле, фигурой легендарной: умный, с высшим образованием, спортивный, знающий языки малых народов севера. Он никогда и никому не отказывал в помощи. При этом все его почему-то называли не Илья, а Ягур, что, по всей видимости, более соответствовало фонетическим особенностям языка севера. Куда бы Илья не приезжал, даже в самый маленький посёлок, от Апатит до Якутска, на встречу с ним собирались люди: послушать последние новости, обсудить международное положение, посоветоваться по хозяйственным проблемам, помочь разобраться в документах. В отпуск на материк Илья, как правило, не ездил и проводил его с семьёй в родных краях. А когда был в Норильске, то пропадал на работе или занимался лыжами.

Всё изменилось в один день, после разговора в парткоме.

— Садитесь, Илья Файвусович. Нам нужен ваш совет.

— Слушаю вас.

— Сегодня утром звонили из горкома партии. Уже два дня не выходит на связь высокий гость из Москвы. Ушёл

один на охоту и не вернулся. Бывалые люди сказали, что вы лучше всех знаете эти места.

— Куда пошёл ваш гость? Где искать? Ну хоть примерное направление, район.

— Пошёл в сторону Синей горы, это северо-восточнее озера Лама. Что скажете?

— Ничего. Панику нужно прекратить. Это только мешает. Попробую найти вашего человека.

— Может, вы хотите поговорить с секретарём горкома партии? Я вас сейчас с ним соединю.

— Зачем?

— Он даст распоряжение выделить на поиски вертолёт или полярный самолёт.

— Да нет, не надо. Облёт местности авиация наверняка уже сделала. Здесь следует, с одной стороны, спокойно подумать, а с другой — нельзя терять время. У вас городской телефон?

— Да, конечно.

— Вы позволите мне сделать несколько звонков?

— Конечно. Звоните, сколько хотите.

15.4

Первым Илья позвонил по радиотелефону проверенному другу Толе Астрахану, который специализировался на чрезвычайных ситуациях. Он был опытный спасатель и имел всегда в полной боевой готовности дежурный комплект спасательных средств.

— Толя, есть серьёзная проблема — два дня назад ушёл на охоту один мужчина из Норильска и пропал.

— Куда ушёл?

— В сторону Синей горы, но эта информация приблизительная. Нужно её хорошо проверить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, мы должны срочно встретиться. Жду тебя на развилке у поломанной сосны через четыре часа.

— Хорошо.

Толя Астрахан был родом из Ачинска. На Крайнем Севере оказался по призыву в ряды Советской армии.

Проходил воинскую службу в специальных войсках на острове Колгуев в Баренцевом море. После демобилизации женился на местной женщине и остался в этих краях. Основного места работы не имел — занимался охотой, рыбалкой, даже несколько сезонов работал проводником полярных экспедиций. Хорошо помня своё армейское прошлое, всегда помогал людям в чрезвычайных ситуациях.

Сухо, по-мужски поздоровавшись, друзья сразу приступили к делу.

— Какие у тебя есть по этому поводу соображения, Илья?

— Соображения простые: так как последние несколько дней серьёзной пурги в наших краях не было, заблудиться этот человек не мог.

— Согласен.

— Значит, причиной его исчезновения стало непредвиденное обстоятельство.

— Что это за обстоятельство, по твоему мнению?

— Это могла быть травма: ногу подвернул, глаз повредил. Может, в капкан угодил. Мало ли что?

— А почему он в таком случае рацией не воспользовался?

— Потому что физически не мог этого сделать.

— Ты что, Илья, очередную загадку мне загадал?

— Нет, это не загадка, а мысли вслух.

— Слушай, — неожиданно оживился Толя, — а что если он, в самом деле, попал в медвежью ловушку? Она глубже и шире, чем для волков, и с гладкими вертикальными

стенками. При этом его, может быть, чем-то шарахнули по голове?

— И что?

— А то, что такая версия вполне жизненна. Правда, это уже чистая уголовщина.

— Какое сейчас имеет значение? Нужно проверить все варианты.

15.5

Было начало мая — на некоторых пригорках снег уже растаял, но в распадках лежал нетронутым. Поэтому друзьям иногда приходилось выезжать на равнину, что удлиняло путь. До Синих гор было часа два хода на лыжах со средней скоростью движения. Так как класс ходьбы Ильи и Анатолия был примерно одинаков, они шли параллельной лыжнёй.

Скоро тундра сменилась лесотундрой, появился невысокий кустарник, который был основным кормом бурых медведей. Шкура бурого медведя была менее красивой, чем белого, но зато его мясо было более чистым и вкусным. Всем было известно, что охота на любой вид медведей каралась в северных районах большим штрафом и тюремным сроком. Но эти меры наказания не останавливали бандитов, так как за медвежью шкуру перекупщики давали хорошие деньги.

— Илья, сбавь скорость, а то мы сами можем оказаться в какой-нибудь очередной яме.

— Не бойся, Толян. Я же здесь родился.

— Ну и что? Свернёшь шею в родных местах. Будет патриотично.

— А тебе слабо, как я?

— Нет, не слабо. Просто мне нужно быть здоровым и много работать.

- Чего так?
- Три дочери у меня. Нужно всех замуж выдать, а потом умирать.
- Никаких умирать. Как говорит моя мама, с внуками жизнь только начинается.
- Умная у тебя мама, Илья. А у самого-то сколько детей?
- Двое.
- Мальчики, девочки?
- Мальчики.
- А почему только двое?
- А сколько тебе надо?
- Трое. У меня же три девки.
- Ну да. Ещё в этом мы с тобой соревнование устроим.
- А почему бы и нет? Благородное дело.
- За разговором и шутками не заметили, как пришли к Синей горе.
- Тише, Толян. Нужно лес послушать.
- Чего? Как послушать?
- Так и послушать. Лес — он всё знает, только не всем рассказывает. Слышишь, как озабоченно перешептывается?
- Ты что, шутишь, Илья?
- Нет, не шучу. Способность слышать природу моему отцу жизнь спасла, когда он в норильском лагере сидел.
- Да ты что? И он тебя этому научил?
- Нет, этому научить нельзя.
- А как?
- Никак. Умение понимать природу просто передаётся генетически от отца к сыну.
- А где сейчас твой отец?
- Умер. Вышел из лагеря и через несколько лет умер.
- От чего?
- От побоев. Охранник избил его так, что он стал сто-процентным инвалидом.

- Как звали отца?
- Файвус Лейбович Золотой. Лагерное погоняло — Синоптик.
- А тебя как?
- Меня Илья Файвусович Золотой. И никаких по этому поводу шуточек. Тебе всё понятно, Толян?
- Понятно.
- Ну и хорошо.

15.6

Пётр Васильевич Воротников, весёлый, простой в общении человек, как будто родился для профсоюзной работы. Всегда в гуще людей, постоянно чем-то занятый, он естественно контактировал как с отдельным человеком, так и с толпой. На вопрос любой трудности у него был один ответ: «Сделаем».

Начав заниматься общественной работой ещё в иркутском техникуме, Воротников незаметно перебрался в Москву в центральный аппарат советских профсоюзов, получил хорошую квартиру и даже перетащил в столицу родственников. Поэтому ситуация, когда Пете, как его все по-свойски называли, нужна была помощь, вызывала общее недоумение.

Приехав в Норильск в служебную командировку, а на самом деле, на гусиную охоту, Пётр Васильевич в первый же день, пока помощники готовили северное снаряжение, решил «обкатать» лыжню. Он был человеком опытным, из вологодской деревни, и без страха отправился в тундру один. Однако на этот раз ему крупно не повезло — попал в профессионально сделанную медвежьей ловушку. Мало того, что упал на спину и сломал лыжу, так ещё разбил рацию, находившуюся в заплечном рюкзаке.

Придя в себя, Пётр Васильевич понял, что ситуация крайне тяжёлая. Оставалось ждать, что его кинутся искать

и используют для этого соответствующую технику. Тем не менее, надеясь на помощь, Воротников каждые 15-20 минут сам громко кричал.

В условиях практического отсутствия деревьев в зоне перехода от тундры к тайге, его крик разносился на несколько километров, что и поймал Илья.

— Толя, ты слышал крик?

— Слышал, но не очень отчётливо. Нужно немного подождать. Я уверен, он повторится.

— Смотри, Толян, опасность состоит в том, что крик о помощи слышат не только люди, но и звери. В частности, волки.

— У этого человека, рискнувшего в одиночку пойти в тундру, непременно должно быть ружьё.

— А если нет?

— Не может быть такого. Но нам нужно, в любом случае, поспешить, — заключил Илья.

— Всё-таки давай ещё раз услышим крик, чтобы точно определиться с месторасположением.

— Давай, — поддержал его Илья.

Через короткое время крик о помощи повторился, и они быстрым ходом направились в нужную сторону. К сожалению, их худший прогноз подтвердился — вокруг ямы с человеком, обнажив клыки и издавая угрожающее рычание, стояло несколько волков.

— Попробуйте подстрелить самку, — крикнул незнакомцу Илья. — Она вторая от куста, справа от вас. Её можно отличить от других волков по небольшой голове. Самка уйдет и уведёт с собой всех остальных.

Когда спасители приблизились к яме, они увидели, что на дне ямы уже валяются два застреленных волка. Весной голодные волки с появившимися на свет волчатами, идут на самоубийственные поступки.

15.7

Вытаскивали Воротникова из ловушки методом перекрёстных верёвок, посредине, зацепившись за них руками и ногами, находился потерпевший. Тянули верёвки очень аккуратно, так как было неизвестно, что у него повреждено. Когда Воротников оказался на поверхности, он был в шоковом состоянии и не всё понимал: провести ночь под взглядами стаи голодных волков и не запаниковать, нужно было быть очень мужественным человеком.

Как будто отвечая на их немой вопрос, он тихим голосом произнёс.

— Я из местных. С волками по молодости знаком.

— Как ваша фамилия?

— Воротников Пётр Васильевич. Сообщите руководству Норильского комбината, что вы меня нашли.

Через несколько минут он уже глубоко спал. Сказалось колоссальное напряжение прошедших дня и ночи. Анатолий быстро набрал телефон диспетчерской Норильска.

— Алло, диспетчерская?

— Да-да! — ответил нетерпеливый женский голос.

— Это Астрахан. Спасатель.

— Ну что? Гость живой?

— Живой. В медвежью ловушку угодил.

— Вытащили?

— Вытащили, но он очень слаб. Нужна бригада медиков.

— Вас поняли. Где будете принимать вертушку? Назовите свои координаты.

— Юго-западный склон Синей горы.

— Принято.

После разговора с диспетчером, без предупреждения подключился какой-то мужчина.

— Алло, товарищ Астрахан! Говорит председатель Норильского горисполкома. Сообщите координаты своего

местонахождения. Немедленно высылаем вертолёт. Конец связи.

— Смотри, Толян, как все засуетились.

— Значит, большой начальник в ловушку угодил.

— Это точно. А скажи, сколько таких случаев на твоей памяти?

— За какой период?

— За последние пять лет.

— Думаю, около тридцати. Нужно посмотреть по журналу.

— А раньше сколько было?

— Два-три в год. Не больше.

— И какие это были случаи?

— Обморожения, попадания в капканы, потеря ориентиров, гибель от диких зверей.

— Скажи, Толян, а с чем этот всплеск, по-твоему, связан?

— Думаю, что с повышением уровня жизни и желанием потешить собственное эго. В настоящее время богатые люди тратят огромные деньги на дорогие ружья, лыжи, снегоходы, охотничью экипировку. Постреляют пару дней в тире и думают, что они уже настоящие охотники.

— Это точно, — подтвердил Илья.

— Покупают себе вертолёт и вперёд, не соблюдая никаких правил осторожности в условиях суровой северной природы. А сейчас появляется ещё одна серьёзная угроза.

— Это ещё какая?

— В соответствии с Постановлением правительства об укреплении районов Крайнего Севера, резко возрастает численность воинского контингента в наших районах. Так что проблема спасания людей на Крайнем Севере принимает государственное значение.

15.8

С поломанной лыжей и в состоянии глубокого стресса московский гость двигаться не мог. Илья и Толя аккуратно положили его плащпалатку и волоком дотащили до ближайшей поляны. Воротников спал как убитый. Илья достал термос с тёплым чаем, налил в крышку термоса и предложил другу.

— А скажи, Толян, тебе приходилось, когда ты служил в специальных войсках, конвоировать заключённых?

— Конечно. Это очень непростая и опасная работа.

— Почему так?

— Потому что воля рядом. Её запах перебивает у заключённых все другие инстинкты. На Крайний Север мелочь не тянут, все с большими сроками. И вообще — это слишком дорогое мероприятие.

— С какой точки зрения?

— Со всех: транспортные расходы, питание, охрана, обслуживание. Я бывал практически на всех пересыльных пунктах по северу. Это хорошо защищённые военные, в полном смысле этого слова, объекты. А с чего ты об этом спрашиваешь?

— Дело в том, что один серьёзный человек в Норильске ищет сына своего старинного друга.

— А конкретней?

— А конкретней: КГБ отправил парня на север, а куда — не говорит. Ну и родители в жуткой панике.

— Известный номер этой гнусной конторы. В этом они большие мастера.

— В чём мастера?

— В зарабатывании денег. Они могут полностью «закрасить» человека, заменить его данные, «перепутать» пункт назначения, засунуть его в этап другого уровня наказания и так далее.

— Зачем?

— Чтобы все могли на этом заработать: выяснение, поиск, доставка и другие мелкие услуги.

— Толян, ты мне зачем эту пургу нагнал? Просто скажи — можно найти человека или нет?

— Ну, конечно, можно, если он живой. Только нужно подключить правильных людей.

— Как понимать «правильных»?

— Напрямую работающих с картотекой, а не просто служащих в органах внутренних дел.

— Понятно.

— А теперь скажи, Илья, честно — для кого эта информация?

— Для меня.

— Для тебя — нет вопросов. Найдём. Только сообщи все данные об этом человеке.

— Договорились.

Как будто услышав, о чём говорили между собой Астрахан и Золотой, по возвращении в Москву Пётр Васильевич Воротников инициировал проект постановления Всесоюзного Центрального совета профсоюзов СССР о создании в районах Крайнего Севера специальных региональных управлений «Служба спасения на севере» с подчинением их Министерству внутренних дел РСФСР.

Начальником управления по Долгано-ненецкому национальному округу был назначен Илья Файвусович Золотой, о чём его на правительственном бланке и проинформировали.

15.9

Астрахан позвонил Илье, как и обещал, через три дня.

— Записывай информацию.

— Записываю.

— Человек, которым ты интересуешься, находится на объекте, нигде на оперативных картах не значащийся. Раньше он просто являлся штрафным изолятором Норильского исправительно-трудового лагеря, а теперь это какой-то опытно-конструкторский центр. Из бывших заключённых там не осталось ни одного, так что более полную информации ни от кого получить нельзя.

— И всё-таки что-то удалось узнать?

— Удалось. Это специальное подразделение КГБ по работе с потенциальными еврейскими эмигрантами. Военным комендантом объекта является майор КГБ Захаров, техническим руководителем — Вячеслав Панкратов. Кстати, руководство объекта состоит из экзков.

— А как твои люди установили, что это Рожанский?

— Во-первых, его зовут как и того, кого ты ищешь — Марк. Во-вторых, он осуждён за убийство, а в-третьих, на свою рабочую одежду он нацепил при этапировании значок мастера спорта.

— Да ты что?

— Думаю, не просто так. Это маячок.

— Для кого?

— Не знаю. Для тех, кто будет его искать.

— Ну ты и молодец, Толян. А теперь расскажи, как туда проехать?

— Проехать очень просто: нужно обогнуть север озера Лама, затем спуститься по его восточной стороне на юг до ненецкого посёлка Аянка.

— А дальше куда? Там нет ничего?

— От Аянки прямо на восток километров семьдесят-восемьдесят до поселения Дальний Острог.

— Сколько требуется времени?

— Твоим ходом от Норильска часов семь-восемь.

— Спасибо, друг. За мной должок.

15.10

Но Илья не спешил реализовывать свой план встречи с Марком. Нужно было продумать всё до мелочей и, прежде всего, получить служебное удостоверение за подписью генерал-полковника МВД СССР Смирнова. Его должен был привезти из Москвы сам Калмыков, который много лет был хорошо с ним знаком.

А пока, не теряя времени, Илья поехал в Дудинку, нашёл Дом профсоюзов и без записи на приём постучал в дверь с трафаретом «Председатель комитета профсоюзов Долгано-Ненецкого национального округа Степанова В. П».

За дверью ответили: «Входите». Голос принадлежал немолодой, с приветливым выражением лица долганке. Илья, сняв шапку, вошёл в кабинет и поздоровался на долганском языке. Женщина с улыбкой ответила.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Приятно слышать, когда молодой человек говорит на родном языке. Вы долганин?

— Нет.

— Ненец?

— Нет. Я еврей. Илья Файвусович Золотой.

— Ну, хоть мама у вас долганка? — взмолилась женщина.

— Нет, эскимоска, но я знаю более десяти языков малых народов Севера.

Председатель окружкома профсоюзов Степанова смеялась до слёз, а Илья, довольный произведённым эффектом, молча сидел и с удовольствием на неё смотрел.

— А теперь рассказывайте, молодой человек, зачем вы ко мне пришли?

— Во-первых, познакомиться, а во-вторых, поставить вас в известность, что постановлением Президиума ВЦСПС, при Норильском комитете профсоюзов создано региональное управление «Служба спасения на севере». Руководителем управления назначен ваш покорный слуга.

— Что же вы нас, товарищ Золотой, заранее не поставили в известность? Мы бы подготовились к вашему приезду. Коллектив собрали, познакомились, как положено.

— Ну, это совсем не обязательно, Валентина Петровна. Когда подберём ответственных по районам, определим их служебные обязанности, то каждую кандидатуру согласуем с вами. Соответствующую радиogramму разошлём по округу за вашей и моей подписью. А вообще, человек я местный, всех серьёзных людей по северу знаю лично.

Наладив со Степановой формальный контакт, Илья приступил к работе. Затащил в комнату, которую ему предоставили в здании норильских профсоюзов, стол, несколько стульев и установил радиотелефон. Он был всегда в курсе всех дел на территории региона, но свой кабинет посещал редко. Со стороны казалось, что просто стесняется в нём сидеть. С работы на медном заводе Илья, по рекомендации Норильского горисполкома, уволился, полностью переключившись на новый вид деятельности.

15.11

Лыжный переход от Норильска до поселения Дальний Острог, из-за встречного ветра, занял у него восемь часов, но усталости Илья не чувствовал. При входе на территорию объекта его остановил охранник в звании сержанта внутренних войск и строго спросил.

— Вы к кому?

— К вашему начальству.

— Предъявите документы.

— Увидев удостоверение красного цвета, охранник сразу сбавил тон и набрал номер внутреннего телефона.

— Товарищ майор, к вам какой-то гражданин.

— Кто такой?

— Золотой Илья Файсулович.

— Файвусович, — поправил охранника Илья.
— Виноват, Илья Файвусович.
— По какому вопросу?
— Говорит, по служебному.
— Пропусти.
— Проходите через вторую калитку. Первый этаж, комната номер два.

На стук в дверь из-за письменного стола поднялся совсем не военного типа человек.

— Майор Захаров, — представился он.

— Золотой Илья Файвусович. Вот моё служебное удостоверение.

Раскрыв удостоверение Ильи и увидев подпись генерал-полковника Смирнова, Захаров щёлкнул каблуками и громко произнёс:

— Рад видеть, товарищ Золотой. Прошу прощения, не знаю вашего звания.

— И не надо вам знать.

— Слушаюсь, товарищ Золотой. Разрешите вопрос?

— Разрешаю.

— На каком виде транспорта вы к нам прибыли?

— На лыжах, товарищ майор. Я мастер спорта СССР по лыжному спорту.

— Присаживайтесь, пожалуйста. У нас тоже есть мастер спорта СССР. Правда, по боксу.

— Да? Очень интересно. Надеюсь, он никого тут не обижает?

— Нет, что вы? Он у нас ответственный за строительство.

— Как его фамилия?

— Фамилий у работников объекта нет. Только имена.

— Ну и как его имя?

— Марк.

— Понятно, товарищ майор.

— Так в чём заключается цель вашего визита к нам из Норильска, товарищ Золотой? — несколько раздражённым тоном, чувствуя, что сболтнул лишнее, спросил Захаров.

— Правильный вопрос, — чтобы подбодрить майора, ответил Илья.

— Дело в том, что для выполнения ряда постановлений партии и правительства требуется увеличить в разы присутствие на Крайнем Севере людей, в основном, военных.

— Мы знакомы с этими документами и готовы к их реализации, — чётко ответил майор.

— Но эта ситуация далеко не простая, — продолжил говорить Илья. — Требуется разработать и принять на опережение соответствующие меры безопасности. В частности, научить людей правильно вести себя в экстремальных условиях Крайнего Севера.

— Абсолютно правильное решение, — поддакнул Захаров.

— С этой целью, — закончил мысль Илья, — создано управление «Служба спасения на севере» регионального уровня под моим руководством.

— Теперь всё понятно, товарищ Золотой. Спасибо за разъяснение.

— И ещё, товарищ майор. В следующий мой приезд будем обсуждать в вашем подразделении программу оказания первой помощи лицам, попавшим в критическую ситуацию. Дайте мне ваш телефон, чтобы я мог согласовать дату своего приезда.

— Не положено. У нас существует телефонная связь только с непосредственным начальством.

— Ну, тогда запишите, на всякий случай, мой радиотелефон и ждите меня в гости без предварительного звонка. Всего хорошего.

— Честь имею.

15.12

Илья возвращался домой в хорошем настроении: во-первых, выполнил просьбу Владимира Дмитриевича, а во-вторых, отыскал друга детства. Он хорошо помнил времена, когда Исаак Маркович завозил своего сына к маме Клаве, если не с кем было его оставить дома. Они часами играли в солдатики, морской бой, соревновались в поднятии гантелей. И хотя Марк был младше Ильи, он нередко побеждал.

По приезде домой Илья сразу позвонил Калмыкову:

— Владимир Дмитриевич, я нашёл, где находится Марк, и даже посетил это исправительное учреждение закрытого типа.

— Что ты говоришь, Илья? Ну молодец! И где оно расположено?

— От восточного побережья озера Лама километров восемьдесят-девять в сторону плато Путораны.

— Знаю я это место. Там был раньше штрафной изолятор Норильского лагеря. Рядом с немецким поселением Дальний Острог.

— Совершенно верно.

— А самого Марка видел?

— Нет, не видел. Но о том, что это Марк, проговорился сам военный комендант объекта майор Захаров.

— А почему ты его не видел? С твоими корочками можно кого хочешь «нагнать».

— Согласен, Владимир Дмитриевич, но Захаров мне сказал, что должен согласовать с начальством мою встречу.

— И что тут особенного?

— Ничего. Я предупредил его, что могу приехать на инструктаж экспромтом, без приглашения.

— Вот этого делать не надо. Он без согласования с начальством встречу может отменить.

— Понял. А что мне дальше делать?

— В каком смысле?

— В смысле, как сообщить информацию тётке Вере о Марке?

— Над этим надо подумать. Здесь есть несколько тонких моментов. Я сам ей позвоню.

Владимир Дмитриевич не зря так сказал Илье. Он никак не мог понять, почему никто не дал ему координаты заключённого Рожанского? Не такой уж это большой государственный секрет, чтобы его скрывать. Даже Норильское отделение КГБ не ответило ему на депутатский запрос, сославшись на какую-то инструкцию. Явно, кто-то в этом ведомстве ведёт нечестную игру и блокирует нужную информацию. Но кто, а, главное зачем?

Сейчас он должен позвонить матери Марка и сообщить ей эзоповым языком новость, связанную с сыном. Глупость какая-то.

— Верочка, привет, — с напускным весельем сказал в трубку Калмыков.

— Здравствуйте. Это не Вера. Это Даша, — откликнулся на другом конце телефонной линии молодой женский голос.

— А где Верочка?

— Она спит.

— Ну, не надо будить. Передайте Вере, пожалуйста, что цветы и подарок имениннику вручили. Он очень доволен. Рыбу, как вы заказывали, привезут на следующей неделе. Всего вам хорошего.

— Спасибо. Я всё передам.

15.13

Генерал Скворцов был не только педант до мозга костей. Он ещё был патологическим чистюлей: просыпался каждый день без будильника ровно в шесть утра, до семи мылся в ванной, шумно отфыркиваясь и напевая. Потом долго

брился, всё тщательно чистил и гладил, вплоть до шнурков, как шутила жена. После этого, не торопясь, вкусно завтракал, непременно запивая завтрак своим, приготовленным по особому рецепту кофе и в половине девятого выходил из дома, где его ждала служебная машина. Без пяти минут девять Скворцов бодрым шагом заходил в приёмную своего кабинета.

К жене Марфе генерал относился явно пренебрежительно, постоянно подчёркивая, что сделал большое одолжение, женившись на ней по настоянию мамы. Мама сыну присмотрела жену из послушниц, которые окружали её с того момента, как перешла в православие. Выбор жены она обосновывала тем, чтобы ни у кого, познакомившись с невесткой, не возникало даже мысли, что мама Скворцова этническая еврейка.

Марфе он никогда ничего не рассказывал о своей работе, а тем более не советовался с ней ни по какому вопросу, предпочитая для этого маму. Но в последнее время жена начала замечать некоторые изменения в поведении мужа: прежде всего, он тише стал себя вести в ванной, никак не выражая свой животный восторг от процесса мытья, рассеянно пил любимый кофе, не допивая иногда его до конца, и даже забывал её формально поцеловать, уходя на работу.

Сегодня у Скворцова была одиннадцатая встреча с Дашей. Как правило, они встречались по пятницам. Вечером в пятницу в управлении никого не было, так как все сотрудники, предвкушая два выходных дня, на работе не задерживались. Даша всегда приходила точно в назначенное в повестке время. Заходила, предварительно постучавшись в дверь, и садилась, на одно и тоже место, которое выбрала в первый день своего посещения генеральского кабинета. И тем не менее, что-то сегодня в её облике и выражении лица было необычное.

— Здравствуйте, Дарья Сергеевна. Прекрасно выглядите.

— Спасибо. Весна.

— Это верно. В природе всё весной расцветает и, конечно, женщины. Они природу чувствуют лучше и глубже, чем мужчины. Вы можете этот феномен как-то объяснить?

— Нет, не могу.

— А я могу. Дело в том, что женщине Б-г дал дополнительный чувственный ген. И называется он заботный.

— Первый раз такое слышу.

— Я тоже удивился, когда мне об этом бабушка рассказывала. Старые люди много знают такого, о чём у нас понятия нет.

— А о чём ещё говорила вам бабушка?

— Она говорила, что, пытаясь обратиться к кому-то из своих внуков или детей, могла перебрать имена всех членов семьи.

— Это верно. У моей бабушки я тоже такое замечала.

— А вы знаете почему?

— Нет, не знаю.

— Потому что бабушка всё время думает обо всех своих близких.

— А почему этого нет у дедушек?

— Потому что у дедушек голова занята государственными делами.

После этого каламбура впервые начался

легкий весёлый разговор, не отягощённый никакими претензиями, намёками, нотациями, угрозами. Расчувствовавшись, генерал даже продекламировал Даше несколько стихотворений Фета и рассказал о его тяжёлой личной жизни.

15.14

Расставались Скворцов и Даша в прекрасном настроении. Каждый думал о своей жизненной перспективе, размышляя о сегодняшней нестандартной встрече. В особенности, Скворцов. Он был наверху блаженства: наконец растопил лёд её души, вывел из оцепенения, научил слушать хорошие стихи, дождался улыбки. Почти полгода, стиснув зубы, он шёл к этому моменту, не обращая внимания на оскорбляющее молчание с её стороны. Скворцов считал, что его продуманная до мелочей, деликатная тактика взаимоотношений с Дашей привела к не окончательному, но вселяющую надежду результату.

Генерал сидел, сняв пиджак, за рабочим столом, рисовал какие-то фигурки и рассуждал:

— Конечно, ещё предстоит огромная работа, чтобы Даша прочувствовала мою роль в своей будущей жизни.

— Но сейчас могу себе признаться — я влюблён в неё как юноша. Мне важно всё, что с ней связано: как выглядит, во что одета, как говорит. Ну, в общем, всё, всё, всё...

— Неужели это чудо будет принадлежать мне и согласится стать моей женой? Да я за это готов на любой поступок.

— А теперь скажи: зачем ей всё это? Папа — секретарь горкома партии, четырёхкомнатная квартира, служебная машина, любые наряды, поездки, блестящая жизненная перспектива.

— И в самом деле, что она со мной приобретает? Даже перечислять не хочется — смех какой-то!

— Подожди — это с одной стороны, а с другой: из дома ушла, с родителями не общается, друзей всех растеряла. Да и работает рядовым инженером в обычном проектном институте.

— И всё из-за этого жалкого еврея, словавшего себе жизнь?

— Да я её озолочу: поселю в своей секретной пятикомнатной квартире, сменю всю обстановку, сделаю европейский ремонт, в её распоряжении будет личная машина, прислуга. Куплю любой наряд, украшение. Организую самое дорогое путешествие за границу.

Размечтавшись, Скворцов открыл шкафчик, в котором всегда стояло несколько бутылок спиртного и выбрал из них бутылку «Хванчары». Правда, не то вино, что пил Сталин, но хвастануть перед кем-нибудь можно было и этим. Налил себе полный стакан, закусил шоколадкой и пошёл пешком домой. Сегодня он был в штатском, что позволяло прогуляться по весенним улицам без охраны.

15.15

У Даши тоже было хорошее настроение. Вчера вечером приехал Илья, норильский друг Марка. Они расцеловались как родные люди.

— Даша, кто там пришёл? — спросила из соседней комнаты Вера Юстусовна.

— Это я, тётя Вера, — засунул голову в дверь комнаты Илья.

— Илюшка, дорогой, какими судьбами? — запрочитала она.

— Проведать вас, тётя Вера. Вам же звонил Владимир Дмитриевич?

— Да, звонил. Мне Даша передала.

— Ну вот. Гостинцев привёз и приветы от всех.

За разговором Илья поставил на стол сумку и стал оттуда вынимать замечательного запаха копчёную северную рыбу, оленьё вяленое мясо и «коронку» мамы Клавы — эскимосский пирог. Эти вкусности, известные каждому норильчанину, подняли с кровати даже Веру, которая в халате побежала на кухню готовить настоящий «тюремный» чай, который любил её покойный муж.

После получасового объедения всеми вкусностями, которые привёз Илья из Норильска, и особым образом приготовленным чаем, Вера тихо спросила:

— Илюша, на сколько дней ты приехал?

— Через два дня улетаю домой.

— Утром, что ли?

— Нет, тётя Вера, — со смехом ответил Илья. — Вечером. Не волнуйтесь, есть время для разговоров.

— Ты мне скажи, как мама? Как дети?

— Всё хорошо.

— Старшего, как я помню, Фимой зовут?

— Да, Ефимом. В честь деда.

— А младшего? Сколько ему?

— Виталику два годика.

— Ну а всё-таки как Клава?

— Такая же, как всегда. Меня каждый день дёргает, жизни не даёт.

— По какому поводу?

— Как узнала, что Марк в тюрьме — плакала два дня и всё время причитала: «Бедная Вера, бедная Вера».

И тут, неожиданно для Ильи, расплакались обе женщины. В голос, навзрыд, как будто, наконец, дождались момента, когда это можно сделать вслух. Не зная, что в этом случае говорить и как их успокоить, Илья сидел и молчал. Первой пришла в себя Вера.

— Ты извини, Илья, что мы не сдержались.

— Бывает, с каждым бывает, — отреагировал он по-мужски на женскую истерику.

— Всё равно прости.

— Да я что? Это всё моя мама неугомонная. Она и Владимира Дмитриевича задёргала. Звонила ему по несколько раз в день. Заставила слетать в Москву к какому-то генералу, а меня отправила к вам.

— Ну, а теперь давай всё по порядку, — уже спокойным тоном сказала Вера.

— Хорошо. Тут вот какое дело. Марк стал точкой пересечения интересов нескольких важных фигур: отца убитого, имеющего хорошие связи в ростовской прокуратуре, вашего папы, Даша, и генерала Скворцова, которого фамилия «Рожанский» приводит в бешенство. Он не может забыть, каким унижениям дядя Исаак его подвергал в Гомельской контрразведке после войны. Даже двадцать пять лет строгого режима, как говорит Владимир Дмитриевич, генерала не остудили.

— Понятно, а теперь объясни нам, пожалуйста, зачем они его так далеко запрятали, да и ещё никому не сообщают адрес?

— Этого я сказать не могу. Но Марка я, по поручению Владимира Дмитриевича, нашёл. Для меня в тундре секретов нет.

— Да что ты говоришь? — воскликнула Вера. — Какой ты молодец. Так вот о каком подарке говорил мне по телефону Володя! Он, наверное, боялся, что его телефон на прослушке?

— Может быть, не знаю. Но мой визит к вам наверняка зафиксирован.

— И что теперь нам делать? — тревожным голосом спросила Вера.

— Принимать меня, — со смехом ответил Илья.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, то поступаем следующим образом. Так как причина возникновения данной ситуации не понятна, то Владимир Дмитриевич предлагает два плана действий: план А и план Б.

— Илюша, ты как-нибудь попроще говори, а то мы не всё с Дашей понимаем.

— Хорошо, тётя Вера. Итак, план А: ситуация в течение трёх месяцев, по депутатскому запросу Владимира Дмитриевича, разрешается, и вы получаете официальную информацию о Марке.

— Это что мы должны получить?

— Вы должны получить письмо, в котором будет указано, где Марк отбывает свой тюремный срок.

— А если не получаем письмо?

— Тогда приступаем к плану Б, описание которого находится в конверте, который я вам привёз.

— Что в конверте, Илюша?

— Не знаю, тётя Вера. Его нужно будет открыть только по звонку Владимира Дмитриевича.

ЧАСТЬ 6

Глава 16. Отъезд на Север

16. 1

Даша уже не слышала, о чём говорили между собой Вера Юстусовна и Илья. Только сейчас она догадалась, почему Скворцов закрыл Марка. Оказывается, все проблемы этой несчастной семьи из-за неё. Это она во всём виновата — столько времени встречалась с матёрым врагом семьи Рожанских и надеялась, что прожжённый негодяй Скворцов скажет ей однажды, под хорошее настроение, куда отправил с чёрным формуляром любимого человека.

Её пробил холодный пот от воспоминаний последнего разговора со Скворцовым, когда она пыталась кокетничать с ним в надежде, что он расчувствуется и потеряет бдительность. Это же надо — до какой степени наивности она дошла! По всей видимости, у него на неё существуют далеко идущие планы. От него ей нужно бежать и как можно скорее.

Даша находилась в полуобморочном состоянии. Она не понимала, что с ней происходит. Вся дрожала и, чтобы никто не заметил, крепко двумя руками держалась за стул.

— Извините, что я вас перебиваю, но во всём виновата я. Это из-за меня возникла жуткая ситуация с Марком.

Даша говорила, не замечая слёз, непрерывно стекающих по двум параллельным дорожкам на кофточку. Говорила быстро, сбивчиво, глотая слова. То ли боялась, что ей не поверят, то ли не захотят слушать её лепет.

— О чём ты, Даша? Ничего не понятно. И перестань плакать. Уж кого-кого, а тебя подозревать в чём-то постыдном просто смешно, — одёрнула её Вера.

— Подождите, тётя Вера...

— Если бы не ты, — продолжала та говорить, — меня уже давно на этом свете не было. Всё. Закрыли тему.

— Да нет не всё, тётя Вера, не всё. Пусть Даша говорит, — вступил в беседу Илья. — А после этого мы откроем конверт, который мне вручил дядя Володя в соответствии с планом Б.

— Хорошо, я всё расскажу. Только не перебивайте, — попросила Даша.

— Ну давай, говори. Мы внимательно тебя слушаем, — заключил Илья.

— Генерал Скворцов после ареста Марка одиннадцать раз официально вызывал меня повесткой к себе, — начала свой рассказ Даша и остановилась.

— В чём дело? Почему остановилась? — напирал Илья. — Рассказывай, где встречались, в какие дни, о чём говорили? Живей, Даша. Это всё очень интересно. Кстати, в каком качестве он тебя приглашал?

— Как основного свидетеля. Я была на месте убийства вместе с Марком, когда приехала милиция.

— Ну, хорошо. Слушаем тебя, — смягчился Илья.

— Повестку о явке в КГБ мне каждый раз вручали через деканат под роспись, а когда стала работать — через отдел кадров.

— Понятно. Теперь подробно рассказывай, Даша, что делали, чем занимались? Только без слёз!

— Скворцов меня вызывал к себе где-то раз в две недели. Сначала выставлял на стол коньяк, фрукты, конфеты, но я от всего отказывалась, и он прекратил это делать.

— Руки распускал?

— Нет, никогда.

— О чём говорили?

— Говорил, как правило, он, а я слушала.

— Так о чём всё-таки шёл разговор?

— О том, какой он всемогущий. Ему никто не указ — что захочет, то и сделает.

— А о Марке говорили?

— Да, я его несколько раз просила сказать, где он находится.

— И что?

— Он мне отвечал, что Марк осуждён по тяжёлой статье. Ему запрещены в течение первого года свидания, посылки и всякая переписка.

— Так зачем он всё-таки тебя к себе вызывал?

— Илья, кончай мучить Дашу. Тебе не понятно, зачем начальники приглашают к себе в гости молодых девочек? — вмешалась Вера.

— Понятно.

— Ты лучше скажи: где письмо от Владимира Дмитриевича?

— Вот оно.

— Дай его сюда.

16.2

Вера нашла на тумбочке очки и открыла конверт. В нём лежал обычный, вчетверо сложенный лист бумаги. Это было письмо, адресованное адвокату Кузнецову, защищавшему Марка на суде.

Уважаемый Сергей Александрович!

В продолжение нашего разговора по телефону, хочу заметить, что единственной структурой в нашем государстве, которое позволяет себе, к сожалению, не отвечать на депутатские запросы, является Комитет государственной безопасности. Воевать с ним у меня нет ни желания, ни сил. Думаю, что и Вам этого не следует делать. Тем не менее, найдите возможность (за любые деньги) установить причину сокрытия вышеуказанным комитетом местонахождения осужденного. В средствах не стесняйтесь. Прошу Вас также оказать содействие моему помощнику в реализации плана, о котором он Вам сам расскажет.

Заранее благодарен,
Калмыков

— Ничего не поняла. Можешь прочитать письмо ещё раз, Илья?

— Зачем читать? Рассказываю вам, тётя Вера, содержание письма своими словами.

— Слушаю.

— План А уже не нужен. Даша во всём призналась. Теперь нужно её саму защищать от этого монстра.

— Каким образом ты собираешься это делать?

— Завтра мне нужно встретится с адвокатом Кузнецовым и решить с ним следующие вопросы:

1. Заказать три билета (мне, вам и Даше) на воскресный рейс Ростов-Москва-Норильск. При этом Даша должна

встретиться в пятницу со Скворцовым, чтобы у него не возникло никаких подозрений.

2. Получить, по броне коллеги адвокатов, разрешение на экстренный въезд Даши в запретную зону Норильска. Сколько времени займёт это мероприятие нельзя даже предположить

3. Организовать всем выход из дома в субботу вечером через двор с переменной машины в условленном месте. Не исключено, что Скворцов, страхуя себя от любого промаха в отношении Даши, организовал внешнее наблюдение.

4. Сообщить в Норильск время прибытия рейса, чтобы нас встречали особым образом.

— Что-то ты, Илья, мне кажется, всё очень усложнил!

— Я ничего не усложнил. Когда мы с Калмыковым составляли это письмо, мы имели в виду не Дашу, а вас, тётя Вера.

— С какой стати?

— А вот с какой. Скрывая информацию о месте нахождения Марка, Скворцов решил довести вас до инфарктного состояния.

— Это правда. Если бы не Даша, неизвестно что со мной уже было.

— Ну вот, — поддакнул Илья. — Его задачей является ваше физическое уничтожение, а Марку создать невыносимые условия жизни. Скворцов поставил перед собой цель вырубить всю вашу семью под корень.

— Что значит под корень?

— Это значит, что Скворцов готов на всё, а с Дашей он играет как кошка с мышкой, влияя тем самым отрицательным образом на вас.

16.3

Как ни странно, но самым внимательным слушателем за столом была сама Даша. Она большую часть времени молчала, но было видно по её лицу, что всё очень интересует. Эту ситуацию точно уловила своим материнским чутьём Вера.

— Дорогие дети, я сейчас хочу вам что-то очень важное сказать! — и внимательно посмотрела на Дашу.

— Слушаем вас, тётя Вера, — откликнулся на её слова вроде как успокоившийся Илья.

— Много лет назад, в страшном сталинском Норильске, я вышла замуж за осуждённого на двадцать пять лет политического заключённого Исаака Марковича Рожанского. Некоторые доброжелатели нашептывали: зачем тебе он нужен — еврей, враг народа, был в плену? Сейчас он тобой закроется, а потом бросит. У евреев свои законы. Однако ничего этого не произошло. Я с ним счастливо прожила до самой его смерти.

— К чему вы это рассказываете, тётя Вера? Мы всё прекрасно знаем, — попробовал её остановить Илья.

— А к тому, чтобы вы чётко осознали одну истину. Вы вошли, или собираетесь это сделать, в еврейскую семью. Хотите стать частью великого народа с его многовековой историей, выдающимися заслугами и удивительной судьбой. В то же время вы должны прекрасно понимать, что теперь беды этого народа — ваши беды, его проблемы — ваши проблемы, его гонения — ваш на долгие годы жизненный путь. Подумайте хорошо, дорогие мои. Взвесьте все за и против, прежде чем сделать этот ответственный шаг.

И вдруг без паузы Вера снова расплакалась. Расплакалась навзрыд, в голос, не стесняясь молодых людей. Конечно, это был крик материнской души, обращённый к Даше. Призыв матери к молодой русской женщине осознанно принять правильное решение.

Неожиданно оборвав рыдания, Вера продолжила говорить.

— Сегодня, по моему ощущению, мы проходим незримый рубеж, обсуждая возможное преодоление гадкой паутины, которой всех опутал махровый антисемит Скворцов. Всеми средствами он желает до конца уничтожить нашу семью. Мало того что он приблизил смерть мужественного, глубоко порядочного человека — моего мужа, он, скрывая информацию о сыне, поставил целью довести до могилы и меня. К сожалению, в свою грязную игру он затащил и тебя, Даша, о чём мне очень больно слышать.

— А что такое антисемитизм? — наивно спросила Даша.

— Антисемитизм — это природное явление, связанное с жизнью каждого еврея. Оно как землетрясение, наводнение, лунное затмение. Исключить его из еврейской жизни нельзя.

— Извините, Вера Юстусовна, я не поняла вашего объяснения.

— А никто, дорогая моя, не понимает. Я только знаю, что это негативное отношение других народов к евреям, которое со временем трансформируется в желание их унижить и даже уничтожить.

— Так кто же конкретно и за что не любит евреев?

— Власть, деточка, власть. Всё идёт от власти. Она их просто боится.

— Почему?

— Власть считает, что евреи живут двойной жизнью и неизвестно, как они себя поведут по отношению к власти в ответственный момент.

— Ну, не знает и не знает. Это её проблемы.

— Не совсем так. Власть видит в евреях потенциальных предателей родины и своё негативное отношение к ним транслирует простому народу, позволяя тому решать свои проблемы за счёт евреев.

16.4

Попив чай с домашним вареньем и вдоволь наговорившись, Вера, Даша и Илья разошлись спать. Благо трёхкомнатная квартира, всем места хватает. Но как раз тема квартиры Веру последнее время очень волновала. Эту квартиру Исаак Маркович получил по дарственной от своей тёти Лены. А когда Исаак умер, Вера законным образом переписала её на себя, вызвав большое неудовольствие соседей. Особо активно свою неприязнь к семье Рожанских выражала соседка, живущая на одной площадке. Однажды она остановила Веру на лестнице и задала вопрос:

— Слышь, соседка, не хочешь со мной поменяться квартирами? Свою трёхкомнатную на мою двухкомнатную.

— С какой стати?

— Ну как же: у тебя трое жильцов, а у меня четверо.

— У меня тоже четверо.

— Ну, зачем ты врёшь? У тебя старший сын сидит в тюрьме и неизвестно, когда выйдет.

— Мне известно. Поэтому меняться не буду.

А когда Вера зашла к себе в квартиру, соседка стала кричать на весь подъезд.

— Вот жиды! Всё себе захапали, а ты хоть сдохни! Ну, ничего, я на вас управу найду! Вы у меня ещё вспомните фашистов!

Сейчас Вера лежала на диване, смотрела в потолок глазами, полными слёз, и думала:

— Я бы всё отдала, лишь бы мой любимый сыночек был на свободе. И даже эту квартиру.

— В любом случае, нужно с Кузнецовым перед отъездом в Норильск на тему квартиры поговорить, а то в самом деле её отберут.

Но Веру волновал ещё один вопрос: она уезжает и бросает могилу мужа. А кто будет за ней ухаживать: убирать

мусор, подметать, приносить цветы, менять воду. Ведь страшнее нет зрелища, чем заброшенная могила.

До отъезда оставалось ещё несколько дней, и Вера решила съездить на кладбище. Директор кладбища с весёлой фамилией Васильков, сразу, без волокиты, её принял.

— Что вас тревожит, гражданка? — спросил он у Веры.

— Моя фамилия Рожанская.

— Очень приятно.

— Мой муж похоронен на вашем кладбище, — продолжила говорить Вера.

— Прекрасно. И в чём проблема?

— Проблема в том, что я собираюсь переехать жить в другой город и не смогу ухаживать за могилой мужа.

— Как фамилия вашего мужа?

— Рожанский Исаак Маркович.

Васильков раскрыл какой-то журнал и стал искать фамилию Рожанского.

— Извините, гражданочка, но в журнале регистрации нет такого. Вы ничего не путаете?

— Я могу показать его могилу. Она недалеко от вашей конторы.

— Так это, наверное, Аллея Славы? Тогда его нужно искать в другом журнале.

И здесь Вера от мысли, что могилу Исаака вообще могли потерять и не найти или просто не внести ни в какой журнал, расплакалась.

— Что вы, гражданочка, плачете? Ваш муж — заслуженный человек и захоронен со всеми почестями в особом месте.

Вытирая глаза платочком, Вера робко произнесла:

— Я хотела быть похороненной рядом с мужем. Если можно.

— Это ваше право. Пройдите в бухгалтерию, напишите распоряжение администрации кладбища и оплатите расходы. Да, и укажите, пожалуйста, доверенное лицо и его телефоны.

— Спасибо. До свидания.

Вера вышла из похоронной конторы в приподнятом настроении — сейчас она обрела возможность навеки соединиться со своим любимым Исааком. Теперь, как прежде, она защищена любимым человеком, и ей ничего в жизни не страшно. В сумочке лежала квитанция об оплате своего счастья на все оставшиеся годы, которую она должна немедленно передать адвокату Кузнецову.

16.5

Последняя встреча с Дашей вселила в Скворцова надежду, что благодаря его хорошо продуманным действиям, она постепенно меняет к нему отношение — перестала бояться, улыбается и даже откликается на шутки. Его уважительный подход к Даше, прекращение упоминания об её участии в преступлении Марка, ненавязчивое обсуждение его жизненных возможностей постепенно их сблизило. А принимая в расчёт, что отец Даши выгнал её из дома, и она в настоящий момент является обычной приживалкой в семье Рожанской, ухаживая за больной, ситуация в любой момент, в зависимости от состояния здоровья этой женщины, может кардинально измениться.

С пяти вечера, хотя Даша должна была прийти в семь, Скворцов не мог найти себе места: он несколько раз варил кофе, выкурил четыре сигареты и всё время нервно мерил мелкими шажками свой большой кабинет. Не выдержав продолжающегося ожидания, Скворцов, второй раз за вечер, открыл сейф и взял оттуда маленькую сафьяновую коробочку, в которой лежало кольцо с большим бриллиантом. Бриллиант, как будто ждал этого момента и заиграл световыми зайчиками по всему кабинету.

Полюбовавшись несколько минут кольцом, Скворцов поставил коробочку в сейф и тут спохватился.

— А что же говорят, когда преподносят девушке кольцо? Надо ли, в этом случае, становиться на колено?

— Главное, на какое колено — левое или правое? И вообще, в какой последовательности следует всё делать: сначала подавать девушке кольцо, а потом говорить слова, или наоборот?

— Да, Скворцов, совсем ты не готов к этому торжественному акту. Нужна соответствующая подготовка или хотя бы одна репетиция.

— И вообще, следует с кем-то знающим посоветоваться, а не заниматься самостоятельностью.

— А с кем посоветуешься? Кому можно довериться в таком деликатном деле?

— Лучше всего с женщиной...

— Да ты что? Боже упаси. Такой звон пойдёт по управлению — хоть увольняйся.

— Тогда с мужчиной.

— Ну ты даёшь, Виктор Иванович. Да мужчина в момент, когда делает женщине предложение, ничего не соображает. Так что совет от него требовать совершенно бессмысленно.

16.6

Даша, как всегда, пришла вовремя: молодая, красивая, ухоженная — она аккуратно села на привычный стул у стены и приготовилась слушать назидания Скворцова. Сегодня был какой-то необычно тёплый, располагающий к доверительному разговору майский вечер.

— Даша, а вы ездили когда-нибудь за границу?

— Да, один раз. С мамой и папой отдыхала в Болгарии на курорте Золотые пески.

— А хотите я вам расскажу о своей поездке на Кубу?

— Буду весьма признательна. Это такая экзотическая страна.

— Правильно, её красоту и самобытность даже трудно описать. Это только нужно увидеть своими глазами.

— Может быть, мне когда-нибудь представится такая возможность?

— Конечно, представится. Не сомневайтесь. Я похлопочу.

Как оказалось, Скворцов был неплохой рассказчик. Он не просто перечислял всё, что на него произвело впечатление, но и давал оригинальную характеристику увиденному.

— Кубинцы — очень бедный, но по своему характеру весёлый и неунывающий народ. Они всё время улыбаются и танцуют. Но жизнь у них достаточно тяжёлая.

— В каком смысле?

— Все живут по карточкам. Без карточки тарелку супа в столовой не получишь, коробку спичек не купишь.

— И что было особенного на Кубе?

— Мирового уровня кабаре «Тропикана», поющее на деревьях, и крокодилий питомник.

— А что интересного в питомнике?

— Процесс кормления крокодилов. Их кормят два раза в неделю вонючей тухлятиной, и за эту еду крокодилы готовы убить друг друга, откусить соседу голову.

— А кокосовое молоко вы там пили?

— Да. После посещения восточного побережья Кубы, где искупались в мелком, а потому очень горячем Карибском море, мы решили заехать в кокосовую рощу. Для того чтобы угостить гостей кокосовым молоком, молодой кубинец залез на высокую пальму и срубил целую ветку с кокосами. А потом с помощью мачете одним ударом разрубил большой плод, цокая языком от предвкушения удовольствия попить молока. Но кокосовое молоко нам не понравилось — безвкусное и тёплое.

— Ну так надо было его положить в холодильник! — подсказала Даша.

— Надо было, а кто потом его будет вскрывать? Это очень тяжёлая работа.

— Это верно, — согласилась Даша, и они с удовольствием рассмеялись.

— Ну и вишенка на торте, — продолжил говорить Скворцов. — Мне в качестве служебной машины представили королевскую машину — старый Ролс Ройс.

— Ничего себе!

— Да. Замечательная машина с богатой внутренней отделкой и вензелями. Правда, с одним маленьким недостатком — дыркой в полу от страшной влажности.

Даша от души смеялась, а в конце замечательного рассказа Скворцова, спросила:

— А что вам, Виктор Иванович, больше всего на Кубе понравилось?

— Хороший вопрос! Мороженое. Оно было потрясающего вкуса и подавалось на алюминиевых армейских тарелочках с простым печеньем. Мы его ели каждый вечер. И, конечно, необыкновенной красоты женщины.

Расставались они, как расстаются люди, страстно мечтающие о следующем свидании — долго и с многообещающими улыбками. Теперь Скворцов был в полной уверенности, что на следующей встрече он преподнесёт обожаемой им девушке дорогое кольцо с прекрасным брильянтом и сделает предложение.

16.7

А через два дня, в воскресенье вечером, из аэропорта Внуково рейсом «Москва — Норильск» улетали три человека: пожилая женщина Вера Юстусовна Рожанская и с ней двое молодых людей — Даша и Илья. Самолёт приземлился в порту назначения в четыре часа утра по московскому времени. В Норильске пуржило, хотя уже был май. Взлёт-

ная полоса была расчищена только на небольшом участке, удалённом от здания аэровокзала. Так как пассажирский автобус к самолёту пробиться не мог, то это расстояние прилетевшие должны были преодолеть пешком.

Когда все стали выходить из самолёта, к Вере подошла стюардесса и, наклонившись, тихо спросила: — Вы гражданка Рожанская?

— Да я.

— Оставайтесь на своём месте. За вами придёт машина.

— Но со мной ещё двое?

— Всё правильно. Так в радиограмме и написано — три человека. Вам всё понятно?

— Понятно.

— Когда нужно будет, я вам махну рукой.

Молодой водитель машины ГАЗ 69, утеплённой со всех сторон, привёз гостей на служебную квартиру строительного управления, где они с порога попали в широко открытые объятия Владимира Дмитриевича Калмыкова. Он стоял у открытой двери квартиры и всех радостно приветствовал.

— Ну, молодцы. Ай да молодцы. Заходите, заходите.

— Коля, — обратился Калмыков к водителю. — Может и ты на минутку тоже зайдёшь?

— Нет-нет, Владимир Дмитриевич, очень много дел.

— Ладно. За мной нужно приехать в двенадцать часов дня.

— Понял!

Квартира была трёхкомнатной, но с отдельными входами для каждой комнаты. В самой большой стоял круглый стол, заставленный бутылками и закусками, а за дверью тихо сидела немолодая женщина. Все входящие в комнату сразу обращали внимание на стол, а женщину не замечали.

— А у нас для вас есть сюрприз, — громко произнёс Владимир Дмитриевич и закрыл за собой дверь.

— Клавка! Ой, мне плохо, — прошептала Вера и стала оседать на пол.

— Тётя Вера, — первой на это среагировала Даша и подхватила женщину под руки.

— Воды. Скорей воды.

— Зачем воды? — спокойным тоном сказала Клава. — Дайте понюхать пробку от бутылки водки и всё пройдёт.

Когда Вера пришла в себя и все перецеловались, Илья, обращаясь к Даше, сказал:

— Клава — моя мама. Она эскимоска. Родилась на Чу-котке. Прошу любить и жаловать!

— Я тебе ещё задам, паршивец! Исчез, понимаешь, посреди бела дня, а Володька только усмехается, когда я у него что-то спрашиваю. Чуть с ума не сошла!

— Ну ладно, Клава. Хватит бушевать. Садись за стол — водки попьём, — примирительно ответил Калмыков.

— Попить водки — святое дело! — И её лицо сразу расплылось в улыбке.

16.8

Все знали, что Клаве достаточно одной рюмки, и она тихо заснёт. После этого Илья возьмёт маму на руки, переложит на диван, и она уже до утра не проснётся.

Как всегда, тон за столом задавал Калмыков:

— Ну что, друзья, вот мы все вместе. Каждый из нас внёс свою лепту в реализацию этого плана. Правда, это ещё не конец, но думаю, мы всё преодолеем.

— Если бы не вы, мы бы вряд ли что-либо смогли сделать, — тихо заметила Даша.

— Согласен, но вы, красавица, явно преувеличиваете мою роль.

— Почему?

— Потому что вы далеко не всё знаете. И сейчас я хочу кое-что по этому поводу рассказать.

Владимир Дмитриевич налил полстакана водки, накрыл его куском чёрного хлеба и отставил в сторону.

— Каторжное отделение, — начал он говорить негромким голосом, — в которое собрали в 1948 году по приказу Сталина всех политических заключённых Норильлага, представляло собой большую силу. Среди заключённых было много заслуженных людей, прошедших фронт и плен, но лагерю нужен был не герой, а лидер, руководитель, который бы на равных разговаривал и с вожаками уголовного мира, и администрацией лагеря. Замечу, что уголовников в норильском лагере было в два с половиной раза больше, чем политических.

— А не наоборот? — поправила его Даша.

— К сожалению, нет. И таким человеком, с огромной верой в правое дело и удивительной стойкостью духа, был Исаак Маркович Рожанский. Это он всегда возглавлял колонну политических заключённых, закованных в кандалы. Это он голыми руками задушил бандита, который приготовился меня убить. Это он попросил смотрящего зоны Барона навестить в больнице твоего будущего мужа, Клава, что спасло ему жизнь. Это он, под угрозой быть расстрелянным на месте, обратился к руководству лагеря с требованием улучшить условия содержания политических заключённых, когда умер Сталин.

Так что, дорогие мои, выпьем за упокой души нашего друга Исаака и пожелаем добрых дел всем живым на норильской земле.

16.9

После того как все выпили и закусили, мужчины, извинившись, ушли в другую комнату.

— Илья, что ты собираешься делать с Дашей? У тебя есть план действий?

— Я хотел услышать предложения от вас, Владимир Дмитриевич.

— Это хорошо, что ты не лезешь поперёд батьки в пекло! И всё-таки, что думаешь по этому поводу?

— Вы имеете в виду Дашу?

— Ну не Веру же. Она вернулась в свой родной город, и её Скворцов разыскивать не будет.

— Понятно, Я как-то об этом не подумал, — приготовился оправдываться Илья.

— Пока Вера с Дашей поживут на этой квартире, — продолжил рассуждать Калмыков. — А что дальше — не знаю.

— Хорошо, подумаю.

— Учти, на обдумывание у нас всего несколько дней, пока Скворцов не поднял всё своё доблестное войско. И в первую очередь, Норильский отдел КГБ.

— Может, Дашу спрятать на каком-нибудь зимовье? У меня много в тундре друзей.

— Ну, ты насмешил меня, Илья. По твоей логике, городская девушка приехала на Крайний Север, чтобы жить на зимовье? Да она от страха через три дня с ума сойдёт.

— Ну почему одна?

— А ты ей хочешь ещё и мужика подобрать?

— Владимир Дмитриевич, вы меня вообще запутали.

— Распутаясь, какие твои годы. У тебя голова отца, а он такие задачи решал, что все на зоне только пожимали плечами.

— Ну, это же был отец!

— И ты можешь. Вспомни, как жёны декабристов в условиях Сибири поступали.

— Как? Не помню.

— Они добровольно принимали на себя все тяготы жизни своих мужей, в надежде получить за это короткое свидание с любимым человеком.

— Теперь понятно, Владимир Дмитриевич. Спасибо за науку.

— Пожалуйста.

16.10

Получив от Панкратова месячный отчёт, майор Захаров предупредил:

— Слава, к концу года, для доклада генералу Скворцову, нужно представить весь проект «Город будущего» в сборе.

— Будет сделано, гражданин майор, но написать отчёт по требуемой форме я не смогу. Подготовлю только черновик.

— Оформить я тебе помогу, но мне нужны не лозунги, а конкретный фактический материал. Без всяких цитат и заумностей. Всё понятно?

— Понятно. Сделаем, не сомневайтесь!

А майор Захаров и не сомневался. Работая вместе с Панкратовым седьмой год, он восхищался его способностью держать весь проект в голове и одновременно помнить полную спецификацию каждого узла. Иногда создавалось впечатление, что при необходимости Панкратов просто находит в памяти нужный том проекта и считывает содержание.

Но сейчас Панкратов и сам озаботился: представить весь проект как единое целое да ещё на нескольких страницах — не простое дело. Для этого нужно, прежде всего, чётко сформулировать цели проекта, выпукло представить основные разделы и сделать серьёзное заключение.

Выйдя от Захарова, Слава зашёл в пустой зал совещаний, сел напротив демонстрационной доски и час не отрываясь на неё смотрел. Потом встал и в верхней части доски нарисовал пронумерованные один рядом с другим три больших квадрата, внутри которых написал:

1. Цель проекта: обеспечение благоденствия человеку в гармонии с природой.

2. Социально-экономическая база: город под стеклянной крышей с управляемым климатом.

3. Место реализации проекта: Северо-восточная область России.

Панкратов вернулся на своё место, взял несколько листов бумаги и стал составлять тезисы отчёта по разделам:

1. Человек и окружающая среда.

1.1 Сохранение растительного и животного мира.

1.2 Контроль за состоянием многолетней мерзлоты.

1.3 Естественные продукты.

1.4 Природная вода.

1.5 Солнечно-ветровая энергетика.

1.6 Безотходная переработка мусора.

2. Строительство города под стеклянной крышей

2.1 Полное разделение жилой и производственной зоны.

2.2 Малоэтажное блочное строительство.

2.3 Использование трёхслойного светочувствительного стекла.

2.4 Устранение влияния внешних электромагнитных полей.

2.5 Квартира, управляемая голосом.

2.6 Зоны спорта и отдыха (бассейны, спортзалы, библиотеки, рестораны).

3. Особые условия

3.1 Мировой интеллектуальный центр.

3.2 Непрерывная система образования.

3.3 Культурно-спортивные комплексы.

3.4 Беспроводная энергетика и связь.

3.5 Площадки вертикального взлёта всех видов транспорта.

3.6 Служба надёжности и безопасности.

16.11

Генерал-полковник Смирнов назначил встречу высокопоставленных представителей ведомств на семь часов вечера второй субботы марта без объявления обсуждаемой темы. В совещании должны были принять участие четыре человека: генерал-лейтенант Волков, командующий северной группой войск СССР; генерал-майор юстиции Скворцов, начальник особого управления КГБ, полковник Марков, командир специальной Арктической дивизии; заведующий эмиграционным отделом МИД СССР Багров.

— Товарищи офицеры, я пригласил вас сегодня для того, чтобы обсудить предстоящие изменения российской эмиграционной политики и её будущие последствия. Так как у нас сегодня узкое совещание, то проведём его, если не возражаете, в режиме откровенной дружеской беседы без традиционного протокола. Согласны?

— Согласны.

— Ну и хорошо. Изменения, которые я упомянул, касаются, в основном, выезда евреев в Израиль. Предпосылок для проведения нашего совещания две: одна плохая, другая хорошая. Первая — продолжающаяся «утечка мозгов» из нашей страны и вторая — нежелание Еврейского государства принимать эмигрантов из России. Есть замечания по этим тезисам? Нет? Идём дальше.

Обсуждение начну с первого тезиса: мы не только обкрадываем свою страну, не пытаясь задержать здесь учёных и специалистов, но и, в прямом смысле, готовим квалифицированные кадры для заграницы. Более того, выдающиеся достижения наших учёных нередко возвращаются к нам уже под другим флагом и даже под другими фамилиями. Неоднократные предложения правительства нашей страны эмигрировавшим учёным и специалистам вернуться в Россию остаются, как правило, без внимания.

— Понятное дело, — подал голос полковник Марков, — платите больше — и они вернутся. В науку и учёных нужно вкладывать деньги, тогда никто не будет никуда уезжать.

— А почему так резко изменилась эмиграционная политика в Израиле? — вступил в разговор генерал-лейтенант Волков. — Что такое ужасное могло произойти в государстве, существующем многие годы, в основном, за счёт эмигрантов, в частности, из нашей страны?

— Дело в том, что к власти в Израиле пришло правое религиозное правительство, которое, в принципе, не хочет принимать смешанные семьи с сомнительными еврейскими корнями.

— Почему сомнительными? Что это такое? — продолжил свой вопрос Волков.

— После Второй мировой войны в СССР начался и продолжается до сегодняшнего дня активный ассимиляционный процесс. Радикальные сионисты в Израиле всеми силами препятствуют этому и надеются сделать эмиграцию из нашей страны в Израиль более еврейской.

— Это нереально, — пробурчал Марков.

— Что есть, то есть. Думаю, вам также известно, — продолжил своё сообщение генерал-полковник Смирнов, — об ограничениях в работе на территории Советского Союза еврейского агентства «Сохнут».

— А это зачем? Чтобы окончательно испортить отношения с Израилем? — удивился вслух генерал-лейтенант Волков.

— Это ответ нашей страны на усиливающуюся через «Сохнут» агитацию евреев уезжать из СССР в Израиль, — жёстко ответил Смирнов, но Волков продолжил.

— Извините, товарищ генерал-полковник, но я совсем запутался: одни уговаривают евреев уезжать в Израиль, другие их туда не пускают.

— Думаю, что закрытие «Сохнута» не уменьшит эмиграционный поток евреев в Израиль, но внесёт не совсем

благоприятные коррективы для нас, — ответил Волкову Смирнов.

— Как сказать. Может, и совсем остановит, — возразил Волков. — Тем не менее, я полностью согласен с вами, мы должны озаботиться тем, что уезжают не только простые граждане, но и известные учёные, руководители научных школ, лауреаты престижных премий.

— Каким образом озаботиться? — спросил Смирнов.

— Понятное дело, — снова подал голос полковник Марков, — платить больше денег, и они никуда не поедут.

— Согласен с вами, уважаемые товарищи, что в последнее время проблема эмиграции из России приняла угрожающий характер, и поэтому нужно принимать экстренные меры.

— Всё это одни разговоры, — присоединился к разговору представитель МИДа. — К сожалению, в настоящее время на первый план эмиграции выдвинулась религиозная составляющая, на которую повлиять у нас нет никакой возможности. Поэтому нужно изыскивать другие, более эффективные пути препятствия утечки «мозгов», а не топтаться на месте в рамках старого международного протокола.

— Спасибо, товарищ Багров, за замечания и дополнения. А сейчас послушаем генерал-майора Скворцова об одном из вариантов решения данной проблемы. Виктор Иванович, вам десять минут на сообщение.

— Спасибо. Ни для кого не секрет, что в настоящее время число евреев, желающих выехать из России в Израиль растёт. Однако, в соответствии с новой политической ситуацией, израильское правительство ужесточило требования к эмигрантам, усилив контроль за их этническим происхождением. В результате этого значительное число смешанных еврейских семей остаётся в России, подвергая себя, что греха таить, определённой опасности.

Генерал-майор Скворцов сделал многозначительную паузу, а все присутствующие приготовились услышать конкретные рекомендации по решению проблемы выезда в Израиль евреев. Но Скворцов ограничился короткой и непонятной фразой:

— В настоящее время нашим управлением начаты подготовительные работы по созданию в северо-восточной части Сибири большого современного «Города будущего» для еврейского народа. По данной теме мною подготовлена на имя генерал-полковника Смирнова под грифом «Совершенно секретно» подробная служебная записка.

16.12

Каждый вечер Панкратов, перед тем как караульный закрывал ворота на засов, обходил территорию объекта. Этому научил его ещё в кибуце молдавский еврей Ёжи, с которым он несколько лет работал. Логика рассуждений Ёжи, дружившего с цыганами, была простой и понятной: всё, что оставил на ночь во дворе — тебе не нужно. Поэтому утром можешь не найти.

Заканчивая сегодня обход двора, Панкратов услышал, как «запел» металлический забор. Это означало, что кто-то — человек или зверь — к нему прикоснулся. Когда Панкратов подошёл к воротам, то увидел, что рядом с караульным стоит высокий, в тулупе почти до земли, незнакомец.

— Командир, — обратился к Панкратову солдат, — вас тут спрашивают.

— Извините за мой русский, — обрадованно начал говорить незнакомец.

— Меня зовут Курт Вернер. Я из посёлка Дальний Острог. У нас большая беда.

— Что за беда?

— Сломался генератор. Люди замерзают.

— И чем мы можем вам помочь, господин Курт?
— У вас живут евреи. Это умный народ, и кто-то из них обязательно должен понимать, как починить генератор.
— Что же вам ответить?
— Нужно хорошо ответить. Всё-таки соседи.
— Ладно. Боец, свяжи меня с Захаровым.
В телефонной трубке Панкратов услышал голос коменданта.

— Слушаю, Захаров.
— Панкратов беспокоит. Тут такое дело.
— Какое дело?
— Из посёлка пришёл человек и просит помочь — у них генератор вышел из строя. Люди замерзают.
— Помоги, но чтобы утром был на месте.
— Понял.

Шли медленно. Сильный ветер дул в лицо. Когда дошли до посёлка и Панкратов заговорил со встречающими его людьми по-немецки, восторгу не было предела. После взаимных приветствий и улыбок Панкратов скромно представился.

— Вячеслав.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— Откуда знаете немецкий язык?
— Окончил Берлинский технологический институт.
— По какой специальности?
— Технология энергомашиностроения.
— Какой иностранный язык ещё знаете?
— Английский и русский.
— За что посадили в тюрьму?
— Без комментариев.

Тут раздался голос человека, который привёл Панкратова.

— Тихо, закончили пресс-конференцию. Что вам нужно, Вячеслав, для работы?

— Толковый помощник с инструментами, чистая простынь, ведро горячей воды и много ветоши.

Панкратов был знаком с фирмой-изготовителем генератора. Внимательно посмотрев ещё раз инструкцию по эксплуатации, он разобрал генератор, последовательно почистил все детали и, устранив причину поломки, запустил в работу.

Уже светало, когда Панкратов прощался с поселенцами. Расставаясь, взяли с него слово, что в случае первой необходимости он обратится к ним за помощью.

16.13

А через месяц после того, как Панкратов починил в посёлке генератор, Курт снова появился на проходной объекта и попросил охранника вызвать Панкратова.

— Зачем вам Панкратов?

— Нужно передать ему письмо.

— На территорию объекта вся корреспонденция поступает только через секретную часть.

— А где находится ваша секретная часть?

— В Норильске.

— Вы что шутите?

— Нет, не шучу.

— Я правильно вас понял: мне следует отправить письмо в Норильск, и его привезут в другом конверте Панкратову?

— Совершенно верно.

— Хорошо. Я так и сделаю.

О посетителе с письмом охранник сделал отметку в журнале дежурств, а через три месяца Панкратов получил по почте казённый конверт. В нём было, как в матрёшке, еще два конверта: один самодельный с письмом от Курта, написанным на русско-немецком языке, второй оригинальный, посланный из Израиля, с многими штемпелями.

К большому сожалению, иностранный конверт был пуст. По всей видимости, его содержание не удовлетворяло требованиям международной цензуры, и они письмо просто изъяли. Единственным достоинством израильского конверта был обратный адрес кибуца Израиля, который Панкратов и так знал наизусть. За годы жизни в Советской стране он написал Натали в Израиль более двадцати писем, но ни на одно из них не получил ответ.

Год назад Панкратов обратился с жалобой к генералу Скворцову на такое отношение к его переписке, и через несколько дней его пригласил на беседу военный комендант майор Захаров:

— Ты чего, Слава, бузишь? Жалобы какие-то пишешь. Отрываешь серьёзных людей от работы.

— А как мне реагировать иначе, если вы меня лишили одного из основных гражданских прав — права переписки?

— Ты, Панкратов, заключённый, отбывающий пятнадцатилетний срок за измену родине. Так что о правах помолчи.

— И что вы со всеми так поступаете, как со мной?

— Вот это ты правильный вопрос задал.

— И дальше что?

— Отвечаю. Конечно, нет.

— Не понял?

— Ты у нас, Слава, особо охраняемый арестант.

— Что это значит?

— Это значит, что за тебя персонально отвечают головой несколько человек.

— А мне что от этого?

— Как что? Твоя гражданская жена, Наталья Мироновна, регулярно получает от тебя, правда не прямо из СССР, а через Голландию ответы на её письма, которые готовят наши люди. По нашей легенде, ты живёшь в Европе и выполняешь по линии «Джойнт» обязанности иностранного агента.

— А с сыном что?

— И с сыном у тебя всё в порядке — ни в чём не нуждается.

— Гражданин майор, зачем мне весь этот балаган?

— Уважаемый Слава, смею тебе напомнить, что с 1967 года у нас с Израилем нет дипломатических отношений, в том числе и почтовых. Так что принимай условия нашей игры. Обещаю, что раз в три месяца буду тебя информировать о положении дел с твоей семьёй.

— И когда это закончится?

— Когда истечёт срок твоего заключения. Но ты сам, я уверен, не захочешь отсюда уезжать и привезёшь в эти края свою семью.

Глава 17. Даша

17.1

Калмыков очень переживал за Дашу и, не дождавшись звонка от Ильи, сам с ним связался.

— Ну что, комсомолец, готов отчитаться перед партией?

— Есть кое-какие соображения, дядя Володя, но они пока сырые и расплывчатые.

— Ну, это мы быстро поджарим, да с молодым лучком.

— Понятно.

— Жду тебя завтра в два часа дня по старому адресу. Маме Клаве большой привет и наилучшие пожелания.

В этот раз Калмыков свою машину Илье не предлагал. Руководитель огромного предприятия, занятый с утра до вечера, он назначил встречу Илье на время своего перерыва.

— Пообедаешь со мной, Илья. Или ты не голоден?

— Не голоден, но молодому всегда кушать хочется. Не откажусь, это точно.

— Тоня, обед на двоих ко мне в кабинет, — скомандовал Калмыков по телефону. — А теперь коротко выкладывай свои предложения по Даше, а то у меня сегодня дел — не перекидать. Только учти — у нас время до пятницы. В субботу придут люди из КГБ. Прямо с утра.

- А что с тётёй Верой?
- Егор, ну ты как еврей — отвечаешь вопросом на вопрос.
- А я и есть еврей.
- Да знаю я всё про тебя. Знаю. Предлагай варианты относительно Даши.
- Вариантов три. Первый и самый простой — пристроить Дашу к моим родственникам. Их у меня полтундры. Но тут есть проблема.
- В чём проблема?
- Дело в том, что эскимосы живут в чумах, а это одна большая комната без дверей. Даша будет всё время на виду. Язык за зубами эскимосы держать не могут, в особенности, когда выпьют.
- Понятно. Следующий вариант.
- Поселить Дашу у моего друга Астрахана. Вы его знаете — мы с ним Воротникова из медвежьей ямы вытаскивали.
- Да, помню. А дом у него нормальный?
- Нормальный и жена русская.
- Ну, так в чём дело?
- Ни в чём. Просто Толя очень далеко живёт от поселения Марка. Как они будут видаться друг с другом?
- Ну, значит, не будут.
- Нет, не пойдёт такое дело. Вы же сами мне, Владимир Дмитриевич, подкинули идею с жёнами декабристов.
- Согласен. Какой третий вариант?
- Найти для Даши жильё поблизости от Дальнего Острога.
- Ясно. Значит, принимаем комбинированное решение. Завтра ты отвозишь Дашу к своему другу Астрахану, а сам продолжаешь поиски приемлемого жилья для неё недалеко от Марка. Согласен?
- Согласен.

— Учти, в субботу ты обязательно должен быть в Норильске. Гэбня не со мной, а с тобой захочет говорить.

— А что я им скажу?

— Скажешь всё как есть. Приехал в Ростов за больной тётей Верой, а она не захотела ехать в Норильск без Даши, которая за ней ухаживает.

— Они потребуют от меня адрес тёти Веры.

— А ты его не знаешь. Правильно, сынок?

— Не знаю.

— Ну вот. После этого они поедут ко мне, а я в пятницу утром улечу в командировку в Москву и там приму кое-какие меры. Всё понятно?

— Понятно.

— Ну, будь здоров.

— До свидания.

17.2

Сегодня Скворцов был в прекрасном расположении духа — всё складывалось как нельзя лучше. Во вторник он проводил жену в Ессентуки на двадцать четыре дня санаторного лечения, а вчера закончил служебную записку о перспективном развитии инфраструктуры районов Крайнего Севера, позволяющую ему открыто претендовать на должность заместителя министра МВД. Но главным событием недели должна была стать вечером встреча с Дашей, на которой он, возможно, сообщит ей о своих планах на будущее.

Скворцов посмотрел на часы — было пять минут восьмого. Даша никогда не опаздывала и приходила ровно в семь. Чтобы успокоиться, он открыл сейф, где лежало приготовленное для неё кольцо с огромным бриллиантом. Кольцо радостно мигнуло Скворцову своим магическим светом.

Скворцов снова посмотрел на часы. Они показывали шестнадцать минут восьмого.

— Ничего страшного, — стал он себя уговаривать.

— Мало что может в дороге с человеком случиться: автобус опоздал, ногу подвернула, что-то забыла на работе и вернулась.

В восемь вечера генерал Скворцов понял, что Даша сегодня не придёт. Единственным, с кем он может поговорить на эту тему, был Вавилов. Скворцов схватил телефонную трубку.

— Владимир Васильевич, добрый вечер. Хорошо, что я вас застал дома.

— Что случилось, товарищ генерал?

— Не по телефону. Завтра в девять часов утра ко мне.

— Так точно, товарищ генерал.

После короткого разговора с Вавиловым, Скворцов позвонил дежурному по управлению.

— Генерал Скворцов. Машину к подъезду.

— Есть.

За рулём сидел незнакомый лейтенант.

— Медленно поедешь по Ворошиловскому проспекту и остановишься у дома номер 68. Всё понятно?

— Так точно.

Скворцов вышел из машины и, задрав голову, стал искать окна квартиры Рожанских. Они были темными. Вынув из пачки сигарету, он её, не донеся до рта, сломал.

— Где же может быть Даша? Да и больная Рожанская тоже?

— Единственный вариант — старуха попала в больницу, и Даша сидит с ней.

— Ну почему единственный? Может наоборот: Даша в больнице, а старуха уже просто спит. Завтра нужно с Вавиловым проверить все варианты.

— Всё. Поехали домой, — скомандовал он водителю, садясь в машину. — Адрес знаешь?

— Так точно, товарищ генерал.

Настроение было ужасное, всё вокруг было мрачно и противно. Войдя в квартиру, Скворцов, не раздеваясь, прошёл в гостиную и достал из бара бутылку коньяка. Нашёл чистый стакан, налил почти полным и без закуски выпил. Машинально включил телевизор. По первой все-союзной программе показывали какой-то художественный фильм. Расстегнув китель, Скворцов сел в кресло и заснул.

Во сне он увидел маму, которая танцевала с незнакомым мужчиной и всё время грозила ему пальцем.

17.3

Подполковник Вавилов явился ровно в девять. Скворцов сидел за столом и тупо смотрел куда-то вдаль.

— Разрешите?

— Входите, — без приветствия ответил Скворцов и жестом показал Вавилову, где сесть.

— Что случилось, товарищ генерал?

— Извините, что вызвал вас на работу в выходной день, но ситуация экстраординарная. Вчера на встречу со мной не явилась Дарья Сергеевна Рубцова, проходящая главным свидетелем по делу Рожанского. Причина неявки не известна.

— Разрешите задать вопрос, товарищ генерал?

— Задавайте.

— Почему вы назвали ситуацию экстраординарной?

— Потому что, — сразу повышенным тоном на вопрос Вавилова стал отвечать Скворцов, — речь идёт, во-первых, о дочери секретаря горкома партии, а не о рядовой девушке. А во-вторых, следует, наконец, разобраться: почему Рубцова последнее время проживает в семье осужденного за убийство Рожанского? Что за идиотский демарш и на кого он рассчитан?

— Согласен. Что я должен делать, товарищ генерал?

— Прежде всего, установить, где находится Дарья Сергеевна: дома, в больнице, роддоме, морге? У друга, подруги, чёрта — дьявола? Не знаю. Это первое. Второе. Связаться с её местом работы. Может быть, и в городе её нет совсем: уехала в командировку, взяла отпуск, переехала жить на дачу? В отделе кадров дадут надлежащий ответ.

При этом монологе голос Скворцова от требования к требованию усиливался и дошёл до крика.

— Третье. Посетить Рубцову, где бы она ни находилась, и вручить ей лично повестку о немедленной явке ко мне.

— Понял, товарищ генерал.

Но Скворцов уже вошёл в раж, и его нельзя было остановить.

— И, наконец, четвёртое. Приступить, как положено, к оперативной разработке норильского канала информации. Перетряхнуть всех, кто имеет отношение к делу Рожанского. В двенадцать часов дня вторника жду вас, Владимир Васильевич, с полным докладом. Всё.

В понедельник подполковник Вавилов получил в отделе кадров предприятия, где ранее работала Дарья Сергеевна Рубцова, чёткий ответ на поставленный вопрос: уволена по собственному желанию в связи с выездом из города Ростова. Обращение Вавилова в кассы Аэрофлота подтвердило самый худший прогноз: Рожанская В. Ю. и Рубцова Д. С. вылетели из Внуково ночью с субботы на воскресенье рейсом номер 2118 Москва-Норильск. Этим же рейсом улетел в Норильск гражданин Золотой И. Ф., который несколько раз фигурировал в свидетельских показаниях осуждённого Рожанского М. И.

На звонок в Норильск, дежурный МВД по Норильскому аэропорту сообщил, что все пассажиры указанного рейса вовремя и в соответствии со своими квитанциями получили багаж. Оставалось установить, через ведомственный отдел КГБ, где поселились в закрытом по режиму городе Рожанская В. Ю. и Рубцова Д. С.

Около десяти часов утра подполковник Вавилов позвонил начальнику Норильского отдела КГБ полковнику Терехову.

— Здравствуйте, Николай Иванович, Вавилов беспокоит.

— Добрый день, Владимир Васильевич.

— Как у вас с погодой?

— Пуржит, хоть уже и май наступил. Слушаю вас.

— У меня есть к вам несколько вопросов. Перейдите, пожалуйста, на служебную связь.

17.4

Каналом специальной связи, который никем не прослушивался, комитет госбезопасности пользовался только в экстренных случаях, когда требовался короткий и секретный разговор.

— Николай Иванович, нам нужна информация, куда, в течение последней недели, выезжал, а главное, с кем общался проживающий в Норильске гражданин Золотой Илья Файвусович.

— Это сделать чрезвычайно тяжело, Владимир Васильевич, так как этот гражданин перемещается по тундре, в основном, на лыжах, а у нас, к сожалению, человека такого спортивного уровня, как он, нет.

— Что вы мне рассказываете сказки, товарищ полковник? Как нам известно, гражданин Золотой на прошлой неделе вылетал в Москву. Требуется узнать цель поездки и с кем встречался. Кроме того, установить места проживания в настоящее время Рожанской В. Ю. и Рубцовой Д. С., которые прилетели вместе с Золотым И. Ф. в Норильск. — Вам понятно задание, товарищ полковник?

— Понятно.

— Выполнять! О результатах доложить лично мне не позднее десяти часов утра вторника! Время московское.

— Есть.

Терехов положил телефонную трубку, вынул из брючного кармана носовой платок и промокнул вспотевшую шею.

— Ну не дадут спокойно уйти на пенсию: то все гонялись за информацией о Рожанском, теперь бегают за каким-то лыжником. У меня, к сожалению, нет на все эти дела времени.

— Ты что, Николай Иванович, удумал? Вавилов и шага не сделает без указания генерала Скворцова, так что бегом выполнять распоряжение. Понял?

— Понял-понял.

— А что если я поручу это дело старшему сержанту Попову? Он с Золотым в одной сборной Красноярского края по лыжам тренируется. Я ему ещё командировку подписывал.

— И какой интерес у Попова к твоему поручению?

— Очень даже прямой: Попов недавно женился и живёт с молодой женой в общежитии. А я ему комнату в комбинате выхлопочу.

— Марина, — позвонил он секретарше. — Найди мне по-срочному Васю Попова.

— Хорошо, Николай Иванович.

— Вообще, забавный этот Вася. Притащил в Норильск девку из своего села. Как будто здесь их нет. Сколько хочешь, да ещё с жилплощадью. Только проблемы себе организовал.

— Старший сержант Попов по вашему приказанию прибыл, — вывел из лёгкой задумчивости Терехова звонкий голос Попова.

— Садись, Василий. Разговор есть.

— Слушаю.

— Как жизнь, молодожён?

- Хорошо, — расплылся счастливой улыбкой Попов.
- Вопросы, просьбы есть?
- Никак нет, товарищ полковник.
- Это плохо. У человека, тем более молодого, всегда должны быть просьбы. Вот мне сказали, что ты талантливый лыжник.
- Кто вам сказал такое, товарищ полковник? Это преувеличение. У меня только первый разряд.
- Так ты же в сборную краяходишь?
- Вхожу, но во второй состав.
- А кто в первый?
- Илья Золотой, Витя Колобов.
- С Витей не знаком, а вот Илью знаю. Хороший парень, коренной норильчанин. Вот ты с ним и потренируйся. Станешь мастером спорта, я тебе отдельную комнату дам.
- Когда начинать, товарищ полковник?
- Сегодня и начинай. Мне, прежде всего, нужно знать: зачем Золотой несколько дней назад летал в Ростов и с кем там встречался? Докладывать мне каждый день лично.
- Понял.
- Ну, всё.

17.5

Вечером того же дня Попов позвонил Золотому.

- Привет Илья. Это Поп. Что-то я тебя, дружище, давно на тренировках не видел?
- Здорово, Поп. Много дел. Закрутился.
- Ты же прекрасно знаешь, что всё охватить нельзя.
- Но стремиться к этому надо, — продолжил Илья.
- Это точно. Послушай, Илья, пару минут у тебя найдётся? Посоветоваться хочу по одному вопросу.
- Приходи.

— Сейчас буду.

Васька Попов, белобрысый бесхитростный деревенский парень, побывав в отпуске на Украине, привёз оттуда черноглазую жену — полный антипод ему самому. Два дня гулял весь «лыжный» Норильск. Васька, по договорённости с комендантом общежития, в красном уголке составил вместе несколько столов, водрузил на стол ящик водки и незамысловатую закуску: чёрный хлеб, селёдку, лук, солёную капусту, варёную картошку, малосольные огурчики. Над входной дверью в общежитие вывесил написанный им самим плакат:

«Пейте, други, за наше семейное счастье. Поп и попадьё».

Не было человека, который, проходя мимо общежития, не зашёл бы в здание и, приняв стаканчик водки, ни пожелал бы здоровья молодым. А рядом с закуской лежала на столе его старая армейская шапка, куда знакомые и незнакомые люди бросали деньги. С того дня Васька стал Ильё как-то ближе и роднее.

— Ну, рассказывай, что у тебя произошло, — когда они устроились на ступеньках лестницы, спросил Илья.

— Та вот. Хочу посоветоваться, — начал Поп.

— Извини, что в дом не приглашаю. Детей укладываем спать.

— Да нет, что ты, Илья. Я понимаю.

— Ну, говори, раз пришёл.

— Дело вот в чём. Кто-то полковнику Терехову про меня наболтал, что я талантливый лыжник. Вот он и говорит мне сегодня: станешь мастером спорта — отдельную комнату тебе дам.

— И что?

— Я и подумал, а что если ты будешь ведущий, я за тобой потянусь. Глядишь — и выполню норму со временем.

— Смотри, Вася, я с новой должностью очень занят. Времени заниматься с тобой у меня нет.

— Да мной не надо заниматься. Я просто за тобой, Илья, побегу и всё. Мне нужно, чтобы ты задал темп, а остальное я сам сделаю.

— Да не сделаешь ты. Не сделаешь. Мастерство складывается из двух составляющих: качества бега и уровня выносливости. Первому тебя, надеюсь, научили в нашем спортивном клубе, а выносливость нужно наращивать годами.

— Каким образом?

— Например, сегодня мы встречаемся с тобой у Синих гор в пять часов вечера.

— Да ты что, Илья? Это же нужно часов шесть бежать.

— Я прохожу за четыре.

— Так это ты.

— Ну, смотри, Вася. Работай, иначе тебе комнаты не видать.

17.6

Сегодня у Ильи был ответственный день — требовалось пристроить Дашу. По согласованию с Калмыковым, Илья решил отвезти её на снегоходе к Астрахану, а потом поехать на лыжах самому в посёлок Дальний Острог и поговорить с Панкратовым. То, что КГБ прицепил к нему «хвост» в лице Васьки Попова, несколько усложняло задачу, но ничего не меняло.

Вечером Илья позвонил Астрахану.

— Привет, отец.

— Привет, начальник. Ну, что вы решили с Калмыковым?

— Завтра в районе двенадцати утра привезу тебе заказ и всё подробно расскажу.

— Договорились.

— До встречи.

Илья понимал, что его домашний телефон на прослушке, раз они прицепили к нему своего сотрудника. Поэтому

он не стал рассказывать Толянну все детали операции по телефону. А когда раздумавшаяся с мороза Даша вошла в дом Астрахана, тот не удержался и брякнул при стоящей рядом жене.

— Ах, какая красавица!

От такого высказанного в глаза комплимента Даша покраснела и тихо сказала:

— Спасибо.

— Заходи в дом, Даша, — пригласил Илья.

— Познакомься с девочками, а мы с хозяином на улице поговорим. Не возражаешь?

— Нет, конечно.

— Очень хорошо. Толян, давай выйдем во двор на несколько минут, чтобы не было лишних ушей.

— Давай.

— Ну, рассказывай, что вы с Владимиром Дмитриевичем придумали.

— А вот что. Сейчас я двину на лыжах в посёлок Дальний Острог, чтобы встретиться там с Панкратовым. Он у них всем командует.

— Ты же говорил Захаров?

— Захаров — военный комендант, а всё решает Панкратов. Грамотный коммуникабельный мужик. Жаль, что за просто так получил пятнадцать лет. Сейчас честно отработывает свой срок.

— Ты с ним знаком?

— Нет, не знаком.

— А как будешь общаться?

— С настоящим зэком не надо быть знакомым. Надо уметь разговаривать.

— И что?

— Попрошу, чтобы колонисты на время приютили Дашу.

— А какой резон колонистам контактировать с зэками?

- Он знает какой. Но это ещё не всё.
- Что ещё?
- Мы подключаемся к игре с КГБ. Это очень серьёзно.
- Я понимаю.
- Завтра мы с тобой имитируем отъезд Даши в Москву.
- Каким образом?
- Делаем куклу из подходящей женщины, похожую на неё, и ты на своём снегоходе отвозишь её в аэропорт.
- А дальше что?
- Дальше всё просто. В Хатанге выход пассажиров к самолёту проходит без досмотра. Все заходят в самолёт и рассаживаются по своим местам.
- У меня, Илья, вопрос к тебе.
- Задавай...
- А кого на роль куклы ты назначил?
- Ну ты же сам говорил, что у вас много женщин работает в аэропорту.
- Говорил.
- Вот. За приличное вознаграждение загримируем кого-нибудь под Дашу. А в самолёте она разгримируется, переоденется и станет, например, стюардессой.
- Теперь понятно. И что вы получаете от этой комбинации?
- Это хороший вопрос, но не мой.
- Как не твой. А чей?
- Скворцова. Так как рейс из Хатанги в Москву выполняется с двумя остановками, то «Даша» может выйти на любой из них — затеряться в толпе пассажиров, пересестись на другой самолёт. В общем, масса вариантов.
- К чему это может привести?
- Исчезновением Даши мы создаём в КГБ некоторую панику.
- И что дальше?
- А дальше, когда её не встретят в Москве, Скворцов переворачивает всё управление и объявляет негласный

всесоюзный розыск. Розыск занимает, как правило, несколько лет, а Даша и Марк успевают за это время оформить свои отношения.

— А если нет?

— А если нет, то нет. Но в чудеса нужно верить, Толян.

— Что это даёт?

— С верой, друг мой, легче жить.

17.7

Солдат, стоящий у входа в расположение объекта, долго рассматривал удостоверение Ильи, хотя ранее получил указание от майора Захарова оказывать содействие предъявителю.

— Слушаю вас, товарищ Золотой.

— Мне нужно встретиться с Панкратовым.

— Это можно, но только в нашем караульном помещении. На территорию объекта посторонним вход запрещён.

— Согласен.

— Тогда пройдите сюда, — и солдат показал рукой на дверь, рядом с его постом.

— Я сейчас Панкратова позову.

Через пять минут из большого дома, расположенного в центре огороженного участка, выскочил мужчина средних лет, без шапки, в наброшенной на плечи военной телогрейке.

— Панкратов, тебя тут спрашивает какой-то начальник, Он в караулке сидит.

Навстречу Панкратову поднялся со стула высокий спортивного телосложения парень и протянул руку.

— Илья.

— Слава, — ответил Панкратов.

— Так это вы начальник?

— Да. Начальник Региональной Службы спасения на Севере. Вот моё удостоверение.

- Ого. Сам Смирнов подписал.
- А откуда вы знаете Смирнова?
- Его часто упоминал в разговорах Скворцов.
- И какая у вас должность на объекте?
- Координатор проекта. Отвечаю за всю организационную работу. По технической части ответственным является Марк, которого мне навязал Скворцов.
- Что значит навязал?
- Дело в том, что я для эффективного выполнения проекта, сам подбираю контингент. Он у меня, как правило, политический. А Марк сидит по уголовной статье.
- Что-то я не совсем понимаю управленческую структуру вашего проекта! Кстати, как он называется?
- Это не важно. Все основные разработчики проекта живут и работают на территории здания, из которого я вышел.
- Хорошо, а кто будет на практике реализовывать ваш проект?
- Арктическая специализированная дивизия, к которой имеет прямое отношение Владимир Дмитриевич Калмыков.
- А теперь короткий вопрос, с которым я к вам приехал.
- Слушаю внимательно.
- По поручению Калмыкова, я несколько дней назад привёз в Норильск из Москвы одну женщину. Её нужно спрятать так, чтобы ни одни глаза, ни одни уши, кроме наших с вами, об этом не знали.
- Нужно подумать.
- Думайте при мне.
- А что если её поселить у колонистов в Дальнем Острого? У меня с ними неплохой контакт.
- Хорошее предложение. Ждите гостей.
- Я понял. Всё сделаю, как надо.

17.8

Информация, что на рейсе Хатанга-Москва в конечном его пункте не оказалось Даши Рубцовой, привело Скворцова в состояние дикой ярости. Со стороны было хорошо видно, что он не может взять себя в руки: кричит на весь этаж, разбрасывает бумаги, отдаёт нелепые приказы. В заключение своей истерики потребовал от Вавилова подготовить приказ об объявлении начальнику отдела Норильского КГБ полковнику Терехову выговор и признание его неполного служебного соответствия.

— Выполнять, — рявкнул он на Вавилова, когда тот что-то хотел возразить.

Вавилов вышел от Скворцова в полном смятении. Пока он шёл до своего кабинета, в голову лезли всякие мысли.

— Что же за такое событие произошло в Норильске, что привело начальника в состояние неконтролируемого психоза?

— Норильск в оперативной работе управления в последнее время вообще не значится, за исключением проекта Панкратова?

— Такому строгому наказанию сотрудника высокого ранга, коим является полковник Терехов, должно предшествовать, как минимум, серьёзное предупреждение, потому что за ним может сразу последовать увольнение из органов.

— А за что увольнять добросовестного служаку Терехова, который столько лет мёрзнет на Крайнем Севере? И что я могу написать в обосновании данного приказа?

— Может быть написать: за потерю бдительности, халатное несение службы и нарушение трудовой дисциплины работниками отдела?

— Но норильский отдел КГБ ничего, в принципе, не нарушал. Он просто упустил слежку за гражданкой Рубцо-

вой без предъявления ордера на её задержание. Любой суд, кроме, конечно, военного, удовлетворит встречный иск.

— В то же время, если использовать такую нелепую формулировку, меня, как подготовившего приказ, самого нужно увольнять.

— Дай Бог, чтобы начальство ещё не докопалось до истинной причины всего этого происшествия.

— А то что?

— А то, что в этом случае Скворцов должен будет всё убедительно объяснить и тогда непременно подставит меня.

— Почему тебя?

— Потому что в нашем управлении только я один знаю истинную подоплёку этой ситуации.

— И какой выход?

— Выход один — завтра я должен заболеть африканской оспой, обвариться кипятком, попасть под трамвай. Всё, что угодно, но на работу не выходить.

— И что это тебе даёт?

— Выигрыш во времени.

— Не понял — какой выигрыш?

— Скворцов должен успокоиться.

— Но этого, к сожалению, не произойдёт. Он будет продолжать истязать себя и своё окружение.

— И всё-таки надо попробовать взять паузу.

Вавилов закрыл дверь в свой кабинет и сказал секретарю, чтобы его ни с кем не соединяли. Он сел сочинять нелепый приказ.

17.9

От шумного и бестолкового общения со Скворцовым у Вавилова разболелась голова. В ящике стола он нашёл пачку валидола и положил таблетку под язык. Как гово-

рила его покойная мама: толку никакого, но успокаивает. А ему это и было нужно, так как он просто не знал, с чего начать писать черновик приказа. Промучившись в раздумьях полчаса, Вавилов понял, что без помощи Поляковой сам с проблемой не справится.

Людмила Петровна могла точно высветить суть любой темы и, не растекаясь по древу, изящно завершить обсуждение. Сказывалось не только инженерное образование, но и многолетний опыт работы конструктором.

Ровные, ненавязчивые отношения Вавилова с Поляковой продолжались уже третий год и своей необязательностью вполне устраивали обе стороны. Вавилов приходил к ней раз в две недели, предварительно сообщив о предстоящем визите, а она по этому поводу не предъявляла никаких претензий. Двухчасовые разговоры на общие темы снимали с Вавилова стрессовую нагрузку, а несколько рюмок коньяка из комитетского распределителя возвращали хорошее настроение и уверенность в себе.

Но сегодня Вавилов хотел, грубо нарушая расписание свиданий и систему оповещения, срочно посоветоваться с Поляковой по пресловутому приказу о наказании полковника Терехова. Проблема состояла только в том, что он, из-за отсутствия рабочего телефона Поляковой, не может предупредить её о своём визите.

— А вдруг у неё какие-то планы на вечер, и она придёт домой очень поздно? А вдруг у неё будут вечером гости?

Ничего не оставалось делать, как идти к Поляковой наудачу. Она сразу открыла дверь и спокойным тоном, с присущей ей иронией спросила:

— Вавилов, вас уволили из органов и экстренно посылают служить во Вьетнам?

— Не совсем так.

— Тогда как понимать ваш незапланированный визит?

— Может, я сначала зайду, Людмила Петровна, а потом отвечу на все ваши вопросы?

— Конечно, заходите, Владимир Васильевич, всегда вам рады.

Пока Вавилов снимал плащ и причёсывался перед зеркалом, она быстро поставила на стол недопитую в прошлый раз бутылку коньяка, конфеты и салфетки.

— Ну, так в чём проблема? Я сгораю от любопытства.

— Проблема состоит в том, что мы потеряли важного свидетеля. Она села в самолёт в Хатанге, а до Москвы не долетела.

— Что за свидетель?

— Молодая красивая девушка — дочь секретаря горкома партии.

— Это уже понятнее. Ну, папу сразу следует оставить в стороне, а о девушке несколько поподробней, пожалуйста. У неё есть имя-отчество?

— Это не имеет значения.

— Допустим, хотя тоже важно. Продолжайте, Владимир Васильевич.

— Девушка проходила свидетелем по делу об убийстве студента строительного института.

— Слышала об этом. И что требует от вас генерал Скворцов?

— Подготовить идиотский приказ о неполном служебном соответствии ветерана КГБ, начальника Норильского отдела полковника Терехова, небрежно организовавшего слежку за этой девушкой.

— А вы, естественно, не можете написать приказ, потому что это в высшей степени нелепо.

— Совершенно верно.

— Отсюда следует, что речь идёт не о полковнике Терехове, а о самом генерале Скворцове, который грезит этой девушкой и, потеряв её след, безутешно сходит с ума.

— Интересно вы развернули вопрос, Людмила Петровна. И тем не менее, как выполнить поручение Скворцова, чтобы он, вместо Терехова, не уволил меня?

— А сколько Терехову до пенсии?

— Два с половиной года.

— Так вот. Вместо наказания его нужно наградить за верную службу и отправить на досрочную пенсию со всеми возможными почестями.

— Это как понимать? Ведь поручение Скворцова совсем о другом?

— Ничего подобного. Как раз об этом. Вы должны своим приказом вывести Скворцова из состояния стресса.

— Правильно, но мне всё равно не понятна ваша мысль, Людмила Петровна.

— Пожалуйста. С одной стороны, вы вроде наказали Терехова, досрочно освободив от работы, а с другой, наградили и с почётом проводили на заслуженный отдых.

— А если Скворцов останется недоволен таким вариантом приказа?

— Не может такого быть! Скворцову требуется действие, чтобы он для своих подчинённых выглядел хозяином положения, принимающим серьёзные решения. Понятно, что в лице полковника Терехова будет принесена сакральная жертва, но это должно вполне устроить мужскую логику генерала Скворцова.

— А что ждёт меня, послушавшегося приказа своего начальника?

— Вас ждёт поощрение, что вы таким элегантным образом развязали весьма непростой узел его проблем.

— И дальше что?

— А дальше генерал Скворцов может без особых помех направить весь коллектив управления на выполнение основной задачи — поиск свидетеля преступления.

— Ну вы голова, Полякова! И зачем вы целый день чертите никому ненужные кубики? Следует подумать, как перевести вас в аналитический отдел управления.

ЧАСТЬ 7

Глава 18. Конфуз

18.1

Рейс в Москву был ночной. Вылет в одиннадцать часов вечера. Илья спокойно, без суеты ждал, когда Толян поедет в аэропорт Хатанги. Только после этого он мог, соблюдая все меры предосторожности, повезти Дашу в поселение Дальний Острог.

— Аня, — обратился Илья к жене Анатолия. — У тебя есть лишние ватные брюки?

— Тебе зачем?

— Не мне — Даше. Ехать до поселения почти пять часов. Я сижу за стеклом снегохода, а она — на ветру.

— Ну, конечно, есть. Только не знаю, подойдут ли они ей по размеру?

— Даша, — крикнула она девушке, — примерь, пожалуйста, штаны.

Брюки оказались большими и всё время спадали.

— Ничего страшного, — со смехом заметила Аня. — Вон сколько мужиков носят брюки, неизвестно на чём. Подвязался верёвкой и пошёл. Женихи долбанные.

После решения проблемы со штанами начали искать солнцезащитные очки. Быстро нашли подходящие, но тоже большие. Решили воспользоваться резинкой. Когда с экипировкой было закончено, женщины стали хлопотать над кошёлками с едой. Но здесь уже проявил характер Илья: он безжалостно выбросил добрую половину пакетов, которые подготовили женщины. Не выдержав накала борьбы, Илья вывел Дашу в коридор и жёстко сказал:

— Я тебя предупреждал, никаких передач Марку. Предупреждал?

— Да, предупреждал.

— Вот. Ты должна затаиться в этом поселении как мышка. Даже через бинокль видеть Марка не разрешаю.

— Ну, может, угостить хозяев? — попыталась оправдаться Даша.

— Не хитри. Ты это делать не умеешь. Местные едят только то, что добывают сами и ничего другого.

Наконец, около полуночи всё было готово, и Илья с Дашей сели в снегоход. Илья запустил двигатель, но тут же выключил.

— Даша, заканчивай демонстрировать своё дворянское воспитание. Ты должна меня обнять изо всех сил. Прижаться ко мне так, чтобы никто не мог тебя оторвать. Руки в замок.

— Зачем это?

— Объясняю для особо одарённых: на первом же повороте ты можешь вылететь из снегохода. При толщине рыхлого снега более трёх метров я вытащить тебя из сугроба не смогу. Погибнем оба смертью храбрых. Теперь понятно?

— Понятно.

— И ещё. Чтобы что-то сказать — громко кричи мне прямо в ухо. Вот теперь всё.

Через два часа езды, Илья остановил снегоход под каким-то искусственным навесом.

— Слезайте, барышня. Попьем чай из термоса и что-нибудь перекусим.

— Илья, у меня к тебе вопрос: а как ты в тундре, в темноте, без включённого фонаря, находишь дорогу?

— Не знаю. Может потому, что родился в этих краях. А может по причине того, что у меня папа был удивительным человеком.

— Вера Юстусовна мне сказала, что он был очень умный и много знал.

— Это верно. Мог ответить на любой вопрос.

— Когда я увлеклась Марком, то в городской библиотеке прочитала много книг еврейских писателей.

— И когда ты им увлеклась?

— В колхозе, на втором курсе, после драки с местными хулиганами.

— А до пятого курса дружила с Валеркой?

— Это была единственная возможность видеть Марка. Они учились в одной группе.

— Интересно. А почему же ты не подошла к нему и не призналась в своей любви?

— Ты что? Это у нас не принято.

— А меня жена выбрала сама.

— Это как?

— Мы с ней посещали детский кружок бальных танцев при Дворце культуры Норильского комбината. Она подошла, взяла меня за руку и больше не отпускала.

— А мальчиков много было в вашем кружке?

— Я один.

И они начали в два часа ночи громко хохотать. Эхо от их молодых голосов, многократно отражённое от окружающих гор, накладывалось на их смех и совсем его не искажало.

18.2

Илье и Даше нужно было прибыть в поселение после девяти утра, когда жители разойдутся по рабочим местам. Сейчас же им следовало немножко поспать.

— Даша, ты когда-нибудь пользовалась спальным мешком? — спросил Илья.

— Нет.

— Никогда не ходила в походы, не занималась спортивным ориентированием?

— Нет, никогда.

— Вот тебе на... Такое удивительное занятие и прошло мимо тебя! А я до сегодняшнего дня иногда ночую в спальнике.

— Жена не возражает?

— Нет. Она к этому привыкла. А вообще, люди на севере часто уходят на заработки. По несколько месяцев не бывают дома. Занимаются разным промыслом, охотятся, рыбачат. Так что спальник — неотъемлемый атрибут их жизни.

— А тебе, Илья, не страшно на Севере жить?

— А почему должно быть страшно? Во-первых, все тут друг друга знают, а во-вторых, практически у каждого есть оружие для защиты от хищных зверей.

— А от бандитов и плохих людей?

— Нет таких на Севере. А если иногда и появляются, то надолго здесь не задерживаются.

— Уезжают?

— Кто уезжает, а кто навечно остаётся.

— Каким образом?

— Прямым. Вся территория Севера принадлежит проживающим здесь малым народам. В каждом посёлке сейчас есть люди, обеспечивающие его жителям нормальную жизнь.

— Что ты понимаешь под «нормальной»?

— А ты не догадываешься?

— Нет.

— Нормальной называется жизнь взаимного уважения человека и природы.

— Это как?

— А вот так — слушай природу и она тебе всё расскажет. Слушай глубоко и благодарно, ибо ты её маленькая часть.

— Я слушаю, но ничего не слышу.

— А жаль. Она тебе сейчас нашептывает: полюби меня, Даша, и я тебе открою свои тайны, покажу всю свою красоту.

— Это ты шепчешь, Илья, а не природа.

— Нет, Даша, это она. Я просто понимаю её язык и тебе перевожу.

— Понимаешь потому что здесь родился?

— Дело не в том, кто где родился. Просто нужно настроиться на её волну. — Настроилась?

— Да.

— А теперь прислушайся к тому, что она сейчас говорит: дорогая Даша, начинается новый день, восходит солнышко, и просыпается всё живое на земле.

— Ой, точно.

— Ну вот. Для чужого человека тундра безмолвна и безжизненна, а для своего она насыщена цветом, запахом, звуками. Сейчас май — ранняя весна, всё вокруг чистое, свежее, нетронутое.

— Ну, ты молодец, Илья! Сколько в тебе любви к родному краю! Аж завидно!

— А как его можно не любить? Красотища какая! А простор... Простор и тишина!

Даша как зачарованная застыла на месте и с упоением слушала, как аплодирует Илье природа за слова уважения и любви.

18.3

Чтобы никто их не видел, Илья подъехал к поселению со стороны оврага. Снегоход с выключенным двигателем сам скатился под горку. Все дома в поселении были похожи друг на друга. На улице ни души. Даже собак нигде не видно — после проведенной во дворе ночи, хозяева позволяли им утром зайти в натопленную избу.

Илья без труда нашёл третий дом от оврага и постучал. Глуховатый старческий голос за дверью спросил:

— Кто будете?

— От Панкратова.

— Сколько вас?

— Двое: парень и девушка.

— Заходите по одному, но учтите: я вооружён.

Когда они вошли в избу, голосом оказался небритый мужчина лет шестидесяти в трусах, тельняшке и унтах. В руках у него было охотничье ружьё.

— Здравствуйте и, пожалуйста, заходите. Меня зовут Курт, и я говорю на русском языке.

— Ваш русский мы более-менее понимаем.

— Хорошо, что понимаете. Я староста поселения. Хочу вам помочь по просьбе Славы. Что нужно делать?

— Ничего.

— Интересное задание, а главное — легко выполнимое. И всё-таки?

— Не позволять Даше выходить на улицу. Кроме того, нельзя, чтобы её кто-нибудь видел из ваших соседей.

— Мы не русские, водку друг с другом не пьём, да и в гости редко ходим.

— А позвольте узнать — кто с вами живёт?

— Живу один с собакой. Пелагеей зовут. Она немножко слепая, как и я, но зато всё понимает.

— Сколько вам лет, дядя Курт?

— Семьдесят один. Два года назад померла жена. Хорошая была женщина. Тихая и покладистая.

— А чем вы сами занимаетесь?

— Сети плету. С гарантией.

— Что за гарантия?

— Если порвутся — сети отдаю клиенту. Но ещё ни разу они меня не подводили.

— А чем ещё?

— Охотой. Зверь в тундре бесстрашный и любопытный, к самому крыльцу подходит.

— Что за зверь?

— Да какой хотите — олень, лисица, росомаха, песец. Даже соболь. Собаки приучены на них не гавкать.

— А на кого они гавкают?

— На тех, от кого исходит угроза жизни хозяину: медведя, волка, шакала. Вообще, тундровая собака никого не боится. Она пострашнее волка будет.

— А почему на нас ваша собака не гавкала?

— Потому что я ей утром нашептал, что сегодня будут гости, и дал печень налима. А она за печень всё, что угодно, делает.

— Понятно. Ну что, будем прощаться, дядя Курт? Спасибо за понимание и поддержку. Связь будем держать через Славу.

— Хорошо. Всегда готов помочь хорошим людям.

Первым встал с лавки Илья и пожал руку хозяину. Тот, не выпуская своей из руки Ильи, спросил:

— Но вы мне хоть скажите, кого привезли?

— Ну, зачем это вам, отец? Берегите здоровье.

18.4

Выйдя из дома Курта, Илья решил, пользуясь случаем, заехать на объект и поговорить с Панкратовым. В овраг спустился по той же дорожке, что и поднялся, но подой-

дя к снегоходу, внимательно осмотрел площадку вокруг него в поиске чужих следов.

Всё было чисто. На всякий случай, Илья объехал поселение Дальний Острог с другой стороны и, выскочив на простор, включил максимальную скорость.

В памяти всплыл вопрос, который задал ему Панкратов при их последней встрече.

— Скажи, Илья, а где местные люди работают?

— Кто где. В рыболовных и охотничьих артелях, занимаются частным промыслом. Проблема не в месте работы, которое всегда на севере есть, а в том, что они регулярно пьют.

— А что, нельзя их отвадить от водки?

— Конечно, можно, но этим нужно серьёзно и постоянно заниматься, а свободного времени нет.

— Это точно.

— Здесь на каждом шагу, — продолжил Илья, — даже трезвого человека подстерегает опасность, а о пьяном и говорить нечего. На Севере нужно уметь жить.

— В каком смысле?

— В прямом. Экзотическая красота севера завораживает. Но при этом она очень коварна.

— Почему коварна?

— Потому что влюбляет человека в себя на всю жизнь.

— Это же хорошо?

— Хорошо, но до определённого предела.

— До какого?

— До того, как человек теряет контроль за ситуацией. Север не прощает ни малейшей ошибки.

— Понятно. А теперь скажи мне, Слава. Ты много лет жил в Израиле. Где, по твоему мнению, легче жить — на севере или на юге?

— Конечно, на севере. Здесь природа более благородно и богато служит человеку. Она его кормит, поит, одевает,

развлекает. Единственное, что от человека требуется, — её искренне любить.

— Это как?

— Боготворить и защищать, потому что здесь всё совершенно: воздух, вода, животные, растительность. Крайний Север — удивительный по красоте и богатству край.

— Понятно, что ты мне сейчас красивую сказку рассказал, а как всё выглядит на самом деле?

— А на самом деле всё выглядит точно так. Человек и природа ответственны друг за друга. Они должны друг друга беречь и помогать.

— Согласен.

— В настоящее время на Севере создана военизированная служба, которую в нашем регионе возглавляет ваш покорный слуга. Служба насчитывает три тысячи хорошо подготовленных для северных условий бойцов. Территория региона разбита на одиннадцать округов. Во главе каждого округа стоит человек, который ежегодно переизбирается общим собранием.

— Это как у воров?

— Совсем нет. Воры, кстати, вполне нормальные люди. Они держат слово. Если вор соврал или обманул — он до вечера не доживает. Но людей с судимостями у нас в организации нет.

— Как нет?

— А вот так. Мы высылаем их за Полярный круг.

18.5

Сейчас Илья не просто так хотел встретиться с Панкратовым. Во-первых, он хотел поблагодарить его за оперативное выполнение просьбы, связанной с девушкой, а во-вторых, продолжить разговор об использовании бойцов его службы в охране города будущего. Но Панкратов по этому вопросу опередил Илью.

— Скажи, уважаемый. А как вы отбираете людей в своё подразделение?

— Тут никакой проблемы нет. Каждый год все работники нашей службы проходят экзамен по профессии.

— Это что?

— Это проверка выполнения нормативов по стрельбе, ходьбе на лыжах, умению выживать в экстремальных условиях. А если человек не прошёл проверку?

— Отчисляется из отряда и переводится на другую работу: гидом, тренером, охранником, отделочником и так далее.

— А деньги вам за работу кто платит?

— Государство. Сумма выплат зависит от объёма и качества работ.

— Илья, извини за вопрос, а у тебя какое образование?

— Высшее.

— Ну ты молодец! Хвалю.

А когда они прощались, Панкратов попросил Илью привезти в следующий раз несколько книг Фейхтвангера.

В норильском букинистическом магазине ему предложили купить полное собрание сочинений Фейхтвангера в двенадцати томах, которое он и вёз сейчас Панкратову. Немолодая женщина — продавец книг аккуратно всё упаковала, изредка недоумённо поглядывая на странного покупателя. В её взгляде он прочитал вопрос.

— Книги о страданиях евреев никогда не покупали аборигены, да ещё всю подписку такого специфического автора. Интересно, кому она понадобилась?

— В самом деле, — подумал про себя Илья, — кому эти книги здесь нужны? Кроме общего недомогания и скуки, они у читателя ничего не могут вызвать.

— Это ты не прав. Ещё как нужны.

— А вообще, что изменилось в мире со времени их написания ещё до войны? Что современный мир сделал для

спасения евреев? Как бы он отреагировал на вероятность их полного истребления?

— Да никак. Пальцем бы не пошевелил.

— Неужели так всё плохо?

— К сожалению, да. Поэтому евреи должны научиться жить и работать в автономном, не связанном ни с кем режиме.

18.6

Майор Захаров, военный комендант объекта, получил от подполковника Вавилова личное письменное предписание, суть которого состояла в усилении наблюдения, без объяснения причин, за руководителем инженерных работ Марком Рожанским. Но Захарова он, по-хорошему, не интересовал. Всё его внимание было приковано к Вячеславу Панкратову, от которого зависело выполнение всего проекта.

Информацию о текущей деятельности объекта майор отправлял генералу Скворцову регулярно по вторникам и пятницам. Этому предшествовала подробная служебная записка от Панкратова. В последнее время к своему рапорту он прикреплял отчёт Рожанского, главного инженера строительства объекта.

Марк Рожанский тоже был уникальным человеком, умеющим делать всё своими руками, а главное, разбирающимся во всех строительных специальностях. Он пропадал на объекте с утра и до вечера. Был готов заменить, если была в этом необходимость, любого рабочего.

Сегодня Захаров решил съездить на строительную площадку и посмотреть, как там идут дела. Вернувшись и войдя в здание, услышал, что непрерывно звонит его телефон.

— Захаров у телефона.

— Где ты весь день шляешься, майор? Найти тебя невозможно.

— Был на строительном объекте, товарищ полковник.

— Сделай так, чтобы кто-то, когда тебя нет, отвечал по твоему телефону. Это же издевательство.

— Будет исполнено, товарищ полковник.

— Теперь по делу. Меня тут Вавилов задолбал своими звонками: ищут какую-то девку. Есть информация, что в Норильск её приволок Илья Золотой. Ты о нём мне рассказывал.

— Так точно, товарищ полковник.

— Так вот. Я за ним поставил приглядывать одного человечка, а этот Илья от него всё время на лыжах убегает. Если он появится в твоём хозяйстве, сразу мне доложи. Понял?

— Понял, товарищ полковник.

— Всё. Конец связи.

После телефонного разговора с полковником Тереховым, Захаров вызвал к себе начальника караульной службы объекта старшего сержанта Горохова.

— Товарищ старший сержант, вы ведёте учёт посетителей нашего подразделения?

— Нет, товарищ майор. В соответствии с вашим приказом, никто на территорию подразделения не допускается.

— Как никто? А немец из посёлка не так давно приходил: просил оказать техническую помощь.

— Так точно, товарищ майор, но на территорию немец не заходил. Вы тогда отпустили Панкратова в посёлок починить генератор.

— Это хорошо, что не заходил. А кто ещё к нашей калитке подходил?

— А этот, с которым вы говорили. Он на лыжах здорово катается.

— Илья Золотой?

— Точно. У него ещё удостоверение, подписанное генералом.

- Сколько раз он приезжал и когда?
- Раза два-три. Последний раз на прошлой неделе. Тогда он встречался с Панкратовым. Долго сидели в караулке.
- О чём говорили?
- Не знаю.
- Панкратова ко мне.
- Есть, товарищ майор.

18.7

Пунктуальный и аккуратный Панкратов опаздывал. Прошло восемнадцать минут, как Захаров отправил за ним бойца.

— За это нужно показательно наказать, чтобы другим было неповадно. А тут ещё какая-то история с девкой.

— А как его наказать, когда Панкратов трудится, как сумасшедший, над этим гигантским проектом с утра и до вечера?

— Ну и что?

— А то. Без Панкратова ни один вопрос на объекте не решается. Он единственный знает весь проект до мельчайших деталей.

— Согласен. Но ты же обещал полковнику Терехову оказать содействие в розыске Золотого?

— Обещал, но без Терехова и его конторы в проекте можно обойтись, а без Панкратова нельзя.

— Смотри, Захаров, если он узнает, что ты скрыл информацию, а не доложил вовремя — это будет стоить тебе карьеры. Так что выбирай!

Но выбирать ему не пришлось. На пороге стоял Панкратов.

— Виноват, гражданин майор, что опоздал, но должен был окончить свою лекцию.

— Смотри, Панкратов, я, в самом деле, могу наказать. Только чтобы потом без обид.

— Я понимаю. Больше этого не повторится, гражданин майор.

— Ладно. Знаешь, по какому поводу я тебя вызывал? — и без паузы продолжил. — Ты знаком с Ильёй Золотым?

— Знаком. На прошлой неделе больше часа с ним говорил.

— На какую тему?

— Он получил назначение на должность начальника управления Службы охраны Севера.

— Ну и чем она может нас интересовать?

— Как чем? Идёт грандиозное строительство, под небом лежит уникальное оборудование, а его никто не охраняет. Правда, работа организована в три смены, и всегда есть на площадке люди, но соблазн украсть большой.

— И что?

— А то, что под началом Золотого три тысячи профессиональных бойцов, и каждый дорогого стоит.

— Ладно, записку начальству подготовь, а мы потом эту идею обсудим.

— Хорошо.

— А о чём ещё говорили?

— Илья попросил меня на некоторое время спрятать одну девушку. Может, это какой-то их национальный обряд, не знаю.

— Может.

— Я ему обещал помочь и договорился со старостой поселения Дальний Острог.

— И всё?

— И всё. Он ещё сказал, чтобы я никому не рассказывал об этом. Но, думаю, вам можно.

— Правильно думаешь. Свободен.

Майор Захаров, сразу после ухода Панкратова, набрал полковника Терехова:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Докладывай, Захаров.

— Интересующий вас объект находится в посёлке Дальний Острог. Третий дом от оврага.

— Принял. До прибытия моих людей обеспечить строжайшее наблюдение за домом. Смотри — не упусти.

— Так точно, товарищ полковник.

Через несколько часов к пропускному пункту секретного объекта тихо подъехал снегоход, который лично встречал военный комендант объекта майор Захаров.

ЧАСТЬ 8

Глава 19. Объект установлен

19.1

Поселение Дальний Острог оживало только в воскресенье, когда на его единственной улице появлялись люди. Во все остальные дни недели их можно было встретить или рано утром, спешащих на работу, или вечером, возвращающихся домой. Однако в последнюю неделю мая, во второй половине четверга со стороны секретного объекта в поселение вошли два человека в штатском, которые неспешным шагом прошли всю улицу от начала до конца. После этого один из них остался стоять в конце, а второй направился в её начало. На этом их движения окончились.

Всё изменилось в середине субботы, когда почти бесшумно подлетел к посёлку Дальний Острог большой военный вертолёт и сел на заранее подготовленную для него площадку. Из вертолёта вышли четыре человека. Судя по поведению первого и третьего, вторым шёл большой начальник, которого они бдительно охраняли. Подойдя

к посёлку, двое направились в сторону посёлка, а двое — начальник и третий охранник, спустились по плохо вытопанной тропинке в овраг.

У дома номер три один из двух охранников подошёл к двери, другой — к окну, выходящему на другую сторону улицы. После стука в дверь, изнутри раздался тихий голос:

— Кто там?

— Гостей принимаете?

— Нет, сегодня гостей не ждём.

— Открывайте дверь. Военная полиция.

— А что вы хотите?

— Познакомиться и поговорить.

— С кем?

— С вами.

— Здесь нет никого, кроме меня.

— Уважаемый, отказ подчиниться органам власти карается законом. Не наживайте себе проблем.

— Ладно. Суньте своё удостоверение под дверь.

— Хорошо.

Через минуту дверь открылась. За ней стоял пожилой мужчина с винтовкой в руках, а рядом — молодая девушка. Оба были очень испуганы и насторожены.

— Предъявите документы, уважаемые, а моё удостоверение верните.

Мельком взглянув на документы мужчины, военный внимательно просмотрел паспорт девушки и, положив его себе в карман, спокойным тоном произнёс:

— Вас, Дарья Сергеевна, ждут. Как выйдете из дома, идите, не оглядываясь, направо, к оврагу.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем мне туда идти?

— Я же сказал: вас там ждут.

— Кто ждёт?

— Не задавайте лишних вопросов. Идите.

Расстояние до оврага было всего два дома с большими дворами. Метров двадцать пять, не более.

«Не дай Бог подскользнуться и упасть, — подумала Даша. — Правда, мужчина, который её вызвал на улицу, идёт метров на пять сзади и должен обязательно броситься мне помочь».

— Ты уверена?

— Уверена. У мужчин — это отработанная методика: сначала спровоцировать девушку на какую-нибудь неприятность, а потом предлагать помощь.

— И всё-таки что за встреча? Кто её придумал?

— Как кто? Конечно, Илья. Он такой выдумщик. Даже с природой умеет разговаривать. Удивительный человек.

— А что же он меня об этом не предупредил?

— О чём?

— Как о чём? О встрече с Марком.

— Ну ты даёшь, Дарья. Если бы он предупредил — не было бы этого ошеломляющего эффекта.

— Эффекты разные бывают — можно и разрыв сердца получить.

— От любви, что ли?

— И от любви тоже.

— А, кстати, ты даже не подумала — как себя вести с Марком, что ему говорить?

— Надо вести себя естественно.

— Как естественно? Что это такое?

— Постараться соблюсти девичью честь.

— Какую честь? Да я столько мечтала об этом мгновении, что боюсь просто при его появлении потерять сознание. А ты бормочешь о чести.

— Боже мой, у меня нет сил дальше идти... Я не дойду...

Даша замедлила шаг. Сердце поднялось к горлу и стало ужасно жарко.

- Неужели это, в самом деле, Марк?
— Ты ещё сомневаешься? Конечно, Марк.
— Кто ещё мог пожелать со мной встретиться на краю земли?
— А я даже не расчесалась, не взглянула на себя в зеркало, когда выходила из дому. Ужас какой-то...
— Вот уже и овраг...
— Ещё несколько шагов — и произойдёт чудо...
— Оно совсем близко...

19.2

Подойдя к краю оврага, Даша взглянула вниз. На притоптанном в снегу месте стоял мужчина в обычной шапке и ватнике. Заслышав шаги, он поднял голову. Это был генерал Скворцов.

- Здравствуйте, Дарья Сергеевна!
— Здравствуйте, Виктор Иванович.
— Идите сюда. Здесь ветра нет.
— Спасибо, я здесь постою.
— Как-то нехорошо получается — я вас даже не слышу. Мы разговариваем, стоя на разных уровнях. Спускайтесь вниз.
— Не могу, у меня скользкие сапоги.
— Я тоже не могу подняться из-за своих генеральских ботинок.
— А давайте примем компромиссный вариант: вы опуститесь до половины оврага, а я постараюсь подняться. Устраивает?
— Хорошо, я попробую.
— Давайте. Только не торопитесь. Аккуратней ступайте. Через некоторое время, после ряда критических моментов, они оказались на расстоянии нескольких метров друг от друга.

- Ну, вот и хорошо, а вы боялись.
- Извините за хлопоты, Виктор Иванович.
- Всё в порядке. Так на чём мы остановились? А... на том, что вы нарушили процессуальный режим следствия и подписку о невыезде.
- В каком смысле?
- Вы, без разрешения соответствующих органов, улетели неизвестно куда? Следствие не закончено, а вы основной свидетель.
- Так было надо.
- Как это надо? Я понимаю, что вы обязательный человек и должны были сопровождать больную Рожанскую в Норильск, но преступать закон никто не имеет права.
- Я не с ней поехала. Я к нему приехала.
- Что-то я ничего не понял.

19.3

И тут Скворцов, мгновенно внутренне подобравшись и сняв шапку с головы, заговорил не своим голосом:

— Дорогая Дарья Сергеевна, я, конечно, прилетел не за тем, чтобы предъявлять вам какие-то претензии. Я хочу сделать вам официальное предложение. Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного, что чувствую сейчас. Я даже не предполагал, что знаю слова, которые произношу. Чувство любви к вам переполняет меня. Я всё время ни о чём не могу думать, кроме как о вас.

Скворцов вытер шапкой лицо, которое было — то ли от снега, то ли от слёз мокрым.

— Дорогая, бесценная Даша, все люди в жизни стремятся иметь власть и деньги. Деньги и власть. У меня это с избытком, и я смиренно всё складываю к вашим ногам. Я мечтал стать генералом КГБ прежде всего для того, чтобы вы увидели меня в этой форме. И я стал им. Я хотел стать

заместителем министра внутренних дел. Приказ о моём назначении и переводе в Москву лежит у меня в кармане. Я грезил, как вы в нашей новой московской квартире будете расставлять мебель. Эта мысль согревала мне душу, когда я летел сюда. Клянусь памятью своей мамы, что я глубоко и искренне вас люблю и сделаю всё, чтобы вы были в этой жизни самым счастливым человеком. Будьте моей женой!

Незаметным движением Скворцов вынул из кармана красную сафьяновую коробочку с великолепным бриллиантовым кольцом. Когда он её открыл, всё вокруг взорвалось ярким голубовато-белым светом. В порыве преподнести кольцо Даше Скворцов, несмотря на свои безукоризненно отглаженные генеральские брюки, встал в снег на колено. Без шапки, с протянутой рукой, жалкий и потерянный, он, не отрываясь, с мольбой смотрел на Дашу.

— Встаньте, Виктор Иванович. Я глубоко тронута не только вашим предложением мне руки и сердца, но и тем, что для этого вам пришлось проделать путь в несколько тысяч километров. Я даже не могла представить себе, что вы отважитесь на такой отчаянный поступок. И тем не менее, вы знаете, что я люблю другого человека и поэтому здесь.

— Какого человека?

— Марка Рожанского.

— Какого Марка? Какого Рожанского? Зачем вам этот фальшивый еврей?

— Почему фальшивый?

— Даша, красавица моя, ну зачем вам нужен Рожанский? Он осуждён по «резиновой» статье, которую можно как угодно пересматривать, добавлять, убавлять... Что угодно. Он вечный сиделец. Уж я об этом серьёзно позабочусь.

— Неправда, он осуждён на восемь лет, и я его дождусь.

— Даша, умоляю вас, перестаньте говорить глупости.
Он будет находиться в тюрьме столько, сколько я захочу.
— Ну, и подонок же вы, Скворцов! Я вас ненавижу!

Глава 20. Выстрел

20.1

Даша не видела, как Скворцов, дрожа от злости, смял в кулаке красную коробочку с кольцом и далеко зашвырнул её в уже начинающий таять рыхлый майский снег. А когда Даша почти поднялась из оврага на поверхность, внизу раздался громкий выстрел.

Для того чтобы выйти из оврага, ей оставалось пройти метра три — скользких, страшных три метра. Цепляясь за любой бугорок, веточку, неровность, Даша карабкалась вверх. Одно неловкое движение, и она окажется внизу у ног этого негодяя.

— Нет, этого допустить нельзя. Ни в коем случае. Только не оглядываться назад! Ни в коем случае не оглядываться!

— Мапочка любимая, дорогая, услышь меня и спаси! Мне больше некого попросить, кроме тебя. Умоляю тебя, помоги!

Даше показалось, что в этот момент кто-то её аккуратно подтолкнул в спину, и через мгновение она была наверху.

Сев на мокрый вперемешку с землёй подтаявший снег, она, никем невидимая и неуслышанная, громко, во весь голос, расплакалась. В абсолютной давящей тишине она открыла сумочку, нашла тушь для ресниц с маленьким зеркалом, и посмотрела на себя: из-под платка выбивался грязный клочок волос, а всё лицо представляло собой бессмысленно наляпанное место для разведения красок. Попытка с помощью носового платка и слюней навести хоть какой-то порядок на лице привела к ещё более безобразной картине.

Но самое ужасное состояло в том, что Даша не узнавала улицу, по которой утром шла к оврагу, и не могла вспомнить дом, где её приютил незнакомый человек. Все дома по обе её стороны были похожи друг на друга и мёртвыми окнами смотрели на Дашу. Вокруг не было ни души.

А в конце улицы красовалось высокое четырёхэтажное здание, на которое Илья запретил ей смотреть даже в бинокль.

Голова ничего не соображала, а ноги продолжали нести Дашу вперёд по единственной дороге в направлении этого здания. Приблизившись к забору, она услышала, что её окликнул человек в военной форме.

— Стоять. Посторонним вход на объект запрещён.

— У меня здесь муж.

— Здесь нет никаких мужей. Здесь одни арестанты.

— Его фамилия Рожанский. Вы должны меня пропустить.

— Отойдите от забора, — строгим тоном сказал караульный и передёрнул затвор автомата. — Буду стрелять.

— Я вам покажу паспорт.

На громкие голоса выскочил военный комендант майор Захаров.

— Отставить! — закричал Захаров на весь двор. — Кто такая?

— Рубцова Дарья Сергеевна.
— Что вам здесь нужно?
В этот момент раздался громкий голос дневального.
— Товарищ майор! На телефоне полковник Терехов.
— Слушаю, товарищ полковник.
— Захаров, застрелился генерал Скворцов. Рубцову отпустить. С Вавиловым согласовано.

20.2

А в это время Марк бежал к Даше, падая то в снег, то в грязь. С озарённым радостью лицом и полными слез глазами. Он со всего маху врезался в металлический забор и, стараясь хоть через какую-нибудь щелочку дотронуться до Даши, беспомощно водил по нему руками. Забор был сплошной, из густо плетёной проволоки, и влюблённые могли только прильнуть к нему.

Стоявшие на дворе люди с криками «Ура» с двух сторон, кидали вверх свои военные и арестантские шапки.

Тело генерала Скворцова быстро погрузили в вертолёт и увезли в Москву.

Эпизод

Они взобрались на вершину горы и ахнули от увиденного: тундра, насколько позволял взгляд, переливалась всеми цветами радуги, играла каким-то божественным светом, лучи которого причудливо расходились в разные стороны и пропадали вдали.

— Что это, бабушка? — спросил пожилую женщину мальчик лет двенадцати.

— Это Долина счастья, Даня. Здесь живут и работают умные образованные люди.

— Кто эти люди?

— Евреи. Дедушка говорил, что когда евреям станет везде плохо жить, они построят на Крайнем Севере замечательный город и назовут его Божий Град.

— Нам можно зайти в этот город?

— Конечно, можно.

— А откуда они узнают, что мы евреи?

— У них есть информация обо всех евреях Земли. Они их распознают по глазам.

Когда бабушка с внуком подошли к воротам, те автоматически открылись, и откуда-то сверху раздался приятного тембра мужской голос, который на русском языке торжественно произнёс:

— Здравствуйте, дорогие гости! Мы искренне рады вашему приходу. Вы вступили на территорию Божьего Града. Нам понадобится всего тридцать семь минут, чтобы рассказать вам об этом городе. Более подробную информацию по всем интересующим вопросам вы можете получить, обратившись в соответствующую службу.

— Бабушка, мне слышалось или это на самом деле?

— Нет, дорогой мой, ничего тебе не слышалось. Это единственное место на Земле, где еврей является абсолютно защищённым от всех неприятностей.

— И никаких у него нет в жизни проблем?

— Никаких. Он может здесь поселиться, а потом куда угодно уехать, но в любой момент, без каких-либо прошений, объяснений и клятв, вернуться в Божий Град.

— И я тоже?

— И ты, внучек мой дорогой, но я тебя никуда от себя не отпущу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О себе</i>	3
<i>От автора</i>	7
<i>На пути к мечте</i>	9
 Пролог	 12
 ЧАСТЬ 1	
Глава 1. Подвиг на века	14
Глава 2. Скворцов и его семья	51
Глава 3. Валерий и Марк.....	81
 ЧАСТЬ 2	
Глава 4. Тоска по Норильску	108
Глава 5. Убийство	148
Глава 6. Вавилов	178
 ЧАСТЬ 3	
Глава 7. Звезда Героя.....	202
Глава 8. Первая встреча.....	231
Глава 9. Прикосновение к тайне	259
 ЧАСТЬ 4	
Глава 10. Удивительный Панкратов.....	274
Глава 11. Израильские годы.....	311
Глава 12. Возвращение.....	341

ЧАСТЬ 5

Глава 13. Город под крышей	373
Глава 14. Долина счастья.....	409
Глава 15. Поиск Марка.....	436

ЧАСТЬ 6

Глава 16. Отъезд на Север	464
Глава 17. Даша	491

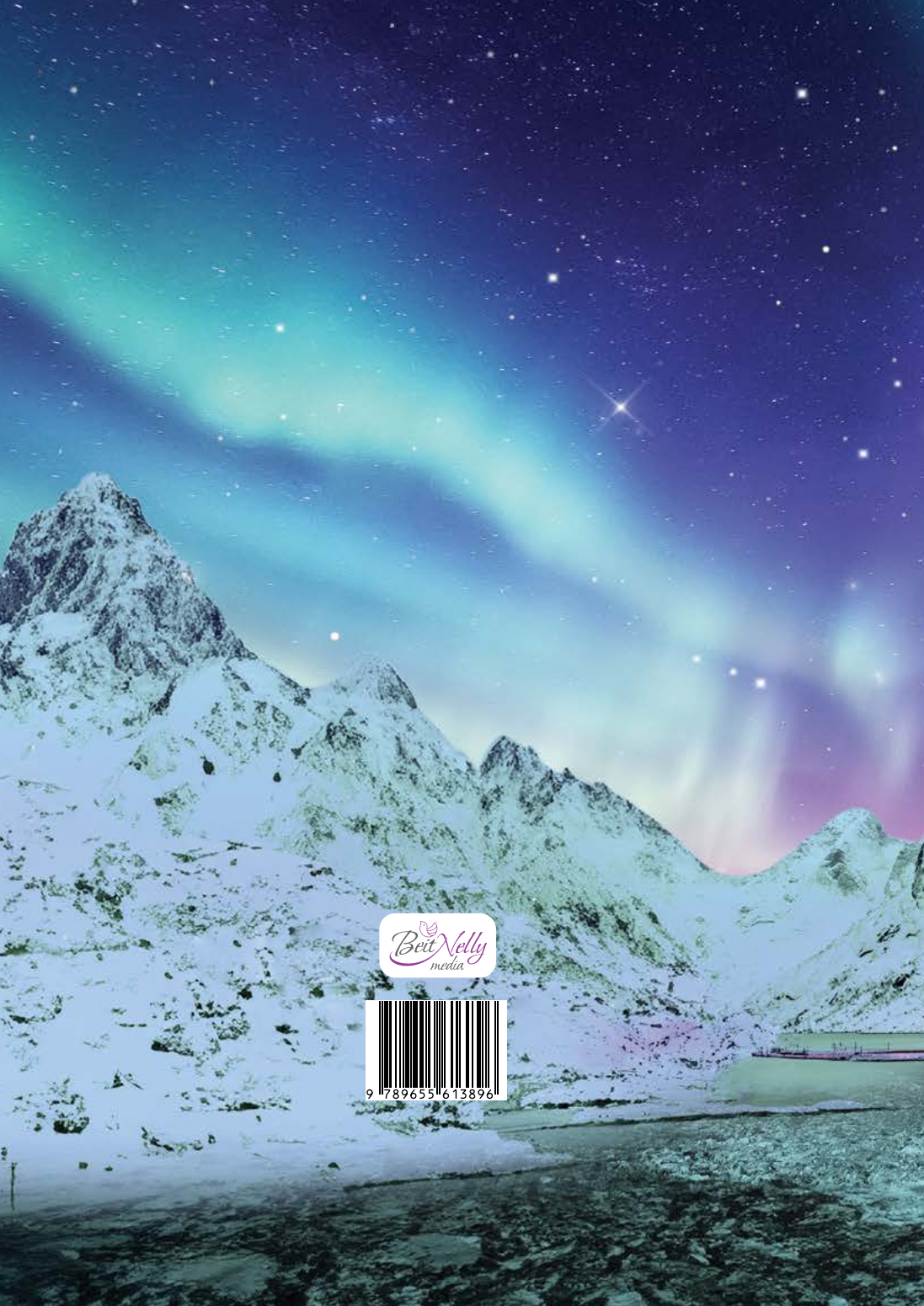
ЧАСТЬ 7

Глава 18. Конфуз	511
------------------------	-----

ЧАСТЬ 8

Глава 19. Объект установлен.....	526
Глава 20. Выстрел.....	533
Эпилог.....	536

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:
Издательский дом «Beit Nelly Media»
ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль
+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509
www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com

Bait Nelly
media

9 789655 613896